

821.312.122-3
721

ӘКІМ ТАРАЗИ

Ш Ы Ғ А Р М А Л А Р Ы

X

Тұлпардың ізі

Эссе және кинодраматургия

FOLIANT
БАСПАСЫ

Нұр-Сұлтан-2019

"Жамбыл облыстық
Ш. Уәлиханов
атындағы кітапхана"
Тіркеу № 400490

ӘОЖ 821.512.122

КБЖ 84(5Каз)

Т 21

*Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің
Тіл саясаты комитеті «Мәдениет және өнер саласындағы бәсекелестікті
жоғарылату, қазақстандық мәдени мұраны сақтау, зерделеу мен
насихаттау және мұрағат ісінің іске асырылу тиімділігін арттыру»
бағдарламасы «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін сатып алу,
басып шығару және тарату» кіші бағдарламасы бойынша жарық көрді*

Т 21 **Тарази Ә.**
Шығармалары / Ә. Тарази. – Нұр-Сұлтан: Фолиант.

ISBN 978-9965-35-956-9

Т.10: **Тұлпардың ізі. – 2019. – 480 б.**

ISBN 978-601-338-432-0

Көрнекті жазушы-драматург, ҚР Мемлекеттік сыйлығының иегері Әкім Таразидің бұл томына бірнеше киносценарий топтастырылған. Сонымен қатар қазақ поэзиясының Хантәңірі Мұқағали Мақатаев жайлы естелік эссесі де осы томға енгізілген.

Кітап көпшілік оқырманға арналған.

ӘОЖ 821.512.122

КБЖ 84(5Каз)

ISBN 978-601-338-432-0 (Т.10)

ISBN 978-9965-35-956-9

© Тарази Ә., 2019

© «Фолиант» баспасы, 2019

Эссе

МЕНІҢ МҰҚАҒАЛИЫМ

10 ақпан, 2012 жыл

Бүгінгі тақырыбымыздың аты – «Мұқағали шығармаларындағы драматургиялық арқау». Енді мынау екінші жыл аяқталып келе жатыр. Негізі драматургияның теориясын талдап, әлқиссадан бастап шырқау шегіне дейін өзір шығарма арқылы, белгілі бір шығарма арқылы соның барлығын өзіміз, бәріміз қосылып теориясын шығардық. Бүгіннен бастап, енді біз, бұдан бұрын Мұқағалидың «Сол түні» деген өлеңін жіліктеп, соның әлқиссасынан бастап, шырқау шегіне дейін жеткізген болатынбыз. Мысал ретінде біз «Ақын... Періште... Махаббат...» драмасын талқыладық. Талқылау кезінде ол шығарманың шырқау шегі үшеу екендігін дәлелдедік. Бұл бір қарағанда теориядан тыс теорияға сыймайтын жағдай сияқты. Бірақ теорияның өзінде қатып қалған ештеңе жоқ. Оның өзін адамдар жасайды. Сондықтан бір ғана шырқау шегімен, өлгі шахматта мат қоятын жерге дейін келіп жүрдік. Егер сол шахмат теориясымен келетін болсақ, мат бір рет қойылмайды ғой, бір рет қойылады, екі рет, үш рет, төртіншісінде барып не ақ, не қара жеңеді. Шахматтың қатып қалған теориясымен емес, біз өзіміздің тәжірибемізге

сүйене отырып, осындай жаңа тәсілмен келе жатырмыз. Бүгін мен сендерге Мұқағалидың «Дариға-жүрек» поэмасын, поэма деп басып жүр, олай да болады, бұл ерекше шығарма, бұл шығармаға менің қызығып жүрген жайым бар, осы тақырыпта Шыңғыс Айматовтың «Жәмила» деген шығармасы бар. Мынау ұтты, анау ұтылды деп, енді өмірден өтіп кеткен соң айта алмаймыз, бірақ қайсысының тәсілі қандай екенін талқылай аламыз. Бұрынғы оқырманға, қазіргі оқырманға қайсысы жақындау болады, сол тұрғыдан ешқайсысын төмендетпей, асқақтатпай, батпаққа батырмай да өзінше талдау жасап көрейк. Енді өкінетін сәтім бар өзімде, Мәскеуден оқу бітіріп келген соң киностудияда айлық алып жұмысқа бармай, солай еркелеген кезім болды. Анда-санда келіп отырып кетем. Ол кезде Қуаныш Сатпаев деген редакторымыз ақын ғой, оның бас редактордың орынбасары Игорь Сагин деген киноға қатысы жоқ, менің киноға қатысы жоқ деп айтып отырғаным – сол кезде Мұқағали «Партия станциясы» деген бе еді, сондай бір сценарий жазып әкелді. Мынау Луговой станциясы, қазіргі Құлан станциясы мен Шудың арасында Татьяна деген станция бар, Татьяна деген орыстың қызы үсіп өлген екен, сол туралы Мұқағали сондай бір әдемі сценарий жазып әкелді. Енді ол кезде қатты таныс емеспіз. Келді де маған тастап кетті. Әлихан айтқан болатын сондай бір жігіт бар деп. Оқыдым, ұнаттым, содан кейін, Қуандық Шағатаевқа бердім. Сол жауап берілді ме, жоқ па, әлде сол Қуандықтың үйінде қалды ма, архивке барды ма – оны да білмеймін, анау кеңесшісі болып жүрген Игорь киноға жолаттырмайтын. Ұлтық тұрғыдан кино жасайтын адамдар басқалар. Менің өзімді Мәскеу қолдағандықтан ғана қазақша кино түсіре алдым. Алдымен орысша алып келу керек. Соған өкінемін, маған ұнаған еді. Іздеген де жоқпын, Мұқағалиға айтқан да жоқпын. Соныменен өкініш өтті. Жақсы сценарий, поэма

секілді жазылған. Соған өкінем мен. ...поэмасын оқығанда, ең алдымен Мұқағали поэмасын ең биік шыңға көтерілген кезін сезінеміз. Жай ғана қарапайым оқиғаны Мұқағали адамның жанына жеткізіп, қобыздың шегін шерткендей, қобыздың үні бар ғой, сол сияқты ыңылдан басталып, даусымен бала шындарға қарап мұңын айтып отыр ғой. Ашық бала, оның сезімі таза, махаббаттың ең биік шыңы, ол, әрине, әйел деп қызығып жатқан жоқ, ондай сезім оянбаған бала, жақсы адамға деген, сұлу адамға деген, сұлулыққа тәнті болған сезім, енді бір тарауында аузы шайпауыз әйелдер әңгімесінде айтып салды, «өзім көрген өзен жағасында не істеп жүргенін» деп. Бұл балаға оңай тимейді, сенгісі келмейді. Ар жағында айтып басын тауға да, тасқа да соғып, айға, күнге басынып жүрген бала. Бір күні естіген кімнің аузынан қымыз бар ма, қымыз керек екен ғой деп сырын айтып... Бұл – бірінші соққы. Мынау шахмат теориясын алғанда. Шахқа жақындап келе жатырмыз. Шах қояды. Драма шегіне жетіп келе жатыр. Содан бір кезде мат дегенде дарияның аузы ашылып қалады. Енді шырқау шегі – бұл жерде тау шыңының басына барып дарияға өзін өзі лақтырады. Ал осы тұрғыдан сен, Жақсыбек, жақсы айттың. Дулат Исабековтің сценарийі бойынша Шәріп Бейсенбаев қойған «Гауһартас» деген екеуінде сюжетте ұқсастық бар ма? Бар. Және бір шығарманы естеріңізге салайын деп отырмын. Шыңғыс Айтматовтың «Жәмила» повесінде сюжеттік ұқсастық бар ма? Бар. Бұл шығарма шағын ғана повесть ретінде, Дмитрова деген мәскеулік әйелдің аудармасы ретінде, дружбаланып жаңағыдай шыққан. Аударған Дмитрова қырғыз тіліне, бірақ кейін қалай болғанын білмеймін. Дмитрова дегенді лақтырып тастады да, Шыңғыс Айтматов мен орысша жаздым деп, бұл шығармасын Лениндік сыйлыққа ұсынды. Мұхтар Әуезов ол кезде өте беделді адам. Лениндік сыйлықтың лау-

реаты. Комиссияда ол кісінің айтқаны заң болатын. Осы шығарманы сол кісі ұсынған. Әлі ешкімге белгісіз, бір ғана повесть жазған Шыңғыс Айтматовты ұсынды, өзінің көлемі де аз шағын ғана осы шығарманы Мұхтар Әуезов Лениндік сыйлыққа ұсынды. Бірақ комиссияның басқа мүшелері құлатып жіберіпті. Сонда да Мұхтар Әуезов өзінің беделін салып, қайтадан ұсынып осы шығармаға Лениндік сыйлықты алып беріпті. Ол – Әуезовтің жүрегінің жұмсақтығы. Кеңдігі санасының. «Қырғыз деген халық ағайынды халқымыз еді ғой, солардан да бір жазушы шықсын деген едім, сондықтан қолдап едім» деп өзі де кейін мақаласында жазған. Бұл тек Шыңғыс Айтматовты қолдауы емес еді, бұл қырғыз әдебиетін қолдауы еді. Ал енді екеуінің сюжетін салыстырып көрейік, яғни үшеуінің. Шыңғыс Айтматовтың шығармасында Жәмиланың күйеуі әскерге кеткен, «Дариға-жүректе» де күйеуі соғыста жүр, ал Гауһартаста күйеуі мал бағып жүр. Үйде жоқ. Жәмилада, күйеуі әскерде жүрген, мүмкін ол жаман адам шығар, мүмкін жақсы адам шығар, мүмкін ол сол кезде өліп кеткен шығар, жанын пида ғып, дезертир болып кетті ме, ол жағы оқырманға белгісіз. Күйеуі әскерде жүргенде, әскерден аяғына оқ тиіп жараланған басқа солдат келеді. Ол еркек қана. Оның ешқандай ерекшелігі жоқ. Әскерден келген еркек. Жаны ашитыны, әйтеуір, қаптағы бидайды көтеріп, сатымен көтерілген кезде, оқ тиген аяғына салмақ түседі. Ол енді ерлік емес қой. Намысқа тырысқаны. Бірақ мен ылғи келіспейтінім, күйеуі әскерде жүрген кезде... ол махаббат емес қой... Ол шөп салу деген нәрсе... Оны біз биік деңгейге көтердік, жыр қылдық, қазақтың Қабдолов деген кісісі аударып, «Лениншіл жасқа» бірінші бетіне басып, қазақ Илья Жақанов ән шығарып, біз қазақ дәріптеп алып кеттік соны Мұхтар қолдаған соң. Қырғыз халқы ешуақытта соны мойындаған емес. Қырғыз халқы мен жазушылары

ешуақытта Айтматовты мойындаған емес. Себебі оның махаббаты сатқындық болып отыр ғой. Егер оның күйеуі жай ғана ауылда жүрген жексұрын болса, саудамен айналысқан ба, басқамен айналысқан ба, онда ақталар еді. Ал мына махаббат сезімге ғана берілу. Үлкен сезімді кішкентай сезімге жығып беру. Ал Мұқағали қалай шешкен мұны. Ол биік адамгершілік сатысына көтеріп отыр мұны. Шыңғыстың кейіпкері екеуі қол ұстасып қазақ даласына қашып кетіп қалады. Ал оның күйеуі тірі шығар мүмкін. Ертең келетін шығар. Ол сезімге берілу, нәпсіге берілу. Сезім емес тіпті, нәпсі. Күйеуін күте алмады. Нәпсі деген сезімнен де, махаббаттан да бөлек қой. Нәпсіні жеңуге болар еді ғой. Бірақ Дариға жеңе алмады. Сондықтан Дариға бақыт іздеген жоқ. Ол сол жігітпен қашып кетсе, ол махаббат болмас еді, сатқындық болар еді. Ол өз үкімін өзі шығарды. Ол өзін атуға бұйырды. Өлімге бұйырды, жартастан құлауға бұйырды. Сол сезімді, жартастан құлаған сәтін, бала махаббатты қалай суреттеп отыр. Ақын суреттеп отыр. Жартастан қалай құлап бара жатқанын. Көк көйлекпен қалай құлап бара жатқанын. Бұл әлдеқайда күшті вариант Жәмиланың вариантынан. Ал Гауһартаспен бұл екеуін тіпті қатар қоюға болмайды. Гауһартастағы баланың жеңгесіне деген махаббаты – «грязный» махаббат. Осы шығармалардан біз кішкене шағын этюд жасауымыз керек. Үшеуіне де. Салыстырамыз. Жаңа мен айтып бердім. Бүгінге жетеді. Сендерге қалдыруым керек еді. Қыза-қыза келе өзім айтып бердім ғой. Сендер шамамен бір-екі бет этюд жазасыңдар. Жәмиланың қалай шешкенін, Мұқағалидың қалай шешкенін, Исабековтің қалай шешкенін. Тақырып біреу-ақ: жеңгесіне ғашық бала. Соғыс жүріп жатыр, ал біреуінде соғыс жоқ. Келістік пе? Келесі сабаққа осыны дайындап келесіңдер. Енді біз Мұқағалидың «Сол түні» деген өлеңін талдайық. Бар болғаны бес шумақ өлең.

*Ауады да тұрады аңсарым-ай!
Әлі сен есімдесің, Аршалы сай.
Сол түні неге мені өлтірмедің?
Сол түні риза едім алса құдай.*

*Сен куә, Аршалы сай, сол түні мен,
Аққуға тұзақ салып, өлтіріп ем,
Сол түні неге мені аяп қалдың?
Жаңадан ауызданған бөлтірік ем.*

*(Бөлтірік ем, арлан болып аяқтандым.)
Шырылдап сонда сені оятқан кім?
Есіңде ме, көз жасы... жалынышты ңн,
Сол түні неге мені аяп қалдың?!*

*Қара түннің ішінде, қара бақтың,
Атар таң, келер күнге қарамаппын.
Тағдырдың өзі берген махаббатты
Тәрк етіп, мәңгілікке жаралаппын...*

*Аршалы сай! Негылған көркем едің!
Сол түні неге мені өртемедің?
Сол түннің қияметін есіме алсам,
Сенен де, өзімнен де жиіркенемін.*

Естеріңде болса, бұдан бұрын біз сендермен Ақан серінің «Балқадияшасын» талқыладық қой. Оның драматургиялық арқауының қалай екендігін. Талдап-талдап біраз жерге келген болатынбыз. Бүгін мына Мұқағалидың «Сол түні» деген өлеңін алып кеп оқып отырмын. Сюжеті анық. Бұл енді бір бірнеше жыл өткен болар, еркек адам. Өзінің бала кезіндегі махаббатын, махаббат сезімін қалай өлтіріп алғанын баяндап отыр, өкініп отыр, өкініп қана отырған жоқ, опынып отыр. Қыз жігітке сеніп, тау қой-

науындағы баққа келген болуы керек. Жүрген болуы керек аралап. Әдемі-әдемі сөздер айтылған болуы керек. Сол оңаша сәтті пайдаланып, жігіт ағат қимыл жасады, тосын оқиға басталды. Бұл енді өмірде кездесе беретін жағдай. Бірақ бұл өлеңнің ерекшелігі не? Мынау айтып отырған адам өкініп отыр, сол махаббатты өлтіріп алдым деп отыр, екеуіміздің арамызда керемет махаббат болған, мен соны былай «бытовой» тілмен айтқанда, күтпедім, үйленетін едім, бақытты болатын едім, бірақ мен иттік жасадым, дәл кезінде өзімді өзім ұстай алмай қалдым. Қызды ұят жағдайға қалдырдым деп отыр. Және тауға, тасқа арнап сөз айтып отыр. Мені неге өлтірмедің, менің иттігімді неге кешірдің деп отыр. Өкініш. Махаббатты сақтай алмаған адамның өкініші. Мен осы өлеңді қайта-қайта оқып жүріп ойладым, осыдан бір пьеса шығаруға болады, драманың арқауы бар, анау Ақан серінің Балқадияшасы сияқты издесең, қыбын тапсаң, осы оқиғаның өзінен үлкен трагедиялық шығарма жазуға болады. Бұл оқиғаны жаңағы дәл сол қалпында, қыз бен жігіт келді, бақтың ішінде жүр, бір кезде кенеттен сөйтті деп ақын айтқан оқиғаны ғана жазсаң, бұл драмалық арқау болғанмен, драмалық шығарма болмас еді. Сондықтан мен көп ізденіп жүрдім, ең алдымен осы өкініп отырған адам өзі кім? Ол жаны таза адам. Көп адам, талай жігіттер көп адамдарға, қыздарға қиянат жасайды, бірақ өкініп жүргені аз ғой. Мынаның ерекшелігі – өкініп жүр сол істеген ісіне. Ол көп кездесе бермейтін жағдай өмірде. Сонымен мен, осы кейіпкерді Мұқағалидың өзі етіп алғым келді. Ал енді осы оқиғаның екінші варианты болуы мүмкін ғой. Екінші Мұқағали. Аты Мұқағали болғанымен, ісі мынандай болғанымен, ол басқаша өзін ұстайтын адам болуы керек дедім де, екінші кейіпкерді алдым. Тентек мінезді, Мұқағали сияқты айтқанынан қайтпайтын, ойындағысын тік айтатын адам. Бірақ мұның Мұқағали-

дан айырмашылығы ақын емес. Бірақ тік айтатын адам, ойындағысын жасырмайтын адам совет үкіметіне ұнайтын ба еді. Ұнамайтын еді. Сондықтан, егер Мұқағали ақын болмаса, ол анау екінші адамның жолына түспес еді деп, мен жаңағы пьесадағы кейіпкерді жазғанда екеуін бір актер ойнайды деп жаздым. Жігіт, аты жоқ оның. Ол жігіттің де ролін ақынды ойнаған актер ойнау керек дедім. Енді Мұқағалиды қорлаған кім? Заман. Заманның тұтқасын ұстаған кім? Билік адамы, бюрократ. Сондықтан мен Дүниенің тұтқасы деген кейіпкер ойлап таптым. Қай заманда да бюрократ өзі бір тип болады. Ол құдайдан да жоғарымын деп ойлайды, құдайдан кем емеспін деп ойлайды, бәрін мен шешем деп ойлайды, адамдардың тағдырын мен шешем деп ойлайды. Бірақ адамдардың тағдырын жеке адамның шешпейтінін білмейді ол. Сондықтан Дүниенің тұтқасы деп атадым. Сендерге берем ол пьесаны. «Ақын... Періште... Махаббат...» деп аталады. Заманы өткен, кітаптары шықпай жүрген ақын, оның қасында кітабы шыққыш ақын бар. Екеуі дос. Бірге жүреді, бірге ішеді. Бір күні анау кітабы шыққыш ақын Мұқалиға айтты. Мұқағали деп қояйық. Пьесада ақын деп аталады ғой оның аты. «Әй, менің көкем бар ғой, пәленше деген. Білесің ғой», «Білем», «Соның үйіне апарам сені, оның бір звоногы сенің кітабыңды шығарады». Енді пенде ғой ақын болса да, кітабын шығарып бермек. «Жарайды, барайық» дейді. Екеуі келді. Бұл оқиғаның ұзын-ырғағын айтып отырмын. Екеуі келеді, анау жарқылдап: «Көке, мен келдім. Әй, алтын жеңешем менің» деп келеді ғой енді қазақтар. Артынан ұялыңқырап, үлкен кісінің үйіне келгеніне қысылып, ақын келе жатыр. Алдынан Дүниенің тұтқасы шығып, «Келіңдер, келіңдер» дейді, қасында оның әйелі бар емес пе, ол да шығып келеді. Оны ақын көргенде, оуу түнгі, қара бақтың ішінде қара әрекет жасалған оқиғадағы қыз бар емес пе,

сол қыз алдынан шыға келген. Жаңағы үлкен бастықтың, Дүниенің тұтқасының әйелі шыға келді алдынан. Бірақ десе де, екеуі сыр бермеді. Сен пәленше екенсің ғой демеді. «Халің қалай?» деп ақын сұрағанда: «Жақсы, бәрі бар менде, абысын-ажындарымның бәрі маған сен бақыттысың деп қызығады» деп жауап береді. Шынында да, мен бақыттымын деген сөзді келіншек қайта-қайта айта береді. Лейтмотив сияқты, басқа сөз құрып қалғандай, соны айта береді. Пьеса оқиғасы осы төңіректе дамиды. Ақырында, жаңағы Дүниенің тұтқасы телефон тұтқасын көтеріп: «Әй, таз, пәленше деген ақынды білесің бе?» деп сұрайды. Анау да үлкен бастықтың бірі ғой, бірденелерді айтып жауап береді. «Білмесең, біліп қой, соның кітабын шығарасың, қалың қып шығарасың» деп трубканы қояды бұл. Ол үшін түк емес. Басқалары оның талантын көре алмағандықтан шығарғысы келмейді, үстінен арыз жазады, үйтеді-бүйтеді, цензорларға «ойбай, мынаның ішінде арамдық бар» деп айтады, совет үкіметіне қарсы ойы бар дейді. Сонан кейін шығартпайды. Сосын талантты ақын қор боп жүреді. Мұқағалидың өзі де сондай күй кешкен. Аңдушылары да көп болды, оның өлеңдері шыққан сайын үстінен арыз түседі, Орталық Комитетке жазады, КГБ-ға да жазады. Қайда қарап отырсыңдар, мынау сұмдық қой деп. Сондықтан үй жоқ, күй жоқ, қаңғыбас боп жүр, ыза болып кейде ішіп кетеді. Бірақ өзі ішкілікке салынған адам емес. Бірақ сыртынан сөз таратып жібереді, ішкіште ішкіште деп. Ақырында екеуінде сол баяғы махаббаты қайта оянады, таза махаббаты. Мынаның өзі кірлетіп алған махаббаты. Соныменен анау әлгі ақын бола алмай қалған Мұқағали бар емес пе, сол отыра қалып бастықтарды сынайды. Сынағаннан кейін оның үстіне арыз түседі ғой. КГБ-ның екі жігіті келеді де ананы алып кетеді. Оны үй астындағы бетоннан салынған жертөлеге алып келіп, тартып қалып, маңдайынан соғып, жігітті өлтіреді. Сөй-

тіп акт жасайды өзі біздің қолымыздан сытылып қашып бара жатып, маңдайын соғып өліп қалды деп. Сонымен бітті. Әдейі өлтіргендерін жасыра білді. Бұрын сөйтетін, жындыханаға апарып тығатын. Ол кетті, енді... жаңағы Дүниенің тұтқасы келіншегінің оқиғасын біліп қойып, «мен саған пәтер алып берем, соған кетесің. Есіңде болсын, бұл үйден шыққан адам қайтып келмейді» дейді. Үлкен бастық қой, әйелі кетіп қалды десе, ұятқа қалады. Сондықтан келіншек не істейді, ылғи да жақсы тұрам деп жүрумен келеді. Ақырында терезеден құлап өледі. Өзін өзі жазалады. Бұл шынында да «Дариға-жүректі» еске түсіреді. Енді Мұқағали қалай өлді, ауруханада жатып. Сол жерде қазақ медбике істеген екен. Ол Розаға айтыпты. «Оның ақын екенін қайдан білейін, өлгеннен кейін, оның матрасының астынан көптеген қағаз, блокноттар шықты» деп айтыпты. «Жаза берген екен ғой, жарықтық! Соны орыстың кемпірі бұрқылдап жүріп мусорға шығартып тастады. Мен ол кісінің ақын екенін білмедім. Кейін суретінен танып қалдым» дейді. Ал анау мусорға кетіп қалған қағазды енді қайдан іздейсің. Ал жаңағы орыстың кемпірінің орнына мен үлкен бастықтың әйелі болған, болып жүріп оның жолдастарын сатып жүрген салпаңқұлақ қазақ әйелді жаздым. Заманы өткеннен кейін, Хрущев кезінде КГБ қызметкерлерінің пенсиясын бір-ақ күнде қысқартып тастаған, амал жоқ, еден жуып жүр. Сонымен бір пьесаның ішінде шырқау шегі – не өлім, не бір қайғыға душар болу деген болады деп айтушы едім ғой. Мен әдейілеп, үш шырқау шегін жаздым, біріншісі – анау ақын болмай қалған Мұқағалидың өлімі, екіншісі – ұяты жібермеген келіншек, сол келіншек тексте айтады: «Мен сол түні сізге өз еркіммен берілген едім, шалқамнан жатып жұлдыз санадым, өзіңізді зорлық жасадым деп беркерге қинап жүрсіз, мен сізді сүйген едім, сізге қоятын айыбым да жоқ еді, сонда мені тастап кетіп қалдыңыз, ха-

барласпай кеттіңіз, мен сізді әлі күнге дейін сүйемін» деген сөздерді айтпайды, тек қана шалқамнан жатып, жұлдыз санадым деп майдалап жеткізеді. Бірақ текске Мұқағалидың көп өлеңдерін пайдаланып отырдым пьесаға. Басқаша өзгертіп отырып. Сөйтіп мен сол түні жұлдыз санаған едім дейді. Сонымен екеуі де өкініп қалды енді. Мынау өзі Мұқағали сияқты ақын, өзінің ақымақ болғандығын түсінеді, махаббатын өлтіріп алдым деп бұл жүрді қанша уақыт. Анау жоламай кеткеннен кейін күйеуге шығуға мәжбүр болды. Екеуі де махаббатты өлтіріп отыр ғой. Өкініп отыр ғой. Соныменен әйелдің өлімі шығарманың екінші шырқау шегі. Үшінші шырқау шегі бар ғой – ақын өлді ғой. Ақынның соңғы жазған бір топ өлеңдері, матрасың астына тыға берген өлеңдері жиналмай қалды. Ол – трагедия. Мен өнеугүні сендерге айттым ғой, өзекті өртейтін өкініш, адамдарды өлімге итермелейтін өкініш, таза махаббатты сақтай алмаған өкініштің, «Дариға-жүректің» бір нұсқасы менің осы пьесамда жүр. Дариға-жүрек соғыс кезінде өлді, мынау қазіргі заманда. Өкініш пен сүймейтін адамға тиген адамның өкініші. Бұл да өз тарапынан махаббатты өлтіріп отыр ғой. Іздеп барып, «әй, ақын, мен сені сүйемін ғой, мен саған ренжіген жоқпын ғой» деп айта алмады. Сондықтан, әрбір шығармада, бұдан бұрын да айтатынымын, тіпті өлеңнің драмалық арқауы болу керек, әндердің арқауы болуы керек. Романда да, әңгімеде де, повесте де драманың арқауы болу керек және ол айқын да анық арқау болу керек, басы бар, ортасы бар, шырқау шегі бар әлқиссасынан басталатын және ең соңғы түйіні болуы керек. Біздің ақындарымыз, жазушыларымыз, прозаиктеріміз, драматургтарымыз осы арқау дегенді білмейді. Отыра қалады да, ештеңе білмей отыра қалады да, ал, мен пьеса жазып тастаймын дейді. Ал, өлең жазып тастаймын дейді. Мен сендерге айтайын, өлең түгілі, сурет салу үшін де, музыка

жазу үшін де арқау керек. Егер сен оратория немесе көлемді шығарма жазатын болсаң, ол әнге ғана арқау емес, үлкен музыкалық шығармаға да арқау керек. Немістің бір композиторы бар, соның бір шығармасы бар. Сонда басынан аяғына дейін пьесасына музыканы пайдаланады. Өлгі автор кейін айтады, отыз жетінші жылы Москвадан Ташкентке дейін келген екен. Сонда Орынбордан, Саратовтан басталған жолда вокзал басында қазақтардың өліп жатқандығын көреді, далада өліп жатқан қазақтар. Ташкентке келсе де өліп жатқан қазақтар, ешкім тамақ бермейді. Содан барғаннан кейін осы шығармасын жазған. Тақырыбында боран деген сөз бар. Қыста келген болу керек, соған қарағанда. Қардың астында өліп, аштан қырылып жатқан адамдарды көрген ғой. Жаңағы трагедияға, керемет адамзаттың тарихында кездеспеген қайғы-қасіретке айналған поэма симфонияға айналды. Мен 32-33 жылы 3 миллиондай қазақтың ашаршылықтан қырылғанын білетін мен, жаңағы шығармаға басқаша қараймын. Демек, музыканың өзіне драматургиялық арқау қажет. Соны білсеңдер ғана сендерден, ең алдымен адам, сосын драматург немесе кинодраматург шығады. Драматургиялық арқау болу керек, жүйе болу керек, жөн болу керек. Адамның бел омыртқасы сынып кетсе не болады, өледі ғой. Жон деген сол, жұлыны жоқ шығарма ешкімді қызықтырмайды. Мұқағалидың ұлылығы сол, әр шығармасында сюжет бар, арқауы бар, жұлыны бар, басы бар, аяғы бар, қорытындысы бар. Өлеңдерінің өлмейтіндігі осында. Бар сыры осында. Әйтпесе, өлең жазатындар көп. Жазушылар одағының жеті жүз қырықтай мүшесінің жартысынан көбі, алпыс пайызы, төрт жүздейі ақын, үш жүздейі сыншы, сонда нағыз ақын мен жазушы, көп болса, он, жиырма шығар. Аналардың бәрі босқа өткен Жазушылар одағына сорлылар. Оларға журналист болып жүре берсе, ешкім қой демес еді. Журналистің зоры боп

жүрер еді. Жанрын сатып, басқа өзіне тән емес жанрға өтіп, жазушының қоры боп жүргендер көп. Масқара боп жүргендер бар. Ұятқа қап жүргендер бар. Міне, осы балалар.

Ал біздің Мұқағали ақын боп туған, ақын боп жаратылған. Орыстың ұлы ақыны Сергей Есенин туралы Максим Горький былай жазған екен. «Я представляю его, как аппарат, созданный прекрасной стихией». Аппарат деген сөздің жиырмасыншы ғасырдың басында басқаша реңі болған. Ол ешбір қателеспей жұмыс істейтін деген ұғымды білдірген екен. Есениннің де шығармаларында, өлеңдерінде бірде-бір мүлт кеткен жол немесе өз орнында тұрмаған сөз кездеспейді. Мұқағалидың өлеңдерінде де ешбір мүлт кеткен, жонып әкеліп, иіп әкеп ұйқастырған бірде-бір жол немесе өзінің орнында тұрмаған бірде-бір сөз жоқ, өзінің орнында тұрмаған бірде-бір тыныс белгісі жоқ, нүктесі болсын, леп белгісі болсын, үтірі болсын, сұрақ белгісі болсын, көп нүктесі болсын. Мұқағали бір ғана тақырыпты алады да, сол тақырыпты жетер биігіне, көтерер биігіне көтереді. Тақырыпты араластырып алу деген Мұқағалида болған емес. Сендермен талқылаған «Дариға-жүректе» мысал үшін, кәдімгі прозаның салты бойынша, сол оқиға өтетін мекенді керемет, ғажап суреттейді. Көркем суретін салады. Оқиғаның өтетін кезеңі – сұрапыл соғыс уақыты да керемет ғажап суреттеледі. Сол кездегі қазақ ауылының хал-күйі, ахуалы керемет суреттеледі. Соның бәрін мыжып отырып алмай, бір сөзбен, екі сөзбен, екі шумақ өлеңмен керемет керіп тастайды. Содан кейін ғана келіп оқиғаға енеді. Оқырманды оқиғаға енгізеді. «Дариға-жүректегі» жеңгесін айтып-айтып келіп, оның қандай сұлу екендігін, ғажап екендігін, мінезін, барлық болмысын, тұрмысын айтып келіп, өзінің соған қаншалықты құмар болғанын, ол құмарлық еркектің әйелге деген құмарлығы емес, ол сұлулыққа деген жас баланың

құмарлығы, соның бәрін айтып келіп, аяқ астынан, түс кезінде жаман, ауылдың салпыетек қатындарының Дариға туралы айтқан мысқыл сөздерін естиді. Бірақ ол оған сенбейді, Дариғаны ондайға қимайды бала жүрегі. Қайтадан Дариғаның образына оралып, оның ондайға баруы мүмкін еместігін дәлелдеп бағады. Оқырманды соған сендіргісі келеді. Бірақ күндердің күнінде, түс кезінде шаршап келіп, қырман басында отырған Дариға: «Маған айраныңнан құйшы, айналайын» дейді. Таңырқап бетіне қараған жас балаға: «Мен жерікпін ғой» дейді. Сырын жасырған жоқ, оңаша шығарып алып сыбырлаған жоқ, екі сөзбен өзінің тағдырын, болашақта күтіп тұрған трагедияның, масқара болғанын, майданда соғысып жатқан күйеуінің алдында қарабет болғандығын, мақтап жүрген сұлу келіндерінің ауыл адамдарының алдында қарабет болғанын сездіреді.

*Қымызың бүгін тәтті екен, құйшы, тентегім,
Айызым қанып, ішейін бүгін иен тегін.
Жеңгемде көзім, күдіктің бұлтын серпемін,
Белгісіз маған, көңілім бір күй шертеді.*

*Ернінде оның, қиығы менің көзімнің,
Елестеп кетті, қылығы бағлан-қозымның.
Қозыма сусын бергендей болып сезіндім,
Лас ойларды лақтырдым мүлде, безіндім.*

*Сырлы тостақтан, сызылта сорып болды да,
Сызыла беріп сырғанай тұрды орнынан.
Аяныш көзбен, абайлап қарап сорлыға,
Жігерім жасып, көңілім сонда болды нан.*

*Жарық дүние-ай, жаным-ай менің! Фажапсың!
Фажапсың, шіркін! Амал, не, тезсің, аз-ақсың...
Құзар жартастан орамал көрдім бұлаған.*

*– Қош бол, тентек!.. (Өзілдеп, сірә, тұр маған.)
Көк көйлек көрдім, қалықтап құздан зулаған,
– Қош бол! – деп, – Тентек... шуылдап үні тынбаған.*

«Шуылдап үні тынбаған» деген жаңғырық сияқты қайт-қайта айтылып алыстай береді.

*Қош бол! – деп тастар хабарлап жатты жан-жаққа,
Неғылған сұмдық! Дариға ма, әлде аруақ па?!
Өте алмай қалдым, жете алмай қалдым ар жаққа,
Дариға-жүрек... Ұшты да кетті аулаққа...*

Осы жердегі екі жолды қайталап айтайын:

*Өте алмай қалдым, жете алмай қалдым ар жаққа,
Дариға-жүрек... Ұшты да кетті аулаққа...*

Бозбаланың шамасы жоқ, жеңгесін аман сақтап қалуға... Енді соңғы түйініне келейік:

*Муза деп атап, ақындар гибрат қылатын,
Сол екен менің періште жырым, мұратым!
Дүниенің мынау қабағын бағып тұратын,
Дариға-жүрек, өмірге берді бір ақын...*

Сол бозбаладан ауылда соғыс кезінде майданға көмектесіп жүрген, ата-анасын асырауға еңбек етіп жүрген, жас кезінен еңбекке араласқан бозбаланың қалайша ақындық жолға түскенін дәлелдеп, түйіп, анықтап келтіреді.

Енді біз бағанағы аталған төрт поэманың немесе әдеби шығарманың қайсысы құбыжық, қайсысы қауіпті деп әуреге түспей-ақ қояйық. Бізге ең жақыны, біздің жүрегімізді жаулап алған, енді ешуақытта жібермейтін, өзінің ыстық құшағынан жібермейтін, ол – Мұқаға-

лидың өлеңі. Осы поэманың шағын үзіндісінен Мұқағали аталған шығармалардан әлдеқайда асқақтап, биіктеп кеткен жоқ па? Қайталап айтайын, басқаларды кекету, мұқату немесе төмендету, мансұқ қылу ойымда жоқ. Бірақ, әділ болайық, оқырман әділ болуы керек. Оқырман қай жазушыны болса да, қай ақынды болса да оқығанда өзінің тезіне, өзінің таразысына салып шығармаға баға береді. Ол үшін оқырманды кінәлауға болмайды. Мен Әкім Тарази емес, жай ғана Әкім Әшімов деген оқырман ретінде Мұқағалидың шығармасын, соғыс кезінде қазақ даласында, қазақ ауылында қандай хал болды, қандай ахуал болды дегенге тек қана дұрыс жауап беретін, тек қана жауап бермей, көркем тілмен, көркем сөзбен жауап беретін шығарма «Дариға-жүрек» деп ойлаймын. Оған ешкім дауласа алмайды. Дауласам деген адам қателеседі.

Егер дауласамын, келіспеймін деген құлшынып шығатын адам болса, ол адам сұлулық дегеннің, ажарлықтың сырын білмейтін адам. Сұлулық, сезім сұлулығы, жанр сұлулығы, айта білу сұлулығы ақындық таланттың шегі.

18 ақпан, 2012 жыл

Мұқағали туралы екінші таспа

Редакцияның маған қойған сұрақтарының ішіндегі *бірінші сұраққа бірінші ұнтаспаменен жауап бердім* ғой деп ойлаймын.

Енді екінші сұраққа келейік.

Мұқағалидың қанша оқу орнына түсіп, бітіріп-бітірмегенін, кейін қай жерде қызмет еткенін мен білмеймін. Оның оқырманға қажеті жоқ. Мен Мұқағалидың өмірбаянын жазатын зерттеуші-ғалым емеспін. Сондықтан бір-

ден айтатыным, Мұқағалидың ең үлкен мектебі – біздің соғыс кезіндегі қазақ ауылы. Екіншіден, соғыс аяқталғаннан кейінгі жүдеу-жадау қазақ ауылы – екінші университеті. Барын, бәрін соғысқа берген, азаматтарын түгелдей соғысқа аттандырған қазақ ауылы (мен өз ауылымды білемін, біздің елу шақты отбасынан тұратын ауылдан майданға жүз елудей боздақ аттанған екен, солардың көп болса жүз жиырмасы-отызы оралды, ал боздақтардың өмірін кейін келе ауыл азаматтары ауылдың орталық алаңына үлкен тастан қашап стелла қойып, соған жазып қойған. Мұқағалидың ауылында да сондай стелла бар деп ойлаймын). Азаматтарын аямай соғысқа аттандырған халық екеу болса, біреуі – қазақ, бес халық болса, соның біреуі – қазақ. Орыстар мен украиндар, беларусьтар жай қарапайым халқын да соғыс салдарынан қырғынға ұшыратып алды. Біздің қарапайым адамдарымыз, ауыл адамдары аман қалғанымен, қолындағы барынан жүрдай болып шыққан еді. Бірақ, соғыс біткен соң бәріңді жарылқаймыз, жұмаққа жеткіземіз деген үкімет қазаққа онша мейіріммен қарай қоймады. Жеңіске жеткеннен бастап, басқа халықты дәріптеп, осы фашистерді жеңген солар ғана деп, оны мавзолейдің мінберінде тұрып бүкіл дүние жүзіне жариялап айтқан Сталин еді. «Ол мына тосымды ұлы орыс халқы үшін көтеремін» деген еді сонда. Сол күннен бастап Совет Одағы екіге бөлінді. Мен ол әдейі істеді деп ойлаймын. Ол басқа тақырып. Кейін бір мүмкіндігі келсе, Алла жазса, сол Сталинның тосы қалай туды, неге туды деген сұраққа жауап беруге болар еді.

Ал Мұқағалиға келсе, оның үшінші ұлы мектебі соғыстан кейін күрт өзгеріп, аулақ дамып «көбейіп» кеткен бюрократия еді. Сол бюрократияны паналап жағымпаз ақындар Мұқағалиға жол бермеді. Газет біткеннің бірінші бетінде міндетті түрде әлдебір ақынның өлеңі жүретін.

Жаңа жылдан бастап, сегізінші наурызы бар, жиырма үшінші ақпаннан бастап, бірінші мамыры мен тоғызыншы мамыры бар, милиция күні деп аталатын күні бар, содан ары қарай кете беретін. Сол күндерге арналған өлеңдер толассыз шығып жататын. Ресми газеттерде ғана емес, ол облыстық, аудандық газеттерге де шығып жататын. Соларды жинап ақындар арқалап Алматыға алып келетін, баспаға баратын. Жазушылар одағына алып келіп талқылататын. Сталинді жырлаған, кейінірек басқа басшыларды жырлаған, кеңестік жүйені жырлаған, партияны жырлаған өлеңдерді тоқтатуға ешкімнің батылы жеткен жоқ. Сондықтан олар бірінен кейін бірі балалап жатты, көбейіп жатты. Бір-екі өлеңі шыққан соң ақындар Жазушылар одағына өтіп, баспаларда басқа ақындардың тағдырын шешетін редакторлық орындарға қонжиып-қонжиып отырып алды. Сол кезде олар көбінесе мына жершілдікті қоздырып, өзіміздің қостанайлық ақындар деген сияқты немесе басқа облыстың атынан аталатын жіктер, топтар, бірге ішетін, бірге жүретін, бірге қыдыратын топтар пайда болды. Олар басқаларды, бөтендерді өткізбеуге тырысады. Басқа бір баспада басқа бір облыстың өкілі отырса, сонда шұбырып, соның маңайынан шықпай, аңдып, қатардағы редакторынан бастап азуы алты қарыс директорына дейін жағымпазданып жүреді. Ондай кезеңде шын ақынға, таза ақынға жол қайда? Солардың көбі, бәрі демей-ақ қояйын, Мұқағалиды жауындай, дұшпанындай көріп, соңына түсумен болды. Осы бір пәле болды дегендей, қалай құтыламыз дегендей арыздың үстіне арыз жазумен, мен шетін білем. Күндердің күнінде бір үлкен жиналыста Мұқағали туралы әңгіме болғанда мен шығып сөйледім. Сонда айттым, Жазушылар одағының бірінші хатшысы өзі мақтанып, маған айтып еді, әлгі Мұқағали деген келіп, есігімнен кіріп келіп айбат шегіп келгенде, итеріп-итеріп сыртқа шығарып

жібердім де, желкесінен түйіп қалдым деген еді. Сол түйіп қалғандар замананың шынжырлы төбеттері еді ғой. Мінекей, қазір соларды атаудың өзі ұят сияқты. Ал Мұқағали – мәңгі өлмейтін ақын.

Үшінші сұраққа жауабым: Мұқағалидың поэзияға кешігіп келгені. Өздеріңіз айтқандай, 33 жасында келгені өте дұрыс, орынды болды деп ойлаймын, пісіп-жетілген кезінде келді. Мұқағалидың бірде-бір өлеңінде шәкірттік кезең деген, еліктеу кезеңі деген кезең жоқ. Шынымен жоқ. Ол ұлы ақындарға ғана тән. Мысалы үшін, дүниеден Пушкин өткен күні өзінің бірінші өлеңімен көзге түскен, бүкіл Ресейге аты мәлім болған Михаил Лермонтов шәкірттік кезеңнен өткен емес, Пушкин де шәкірттік кезеңнен өткен емес, балалық өлеңдері болды екеуінің де. Бірақ, балалық өлеңдердің жөні бөлек. Оны оқыған оқырман олардың арқасынан қағып, символдық мағынада айтқанда, жарайды деп түсінетін. Ал Мұқағалиды ешуақытта жарайды, балаң кезеңнің кезіндегі өлеңі екен деп ешкім арқасынан қаға алмайды.

Төртінші сұрағыңызға мен құлшына отырып жауап беремін, себебі, сол кезде Марксқа, Энгельске, Ленинге өлең арнамаған бірде-бір ақын жоқ, партияны асқақтата мақтамаған бірде-бір ақын жоқ. Мұқағалидың да кейде солардың тобына еріп кеткен кезі болды, бірақ, бір ғажабы, Мұқағали еріп те кеткен жоқ, беріліп те кеткен жоқ, ерді, бірақ берілмеді. Мысал үшін, менің әдейілеп астын сызып отырып оқыған поэмама «Мавр». «Маврда» дәріптеу, жағыну, асқақтау үшін шығарған шығарма деп айтуға болмайды.

Мысал үшін, мына бір жолдарды алайық:

*Өмір, өмір... өмір өзі – бір құйын,
Ұлы болып туылғаннан,
ұлы болып өмір сүрмек тым қиын.*

Бұл Мұқағалидың өз сөзі. Бұл сөздің астарынан ешқандай Маркс көрініп тұрған жоқ. Енді бір жолын келтірейін:

Күйкі өмірге құл болу да тым жаман.

*Ары кет деп талақ тағдыр-күйбең тірлік алдайды.
Ақымақтың бақ боп қонып басына,
Ақылдыдан аулақ кетер, бармайды, –*

дейді. Немесе:

*Біле тұра ұры арбакеш тағдырға,
Уайымды ұстатамыз қамшы ғып.*

Бұл жерде қазақтың қара өлеңі бар. Ары қарай кеттік. Тұтас бір төрт-бес шумақты мысалға келтіргім келеді. Оқырман адасып, білмей, Мұқағалиды шағынған екен, жалынған екен деп ойламас үшін.

*Олар ойды тұрмелерде түнетті,
Олар сойды қанжоса ғып жүректі,
Даналардың дана миын саудалап,
Даналардың қанын сорып құнелтті.*

Мұны XIX ғасырдағы Германия деп айтасың ба, XX ғасырдағы Кеңес Одағы деп айтасың ба, ақылды оқырман түсінеді, біледі, қай кезеңді айтып тұрғанын. Бір қарасаң, XIX ғасырдағы Германия, бір қарасаң XX ғасырдағы Қазақстан, Кеңес Одағы.

*Тағдырды олар тамұқпенен тыстады,
Жанды олар жала отымен ыстады.
Ұлылардың ұрпағын да, өзін де
Қара күштің қабірінде ұстады...*

Не деген қайғы. Сен Германияда ұмытып кетесің, сен өзің Кеңес Одағында отырғаныңды есіңе аласың, есіңе алып қана қоймайсың, ақынмен бірге күңдіренесің.

*Опат болған ғасырлардың күлінен
Отқа өртенген Брунолар қарайды...*

Еуропаның орта ғасырдағы ұлы ғалымы емес пе, оның бар кінәсі Жер Күнді айналады дегені, сол үшін оны отқа өртеп жіберген жоқ па? Қазір кеуделерін керіп, біз бүкіл жер жүзіне өркениетті өкеп жатырмыз, мәдениетті сіңіріп жатырмыз деп жүрген еуропалықтар ұлы ғалымдарын орта ғасырда Жер Күнді айналып жүреді дегені үшін, жалғыз бұны ғана емес, Коперникті де өртеп жіберген болатын. Ал біздің Шығыста бұдан екі мың жыл бұрын Жердің Күнді айналып жүргенін білген. Қазақ білген, қазақтың жиені, қытайдың ұлы ғалымы Конфуций білген Жердің Күнді айналып жүргенін. Қазақ осыдан екі мың жыл бұрын Күнге табынған. Сондықтан да халықтың атын күн деп аталған. Оны тарихымызды өзімізден қызғанатын кейбір ғалымдар гун деп жазып жүр. Ол ешқандай да күн емес.

*Гитлердей бұзығынан «сый» алған
Германия әлі күнге жаралы.
Ұлдарынан, ұрпағынан ұялған
Ару Берлин жарты беті қаралы...*

Не деген ғажап шумақ. Бір-ақ шумақ. Марксті айтып отыр. Бүгінгі, елуінші-алпысыншы жылдардағы Германияның мүшкіл халін көз алдыңызға алып кеп отырған жоқ па?

*Содыр, сойқан, бүліктер:
Ақылдыға қақпан құрып қояды,
Ақымаққа сый-құрмет, біліп көр, –*

дейді.

Бұл Марксті, Германияны айттым деп отыр. Бүгінгі өзінің замандастарына айтып отырған жоқ па. Әрі-беріден соң, Қазақстан Жазушылар одағын айтып отырған жоқ па, Қазақстан Жазушылар одағын басқарған азаматтарды айтып отырған жоқ па?

*Тағдырыңды жасайтын да адамдар,
Тағдырыңды бүлдіретін адамдар! –*

дейді.

Және де:

*Өмір, өмір... өмір өзі – бір қиын,
Ұлы болып туылғаннан,
Ұлы болып өмір сүрмек тым қиын.*

Бұл Мұқағалидың өз философиясы. Басқа ешкім айтпаған ұлы философтың екі жол ғана, үш жол ғана өлеңі.

Осы поэманың кейбір тұстарын оқып отырғанда, Мавр деп отырғаны Мұқағалидың өзі ме деп те қаласың. Ұмытып кетесің кімге арналғанын, кімге айтқанын. Мұқағали Маркстің тағдырынан өзінің тағдырын іздейді. Маркс көрген қорлықты өзі де көріп жүргенін анық айтады, меңземей тура айтады.

Мысалы:

*Жынға бығып, тояттаған барыстай,
Жатыр алда Ұлыбритания, –*

дейді, не деген ғажап теңеу. Поэманың енді бір тұсында былай дейді:

*Көшке ілескен бір бұралқы итке ұсап,
Сен өмірден қалмайсың.*

Кімді айтып отыр, кімге меңзеп отыр. Заманын айтып отыр. Қай заманды. Марксті айтса, XIX ғасырдағы, XX ғасырдағы Кеңес заманын меңзеп отыр. Немесе:

*Осы үйдегі барлық байлық, сірә да,
Шыдамдылық, шыдамдылық, баста ми.*

Кімді айтып отыр, Марксті деп ұқсаң да болады, Мұқағали өзін айтса да заңды.

*Сора-сора жауыр болған тандырдан.
Сұт орнына қан шығады шымылдап, –*

дейді. Не деген ғажап, не деген көркем теңеу. Немесе:

*Бір күрсініп аунап түсті ауыр күн,
О, нағылет, неткен найсап жоқшылық!
Титтей ұлын жұтып қойды Маврдың...*

Осы тұста Мавр мен Мұқағалидың арасының туысқандық, достық, жақындығы сезіледі. Оқырман қаласа да, қаламаса да Мұқағалидың Майгүл деген қызының трагедиялық өлімін еске түсіреді. Майгүлге арнаған екі ғажап өлеңін еске алады. Әлгінде айтқан:

*Көшке ілескен бір бұралқы итке ұсап,
Сен өмірден қалмайсың, –*

дегенде Мұқағали жоқшылықты айтады. Маркстің басынан кешкен жоқшылық, өне бойы қарыз сұрап, жұрттың қарызын бере алмаған кезінде қашып кетуге мәжбүр болған Маркс. Мұқағали ешкімнен қарыз сұраған емес. Бірақ, жоқшылықтың қасіретін бір кісідей тартқан адам. Немесе:

*Апандағы аңтарылған құландай,
Өз үйінде өзі отыр ол қамалып.
Қарыс жерге қадым ұзап шыға алмай,
Білесің бе, қамауда отыр даналық? –*

дейді. Ол өзінің кейіпкері Маврдың даналығын айтып отыр, бірақ түсінетін оқырман, Мұқағалидың кім екенін білетін оқырман Мұқағали өзін де айтып отырғанын сезеді. Мен өзім осы поэманы оқығанда, ақын мен кейіпкердің тұтасып кеткен кезеңдерін көрдім. Немесе:

*Білесің бе, Болашағы ұрпақтың,
Қамауда отыр киер киім таба алмай?! –*

дейді. Мұқағалидың өлеңінен осы сарындағы жырларды қай бетін ашып қалсаң да табуға болады, немесе:

*Сүйретіліп бара жатты артынан,
Сол баяғы, сол сүмелек жоқшылық... –*

Десе, оқырман Маврды да, Мұқағалиды да көз алдына елестетіні анық. Кеңестер кезінде жастау кезімде, кейін тіпті есейген кезімде, Петропавл, Павлодар сияқты қалаларға барғанда облыс иелері, басшылары жұмсаған төменгі сатыдағы қызметкерлері мені талай көрмелерге, музейлерге апарған еді. Сонда менің қазақ екендігімді ұмытып кетіп немесе әдейі білсе де білмегендей отаршылық сая-

саттың салдарын керемет көрсететін, қазақтарды қалай қырып-жойғанын, Ермактың Солтүстік Қазақстанды қалай жаулап алғандығын немесе Совет үкіметінің кезінде, одан бұрын патша үкіметінің Сібірді қалай жаулап алғандығын, Ермактың озбырлығы мен жауыздығы туралы суреттерді, кейін әлдебір жағымпаз суретшілердің суреттерін іліп қоятын еді ғой. Мына екі жолды оқығанда сол оқиға есіме түсті.

*Озбырлықтың ордасы бұл түңнерген,
Музей емес, отаршылдық көрмесі, –*

дейді.

Мұқағали «Еңбек, товар. Құны олардың неге тең?! Екеуін де еркін сорып жатқан кім?!» десе, Мавр өмір сүрген ХІХ ғасыр ғана емес, Мұқағали өмір сүрген ХХ ғасыр ғана емес, қазіргі біз жетіп отырған ғасыр көз алдыңа келе қалмай ма? Осы бір сұрақтарыңызға айтылған жауап ұзақтау боп кетсе де, тағы бір екі жолмен, тағы бір шумақпен түйіп тастайын.

*Ол қайғырды... Қайғырмады, ашынды!
Ол жылады... Жыламады, бекінді!
Ол өзінен өз қайғысын жасырды,
Ол өзінен жылама деп өтінді...
Ұлы жүрек жылай-дағы біледі.
(Ұлы жүрек жыласа тым қиын-ақ), –*

дейді. Осы Маврға да қатысы бар, Мұқағалиға да қатысы бар, оқырманға да қатысы бар осы шумақтармен сұрақтарыңыздың жауабын төмамдайық.

Бесінші сұраққа жауап: Қиындық ешкімді іздеп келмейді, ешкім қиындыққа өз еркімен ұрынбайды. Қиындық Алланың пендесіне берген сынақ кезеңі. Жарылқай

білген Жаратқан иеміз сынай да біледі. Мұқағали сол сыннан өтті. Сүрінбей өтті. Сынған жоқ. Майысты. Күйреп қалған жоқ, қайта шыныға түсті.

Соңғы кездегі болған бір жиындарда, Мұқағали туралы осы күнде екінің бірі айтады, шіркін-ай, совет үкіметі Мұқағалиға керемет жағдай жасаған болса, бес бөлмелі үй берген болса, екі қабат коттедж салып берген болса, Мұқағали бұдан да керемет жазар еді ғой деген сияқты. Ол қате пікір. Мұқағалидың бар творчествосы, Мұқағалидың бар өмірі сол – өмірдің жемісі. Басқа тағдырлы болса, басқа Мұқағали болар еді. Қиындығымен алыса білген, арпалыса білген, өзін өзін жеңе білген, соған мойымай өлеңін жаза білген, арпалыса жүріп жыр жазуын тоқтатпаған, шыңдала түскен, сомдана түскен, шарықтай түскен Мұқағали бізге қымбат. Мұқағали – өз тағдырының жемісі. Мұқағали деген поэзия – Мұқағалидың тағдыры. Көптеген ақындар өз тағдырын бөлек ұстайды, поэзиясын бөлек ұстайды. Күн көру үшін жазады. Мұқағали күн көру үшін жазбаған, Мұқағали аспандағы күнді көру үшін жазған.

Мен Мұқағалимен қоян-қолтық араласып, достасып жүрдім десем, оған арым жібермейді. Мен Москвада оқыдым. Бітіріп келе салып киностудияға қызметке тұрдым. Біраз жылдан кейін өсе бастадым, машина мініп шалқақтай бастадым. Тіптен бір саланың, Киногерлер одағының төрағасы болдым, Мәскеудегі Киногерлер одағының хатшысы болдым. Айына бір рет, екі рет жиналысқа қатысу үшін Мәскеуге ұшатынмын. Сөйтіп жүріп, Мұқағалимен немесе басқа достармен қоян-қолтық араластым деп айта алмаймын. Менің шағын ғана достарым болды: Сайын, Қалихан, Рамазан, Қабдеш, Жайсаңбек сияқты, Жүмекен, Қадыр сияқты ақындар болды. Бірақ біз бір бірімізді іздеп тапқан жоқпыз. Бізді тұрмысымыз, болмысымыз жақындатты. Ал, Мұқағалимен мен бір рет

қоян-қолтық араласып танысқым келіп, жаңа жүріп жатқан «Күлмейтін комедия» деген спектакльге шақырдым және үйінде болсаң, мен барып алып кетемін дедім. Уәдемде тұрдым, барып алып кеттім, үйіне кірдім. Бірақ үйіне кіргеніме осы күнге дейін өкінемін. Бес бөлмелі пәтер екен. Жазушылар одағы сол бес бөлмелі пәтердің төрт бөлмесін басқа бір азулы, айбынды азаматқа беріпті. Бір бөлмесінде Мұқағали отырады екен. Кухня мен ас бөлмесі ортақ екен. Ас ішетін жер ортақ екен. Ар жағын айтпасам да түсінікті. Мұқағали тез-тез менімен шығып кетуге асықты. Театрға келдік, бірінші акт аяқталғаннан кейін Мұқағали маған сыбырлады: «Әкім-ей, шынымды айтайыншы, театр дегенге өмірімде қызыққан адам емес едім. Мен сені күтіп отыра тұрайын, жарай ма» деді. Жарайды дедім. Таныс күнде көріп жүрген буфетші әйелге мына ағаңыз не сұраса да беріңіз дедім. Екі рюмка қағыстырып ішіп, қайтадан кеттім. Спектакль біткен соң келсем, күтіп отыр екен. Үйіне апарып салдым. Үйіне бұл жолы кірмедім. Ал Мұқағалимен мен кітап арқылы таныстым десем, біреу сенер, біреу сенбес. 1974 жылы жаз айында мен қатты ауырдым. Алматыдағы тау етегінде республикалық клиникалық аурухана деген бар еді. Ғажап, көк теңіздегі ақ кеме сияқты үй еді. Соған түстім. Дәрігерлер менің ауруымның себебін таба алмады. Сол күндердің бірінде Нұрғиса ағам Мұқағали екеуі маған көңіл сұрап келді. Мен Мұқағалидың 1974 жылы шыққан кітабын өзіммен бірге ауруханаға ала кеткен едім. Соны бір емес бірнеше мәрте оқып, астын сызып оқып мәз боп жүретінмін. Бір күні менің көңілімді сұрауға Камал Смайылов досым келді. Министр. Камалға айттым, Мұқағали деген керемет ақын екен, ғажап ақын екен. Мынау қазіргі лауреат атанып жүрген, кереметпіз деп жүрген ақындардың бәрі, қазақша айтқанда, боқ сасып қалды дедім. Сөйтіп едім, Камал маған өре түрегеліп қарсы шықты, маған

ол Ашимов деп сөйлейтін. «Ашимов, сен не айтып отырсың. Мұның дұрыс емес. Бұлай айтуға қақың жоқ» деді. «Неге қақым жоқ?» дедім. «Лауреаттарға өйтіп айтуға болмайды, лауреаттарға өйтіп тиісуге болмайды» деді. Мен күлдім де қойдым. Екеуміз қатты айтысатынбыз. Мен себебін түсіндім. Себебі Камал досым партияның тәрбиесін көрген адам еді. Ал партияның тәрбиесінде жүрген адам өзінше пәленшені мақтауға, түгеншені даттауға қақысы жоқ болатын. Мақталатын адамның да, датталатын адамның да тәртібі болатын. Ол партия қызметкерлеріне сыбырлап қана айтылатын қағида болатын. Сондықтан Мұқағалиды Камал мойындай қоймады. Содан бес-алты күн өткенде Нұрғиса ағам Мұқағали екеуі келе қалды. Нұрағаменен күнде кездесетінмін. Туған бауырындай мені сыйлайтын. Басқаларға көрсететін өктемдігін маған ешуақытта көрсеткен емес. (Осы Бауыржан ағамыз туралы әңгіме көп, сүйтіп тастады, бүйтіп тастады, қуып жіберді, көрсетпей қойды, шық деп айтты деген сияқты. Ол кісі де маған ешуақытта қатты сөз айтқан емес. Қайта қалжыңдап сөйлейтін. Мені көтеріңкіреп, бағамды артырыңқырап сөйлейтін еді. Нұраға да сондай еді). Қуанышы қойнына сыймай келіпті. «Әй, Әкіш, – деді, – мына тентекті үйге қамап қойып, біз он күн ішінде он бес шақты өлең жаздық» деді. Солардың алғашқысы – Сарыжайлау. Кейін білдім, бұл өлеңнің бұрынғы аты Қарасаз екен. Соны Нұрғиса қоймай отырып Қарасаз деген тыңдарманға түсініксіз болады, Сарыжайлау деп атайық деп көндіріпті. Басқа өлеңдері де керемет. Ауруханада кездескеннен кейін, көрген жердегі сәлеміміз дұрыс болды. Арамыз екі-ақ жас еді, бірақ ол маған інісіндей қарайтын. Соған осы күні таң қаламын. Ересек боп көрінетін. Мен жасым қанша ұлғайғанмен, ол кездерде бала сияқты көрінетін едім. Мінезімде де балалық аз болған жоқ. Үлкен қызметтерде жүріп, балалыққа бой алдыратын кездерім

де болды. Мұқағалиды мен өлең арқылы таныдым. Дүниеден өткен соң, Мұқағалидың алпыс жылдығын тойлауға бардық. Елу жылдығына барған жоқ едім. Ұмытпасам, 1961 жылдың жазында. Сонда бір таң қалғаным, біз Нарынқол ауданының шекарасына келіп тоқтағанда, қасында Алматы обкомының сол кездегі секретары Шәріп Омаров бар еді, мен ол кезде Алматы обкомының бюро мүшесі едім. Мұқағалидың ауылына баратын жолға милиция кедергі қойыпты. Бес-алты автобуспен Өзбекстаннан келген қазақтар біз тоқтаған соң, келіп мұңын шаға бастады. «Бізді өткізбей қойды, әдейі алып келген екі ақбоз қазақы үйіміз бар еді. Ешқандай зиянымыз жоқ. Ішетін, жейтін тамағымызды өзімізбен бірге алып келе жатырмыз. Сый-сияпатымыз бар елге көрсететін. Мыналар бізді жібермей отыр» деді. Мен Шәріпке ыммен түсіндірдім, рұқсат ет деп. Шәріп мені қатты тыңдайтын. Жарайды деп, ауданның сол кездегі әкімін шақырып алып рұқсат бергізді. Және бір еске алуға болатын, мақтану үшін емес, шындықты айту үшін мысал ретінде келтіргім келеді. Мен сол бюро мүшесі болып жүрген кезде, Алматы обкомының бірінші хатшысы Төребеков деген кісі еді. Мұқағалидың музейіне бөлінген отыз мың теңге ештеңеге жармай қалыпты. Оны ауданның бірінші хатшысы маған айтқан болатын. Мен жай ғана қалжыңдап отырып, сол мәселені шешіп бердім. Төребеков орысша сөйлейтін, қазақша білмейтін адам еді. Мен оған айттым, сен Пушкинді білесің бе дедім. Білем деді. Жатқа айт десең, айтып берейін өлеңдерін деді. Айтпай-ақ қой дедім. Қазіргі қазақтың Пушкині Мұқағали Мақатаев дедім. Оның анау музейін алпыс жылдыққа дейін бітіруіміз керек екен. Бітетін түрі жоқ. Отыз-ақ мың теңгеден аспаған. Шын айтып отырсың ба деді, аналар неге айтпаған деді. Саған келуге баппай отыр дедім. Ал қанша керек деді. Мен ойыма келген цифрды айттым. Үш жүз мың дедім. «О-о-о» деп біраз таң

қалып отырды да, облыстық атқару комитетінің төрағасының бірінші орынбасары орыс кісі екен. Соған телефон шалды. Пәленше Пәленшеевич, сен Мұқағали Мақатаевты білесің бе деді. Анау білмеймін деген болуы керек. Мынау ұрсып берді. «Қалай сен білмейсің?». Сен, Александр Сергеевич Пушкинді білесің бе деді. Анау білем, білем деген болуы керек. Білетін болсаң, мынау қазақтың Александр Сергеевичі деді. Үш жүз мың бөл деді де трубканы қойды. Жетеді ме үш жүз мың деді. Жетеді дедім мен. Мен оның қанша бөлетінін қайдан білейін, бірақ, оның мырзалығы ұстап кетті. Кейін сол музейдің ашылуына бардық. Төребеков екеуміз, Шәріп Омаров болды. Бірақ ол кезде Шәріп секретарлығынан ауысып, оның орнына басқа кісі болған еді. Бірақ Мұқағалидың тойының басы-қасында бұрынғыша басқарып жүрді. Себебі, мен Төребековке айтқан едім, тойды өткізуді осы бастады, осының өзі бітірсін деп. Сол барғанымда көріп таң қалғаным, алдында бір барғанымызда, көптеген ақын-жазушылармен барғанда мен Мұқағали қазақ поэзиясының Хантәңірі деп айтқан едім. Сол сөзімді мыс әріптерменен ойып жазып қойған екен. Кейін барғандарымда да сол жазулар аман сақталып тұрды. Осы күні білмеймін, кім біледі, заман басқа, заң басқа дегендей. Әлдебір директор келіп, әлгі мыс әріптердің бәрін шапқызып тастап, өзінің сөздерін қосып қойды ма? Қазақта ондай да болады. Шын мәнінде, Мұқағали – қазақ поэзиясының Хантәңірі. Мен осыны айтқанымда менің екі ақын досым, бірі ақын інім деп айтуға болады, қатты ашуланды. Жиналыста сөйлеп келіп, өз орныма отырғанымда екеуі екі жағымнан келіп, «Сонда біз қайда қалдық, Әкім, ей» деді. Мен қалжыңмен жауап бердім. Кейін Мұқағалидың үйіне ескерткіш тақта орнатқанда да, басқа секретарьлар болмай қалып, мен бардым. Олжас өзің барсайшы, өзің барсайшы деген соң. Сол арада мен айттым,

енді бір он-он бес жылдан кейін Мұқағалидың аты Фирдоуси, Науаи, Сағадиді, Абайлармен, Омар Хаюммен, Хаям емес, Хайым емес, Омар Хаюммен бірге аталатын болады дедім. Ол арада да біраз ақын ағаларым маған ренжіді, солардың біреуі маған партия жиналысында қасқайып тұрып сұрақ қойды, сен алдыңғы күні солай деп айттың, сонда біз қайда қалдық деп қып-қызыл боп бөрітіп, шыға жөнелді. Бірақ, дегенмен, ақылды адам еді, жарықтық, атын айтпай-ақ қояйын, он бес минуттан кейін өзін өзі жеңіп, қайтадан келіп төрге шығып отырды. Ондай деген адамға қалай тәнті болмайсың, ризамын мен сол кісіге, өзім үшін емес, Мұқағали үшін.

Ал ақындығына батылдығы сай деген ұғымды мен Мұқағалидың білек сыбанып, төбелеске шығып жүргені деп ұқпаймын. Батыл екені рас, ол батыр ақын болды. Оның поэзиясы ешқандай жасқануды білмеген, ешкімге табынуды білмеген. Бірақ өмірде Мұқағали ұяң жігіт болды. Сыпайы жігіт болды, өте сыпайы болды. Біреу туралы ғайбат сөз айтқанын мен көрген емеспін, естіген де емеспін. Тіпті, мен айтар едім, ұяңдықтың салдарынан, көңіл жықпастықтан ол кейде достарына көп еріп кететін еді. Ал, алып қояйық дегенде, бәлсінбейінші дегендей келісетін. Мұндай келісудің аяғы көп жағдайда керісуге апаратын. Бірақ Мұқағалидың ешкіммен керіскенін көрген емеспін, «ой, қызталақ» деп отыра беретін. Немесе орнынан тұрып кететін.

Алтыншы сұрағыңызға жауап: Нағыз ақынның келбеті дегенде, мен Мұқағалидың өр кеуделі, асқақ бейнесін көз алдыма әкелемін.

Жетінші сұраққа жауап: Мұқағали өте кішіпейіл еді. Ешкімге қатты сөз айтпайтын еді дегенді тағы да қайталап айтамын. Еңгезердей Мұқағали, шидей әлгі бастық кабинеттен қуып шығып жіберіп, желкесінен түйіп қалдым деген бастық бар емес пе бұдан бұрын айтқан, соны қай-

та бұрылып, әй, деп жуан жұдырығымен бір персе, анау жалпасынан түсер еді. Мұқағали өйткен жоқ. Мұқағалида ондай қылық болған емес. Оның өмірі ерте кетті, кеш келді деген ұғымға да сыймайды. Мұқағали өзінің айтарын айтып кеткен адам, ақын. Жетер жеріне жетіп кеткен пенде. Алланың, Жаратқан иеміздің белгілеп берген мөлшеріне жетіп, дүниеден өткен ақын. Өкініштің өзі өнерге бастайды ғой. Өкініші болған шығар. Әрине, болды. Бірақ, өкініш, қиналу, биікке тартатын, ақынға да, жазушыға да қиындық өте қажет. Тоқ адамнан, менің бір кейіпкерім айтатын еді, тоқ адамнан боқ қана шығады деп. Кешірім сұраймын редакция қызметкерлерінен боқ деген сөзді айтып жатқаным. Бірақ ол солай. Тоқ адамнан боқ қана шығады. Мұқағалиды тағдырдың өзі биік шыңға көтерді.

Сегізінші сұрағыңызға өздеріңіз байқамай жауап беріп те қойған екенсіз. Жазмыштан озмыш жоқ. Пенде Мұқағали қиналды, ақын Мұқағали асқақтай берді. Өмірде қиындық көретін адам аз емес. Мұқағалидың көрген қиындығынан сорақы қиындық көрген адамдар толып жатыр. Солардың бәрі неге Мұқағалиды жақсы көреді, қазір де сол. Бақытты қазақтар, бақытсыз қазақтар Мұқағалиды бірдей іздеп оқиды. Менің өзімнің ең сүйікті, басыма жастап қойып оқитын ақыным – Мұқағали. Әр оқыған сайын мына тұсын, мына жерін қалай байқамағанмын деп өкінетінім рас. Мұқағали қазақ бар жерде Мұқағали болып қала береді. Бір өкініштісі, біз Мұқағалиды басқа халықтарға таныстыра алмай жүрміз. Осы жақында ғана орыс тілінде жазатын бір қазақ ақыны, мен сияқты қазақ тілінде жаза алмайтын орыс ақыны десем де айып емес, Мұқағалидың көптеген өлеңдерін аударып алып келген екен, комиссия мүшелері бір ауыздан қарсы болды, комиссия басқарып отырған жігіт: «Ағатай-ау, Әкім аға-ау, айтсаңызшы, кім болса сол килікпе-

сін де Мұқағалиға, беделіңіз бар ғой, айтыңыз, Мұқағали мынандай болған екен ғой деп ойлап қалады ғой орыс оқырманы, содан кейін оқымай қояды ғой» деді. Мен іштей қол соқтым, дұрыс айтасың дедім, Мұқағалиды кім болса соған аудартпау керек, іздеу керек, табу керек. Қазақстан мемлекеті, Мәдениет министрлігі, Жазушылар одағы Мұқағалиды қалай аударамыз деп жиналыс өткізсе де болар еді. Қаржыны аямау керек. Мұқағалиды біз басқа тілге аударта білсек, қазақ халқының деңгейі өсер еді. Шарықтап өсер еді. Жарықтық, ойдағы қазақты өрге сүйреуге туған Алланың қалауы ма дерсің.

Тоғызыншы сұраққа жауап: Ол рас, мен бұл туралы Жазушылар одағының съезінде айтқанмын. Әлгі желкесінен түйіп, Мұқағалиды шығарып жібердім дейтін қазақ сол съезге қатысып отырды. Ол ештеңе дей алмады. Бірақ оның есігінің алдына отыратын секретарь апай қасыма келіп: «Әкім-ай, бекер айттың ғой» деді, қарт кісі еді, ештеңе демедім. Иығынан құшақтап қана қойдым.

Оныншы сұраққа жауап: Мен күнде оқыған сайын Мұқағалидан жаңа леп, жаңа сыр, жаңа биік табамын. Апыр-ау, мынау жолдарды қалай байқамағанмын деп тағы да қолыма алып сызып отырмын. Мұқағалиды оқыған сайын жаңалық аша бересің. Мұқағали құлпырып тұратын ақын. Қазір былай көрінсе, мына қырымен көрінсе, енді бір оқығаныңда басқа қырымен көрінеді. Сол бір өлеңінің өзі басқаша, басқа бір белеске оқырманды сүйрейді. Мұқағалидың «Сол түні» деген өлеңі бар, сүйсініп оқып жүрдім, бірнеше рет оқыдым, ақырында мен сол өлеңнің сюжеттік желісін алып пьеса жаздым. Кейіпкерінің аты Мұқағали емес, себебі Мұқағали деген үш-төрт пьесаны көрдім. Сондықтан мен оның атын Ақын деп қана бердім. Ақын... Періште... Махаббат. Пьесам әлі күнге дейін қойылып жүр. Қойылымы да жаман емес. Бірақ режиссерға айтатын ақылым да жоқ емес. Менің

пьесамда Мұқағали екеу, бірінші ақын, екінші жай қарапайым адам. Егер Мұқағали ақын болмаса, қалай болар еді деген сұраққа мен жауап бергім келді. Сондықтан да қоғамға наразы, білгенін, көргенін айтып салатын, пікірін ашық айтатын екінші кейіпкерім бар. Мен ремаркада режиссерларға былай деп жаздым: Мұқағалиды ойнаған актер мынау екінші аты жоқ жігітті де ойнау керек дедім. Пьесада ол жігітті үш әріптің екі жеңдеті ауруханада жатқан жерінен төменге алып кетіп, бетонға басын соқтырып өлтіреді. Жетектеп боп келе жатқан болып, екеуі байқамаған болып тартып қалады, жігіттің басы бетонға соғылады. Екеуі отыра қалып пьесада акт жасайды. Бізден қашамын деп, өліп қалды деп.

Енді Мұқағалидың өзіне сөз берейік.

*Ауады да тұрады аңсарым-ай!
Өлі сен есімдесің, Аршалы сай.
Сол түні неге мені өлтірмедің?
Сол түні риза едім алса құдай.*

*Сен куә, Аршалы сай, сол түні мен,
Аққуға тұзақ салып, өлтіріп ем,
Сол түні неге мені аяп қалдың?
Жаңадан ауызданған бөлтірік ем.*

*(Бөлтірік ем, арлан болып аяқтандым.)
Шырылдап сонда сені оятқан кім?
Есіңде ме, көз жасы... жалынышты ңн.
Сол түні неге мені аяп қалдың?!*

*Қара түннің ішінде, қара бақтың,
Атар таң, келер күнге қарамаппын.
Тағдырдың өзі берген махаббатты
Тәрк етіп, мәңгілікке жаралаппын...*

*Аршалы сай! Неғылған көркем едің!
Сол түні неге мені өртемедің?
Сол түннің қияметін есіме алсам,
Сенен де, өзімнен де жиіркенемін.*

Бес-ақ шумақ өлең. Адам тағдыры сыйып тұр. Осы өлеңді мен көп толғандым. Драма жазғым келді. Осы өңге өңгімеміздің ізімен Мұқағали шығармаларындағы драмалық арқау деп атап отырғаным осы өлеңге байланысты. Бір ғана өлеңнен бір пьеса шықты. Ақын болған соң оның қасында жанторсықтар жүреді. Әсіресе, талантты ақын болса. Кеңес кезінде оның соңына бір ғана тыңшы салмайтын, бір ғана салпаңқұлақ салмайтын. Біреуі ішіп-ішіп құлап қалса, екіншісі аман жүруге тырысатын. Сол ақындардың біреуін мен Жанторсық деп ат қойып, Мұқағалидың қасынан табылатын еді, ақын және сатқын оның қасында жүрген. Сол сатқын пьеса басталғанда Мұқағалиға айтады. Мен цитата келтіріп отырғаным жоқ, шамамен айтып отырмын. Сенің кітабың шықпай-ақ қойды-ау, ақын. Жүр, мен сені ағама ертіп апарайын. Өзі үлкен бастық, біздің елдің жігіті. (Мүмкін келісіп те қойған шығар солай). Мұқағали барғысы келмейді, бірақ кітабы бірнеше жылдан бері шықпай жүрген, келіседі, барады. Керемет үй, коттедж. Есік алдында сақшылар бар. Ақын ұяла кіреді. Жанторсық қысылмайды, талай келіп жүрген жері, талай келіп жүрген үйі. Ақынға ыңғайсыз, аяғындағы бөтеңкесіне бір қарайды, үстіндегі киіміне бір қарайды. Қысылып, ыңғайсыз болды-ау, неге келдім деп тұрған сыңайы бар. Жанторсық өз үйіне келгендей еркінсіп, аға мен сізге үлкен ақынды ертіп әкелдім. Бұл менің досым деп жатыр. Басқа бөлмеден әлгі мен Дүниенің тұтқасы деп атаған кейіпкердің жұбайы шыға келді. Ол сол ақын сағына айтқан, қара түннің ішінде қара бақтың ішінде өзі өз махаббатын өлтіріп кеткен қыз еді.

Екеуі бірін бірі танымағандай болды. Ақынның бетінен от шықты. Бірақ ол сездірмеді, неге келдім деп айтуға ұялды. Жанторсық осы ақынның кітабы шықпай қойды, сіздің бір ауыз сөзіңіз ғой деді. Дүниенің тұтқасы қалжыңдап сөйлейтін, ірі сөйлейтін адам екен. Келіншегіне бұйрық берді. «Әзірле мына кісілерге, дастархан жай» деді. Өзі телефон тұтқасын көтерді де, ешқандай сандарды термей: «Әй, – деді, – неғып отырсың ей, тазша» деді. Оның тазша дегені қызметі өзінен кішкентай ғана адам екені түсінікті. «Сен мына пәленше деген ақынды білесің бе?» деді. Анау не айтқаны, әрине, белгісіз. «Білмейтін болсаң, біліп қой, – деді, – пәлен жыл болыпты кітабын шығара алмай жүргеніне, қалың ғып өлеңдерін бір томдық етіп шығарып бер» деді. «Ең алдымен маған әкелесің» деді. Сөйдеді де, телефон тұтқасын қоя қойды. Бар болғаны сол. Себебі, ол – Дүниенің тұтқасы. Оның айтқаны заң. Талай ақындарды зарлатып шығармай қоятын бастықтардың өзі осының өзіне бағынышты. Айтқанынан шыға алмайды. Бұның бір ауыз сөзі жетіп жатыр адам тағдырын шешуге. Енді ар жағын тәптіштемей-ақ қояйын. Ақын өзінің бір кезде рухани өлтіріп кеткен махаббатымен қайта тіл табысты. Оны өзі өте әдемі келтірген. Сахнаның ортасында қабырға бар сияқты. Екеуі екі жаққа қарап тұрып сол қабырғаға арқа сүйеп тұрып сөйлескендей болады. Екеуі екі жаққа қарап тұрып сүйіскендей болады. Мен кінәлімін деген ақынның сөзіне қыз айтады, жоқ сен кінәлі емессің дейді. Мен шалқамнан жатып сол түні жұлдыз санағанмын дейді. Қазақтың жұлдыз санағанмын деген сөзі әйел адамның аузына ғана берілетін сөз. Жұлдыз санадым дегені мен сені сүйіп өз еркіммен берілген едім, сен өзінді өзің бекер жұлып жеп кінәлап, бекер безіп кеттің деген еді. Ақыры осындай тағдырға тап болдым, бірақ... дегенде, жас келіншек, әйел, әлі баласы жоқ, өзін өзі алдап қайта-қайта айтады. Оның аузына мен әдейі сондай сөз

салдым. «Менде бәрі бар, бәрі бар, мен бақыттымын» дей береді. «Талайлар айтады, құрбыларым айтады, туысқандарым айтады, қандай бақыттысың» дейді. «Рас, рас» дейді. «Мен бақыттымын. Менде бәрі бар» дейді. Осы оның сөзінің лейтмотиві. Басқа көп сөз айтпайды. Осы сөзді ол бірнеше рет қайталай береді, қайталай береді. Себебі ол өзін өзі алдап жүрген адам. Өзін өзі сендіріп жүрген адам. Бақыттымын деп жүрген адам. Бірақ, бақыт қара түнде, қара орманда, Алатаудың бір қойнауында қалып кеткен еді. Шығарманың екінші актісінде сол махаббаты белгілі боп қалды, Дүниенің тұтқасы өзінің келіншегіне мен саған екі бөлмелі үй алып қойдым дейді. Ол деген сөз келіншегіне кет дегені сөзі еді. Келіншек оны түсінді. Ақын емес өжет жігіт жендеттердің қолынан басын соғып өмірден өтті. Әдетте, драмалық шығармада бір-ақ шырқау шегі болатын еді. Мен осы шығармада әдейі үш шырқау шегін жасадым. Екінші бөлімнің шырқау шегі – келіншектің өлімі. Ол терезеден өзі құлады. Періште құлады. Пьесаның атауының «Ақын. Періште. Махаббат» аталуының себебі осы еді. Ал енді үшінші трагедия, оқиғаның үшінші шырқау шегі, шырқап барып шығатын шегі – Мұқағалидың өлімі еді. Әлдебір шалмен бірге палатада жатыр еді. Шал өліп кетті. Мұқағалидың өзі өле ме, жаңа ғана тірі еді ғой деген. Мұқағали сол арада жан тапсырады. Бірақ ол өлімді мен көрсетпеймін. Үй сыпырушы әйел бар. Менің үй сыпырушы әйелім бір кезде елуінші жылдары Дүниенің тұтқасы болған үлкен бастықтың әйелі. Өзі қазақша мен татаршаны араластырып сөйлейтін адам. Екі сөзінің бірі блин, блинтус боп келеді. Хрущевті балағаттап, жерден алып жерге салып жүреді, себебі, ол тыңшы болған адамдардың үш әріптің мекемесінде қызмет кеткен адамдардың пенсиясын қиып тастаған еді. Сол бір кезде ауыздығымен құс тістеген әйел енді, міне, ауруханада еден жуып жүр. Пенсиясы жетпейді. Пьесаның соңын ала

ақын өлген соң, әлгі әйел айтады: «Мынау әдіре қалғыр матрастың іші толған қағаз, өлең жаза беріпті, жаза беріпті. Мен соның бәрін шығарып тастадым» дейді. Ол оқиганы маған Роза Мұқанова жеңгелерің айтқан еді. Бір қызбен кездесіп қапты, ауруханада медбике боп істейтін. Сол айтыпты: «Орыс кемпір сөйтіп еді, мен ол кісінің Мұқағали екенін қайдан білейін, тыңдадым да қойдым, ал қазір енді қалай өкінемін. Қоқысқа апарып тастап келді ол кісі. Мен Мұқағали деген ақынды да білген емес едім, оқыған емес едім». Мен сол оқиганы Розадан рұқсат сұрап пьесаға пайдаланған едім. Осы үш шырқау шегі бар пьеса Мұқағалидың аруағына арналған және пьесадағы диалогтардың көбісі Мұқағалидың өлеңдерінен алынған, кейде арасын жалғау үшін менің өзіме де, ақын болмасам да, шамам келгенше тырысып бағуға тура келді. Арасына жолдар қосып жібердім. Дүниежүзілік поэзиядан қазақ поэзиясының бір ерекшелігі, әсіресе, соңғы ХХ ғасырдың соңғы мынау еуропалық өлең, еуропалық өлең айту мәнері деген дүниеге келген соң, өлең өзінің драмалық арқауынан айырылып қалды. Мысалы, бес-алты сөзден құрап ән шығарады, оған музыка жазады. Сол еуропалық сарынға қазақ композиторлары мен әншілері елігіп алды. Сөздерінде мән жоқ, мағына жоқ, сондықтан да музыкаларында арқау болмайды, оның да негізгі арқауы, негізгі жұлыны драматургия ғой. Соны көп адам білмейді. Ақан серінің «Балқадіша» деген өлеңін мен студенттеріме талдатамын. Үш ауыз, үш шумақ өлең – бір пьесаның үш тарауы, үш актісі.

Бұл он бірінші сұраққа берген жауабым: Шын ақынның, ұлы ақынның өз өмірінен болашағы әлдеқайда биік болмақ, асқақтай бермек. Мұқағалитану идеялары ақырын-ақырын басталып келеді дейсіз. Ол ақырын-ақырын басталған жоқ. Оқырман жүрегінде әлдеқайда қайнап шығып, жанартаудай атылып жатыр. Кей кезде-

рі ұлы жазушылардың, ұлы ақындардың өздері жазған шығармаларынан оны зерттеушілердің кітаптары көп боп шығатыны, том-том болып шығатыны белгілі. Өмірінде екі томға әрең жететін Лермонтов творчествосы туралы жүздеген кітап жазылған. Әлі да жазылып келе жатыр, бұдан кейін де жазыла бермек. Пушкиннің өз творчествосынан оны зерттеушілердің кітаптарының саны мүмкін он есе, мүмкін жүз есе көп шығар. Сол сияқты, Л. Толстойдың көзі тірісінде жазып кеткен тоқсаннан асатын томдық шығармалары бар, ал, Толстойды зерттеген ғалымдардың кітабы одан әлдеқайда көп. Мұқағалиды енді басталды дегеніңізге келіспеймін. Мұқағали биігіне көтеріліп келеді. Мұқағалиды зерттеу әлі ешу-ақытта бәсеңсімейді, тасқындай береді. Біз көрмегенді болашақ сыншылар, болашақ ақындар көреді. Маған көптеген адамдар, оқырмандар, жазушылар айтады соңымыздан еріп келе жатқан, «аға, алпысыншы жылдары сіздер келген кездегіден қазіргі біздің әдебиетіміз құлдырап кетті ғой, бар сияқты, көп сияқты, бірақ іліп алары жоқ, не боп барады» деп, сонымен мына жаңа компьютерлік заман әдебиетке тосқауыл болды ма? Әдебиет түбінде осы компьютерлік ұғым, компьютерлік түсінік түбіне жетер ме екен деп сұрақ қояды. Кейде мен соған сеніп қала жаздайтын едім. Осы жақында ғана екі жас ақын, өздері жап-жас, жас ақындар мен прозагерлердің жинағы етіп алты кітап шығарыпты. Ол алты кітаптың біреуі жасы келіп қалған адамдікі екен, оны жарайды деп бөлек қойдым. Ал бес кітапты оқып, әлгі күдігім, кейде менің де кеудеме ұрланып келетін күдігім сейіліп жүре берді. Поэзия мен прозаға бізге ұқсамайтын жаңа толқын келіпті. Бірақ ақындардан тікелей Мұқағалидан цитата алмаса да, Мұқағалидың екпінін таныдым. Шындап келгенде, олар Мұқағалиға еліктеушілер емес, Мұқағалидың алтын шапанынан шыққан адамдар. Сөз саптауы мүлде

бөлек. ХХІ ғасырға тән сөз саптау, поэзиясының екпіні мүлде бөлек, ұйқастары мен технолгиясы күшті, өзгеше бөлек. Сүйсініп оқыдым және де ойладым осы том-томдап ақындардың поэзиясын шығару қандай ұят. Мынау үш ақынның жұқа-жұқа үш кітабы жетіп жатыр маған. Түбі ақын көп болуы мүмкін. Ақынның шыға көтерілер технолгиясы биік болуы мүмкін және ақынға көп тираждың қажеті жоқ қой деп ойладым. Енді әр оқырманның өзінің сүйіп оқитын ақыны менен бұрын пайда болар. Осы жас ақындардың бірде-бірінен табыну, жалыну, биліктегілерге жағыну көрмедім. Биліктерге жағынатын кітаптар шығып жатыр. Мен бірнеше осындай кітаптардың авторларына жаным ашиды. Барлық өлеңдері арнау, пәленше деген мырза жігітке, түгенше деген бай жігітке, қолында билігі бар пәленше деген министрге, түгенше деген әкімге арналған кітаптар көп қазір. Соның бәрі өтеді, социалистік кезеңдегі өткен ақындар сияқты, бұ да бір дәуірде өтеді. Нағыз поэзия, нағыз ақын өлмейді және ешуақытта таусылып, тоқырап қалмайды. Бір кезеңде тосылып қалуы мүмкін, алдынан кедергі болуы мүмкін. Бірақ жиналып келген су тоспаны жарып қайта шығатыны белгілі ғой. Сондай кез болады. Енді бір секірсе, бес-алты жыл өткен соң әдебиет қайтадан жанданады деп ойлаймын.

«Мұқағали» журналы маған ұнайды. Шыншылдығымен ұнайды және мынау әдебиетті зерттеуші ғалымдардың тәсіліне салып, солардан қалыспай, солардың айта алмаған сәттерін айтып жүрген сәттерің бар, соған ризамын. Өздеріңді өздерің аямаңдар, жасқанбаңдар. Мұқағали – ашылмаған жұмбақ, сол жұмбақ күйінде қалмасын. Журналдың нөмірін арнайы Мұқағалидың бір өлеңін талдауға арнау керек және осы өлеңі жөніндегі бірнеше сыншының мақаласын жариялау керек. Қайшы пікір болса, оған қуану керек. Ақылы бар адам, кеудесінде оты бар адам Мұқағалиға қарсы шыға алмайды. Бірақ,

өкінішке орай, кейбір газеттерде айтылып қалатын қарсы пікірлер бар. «Мұқағалиды құдай қып жіберді» деген бір пікірді оқыдым. «Мұқағалидан басқа ақын жоқ па» деп жазған бір ақынның мақаласын оқыдым. Ондай баршылық, ондай бола береді, Абайды да менсінбегендер болған. «Абайды ақын деп білмеймін» деп жазған бір прокурордың мақаласы баяғыда менің қолыма кеп түсті. Арт жағынан қарасам Меркі ауданының прокуроры екен, өзінің аты-жөнін де жазыпты. Абайды мен соттар едім депті. «Алаш» журналында біз өлгі прокурорға тойтарып соққы бергенбіз. Ондай бола береді. Пушкинге шабуыл жасаушылар жетіп жатыр. Шекспирдің дауы басынан асып жатыр. Ол өзі жазған деуші том-том кітаптар бар, мен оны оқығам. Лермонтовты Ресейге қарсы адам, қаны қас адам деп жазған мақалаларды мен оқығанмын, он мың тиражбен шығатын «Огонек» журналынан. Бірақ оған оның мұрты қисайған жоқ. Жазды – қалды. Шолоховтың өзінің бес-алты томдық шығармалары бар, ал Шолохов туралы кемінде жүз-екі жүз томдық даттау, жамандау, ұрлықшы, плагиат деген кітаптар шықты. Мақала емес, кітаптар шықты. Өлгі қайта құру кезінде, аузың барда сөйлеп қал деген заманда. Енді солардың бәрі қайда қалды. Шолохов жылдан-жылға жарқылдап, биіктей түсті, Толстой жылдан-жылға шарықтап биіктеп бара жатыр, Абай жылдан-жылға биіктеп барады, Мұқағали да солай жылдан-жылға жарқылдап, шарықтап, биіктей береді. Мен бұл сұхбаттың ең соңына өзімнің күнделігімнен алып, бір пікірді келтірейін. Мұқағалидың қолымдағы бір томдық кітабын оқып біткеннен кейін жазған едім. Мұқағали, әрине, Абай емес, Абай да Мұқағали емес, әрине. Оқырман қалай түсінсе өзі білсін, аузына қақпақ қоя алмаймын. Күнделікте осылай жазылып қалды, оны өзгерткім келмейді. Шын мәнінде, Мұқағали Абай емес, бірақ Абай да Мұқағали

емес қой. Ұлылар бірін-бірі төмендетпейді. Ұлылар бірін-бірі асқақтата береді.

Алатаудың шыңдары иықтасып келіп, тұтасып келіп, бүкіл жер бетінің табиғатын қорғап тұрған жоқ па, Алатау бүкіл Қытайға солтүстіктің ызғарын, қаһарын өткізбей тұрған жоқ па, Алатау Үндістанға да солтүстіктің қаһарын, ызғарын өткізбей тұрған жоқ па. Егер қытай мен үндіс бүгінде жеңіл киіммен жүретұғын болса, қызыжазы жалаңаяқ киім іздемейтін болса, Алатаудың арқасы емес пе. Өзіміздің осы қасиетімізді біле бермейміз. Қазақ өзін бағалай алмайтын халық.

*Түңгі сағат 01.00.
19 ақпан, 2012 жыл*

Жақыпжан, төрт-бес айдан бері созып, өтінішіңді орындай алмай келгенімді кешір. Ал, бүгін таңертеңнен бастап келесі күннің жаңа басталған түнінде бітіріп отырмын.

Таңғы сағат он бірде Өнер университетіндегі студенттеріме Мұқағалиды алып барып, Мұқағалиды оқып, Мұқағалиды түсіндіріп қайтқан едім. Сонымен бүгінгі күн Мұқағалиға арналды. Мың күніме де арналса да өкінбеймін. Мұқағали үшін өмірін қиятын адамдар бар. Жазушының, ақынның көзі тірісіндегі бақытынан гөрі, өзі өмірден өткеннен кейінгі келетін қуанышты сәттері қымбат. Үлкен бақыт. Болашақ сыйлаған бақыт, Жақыпжан!

*«Мұқағали» журналының бас редакторы
Жақыпжан Нұрғожаевқа берілген эссе-сұхбат.*

Кинодраматургия

ТУЛПАР

Киносценарий

Не знаю, как вы – но я люблю смотреть в ночное небо. Оно у нас как темно-синий мягкий бархат, усыпанный миллиардами драгоценных алмазов, миллиардами неизвестных нам миров. Я люблю смотреть в ночное звездное небо.

Особенно люблю я смотреть на Большую Медведицу, по-нашему Тулпар – и вот почему...

* * *

Художник, безусловно, был романтиком. Это сразу видно: он так ретушировал, пририсовал старуху, что она не была похожа на старуху. Из рамки глядел по меньшей мере воинственный вождь индейцев-апачей в современной европейской одежде: в мужском полосатом пиджаке, белой сорочке, при полосатом мужском галстуке. Старушки-казашки никогда никому не показывают свои волосы, поэтому-то они и носят кимешек, но втиснутая в рамки старушка была коротко стрижена и гладко, в пробор расчесана. Но тем не менее в ней угадывалась мать. По крайней мере Жаухаз видела в ней свою мать.

Самые страшные слезы – скупые. Ты плачешь, а их нет. Нет слез. Только глаза красные, тусклые, выплаканные – Жаухаз опустила на колени перед матерью.

Мать смотрела куда-то вверх. Гордо. Неумолимо гордо. Жаухаз долго смотрела на фото. Фото смотрело куда-то вверх. Вошла женщина в черном бархатном платье. В красных легких сапогах. С искусственной родинкой на левой щеке. Села на стул у кровати.

Сказала:

– Приходили от них... Сегодня вечером!..

Она глядела на Жаухаз. Жаухаз молчала. Будто не слышит.

– Ровно в одиннадцать. Когда выйдешь из кино. Поняла? Жаухаз ничего не ответила.

– Ровно в одиннадцать. И не кривляйся, солнышко! – сказала женщина.

– Не кривляйся.

* * *

В одиннадцать ночи кончилось кино. В летнем кинотеатре в колхозном саду.

Люди расходились по домам. В основном молодежь. Есть и старики, и дети.

Мальчики стреляли друг в друга. Старики молча шествовали. Парни и девушки в основном шептались.

Жаухаз вышла из театра последняя. Нарочно отставая. Стараясь быть незаметной.

Люди расходились. Все дальше и дальше.

Откуда-то из темноты вынурнула «Волга». С потушенными фарами.

Новая-новая.

Остановилась около Жаухаз. Растерянная девушка на миг рванулась вперед. Но остановилась. «Не кривляйся, – солнышко!».

Открылась дверца машины. Вышел какой-то парень. Молча подошел к девушке. Молча подвел ее к машине. Молча сели.

И машина юркнула в темноту...

Постепенно люди разошлись по домам. Аул утих. Постепенно гас свет в окнах. Постепенно установилась ночь. Ночь. Темная. Темная оттого, что на площади – где нынче стоит съемочная группа – ярко светят электрические лампы под колпаками. Они тихо покачивались на ветру... Где-то лениво лаяла собака. «Я тоже не сплю», лениво вторила ей вторая. Постепенно аул погрузился в глубокий сон.

Мир заполнился прозрачной песней лягушек и тысячи сверчков ладно заиграли в свои свирели – поднималась на Востоке полная огромная красная луна.

Вдруг раздался выстрел. Зажегся свет в окнах одного из домов недалеко от площади.

Еще выстрел. Какой-то крик. Женский голос.

Мужчина громко ругался.

Осветились окна еще нескольких домов. Голоса умножились. Четко слышалось: отчаянно рыдала женщина.

Резко открылась калитка. Оттуда выбежал разъяренный мужчина в шляпе, в кителе, в сапогах, брат Жаухаз.

– Убью! Убью! – рычал он. Соседи выбежали за ним. Отняли у него ружье. Но он нашел где-то палку. Побежал куда-то по улице. Соседи – за ним.

Из дома вышла невестка Жаухаз, по-прежнему в черном бархатном платье. Она громко рыдала и соседкам, окружившим и успокаивающим ее, говорила сквозь слезы:

– Не виновата я, ей-богу, не виновата. Она сама убежала. Она сама!

Соседки успокаивали ее.

Она быстро успокоилась. Вытерла слезы.

По привычке долго терла родинку.

– Девушке путь известный – замуж. Не нужно убиваться из за этого, Биби-жан. Не плачь, – говорила одна старуха.

– Нашла себе равного – хорошо.

– Пусть будет счастлива... – говорили другие соседки.

Послышались с улицы мужские голоса. Несколько мужчин (соседи) ввели в комнату по-прежнему разъяренного мужчину в шляпе.

– Успокойся, Еркебай, успокойся.

– Лучше пожелай ей счастья.

– Девушка рождается, чтобы стать чужой.

– Пусть будет счастлива, нашла себе пару.

– Успокойся, Еркебай, успокойся, – говорили соседи.

Они усадили Еркебая на стул. Он вдруг крикнул:

– Убью! – и кинулся на жену.

Соседи еле удержали его. Усадили.

Тут Еркебай начал плакать навзрыд.

– Единственный мой родной человек, зрачок глаз моих, неужели оставила меня, неужели ушла к чужим?! – причитал он сквозь рыдания.

– Единственный мой родной человек, золото мое, солнце мое, неужели покинула нас?! – зарыдала Бибисара. Соседи тоже прослезились. Вытирая мокрые глаза. Потом соседи ушли.

– Не убивайтесь.

– Да будет Жаухаз счастлива! – говорили они на прощанье.

Еркебай облегченно вздохнул, закрыв дверь на крючок. Спокойно разделся. Лег. Легла и жена. Потушили свет. В темноте Еркебай спокойно сказал:

– Я разбил им все окна.

– Этого достаточно, – отозвалась Бибисара.

* * *

Желтое море. Желтый океан. Желтый пшеничный океан. И небо, кажется, пожелтело. Желто, желто... И вдруг, как зеленое бездымное пламя, вспыхивает зеленый аул. Самый обыкновенный аул. Три долгие улицы. Дома, по-

хожие друг на друга как близнецы, крытые шифером. С зелеными верандами и зелеными ставнями. У каждого дома зеленый участок...

Обыкновенный аул. С площадью в центре. С памятником Ленину на площади. С двухэтажной конторой правления и двухэтажной школой на окраине. И с универмагом.

Стоят рядом два дома.

Высокие. Белые. С зелеными ставнями. С зеленой верандой. Удивительно похожие друг на друга. Один – Отау, Малый дом сына, второй – Улкен уй, Большой дом. С общим двором.

В отау, в богато убранной комнате – Жаухаз. В белой шелковой косынке – это значит, что она женщина, в белом свадебном платье – это просто от русских. Она сидит на койке за занавесом (шымылдык). Рядом три девушки в красных косынках. В красном – значит, они девушки. В разноцветных платьях. Ниже колен. Но не совсем длинных. Ниже колен – значит, они все же азиатки. Не совсем длинные – значит, дань современности. Но в какой бы одежде они ни были, девушки есть девушки. Они прекрасны.

Одна из девушек стояла у окна. Две сидели рядом с Жаухаз. Они ей что-то шептали. Печальное лицо Жаухаз на миг озарилось. А девушки звонко засмеялись. Та девушка, которая стояла у окна и глядела на улицу, не оборачиваясь, словно в глубоком раздумье, сказала:

– Начинается.

Жаухаз и две остальные девушки подошли к окну.

В окна были видны горы.

Метрах в ста от дома проходила асфальтированная трасса – откуда-то куда-то. С этой трассы свернула колонна машин. Впереди друг за другом две «Волги». «Газ-69» и грузовая машина, набитая стариками, старушками, мужчинами, молодежью, даже детьми.

Колонна машин подъехала к дому. Их встретили несколько парней и мужчин. Поздоровались.

– Чапаев, – сказали девушки.

Обслуживающие парни повели колонну машин куда-то.

– Повели к Аргинбаю, – сказали девушки.

С трассы свернули еще две машины с людьми.

– Киров, – сказали девушки.

Обслуживающие парни встретили гостей. Повели куда-то.

– Повели к Меркебеку, – сказали девушки.

С трассы свернула группа джигитов на конях.

– Джамбул, – сказали девушки.

Обслуживающие парни встретили гостей. Повели куда-то.

– Повели к Огузбаю, – сказали девушки.

* * *

Темнело. В комнату вошла старушка. Включила свет.

– Айналайн, голубки, сидите! – сказала она добрым голосом. – Вам не скучно? Если скучно, идите. Погуляйте.

Девушки вышли. Они знали, что полагается невесту оставить одну. Сейчас придет жених.

– Айналайн, – старушка погладила Жаухаз по голове и добро посмотрела. Жаухаз опустила глаза.

Вошел Турар. В черном дорогом костюме. При черном галстуке. Волосы – смола. Видно, что он не так часто носит шикарный костюм. Не знает, куда деть руки. От стыда, видно, чуть сгорбился.

– Входи, айналайн! – добро сказала старушка. Погладила сына по голове. Потом снова погладила Жаухаз по голове.

– Голубки мои, – добро сказала она. Эти слова выражали все. Безмерную материнскую радость, ликование. Пожелание счастья. Все, все.

Старушка вышла.

Они остались одни. Он, стесняясь, сел на стул. Она продолжала стоять.

Он поставил стул.

– Садитесь.

Жаухаз села. Она смотрела на пол.

Он смотрел на пол.

Он начал стучать пальцами по стулу. Она вздрогнула. Он заметил это.

Растерялся.

Жаухаз медленно подняла глаза. Долго смотрела на него. Он сидел с опущенными глазами.

Жаухаз вздохнула.

Они не знали, что сказать друг другу. Не знали, что делать. И автор тоже не знает, что его молодые герои могли бы сказать друг другу сейчас. О чем бы они могли говорить. Как поступят дальше. Поэтому автор прибегает к спасительному приему: вводит других действующих лиц...

Сюда вошли люди. Молодые люди. Его товарищи. Ее подруги. Два парня. И две девушки. Простые. Раз простые, о внешности их судите сами.

Один парень сказал, обращаясь к Жаухаз:

– Отгадай, кого я привел.

– «Кого?» – взглядом спросила она.

– Сейчас, – сказал парень. Отворил дверь, кому-то сказал:

– Входи.

Вошла девушка. Таких девушек почему-то до сих пор называют стилиягами. Но она не была стилиягой. Она просто была хорошо, со вкусом одета. Она была студентка.

Жаухаз бросилась в объятия девушки. Беззвучно уткнув лицо в грудь подруги. Беззвучно прося прощения.

– Не надо, – сказала девушка. – Я говорила тебе, что так кончится...

Жаухаз незаметно вытерла слезы. Вздохнула. И спокойно спросила:

– Когда приехала?

– Сейчас только, – ответила девушка. – Получила твое письмо. Сразу поняла, что беда... уж слишком пространно рассуждаешь о судьбе. Сразу поняла и отпросилась.

– Спасибо, Гульжан, – сказала Жаухаз, помолчала. – Ну, как практика проходит?

– Ничего... – задумчиво ответила Гульжан. Потом усмехнулась: – Судьба...

Тут девушка увидела Турара. Подала ему руку.

– Здравствуй, Турар, поздравляю, – сказала она холодно.

* * *

Большой дом. Просторная гостиная. Длинные столы ломаются от разных алкоголей и закусок.

На самом почетном месте сидело начальство. Тут же сидел старик Танабай, отец Турара. Тут сидели солидные молодые люди. Одеты гости вразной. Черные костюмы, белые кители. Безрукавки. В тюбетейках. Женщины – от самого модного до самого нелепого, цветастого, белого, черного, бархатного. На ногах – от ультрамодных туфель до маси. Тут сидели готовые сейчас же пуститься в пляс русские, звенела своими серебряными украшениями курдянка, блестели своими узкими глазами супруги-корейцы, степенный узбек, двое чеченцев.

В коридоре приютился местный оркестр. Это был на самом деле местный оркестр. «Духачи», скрипачи, домбристы. Вместо барабана узбекская дайра. И гитара. И свирель. Парни-оркестранты уже «в духе». Ждут торжественного момента. Ждут появления молодоженов. Все учтиво шепчутся. Бегают женщины – обслуживающий персонал.

– Идут! – сказал стоявший у двери парень.

Соскочил с места дирижер. Измятый старик. Трагически растерян. Поднял руки.

– И раз! Давай!

Оркестр заиграл. Туш.

У двери показались молодожены. Их окружала свита. Его товарищи. Ее подруги. Тромбон и гитара фальшивили. Это, может быть, стоило жизни старому дирижеру. Он так злился. Чуть не плакал. Грозился на фальшививших.

Кто знает, может он сегодня вернется со свадьбы и скончается. Или, еще хуже, тут же. Если еще кто-нибудь из музыкантов сфальшивит.

Под аплодисменты молодожены стали у двери. С ними рядом стояла свита. Его товарищи. Ее подруги.

Утихли.

Встал один очень тонкий, но очень важный человек.

Он сказал:

– Товарищи! Мы собрались на той нашего уважаемого аксакала, знаменитого чабана Танабая. Это свадьба его сына. Пожелаем, товарищи, нашему молодому чабану Турару и его невесте Жаухаз большого счастья. Пожелаем им с еще большим рвением трудиться на благо Родины. Да будет много-много внуков у нашего уважаемого Танеке!

Все встали. Все выпили. Все сели.

– Слово предоставляется аксакалу Танабаю! – сказал человек в форме майора милиции.

Встал старик. Он был взволнован. Слезой блестели его глаза.

– Дети мои, сородичи, дорогие мои! – сказал старик. – Я не умею говорить красивые слова. Вот что я вам скажу, дети мои, за все это спасибо советской власти и всемогущему Аллаху!

Начальство замаялось. Молодежь, от души смеясь, аплодировала.

– Перевод, переводите! – кричали некоторые из гостей.

Начальство еще было в замешательстве.

Поднялся человек в форме майора милиции.

Он сказал:

– Товарищи! Я переведу. Наш уважаемый аксакал сказал... Он пожелал всем вам счастья!

Некоторые из гостей похлопали.

Знающие казахский язык смеялись переводу.

Все встали. Все выпили. Все сели.

Потом встал молодой человек с очень гладким, очень упитанным, очень самодовольным, безмятежным лицом. Он сказал:

– Товарищи. Эта свадьба проходит в знаменательные дни, когда весь народ, вдохновленный Обращением ЦК к труженикам нашей республики, не щадя сил трудился и собрал урожай. Эта свадьба, товарищи, не только свадьба наших уважаемых Турара и Жаухаз, это свадьба всех нас.

Грохнул смех. Оратор на секунду растерялся. Но тут же продолжал:

– Я хотел сказать, что этой свадьбе все мы рады, товарищи. Я предлагаю поднять тост за наших уважаемых молодоженов. Чтобы они жили долго, трудились на благо Родины. И чтобы наш уважаемый аксакал Танеке имел много-много внуков!

Оратор подал знак оркестру. Местный оркестр заиграл туш. Видимо, только что выступивший оратор имел какое-то отношение к оркестру, зритель это поймет, если обратит внимание на то, как дирижер смотрит на него, взглядом выражая: «вот, пожалуйста, по вашему указанию...».

Все встали. Все выпили. Все сели.

Молодожены со свитой стояли у двери.

Малый дом.

К нему идут молодожены со свитой. Оркестранты опередили их. Вошли в коридор. Стали. Только хотели «дать жару».

– Не надо! – испуганно сказал кто-то из свиты. – Здесь старики.

В гостиной сидели старики и старухи. На полу на кошке, на стеганых шелковых одеялах. Пили чай. Один из стариков почему-то сидел с опущенной головой.

Молодые остались стоять.

– Дети мои, – обратился к молодым древний-древний старик. – Мы понимаем, что сейчас другое время. У вас другие нравы.

Молодежь согласно молчала.

Старик сказал:

– Будьте счастливы, дети, аумин!

Все старики, кроме одного, который сидел с опущенной головой, подняли руки, провели по лицу:

– Аумин!

Тут неожиданно заиграл местный оркестр. Туш...

Старик, который сидел с опущенной головой, резко поднял голову и обалдело крикнул:

– Урра!

Старик был пьян. Непьющие солидные ровесники его брезгливо сморщились.

Молодые будто не заметили ничего этого. Они мучительно держались. Им нельзя смеяться здесь.

Местный оркестр, как по команде быстро встав у входа, заиграл туш.

Молодожены со свитой вошли в клуб.

Накрытые, тесные ряды столов притеснили к стенам. В середине – простор. И неожиданно – впереди – там стоял хор. Настоящий хор, девушки в белом – впереди, полукругом, парни черные – блестя только белыми зубами и белыми воротниками – за ними.

Тамада, молодой миловидный стройный парень, махнул рукой. Хор разноголосно заорал:

– Будьте счастливы, будьте счастливы! Будьте счастливы!

Тамада-дирижер махнул еще раз рукой.

Хор неслаженно, на высокой ноте «запел»:

– Горько! Горько!

Молодожены и свита просто обалдели. Как быть, что им делать?

Хор все «пел».

Молодожены не собирались целоваться. Хор устал орать.

Дирижер махнул рукой. Хор, как по команде «разойдись», мгновенно распался. Сверху усиленно заиграл магнитофон. Плавный, томный, сердцепипательный вальс. Все закружились. То сходясь, то расходясь.

По очереди подхватывая невесту – парни и жениха – девушки.

С Жаухаз все парни вальсировали молча. Только тамада нарушил этот несговоренный обет.

– А я-то, дурак, думал, что никогда слово «Жаухаз» и слово «замуж» не смогут стоять рядом. Боже, какой я был... Ты такая была строгая, недоступная... Прямо Ульяна Громова, а ты – на тебе... Ну, как бы там ни было, будьте счастливы.

– Спасибо, Танабай, – от души сказала невеста.

– А – хе! – засмеялся парень. – Ты теперь не имеешь права произносить это слово, так зовут и твоего свекра. Так что называй меня ну хотя бы – дорогим...

Невесту подхватил другой парень.

* * *

На следующий день был кокпар, джигиты состязались на ковре, девушки хлестали камчой нерадивых скакунов. А к вечеру над аулом установилась жуткая тишина.

От аула по бескрайней степи на север направлялась отара овец. Уезжала семья старика Танабая.

Сам старик, Турар и старушка Алтынай на конях. Жаухаз на верблюде. На верблюде их жилище – собранная юрта. Одежда, постель, посуда. За отарой плелись две ленивые борзые.

У своего дома стоит Еркебай. Смотрит на уезжающую семью старика Танабая. Провожает взглядом.

Долго смотрит.

Те – все дальше.

Еле слышен крик чабана, подгоняющего овец.

Все дальше.

Все смотрит Еркебай. Провожает – прощается с сестрой. Единственной. Та в белом платке сидит на верблюде. Уезжает на зимовку в пески.

Еркебай все смотрит.

Те – все дальше. Их уже почти не видно.

Еркебай входит в дом. В гостиную. Дальше в комнату сестренки. Ее кровать. Ее книги. Ее стол. Ее стул.

Под кроватью забытые остались ее туфли. На высоких каблуках. Новые.

Он нагнулся. Взял их в руки. Старательно завернул в газету. Взял под мышку. Поднялся. Посмотрел на стену. На стене выделялся квадрат от фото матери.

Еркебай помолчал. Крикнул:

– Жена!

Никто не отозвался.

– Жена! – резче крикнул Еркебай.

И вдруг он с неожиданным остервенением бросил на пол туфли сестры и с остервенением начал рыдать, припав к кровати сестры. Начал бить себя кулаками в грудь. Потом неожиданно встал, потянул носом.

В гостиной снял со стены камчу, вошел в кухню. Там сидела Бибисара. Абсолютно спокойная. Мыла посуду. Муж вошел. Подошел вплотную и... хлестнул камчой жену.

Бибисара вскрикнула.

– Сумасшедший! – сказала она. – Что такое?

– Вот что! – сквозь зубы процедил Еркебай. – Вот что! –
Еще два раза свистнула камча.

Тут Бибисара, вместо того чтобы начать кричать и плакать, мгновенно остервенела и, вся зеленая и злая, подошла и села на стул.

– За что? – резко, холодно спросила она.

– Это ты! Ты уговорила меня! – сказал он. И бросив камчу, начал бить себя в грудь, в голову. Рыдая, трясясь.

Бибисара злобно улыбнулась:

– Несчастный! – сказала она, зло торжествуя. – Ты же сам ее! Ты же сам!

– Я тебе сейчас покажу «сам»! – взбесился Еркебай и кинулся за ней.

Торжество с лица Бибисары как рукой сняло:

– Убьешь, зверь! – бессильно проговорила она и кинулась бежать.

Выбежала на улицу.

Он настиг ее на веранде. Хлестнул. Она вскрикнула. Выбежала во двор. Он за ней.

Прибежали соседи.

– Что с вами?

– Успокойся, Еркебай. – Соседи его схватили. А он продолжал вырываться, кричал: – Это она, змея, меня заставила! Она! Это она ее довела! Змея... Не давала жить... Довела... Она!

– Мы тебя понимаем, единственная сестра все же...

– Она нашла себе сейчас счастье... – уговаривали соседи.

Они их разняли. Успокоили.

Он молча пошел в дом.

Бибисара все плакала, жалуясь.

Он вышел из дома. В своей фетровой шляпе. С завернутыми в газету туфлями сестры. Под мышкой.

Направился в сторону магазина, где он работает продавцом.

Аппарат долго следил за ним. Так долго, чтобы зритель, так же как автор, мог подумать: «Эх, человек!»

* * *

...Ноги верблюда. Медленно шагают по степи.

Степь сухая, осенняя. Следы овец.

...Ноги верблюда. Уже пески. Поднимаются на песчаные бугры. Опускаются. На песке следы овец.

...Ноги верблюда. – Медленные часы степи, медленные часы чабанской жизни.

Пески. Саксаулы. Следы овец.

...Ноги верблюда. Падают мягкие хлопья снега. Пески. Следы овец на мягком первом снегу.

...Следы овец. На глубоком снегу. Ноги верблюда – медленные часы чабанской жизни.

* * *

В песках Моюн-Кумы есть просторная котловина, называется она Май-кудук.

Здесь – колодец.

Здесь – зимовка отары Танабая.

Здесь – его дом. Коржун уй – так называются дома, в которых три комнаты. Передняя – здесь две печки.

По сторонам – входы в комнаты. С одной стороны – молодые, с другой – старики. Живут.

Было раннее утро.

В передней – Жаухаз. В фуфайке. В толстой теплой шали. В сапогах.

Ворочала кизяк в печи.

В котле что-то кипит.

С улицы входят старики. Танабай и Алтынай.

Холодно. Они замерзли. Но оба спокойные. В тулупах. В крепких сапогах. Старик в лисьей шапке.

– Турар, – негромко позвал старик.

Вышел Турар. Взглядом выражая вопрос: что, отец?

– Сегодня день ясный. У меня что-то ломит в пояснице...

Надо вывести овец из кошары. На выпас.

– Хорошо, – ответил сын. Ушел в свою комнату.

Старушка присела на корточки рядом с Жаухаз. Согреть руки.

Старик вошел в комнату молодых.

Старушка открыла крышку котла. Там кипел молочный пшенный суп.

Жаухаз и старушка перелили суп из котла в миску. Жаухаз внесла суп в комнату для молодых. За ней зашла Алтынай с посудой.

Комната. На земляной пол постелена бойра – плетеный камышит. На ней толстая кошма. Деревянная двуспальная кровать. На стене – алаша, нечто вроде ковра. Маленький квадратный стол у окна. На нем – приемник. Все.

Жаухаз постелила скатерть.

Сели.

Жаухаз разлила суп. В алюминиевые чашки.

Ложки деревянные. Крашеные. Молча позавтракали.

Встал Турар. Оделся. Тепло оделся. Сапоги. Тулуп. Лисья шапка.

Крепким ремнем крепко подпоясался. Вышел.

За ним в переднюю вышла и Жаухаз.

Достала из буфетика пару калачей. Завернула в белый платок. Дала мужу. Тот сунул хлеб за пазуху.

Взял палку. Вышел.

На улице. Снег скрипит под ногами. Морозно. Поднималось белое выцветшее зимнее солнце.

Турар подошел к кошаре. Открыл. Выгнал овец. Прибежали со стороны дома две борзые. Огромные. Недалеко

от дома паслись лошади. С длинной и седой от мороза шерстью.

Турар поймал одного коня. Оседлал. Сел. Медленно поехал за овцами...

* * *

Я часто спрашивал себя, что самое страшное в жизни чабана? Что самое угнетающее, что самое разрушительное? И я подумал: самое страшное – безмолвие. Самое угнетающее – безмолвие. Самое разрушительное – безмолвие. Даже если люди говорят, даже если люди поют – это только подчеркивает, проясняет страшное безмолвие.

И я часто думаю, какова должна быть духовная сила этих людей, мужественно переносящих безмолвие.

Сочувствовать легче, чем переживать.

* * *

Подслеповатое солнце глядело сбоку. Тускло отражаясь на снегу.

Скрипя снегом, старик шел к кошаре. Вошел. Длинный тусклый сарай. Подпорки. Маленькие окошки. На потолке в нескольких местах зияли дыры. Старик поставил к крыше лестницу. Поднялся. Заткнул «дыры» соломой.

К кошаре подошли Алтынай и Жаухаз. С лопатами. Старик сошел с крыши. Взял в руки чекмень (казахи называют: кетпен). Начали чистить сарай. Мерзлый навоз. Старик срубал.

Старушка и сноха с лопатой выбрасывали за дверь.

Подслеповатое солнце еле заметно хмурилось над горизонтом.

В степи закат долгий.

Жаухаз вышла из кошары.

Удивленно остановилась. Что-то увидела.

Вернулась в кошару. Сказала старикам:

– Машина.

Старики и Жаухаз вышли из кошары.

По бездорожью двигалась черная точка.

Точка увеличилась. Машина. Фургон.

Машина подъехала к зимовке.

Остановилась. Из кабины вышел парень. Довольно легко одетый.

Крепкий. Ровной и уверенной походкой.

– Ассалаумагалеюкум! Здравствуйте!

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Старик принял сразу шутивную форму беседы.

– Э-э, Танабай, тезка!

Парень улыбнулся старику – по-свойски, как ровеснику.

– Добро пожаловать! Куда же путь держишь?

– В Кара-Бастау! Далеко еще отсюда?

– Километров сто. А кому ты там, прости меня, нужен, завклуб?!

– Да вот, нужен стал... Еду к своим одноклассникам.

– Ну, понятно, понятно, – все шутивно продолжал старик, – механизированные. К ним?

– Да к ним. Механиком. А место завклубом пустовать не будет...

Подслеповатое солнце все катилось на закат. Старик задумался. Опомившись, сказал:

– Ну что, входи в дом.

Сам вошел первым. За ним – старушка, за ней – Танабай. Он на миг задержался на пороге, спросил:

– Ну как, Ульяна Громова, дела?

Жаухаз ему улыбнулась, сказала:

– Входи, «дорогой».

В комнате молодых сидели два Танабая и старушка. Жаухаз внесла большой черный кумган – чугунный чайник. Заварила чай. Настелила скатерть. Налила чай всем. Старик неторопливо допил первую пиалу. Сказал:

– Это хорошо. А часто думал: свихнулся парень. Легкую жизнь ищет. А дед твой, покойный, был человеком. Да... Ты его поздно узнал. Война... Детдом... Возьмешь его отару?

– Да...

Старик еще помолчал. Улыбнулся. Сказал:

– А вы, механизированные, меня примете в свою бригаду? Вам по штату не полагается старик, который бы вам сказки по вечерам рассказывал. Зеленые все вы там, зеленые...

– Турара и Жаухаз мы бы приняли...

– Турар не пойдет, – спокойно сказал старик, – знаю...

– Ну, мне ехать, – парень отпил последний глоток, встал.

– Уже поздно. Ночуй у нас. Завтра утром поедешь. Будешь гостем.

– Нет! Спасибо. Поеду. Совсем близко осталось.

– Так легко одет, – сказала старушка с состраданием, посмотрев на его легкую спортивную одежду. – У нас есть запасной тулуп.

– У меня есть. В кабине.

Тут он увидел радиоприемник.

– Конечно, батареи нет?! – сказал он, указывая на него.

– Нет, – ответил старик.

– Я вам дам.

Он вышел.

– Турар еще не вернулся? – старик обратился к снохе. Жаухаз встала. Подошла к окну.

– Нет еще, – сказала она. Потом зажгла керосиновую лампу. Поставила на стол.

Вошел Танабай. С батареей.

– Возьми, – сказал он Жаухаз.

Спохватился:

– Ах, да ты не умеешь?! Я сам сейчас...

Он поставил батарею. Включил радиоприемник. Затрещало, зашумело, потом – песня:

«Айналдым ак мандайлым»...

– Пах, пах! – оживился старик. Оживились все.

Тут парень неожиданно перевел на другую волну.

Затрещало. Зашипело. Потом установился постоянный шум. Нечто вроде космического шума. Какой-то протяжный гул.

Парень застрял у приемника.

– Сынок, куда же дел песню? – спросила старушка.

Парень будто не слышит. Застыл. Слушая протяжный таинственный гул.

Спокойная и тактичная старушка не стала повторять свой вопрос. Спокойные и тактичные старик и его сноха тоже не стали беспокоить гостя.

Парень застыл у приемника. Доносился протяжный, даже странный гул.

Этот гул напомнил старику о сыне.

– Что, на улице буран? – обеспокоился он.

– Нет. Откуда ему быть, – ответила Жаухаз.

Старик послушал и как-то спокойно сказал:

– Да. Буран.

Жаухаз подошла к окну. Подняла занавеску. В стекло бил сильный ветер, с густым снегом. И небо свистело.

– Буран! – побледнела Жаухаз.

Старик, старушка, Жаухаз выбежали на улицу.

Парень не замечал всего этого. Он застыл у приемника. Слушал, слушал неистовый таинственный гул.

На улице бушевал буран. Густой снежный ветер, кружась, бил в лицо, в грудь. Было уже темно.

Старик, старушка и Жаухаз прибежали к кошаре. Услышали блеяние овец, лай собак.

– Ррить – чу! – донесся голос Турара.

Он загонял овец в кошару.

– Слава богу, – старушка первой прибежала к сыну.

Старик и Жаухаз без слов начали загонять овец в кошару. Загнали. Закрыли дверь.

Вошли в дом. Танабай все еще сидел у радиоприемника. Слушал гул. Он не замечал вошедших.

– Овцы все? – спросил отец.

– Кажется, – ответил сын.

– Замерз? – спросила мать. – Жаухаз, принеси чай. Пусть согреется.

– Что, не можешь наладить? – спросил старик Танабай.

Парень будто теперь только очнулся.

– Да нет, – ответил он, удивленно посмотрев на старика. – Давно налажен. Я так...

Турар разделся. Сел к духовке.

Жаухаз постелила скатерть. Принесла чай.

Турар попил чаю. Не торопясь. Потом между прочим сказал:

– Волки. Все шли за нами. Но не посмели напасть.

Это сообщение никого не тронуло. Старик, старушка и Жаухаз оставались спокойными.

Танабай спросил:

– Волки? Это здорово!

– Что здорово? – усмехнулся Турар. Он-то знает, что такое волк. Он захихикал.

Танабай виновато улыбнулся. Вышел на улицу.

Буран бесился.

Он постоял, вслушиваясь. Выл буран.

Он долго стоял вслушиваясь, выл буран. В лицо били колкие иглы снега. А может быть, и песок.

Он подошел к машине. Открыл дверцу кабины. Достал тулуп. Войдя в комнату, заявил:

– Я переночую у вас.

* * *

Проснулся Танабай от какого-то тревожного звука.

В комнате никого не было.

Из передней доносился голос старушки:

– Алла-ай, куда-ай! Какая беда на нас навалилась!!!

– Что ты кличешь? Замолчи! – слышался голос старика.

Танабай вышел в переднюю.

Тревога была на лице всех: отца, матери, Турара и Жаухаз.

– Что случилось? – спросил Танабай.

– Вчера, – ответил Турар, – оказывается, отделилась часть овец. Больше ста.

– Ничего себе... – сказал Танабай. И, больше ничего не сказав, снова ушел в комнату.

В передней стояли в тревоге. Каждый молча переживал беду.

Вышел Танабай. В тулупе. В лисьей шапке. В сапогах.

– Поехали! – сказал он Турару. – На машине мы их быстро найдем.

– Пусть Аллах тебя отблагодарит, сынок, – сказала старушка.

Турар оделся. Они поехали. Все бушевал буран. Не было ни неба, ни земли. В стекло били только твердые иглы снега. А может быть, и песок.

* * *

Они долго ехали. Не было ни неба, ни земли. Долго ехали. Часто застревая в сугробах. Светили фарами. Но все равно не стало ни неба, ни песков.

К вечеру. Не было ни неба, ни земли. В белом ревушем мире робко чернела зимовка старика Танабая: дом. Длинная кошара. Две высокие скирды. Они, скирды, окружены камышитовым ограждением, чтобы не занесло снегом.

Машина подъехала сюда.

Вышли Танабай и Турар.

Вошли в дом. Старик, старушка и Жаухаз их ждали.

– Не нашли, – сказал Турар.

– Да мы далеко и не уехали, – сказал Танабай. – Оказывается, на машине невозможно. Поедем на конях.

– Уже поздно, – сказала старушка. – Не найти теперь.

– Найдем, – сказал Танабай.

Они выходили – крикнула старушка:

– Постойте.

– Что?

– Возьмите аркан. Дай им аркан, – сказала старушка снохе.

– Зачем? – спросил Танабай.

– Чтобы не потерять друг друга.

Танабай улыбнулся. Они вышли в переднюю. За ними – Жаухаз. Нашла аркан. Дала Турару. Турар обмотал длинный тонкий аркан за пояс.

Турар вышел первым.

– Держитесь друг друга, – успела сказать Жаухаз Танабаю.

Танабай улыбнулся. Помахал головой.

Они ехали. Два бесформенных комка. В белом ревушем мире. Не было ни неба, ни земли.

Они двигались совсем как альпинисты. Друг за другом.
Два бесформенных комка.

Впереди – Турар, за ним – Танабай.

* * *

Белый ревущий мир.

Они двигались. Еле. Сугробы. Глубокие. Ветер. Бешеный.

– Слушай! – крикнул Турар. – Остановись.

Поравнялись. Остановились.

– Что? Слышно блеяние? – спросил Танабай.

– Нет, – сказал Турар. – Надо вернуться. Все равно не найди нам. Они уже ушли далеко и уже околели или волки съели.

Танабай ничего не сказал. Только посмотрел на Турара.
Снова поехал. Впереди.

Они долго ехали. В ревущей, свистящей, бесконечной белой пропасти.

– Слушай, остановись! – сказал Турар.

Танабай продолжал ехать.

– Слушай, остановись! – крикнул Турар. – Вернуться надо, пока не поздно.

Танабай продолжал ехать.

Турар остановил коня, зло крикнул:

– Остановись, чокнутый! Вернись.

Танабай продолжал ехать.

– Вернись, говорю! Теперь бесполезно искать, я же знаю. Мы не найдем. Потеряемся сами. Вернись!

Тут что-то случилось. Пока Турар доказывал, что нужно вернуться, искать бесполезно, он потерял из виду Танабая – белая пропасть проглотила его.

Турар растерянно постоял так. Долго стоял так. Потом хрипло, почему-то негромко крикнул:

– Танабай.

Нет его.

– Танабай.

Нет ответа.

Он постоял еще. Потом повернул коня и поехал обратно. Камера осталась на том же месте. Будто удивленная. Черный комок в ревущем мире – бесформенный Турар тоже исчез. Камера «посмотрела» кругом. Не было ни неба, ни земли, ни людей. Ревела, гневалась, плакала, хотала белая пропасть.

* * *

Свища и воя пришла ночь. Они сидели, молчали: старик, старушка и Жаухаз. На полу, на кошме. Укутавшись одеялами.

Жаухаз приложила ладонь. Иней расстаял.

Лампа стояла на подоконнике. Видимо, была она поставлена туда с расчетом, чтобы светилось окно. Это для тех, кто поехал искать отделившихся овец.

– Алла-ай! – застонала старушка.

Старик продолжал молчать. Сфинкс. Он все знает и молчит.

Жаухаз усиленно начала очищать стекла от инея, ото льда. Но не успевала она. Буран был свиреп.

Буран был свиреп.

– Алла-ай! – еще застонала старушка, но тут же замолкла, прислушиваясь.

– Кто-то приехал! – сказала она. Первой выбежала сама. Не было ни неба, ни земли.

Открыв дверь, старушка увидела лохматое чудовище. Это была голова лошади.

– Алла-ай! – застонала она.

– На лошади, опустив голову, сидел Турар.

Его внесли в дом.

Старушка, посмотрев на мертвый вид сына, заголосила:

– Жалгызым-ау, куним-ау!

– Перестань! – остановил ее старик.

Жаухаз стояла, как говорят, «как вкопанная». Бледная.

– Помоги, келин, – обратился к ней старик.

Жаухаз и старик сняли с него тулуп. Сапоги. Шапку. Сняли пиджак.

Старик молча начал тереть Турару лицо.

Недолго это было.

Турар открыл глаза.

– Алла-ай, – теперь застонала Жаухаз.

– Поставь, келин, чай, – спокойно обратился к ней старик. Она вышла.

* * *

Полдень. Буран утихал. Сквозь рваные тучи иногда выглядывало слепое солнце.

В доме.

Старик, старушка, Жаухаз. Турар лежит на кровати. Спит.

– Дурак! – крикнул он кому-то во сне. Утих. Задышал часто: – Дурак! Змеи...

Змеи... А-а!

– Солнышко, солнышко мое! Успокойся. – Старушка встала, погладила сына по лбу. – Успокойся, душа моя.

Жаухаз встала. Начала потирать ему ноги. Длинные, худые, безжизненные ноги.

– Дурак! Вернись, дурак! – крикнул Турар. Слабо, бессильно хохотнул. – Умереть торопишься?! А-а, змеи, змеи!..

– Это он ему говорит, – сказала Жаухаз. Задумалась.

– Сынок, душа моя, нет никаких змей, успокойся... – гладила мать сына по лбу.

Старик оделся.

– Я пойду искать этого мальчика, – сказал он.

Вышел на улицу. Ветер утихал. Сквозь рваные тучи иногда выглядывал слепой глаз солнца.

Старик сел на коня и поехал. Ветер утихал.

* * *

К вечеру.

В доме. Турар проснулся. Слабым голосом рассказывал:

– И вдруг открыл глаза... и вдруг нет его... Нет его и все... Я кричал и нет его... Нет его и все...

Старушка и Жаухаз слушали его. Пили чай. На полу. Он, чуть привстав, пил чай. Поставили к кровати стул. На стуле – масло, курт, хлеб, сахар.

– Бог поможет и он вернется, – успокаивая сына, сказала старушка.

– Если он догадается, что нужно полагаться на коня, и даст ему волю... – сказала Жаухаз. – Но откуда знать ему это. Он ведь детдомовец.

– Детдомовец. Откуда ему знать, – вздохнула старушка. – Бог поможет – вернется. Отец найдет.

* * *

К вечеру.

Вернулся отец. Но – один. Жаухаз встала (почет).

– Ветер все время дул с севера, – сказал старик, усевшись, – но он не мог уйти дальше Кара-сая. Там его нет. – Он так сказал и не торопясь начал пить чай. На сына посмотрел и ничего не сказал. Сфинкс.

* * *

Буран утих. Была тихая морозная ночь. Было ясное небо, была и земля. Были звезды. Редкие, но крупные.

Как ледяные шарики. Были песчаные гривы, но не было покоя в доме старика Танабая.

Всю ночь светилося окно.

Аппарат снимает снаружи. Перед ним – окно. Светится. Но очень слабо. Толстый иней покрыл толстый слой льда.

Постепенно начинает вырисовываться форма ладони и пальцев.

Рядом – вторая рука. Ладонь и пальцы. Это, конечно, Жаухаз, – чтобы потерявшемуся парню видней был свет. Небось, увидит.

* * *

Было утро. Чистое, морозное. Были небо и солнце, были земля и песчаные гривы, но не было покоя в доме чабана Танабая. Никто и в эту ночь не спал. Вся семья растерянно молчала и ждала.

Снова бредил Турар. Что-то бурчал во сне непонятное.

Старик, старушка и Жаухаз сидели на полу на кошме, укутавшись одеялами.

На подоконнике горела никому не нужная керосиновая лампа.

– Борбасар, Майлаяк, ка, ка, ка!

Бредил Турар. Клички собак своих.

Вздохнула старушка. Молчал старик. Сфинкс.

– Он мог бы предупредить его, – тихо, будто беседа с собой, сказала Жаухаз, – что нужно полагаться на коня.

Никто ей не отозвался.

Старик встал. Оделся.

– Поехали искать, – сказал он. – По моим расчетам, он все же в Кара-сае. И овцы – если уцелели – там.

Вышел на улицу. Оседлал коня. Поехал.

* * *

Поднялось белое холодное солнце.

Жаухаз выгнала овец из кошары. Пригнала к колодцу. Там старушка. Тянет из колодца воду. В кожаных рукавицах. Тянет аркан.

Вылила из ведра воду в астау.

Подошла к Жаухаз. Теперь они двое двумя ведрами тянут воду.

Это работа адская. Но привычная. Опустил ведро. Вжиг!..

Шлеп... Слышишь, ведро пошло ко дну, теперь тяни, вж... вж... вж... И ведро, полное воды, здесь. Вылей воду в астау. И все. Еще. Еще. И все.

Это работа адская. Но привычная.

Вж... Вж... и вдруг – ведро шумно шлепнуло об воду: аркан порвался.

– Принеси из дома, – посоветовала старушка. Жаухаз пошла.

Долго еще тянула старушка одна. Жаухаз почему-то не возвращалась. Старушка посматривала в сторону дома, что она задержалась?

Наконец вышла из дома сноха. Очень медленно подошла. С арканом. Старушка сразу заметила, что сноха растеряна. Бледная.

– Что такое? – обеспокоенная, спросила старушка. – Турар?

– Он пьет чай, – негромко, с опозданием отозвалась Жаухаз.

Старушка вылила из ведра воды в астау, повернулась к снохе, удивилась – она словно окаменевшая, стояла, держа в руках аркан, плакала, трясясь молча.

– Что с тобой? – на лице старушки быдо удивление, его тут же сменило доброе сочувствие.

– Замерзла? Ну иди домой, иди.

Жаухаз, по-прежнему беззвучно плача, ушла.

Она зашла в дом. Села на стул. Не раздеваясь. С арканом в руках.

Турар на кровати, лежа боком, пил чай. Посмотрел на нее, плачущую.

– Ты плачешь? – спросил он.

– Да, я плачу, – ответила она.

– Почему? – спросил он.

Она молчала. Она продолжала плакать. Беззвучно. Обиженно. Как дитя. Беззвучно трясаясь.

– Почему? – снова спросил он.

Жаухаз встала. Вытерла слезы. Подошла к кровати и бросила на одеяло аркан.

– Что? Что ты болтаешь?

– Ты, – сказала она спокойно. Как будто даже не гневаясь.

– Что ты болтаешь?

– Я не болтаю, – сказала она. – Ты отрезал аркан и отстал. Ты струсил!

– Эй ты, – сказал муж, приподнялся. Тяжело дыша, строго сказал:

– Не болтай, баба!

– Ты, ты! – уже громче и зло сказала Жаухаз. – Ты.

– Спрячь язык свой, баба! – еще больше приподнялся Турар и бессильной рукой пустил пиалу с чаем в жену.

Пиала слабо ударилась о толстый тулуп, упала на пол, но не разбилась. Вошла старушка.

– Апыр-ай, ит-ай, – говорил Турар, трудно дыша.

– Ах, если бы я сейчас не болел, я бы тебе показал, собака несчастная.

Ах, какое грубое слово, правда? Но не беспокойтесь, эти слова так привычны для Жаухаз, что она на них и не реагирует. Привычно.

– Что стряслось? – старушка шагнула вперед. – Что стряслось, келин-жан, что такое, сынок?

– Спроси у нее, пусть скажет! – буркнул Турар.

– Что? – обратилась старушка к Жаухаз.

– Да ничего, – сказала Жаухаз и вышла.

Старушка вопросительно посмотрела на сына.

– Да ничего, так, – сказал сын и отвернулся.

* * *

– Апыр-ай, ит-ай, – теперь Турар не мог спокойно лежать. Он ворочался с боку на бок, вздыхал. Потом начал одеваться.

Оделся и вышел.

Старушка и Жаухаз загоняли овец в загород.

Он подошел к ним.

– Ты встал уже, милый, – сказала старушка.

Жаухаз с вилами поднялась на скирду.

Турар с вилами поднялся на скирду.

Молча начали сбрасывать снопы сена.

Старушка разбрасывала сено овцам.

Турар и Жаухаз сбрасывали сено вниз.

Он шепнул:

– Подожди! Я тебе покажу!

Она шепнула:

– Ты струсил!

Он в злобе, не зная, что сказать и что делать, уставился на нее.

Она ждала удара – остановилась тоже.

– Что там, дети? – донеслось снизу.

Они снова начали сбрасывать снопы сена.

Он шепнул:

– Подожди!.. – Потом добавил: – Аркан твой мы с ним разделили, чтобы... на случай, если понадобится...

Она шепнула:

– Я тебя не боюсь. – Потом добавила: – Все равно. Ты струсил. Нарочно отстал.

– Апыр-ай, ит-ай, – подавляя злобу, сказал он и, оставив работу, вплотную подошел к ней.

Она ждала удара – остановилась тоже.

– Дети! – донеслось снизу.

– Подожди! – погрозил Турар и начал сбрасывать снопы сена.

– Я тебя не боюсь, – сказала Жаухаз и начала сбрасывать снопы сена.

* * *

Была поздняя ночь. Спокойная ночь. Спокойно глядели сверху звезды. Спокойно светила на западе луна. Как огни гигантского города над морем, переливаясь, отражалась снежная долина.

Спокойно было над зимовкой.

Лениво брехнул волкодав. Было спокойно.

Но не было спокойствия этого в доме старика Танабая. Как и в предыдущие ночи, лампа горела на подоконнике. Как и в предыдущие ночи, старик, старушка и Жаухаз сидели на полу, на кошме, укутавшись в одеяла.

Здесь же сидел Турар. Также укутавшись в одеяло.

Все молчали. Тяжело молчали. Не глядя друг на друга.

Жаухаз встала. Подошла к окну. Приставила свою горячую ладонь к стеклу. Но не растаял до конца иней. Она отняла руку. По ее щекам катились слезы. Она как дитя потянула носом. Села, укуталась.

Старик заметил слезы на щеках снохи.

Старушка тоже.

Они посмотрели на сына.

Сын на них не смотрел.

Беззвучно тряслась Жаухаз.

Старик уставился перед собой.

Вдруг заговорил Турар. Тихо. Будто беседа сам с собой. Будто вспоминая:

– Поднял голову и смотрю – нет его. Нет его и все.

Никто на Турара не посмотрел. Никто не отозвался.

Старик уставился перед собой.

Старушка уставилась перед собой.

Беззвучно тряслась Жаухаз.

– Так и есть, – не нарушая безмолвия, низко прозвучал голос старика, – так и есть. Овцы сами, видно, набрали на заброшенный сарай в Кара-сае, или... Но там ведь точно был человек. Был. Следы там остались.

Старик вздохнул. Встал. Надел сапоги. Тулуп. Шапку.

– Но он же мог остаться там. Переждать.

Старушка вздохнула.

Старик вышел.

Встал и оделся Турар.

Вышел за стариком.

Старик уже оседлал коня. Сел. Поехал.

Турар тоже оседлал коня. Сел. Поехал за отцом. Но вдруг остановился. Повернул в другую сторону.

Была светлая ночь. Серебром переливалась снежная долина.

Под копытами коней монотонно скрипел мороз.

* * *

Слипались глаза Жаухаз. Она уснула.

Она видела странный сон. Нет, это был не сон. Она ничего не видела. Она только слышала. Слышала далекий скрип. Скрип мороза под лениво ступающими копытами.

Скрип все усиливался и усиливался.

Будто огромный, огромный, звонкий зал каменного дворца.

Будто наполняло его скрипом. Скрипит.

Все ближе и ближе.

Все звонче и звонче.

Потом скрип начал отдаляться.

Остановился. Утих.

Жаухаз открыла глаза. Поняла. Выбежала на улицу. Было уже утро. У скирды, жадно набросившись на сено, стояло обросшее инеем чудовище. Это была лошадь. Со снежным всадником. Жаухаз вбежала в дом. Крикнула:

– Апа!

Старушка открыла глаза. Жаухаз уже была за дверью.

На коне сидел Танабай. Укутавшись высоким воротником тулупа. Намотанный арканом за обе ноги, за пояс и крепко привязанный в седле.

Жаухаз взяла коня под узцы.

Прибежала старушка.

– Сынок, сынок. – Она начала тормошить Танабая. За рукав.

– Сынок, сынок!

Неожиданно Танабай открыл глаза. Увидел Жаухаз, старушку.

Улыбнулся им.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – тоже улыбнулась Жаухаз.

– Ой, айналайн, сынок, приехал, жив-здоров! – довольная, сказала старушка.

Старушка и Жаухаз помогли ему освободиться от аркана. Он сам слез с коня. Сам, твердо шагая, вошел в дом. Снял тулуп и шапку с себя. Сел на пол.

Спросил:

– Где Турар?

– Он дома, – ответили ему.

– А я все искал его... вот тоже... – сказал он.

Виновато улыбнулся.

Еще что-то хотел сказать, но как сидел, так и свалился на бок.

В полдень. Старик, старушка и Турар поили овец.

В доме. Танабай лежал на кровати. Жаухаз сидела на стуле. Он дышал тяжело. Губы его сохли. Все сбрасывал с себя одеяло.

Жаухаз каждый раз укрывала его. И садилась снова на стул.

Он бредил. Произносил что-то невнятное.

Она подняла его голову. К его губам поднесла густой чай с молоком. Пролила.

Он бредил. Произносил что-то невнятное.

Вдруг он заговорил ясно.

– Ненавижу, – сквозь зубы процедил он. И вдруг – быстро и резко: – Ненавижу!

Дальше пошло что-то невнятное.

Потом ясно произнес:

– Гоголь? Это совсем другое дело!

Потом ожесточенно закричал:

– Да, да, да, да!

Снова что-то неясное. Потом ясно:

– Не имеешь права! Да, да, да, да!

Усмехнулся:

– Гоголь... – иронически сказал он.

Резко правой ногой отбросил с себя одеяло.

Донесся далекий гул, и сразу резко затрещало. Жаухаз подошла к окну – в небе висел вертолет. Сел. Утих.

Летчик подошел к колодцу. Поздоровался со стариком, что-то долго говорили.

Танабай снова задышал тяжело. Шумно. Снова в бреду начал неясно бормотать. Жаухаз подошла к нему.

– Алло, Земля, Земля, – сказал он. – Да, хорошо, да, хорошо...

Жаухаз улыбнулась ему точно ребенку.

Он снова что-то долго: «бур-бур-бур».

И резко:

– Вижу, вижу Венеру! Земля, Земля, ты слышишь меня, Земля... – вдруг громко, неистово крикнул: – Турар, Турар, ах!..

Утих. Часто, шумно дыша.

Жаухаз улыбнулась.левой рукой обхватила его голову и приподняла. Правой поднесла к его губам пиалу с чаем. А губы-то у него какие! Она засмотрелась. Она вздрогнула. Отпустила его голову. Шагнула назад. Села на стул. Растерянная. Застыженная.

Затарахтел вертолет. Жаухаз вздрогнула. Гул машины удалился.

* * *

На кровати без сознания тяжело и шумно дышал Танабай. Жаухаз достала из чемодана фото – портрет матери. Долго глядела. Прижала к груди.

Повесила над головой больного. Всем видом будто молила: «помоги!».

* * *

Вечер. В черно-сине-дымчатой краске вечера расплывались фигуры старика и Турара, загоняющих овец из загородки в кошару.

– Рыть – чу!.. Хей!

– Рыть – чу!.. Хей! – слышатся их голоса.

В передней старушка нагнулась у печи, подкладывая кизяк.

В котле кипит мясо.

В комнате лежит Танабай, с закрытыми глазами. Часто и шумно дыша.

Сюда доносились голоса снаружи.

– Рыть – чу!.. Хей!.. – повторил Танабай и открыл глаза.

Увидел Жаухаз. Улыбнулся ей. Она тоже.

Он лежал улыбаясь, зная, что хоть что-нибудь должен сказать ей, но не знал что.

Она тоже улыбалась, понимая это.

Он посмотрел на радиоприемник.

Она включила.

Затрещало, зашумело, засвистело.

Жаухаз «поймала» Алма-Ату.

– «...семьей трудимся на благо Родины. В этом году из каждой сотни овцематок думаем получив по сто сорок пять ягнят. Мы всей семьей очень любим песню Калдаякова «Ак мандайлым». Очень хотим послушать ее в исполнении Розы Баглановой, – говорил диктор. – Дорогие товарищи, исполняем вашу просьбу.

«Айналдым ак мандайлым!»

Жаухаз заметила, что Танабай нахмурился и недовольно закричал. Она хотела выключить радио, но тот, виновато улыбаясь, сделал рукой знак перевести на другую волну.

– Труженики, – успел только сказать важный голос диктора. Танабай сделал знак перевести дальше.

Жаухаз перевела дальше.

– У-у, у-у... – завыл космос свою, многим и многим на земле непонятную песню. Завыло, именно завыло.

Танабай успокоился и стал слушать.

– Это?! – удивилась Жаухаз.

– Ты не поймешь это, – сказал снисходительно Танабай.

– Грубый мальчишка, – пошутила Жаухаз, улыбаясь.

Он не слышал ее.

Жаухаз вышла.

В передней старушки уже не было. Жаухаз взяла в руки ведро, вышла на улицу.

Стемнело.

Она у колодца. Слышны неясные голоса старика, мужа, старушки со стороны кошары.

И резко:

– Вижу, вижу Венеру! Земля, Земля, ты слышишь меня, Земля... – вдруг громко, неистово крикнул: – Турар, Турар, ах!..

Утих. Часто, шумно дыша.

Жаухаз улыбнулась. Левой рукой обхватила его голову и приподняла. Правой поднесла к его губам пиалу с чаем. А губы-то у него какие! Она засмотрелась. Она вздрогнула. Отпустила его голову. Шагнула назад. Села на стул. Растерянная. Застыженная.

Затарахтел вертолет. Жаухаз вздрогнула. Гул машины удалился.

* * *

На кровати без сознания тяжело и шумно дышал Танабай. Жаухаз достала из чемодана фото – портрет матери. Долго глядела. Прижала к груди.

Повесила над головой больного. Всем видом будто молила: «помоги!».

* * *

Вечер. В черно-сине-дымчатой краске вечера расплывались фигуры старика и Турара, загоняющих овец из загородки в кошару.

– Рыть – чу!.. Хей!

– Рыть – чу!.. Хей! – слышатся их голоса.

В передней старушка нагнулась у печи, подкладывая кизяк.

В котле кипит мясо.

В комнате лежит Танабай, с закрытыми глазами. Часто и шумно дыша.

Сюда доносились голоса снаружи.

– Рыть – чу!.. Хей!.. – повторил Танабай и открыл глаза.

Увидел Жаухаз. Улыбнулся ей. Она тоже.

Он лежал улыбаясь, зная, что хоть что-нибудь должен сказать ей, но не знал что.

Она тоже улыбалась, понимая это.

Он посмотрел на радиоприемник.

Она включила.

Затрещало, зашумело, засвистело.

Жаухаз «поймала» Алма-Ату.

– «...семьей трудимся на благо Родины. В этом году из каждой сотни овцематок думаем получив по сто сорок пять ягнят. Мы всей семьей очень любим песню Калдаякова «Ак мандайлым». Очень хотим послушать ее в исполнении Розы Баглановой, – говорил диктор. – Дорогие товарищи, исполняем вашу просьбу.

«Айналдым ак мандайлым!»

Жаухаз заметила, что Танабай нахмурился и недовольно закричал. Она хотела выключить радио, но тот, виновато улыбаясь, сделал рукой знак перевести на другую волну.

– Труженики, – успел только сказать важный голос диктора. Танабай сделал знак перевести дальше.

Жаухаз перевела дальше.

– У-у, у-у... – завыл космос свою, многим и многим на земле непонятную песню. Завыло, именно завыло.

Танабай успокоился и стал слушать.

– Это?! – удивилась Жаухаз.

– Ты не поймешь это, – сказал снисходительно Танабай.

– Грубый мальчишка, – пошутила Жаухаз, улыбаясь.

Он не слышал ее.

Жаухаз вышла.

В передней старушки уже не было. Жаухаз взяла в руки ведро, вышла на улицу.

Стемнело.

Она у колодца. Слышны неясные голоса старика, мужа, старушки со стороны кошары.

Жаухаз набрала воды, пришла домой. Поставила ведра в передней на деревянную подставку. Сняла шубу, повесила на гвоздь. Вошла в спальню и вздрогнула: на кровати не было больного. Она выбежала на улицу.

Чуть в стороне, на небольшом бугре стоял он. Спиной к дому.

Жаухаз подбежала к нему:

– Что же ты! Нельзя же так!

Он обернулся. Улыбнулся.

– Это вам нельзя в одном платье...

Она, растерявшись, хотела вернуться.

– Постой, – сказал он. – Постой здесь.

Помолчав, сказал:

– Знаешь, Жаухаз, я не помню свою мать... Но мне кажется, что моя мама, наверное, была похожа на тебя.

Голос его еле заметно дрогнул. Комок в горле застрял.

Оба неловко замолчали.

На небе очень ясно выделялись крупные звезды Большой Медведицы.

– Вон видишь, скачет быстрый конь, Тулпар! – сказал он. – Эти звезды, этот Тулпар, в десять тысяч земных лет один раз подбирает и выкидывает ноги в своем бешеном галопе.

Жаухаз посмотрела на небо. Крупные ясные звезды Большой Медведицы на самом деле были похожи на несущегося коня.

Танабай, помолчав, сказал:

– Легенда говорит, что конь этот несет похищенную красавицу.

Танабай посмотрел на Жаухаз, улыбнулся.

– Если бы был у меня такой Тулпар... – и опять закричал.

– Тебе нельзя так долго стоять на холоде, – сказала Жаухаз, оборвав его слова. – Пойдем. – Она обхватила его, как медсестра больного, и они пошли в дом.

В комнату вошла старушка с большой миской мяса.

Танабай лежал, чуть приподняв голову. Жаухаз стояла у окна спиной к нему. Увидев, что больной парень пришел в себя, старушка сказала:

– Айналайн, проснулся?

– Проснулся, – с опозданием отозвался парень, с опозданием улыбнувшись.

– Спасибо создателю, – сказала старушка. – Сберег тебя.

Жаухаз из передней принесла скатерть. Постелила. Потом принесла миску с сурпой. Потом миску с тестом.

Вошли старик и Турар. Сняли тулупы и шапки. Повесили.

– Ну, сынок, проснулся? – сказал старик.

– Проснулся, – улыбнулся парень. – Куда же, друг, ты исчез? – шутливым тоном обратился он к Турару.

Турар покраснел. Но поддаваясь настроению Танабая, тоже показал зубы.

– Вдруг открыл глаза – нет тебя! Нет и все! – по своей манере говорить ответил он.

Семья уселась вокруг дастархана.

Жаухаз принесла тазик с чайником. Полила воды в руки свекра, свекрови, мужа, Танабая.

– Спасибо. Расти большой, – пошутил Танабай.

Жаухаз только улыбнулась.

Старик вытащил из кармана баки. Придвинул миску к себе. Удобней уселся. И начал разделывать мясо.

Старушка в тарелку положила тесто.

Старик туда же положил мясо. Жаухаз поставила тарелку на стул, который стоял у изголовья больного.

– Долго теперь будешь жить, сынок, – сказал старик, – миновала тебя смерть. Теперь долго будешь жить.

– Еще пять лет, – сказал парень, улыбаясь через силу. – Мне достаточно.

Старик скупно улыбнулся.

– Не говори так, – сказала старушка, будто ругая собственного сына. – Жизнь никогда не бывает лишней.

– Да он хочет сказать, что ему достаточно пяти лет, чтобы добиться своего! – разъяснила Жаухаз.

– Жизнь никогда не бывает лишней, – повторил слова матери Турар.

Замолчали. Все принялись за еду.

* * *

Жаухаз стелет на полу две постели. Отдельно одну у ног больного, другую в противоположном углу комнаты. Муж недоуменно смотрит на нее, взглядом спрашивая: что это значит? Женщина делает вид, что не замечает его взгляда.

– Жаухаз, – обратился к ней Танабай. – Принесите мне, пожалуйста, книгу мою. Она в кабине машины. На сиденье.

Жаухаз вышла. Мужчины остались одни. Танабай закричал.

Жаухаз вошла с книгой. Это была книга Нильса Бора «Атомная физика и человеческое познание».

Жаухаз удивилась.

– Спасибо, – сказал Танабай.

Жаухаз поставила лампу на стул у его изголовья.

Танабай погрузился в чтение.

Турар лег и под одеялом разделся. Одни за другим выставляя брюки, рубашку, кальсоны...

Жаухаз легла тоже. В одежде.

Не спалось Турару. Танабай это понял. Положил книгу на стул. Отвернулся к стене. Костлявый Турар потушил лампу.

* * *

Полночь. Темно. Слабый свет луны падает только на подоконник.

Танабай во сне буркнул что-то неясное.

Жаухаз зажгла лампу.

Посмотрела на больного. Спит как дитя, положив руки под правую щеку. Мирно и спокойно.

Жаухаз долго смотрела. Потом бессознательно подошла к духовке, достала чайник. Налила чай в пиалу.

Бессознательно подошла к кровати. Обхватила левой рукой голову Танабая, приподняла. Правой поднесла к его губам пиалу с чаем. Он проснулся. Открыл глаза.

Жаухаз растерянно отпустила его голову. Разлила чай на его грудь.

Он улыбнулся.

– Я уже совсем не больной, – сказал он. Потом, увидев жалкий вид женщины, добавил: – Спасибо.

– А я подумала... – хотела оправдаться Жаухаз. Он нагнулся и потушил свет.

Жаухаз легла на место.

В полутьмоте. Жаухаз усмехнулась.

– А я подумала, что ты бредишь.

– Я совсем здоров, – отозвался Танабай. – Утром встану уже.

– А сможешь уехать?..

– Да, уеду.

Помолчали.

– А тебе большое спасибо, – сказал он.

Она не отозвалась.

* * *

День. Старик и Турар у колодца поили овец.

Старушка и Жаухаз чистили кошару. Бросая лопатами навоз через окна наружу.

Старик и Турар загнали овец в загородку.

Пошли домой. Вышли из кошары женщины. Они тоже направились в дом.

Жаухаз отстала.

Старушка вошла в дом.

Жаухаз долго смотрела на глубокий след на глубоком снегу. След машины. След фургона механика. Следы параллельно уходили вдаль. В горизонт.

* * *

Этот же глубокий след фургона на глубоком снегу. Яркое солнце. В колее снег начинает таять. Смотрит Жаухаз.

* * *

Этот же след фургона. Снег уже тонок. А колея уже черная. По ней уже бежит чистая снежная вода. Смотрела Жаухаз.

* * *

...Ноги верблюда. Медленно шагают эти медленные часы медленной чабанской жизни. Пески. Саксаулы. Снег тает.

...Ноги верблюда. Шагают по ровной степи. Земля черная. Сухая.

...Ноги верблюда. Медленно шагают. Степь. Идет дождь.

...Ноги верблюда. Медленно шагают по зеленой ровной степи. Пышная зелень. Густые красные тюльпаны...

* * *

В один из майских дней Жаухаз увидела свой родной аул. Весь в зелени. Чистый, вымытый вчерашним дождем. Она со старушкой сидела на верблюде. Старик и Турар ехали на лошадях. За овцами.

– Рыть – чу... Хей!

– Рыть – чу... Хей!

Блеяли овцы, ягнята.

Собаки остановились, долго и важно смотрели на аул. На машины, которые стремительно выезжали из аула и стремительно въезжали в аул. На согнувшихся людей, работавших на плантациях сахарной свеклы.

Одна из собак коротко брехнула, приветствуя знакомую большую жизнь.

* * *

Аул. Под вечер. Двор старика Танабая. Из малого дома вышел Турар. С несвойственной ему быстротой подошел к гаражу. Открыл. Стояла «Волга». Открыл дверцу. Закрыл. Нашел тряпку, начал вытирать пыль с машины. Вытирая, думал, думая, вытирал.

Зашел домой. В гостиной нашел Жаухаз. Она примеряла платье. Он сел на диван. Сказал:

– Я подумал, подумал и решил: завтра же иду к председателю и прямо скажу ему: больше не буду чабаном! Все!

Жаухаз примеряла платье.

– Старики? – спросила она.

– Все. И им так же скажу. Пусть обижаются. Сердятся. Все. Половина нашего состояния – моя. Наша с тобой.

– Да я не о состоянии, – сказала Жаухаз. – Как же ты их оставишь?

– Все. Половина состояния – моя!

Жаухаз отвернулась. Оделась в легкое кимоно. Надела на ноги туфли. Начала заплетать волосы.

Он посидел так. Встал. Вышел.

Жаухаз вышла на веранду. Увидела: муж вывел из гаража «Волгу».

– Зачем это? – спросила она.

– Как зачем? – недовольно ответил Турар. – Поедем.
 – До клуба на машине? – Жаухаз засмеялась. Звонко, не присущим ей смехом.
 Он обиделся. Насупился. Буркнул:
 – Если не пользоваться – зачем купили эту дрянь?

* * *

У клуба. Ночь. Горит над дверью лампа. Входят Жаухаз и Турар. Слышна музыка танго. В коридоре – буквально в коридоре, а не в фойе – им навстречу попадает Танабай. Одет он легко и хорошо.

– А-а, Жаухаз! – сказал он и, улыбаясь, подал ей руки.
 – Эй, Танабай, – насильно тоже улыбаясь, обратился к нему Турар, – ты что мою жену с ходу...

– Ах, Турар! Я и не заметил тебя... – с легкостью, весело сказал Танабай. – Привет, привет. Ты подождешь, я потанцую с ней, – крикнул он, открывая дверь в зал.

Танабай и Жаухаз присоединились к танцующим.

Турару подвернулись какие-то два парня.

– Эй, Турар!

– Привет!

– Когда приехал?

– Что же ты один? Где жена?

Турар еще раз насильно улыбнулся.

– Танцует, – сказал он.

* * *

Танцы. Обыкновенные танцы молодежи аула. Одеты не как в кино, а как в жизни. Молодежь разных национальностей. Многие танцевали, еще многие стояли по бокам к стене. Среди танцующих – Танабай и Жаухаз. Кружась в тесноте, они с большими перерывами говорили:

– ...Ну как?

– Ничего.

– ...Уже четыре месяца прошло...
 – Да... Ты очень тяжело болел тогда...
 – ...Ты тогда очень тяжело болел и все время бредил. И все время говорил: вижу Венеру, вижу Венеру!.. И еще говорил: Гоголь – это другое дело...

* * *

Улица. Ночь. На столбах горят редкие лампы.
 Идут трое: Турар, Жаухаз и Танабай.
 Позади остался клуб. Оттуда все доносилась музыка танго.
 Они шли. Молчали.

Им навстречу идут двое мужчин в шляпах и сапогах. Приблизились. Жаухаз узнала брата. Юркнула в темноту. Турар тоже заметил. Юркнул за женой. Танабай удивился, но тоже – за ними.

По улице прошли двое мужчин – один из них Еркебай, брат Жаухаз.

Свернули в переулок.

Из темноты вышли Турар, Жаухаз и Танабай.

Они снова пошли по улице. Турар сказал, обращаясь к Танабаю.

– Мы еще не приходили к Ереке, брату Жаухаз, с повинной. Зимой на отгоне. Нынче – состояние не позволяет. Сам понимаешь.

– Да, конечно, понимаю! – сказал Танабай.

– Без этого появляться перед ним нельзя, – сказал Турар. – В следующее воскресенье мы кое-что соберем у родственников – после этого придем к ним с повинной. Без этого нельзя, – сказал Турар.

– Да, конечно, нельзя, – сказал Танабай.

Жаухаз посмотрела на Танабая. Взглядом спрашивая: смеешься?

Вслед за женой посмотрел и муж.

– Ты хитрый парень, – сказал муж.

– Да, конечно, я хитрый, – улыбнулся Танабай.
Они дальше шли молча.
В одном из переулков Танабай свернул:
– Ну, бхай-бхай! – сказал он.
– Хош! – ответил Турар за себя и за жену.

* * *

Серый день. Лил дождь. Весенний дождь. Тяжелым потоком. Ломая слабые стебли тюльпанов. Пригнув к земле зеленую, еще слабую траву. Зеленые, еще слабые посадки помидоров. Измозжив дороги.

На своем фургоне ехал Танабай. Въехал в аул.

Подъехал к дому Еркебая. Остановил машину. Вышел. Вошел во двор. Постучался в окно.

Вышел красный Еркебай. Без шляпы.

– А-а, Танабай, – сказал он, – входи, входи. Гостем будешь. У нас гости.

В коридоре тесные ряды галош, сапог. Танабай снял свои кирзовые.

Еркебай открыл дверь в гостиную. Сказал:

– Входи.

Танабай вошел. В гостиной на полу на кошме, на стеганых шелковых одеялах сидели гости. Посередине – широкая скатерть. Конфеты, баурсаки, пряники, печенье, яблоки, коньяк, столичная, масло, курт.

Сидели по возрасту расположившись – старик Танабай и еще два старика: один – безбородый, с морщинистым лицом, другой – бородатый, лобастый, глазастый, зубастый, с мясистым носом. Крупный.

Еще сидели чем-то похожие на Еркебая несколько мужчин средних лет, которые обычно ходят в шляпе, кителе и хромовых сапогах. Рядом с каждым из них – их жены. Чем-то, пожалуй, одеждой, похожие на Бибисару. Все они – в бархате. Здесь были Турар и Жаухаз.

Танабай поздоровался со всеми, подавая каждому обе руки.

Сел рядом с Тураром.

– Ну, айналайн, как дела? – обратился к Танабаю старик Танабай.

– Ничего, – ответил Танабай.

– Хороший мальчик, – сказал старик старикам. Старики подтвердили это движением головы.

– Турар-жан, налей Танашу, – сказал Еркебай. Турар налил. Полный стакан коньяку. У всех, кроме стариков, стаканы, полные коньяка.

– Ну, поднимаем! – сказал Еркебай. Все подняли. Все выпили, каждый чуточку оставляя на дне. Для приличия.

Танабай был рассеян, растерян.

Впечатление от вновь прибывшего прошло и гости продолжали свои беседы.

Один из мужчин, в галифе и кителе, рассказывал:

– Я, значит, всю ночь не спал. Обдумал все хорошенько. И явился, значит, в бюро. Они меня так и сяк. Особенно Балпаков, этот бог района. В общем, намылили мне шею. Тогда, значит, я решил, будь что будет – и сказал, прямо, смело: товарищ Балпаков, говорю, съесть меня хотите. Съедайте. От этого, говорю, ваш Средний жуз не пострадает. Лишь погибнет один сын Старшего жуза. Так и сказал.

Сам рассказчик захихикал. Вспоминая.

Все ради приличия захихикали.

– Ну?

– Ну? – спросили одновременно трое мужчин в галифе и кителе.

– Ну что, – все смеясь продолжал рассказчик. – Балпаков был на месте убит! Он вытаращил глаза, посмотрел на бюро. «Вы слышали, вы слышали, товарищи?!» – завопил Балпаков членам бюро. А все члены молчат. Они-то

знают, в чем загвоздка. Все они были сыновья Старшего жуза...

Рассказчик понизил голос:

– Один только Балпаков из них был среднежузовец...

Помолчав, добавил:

– С того дня Беркимбай стал Беркимбаем. Героем.

Он о себе говорил. Активист тридцатых годов.

Пока все смеялись, Танабай смотрел на Жаухаз.

Жаухаз, стараясь быть незаметной, вышла.

Танабай наклонился к Турару:

– Пойдем в другую комнату, – сказал он, посмотрев на других.

Турар, кончив смеяться, сказал:

– Пойдем.

Молодые вышли, стараясь быть незамеченными. А в гостиной смеялись.

* * *

У Еркебая не было детей. Но была детская комната. Там стоял круглый раздвижной стол, покрытый красным бархатным покрывалом. Вокруг него стулья. Дорогие, добротные.

Жаухаз сидела там. Она была печальна.

Парни вошли. Сели.

Неудобно молчали.

– Ты не знаешь, кого намечают заведующим третьей фермы? – спросил Турар.

– Не знаю, – ответил Танабай.

Помолчали.

– Не знаешь, дожди эти долго еще будут? – спросил Турар.

– Не знаю, – ответил Танабай.

Турар, через силу улыбаясь, пошутил:

– Что ты вообще знаешь?

– Я знаю, в каком положении в отношении к Земле будут звезды Большой Медведицы в шесть тысяч девятьсот шестьдесят втором году! – четко, с расстановкой ответил Танабай. – Понял?

– Понял, – сказал Турар.

– Нет, ты не понял, – заметно злясь, сказал Танабай. – Ты знаешь, конечно, легенду о звездах Большой Медведицы. Они как несущийся Тулпар. За каждые десять тысяч земных лет они свиваются и развиваются как Тулпар в беге. Понял? Вот этот Тулпар унес девушку, понял? Легенду знаешь?

– Знаю, – ответил Турар и усмехнулся. – Бог с тобой, ты опьянел, Танаш!

Оба они, мужчины, не заметили – покатались слезы по щекам Жаухаз. Она отвернулась. Встала. Подошла к окну. Дождь все лил. Тяжелым потоком. Ломая стебли тюльпанов. Пригибая к земле молодые посадки цветов под окном.

* * *

Жаухаз стояла у окна. Танабай и Турар сидели за столом. Молчали.

Вошла старушка Алтынай и тоном, не допускающим возражения, приказала:

– Одевайтесь, дети, уходим!

В ту же секунду с силой распахнулась дверь детской. Жаухаз обернулась. В дверях появился Еркебай. Он был пьян. Он заметил слезы на щеках сестры. Неожиданно зарорал:

– Не отпущу я сестру, больше не отдам. Не отпущу. И все.

В ту же секунду за ним вслед вбежали несколько мужчин. Комната наполнилась шумом.

Еркебай в ярости подбежал к Жаухаз и только хотел взять ее за руки – его схватили мужчины. Потащили назад.

– Успокойся, Еркебай.

– Ты опьянел.

– Что с тобой? – говорили они.

Еркебай все кричал. Все вырывался из их рук.

– Заберите обратно ваш калым, я не отпущу сестру! – кричал он. Когда его дотащили до двери, вдруг сорвался его кричащий голос – и он по-детски, искренне зарыдал:

– Моя единственная, родная, – сквозь всхлипывания говорил он, – моя единственная. Как я мог отдать тебя чужим?! Как я мог?! Родная! Прости!

У двери появился старик Танабай. Он неторопливо сказал:

– Эй, Еркебай!

Мужчины держали Еркебая. Он все плакал. Обливаясь слезами. Опустив голову.

– Эй, Еркебай! – сказал старик. – Нас с тобой бог сроднил. Ты помни это. Ты не поддавайся минутному настроению. Что не наговорит человек в пьяном состоянии. Ты одумайся. Уважай мою бороду. Нас бог сроднил. Помни это. И не верну я тебе ее. Не верну.

– Изверги, изверги, – плакал Еркебай.

Старушка Алтынай взяла Жаухаз за руку и вывела на улицу. Все лил дождь.

Они – старик, старушка, Турар и Жаухаз – сели в «Волгу» и поехали домой.

По пути все молчали.

Выйдя из машины, старик сказал снохе:

– Келин-жан, не огорчайся. Он опьянел. Нас сроднил бог, только он теперь может развести нас.

Лицо Жаухаз обильно омывал дождь. Она ничего не ответила свекру.

Старики ушли в свой дом. Молодые – в свой.

Турар и Жаухаз вошли в свою гостиную.

Турар сел на диван. Жаухаз подошла к окну. На улице все лил дождь. Тяжелым потоком. Пригибая к земле молодую зелень.

Турар не знал, что сказать. Но хотел что-то сказать. Он думал. Ему было очень трудно – он соображал. Он долго соображал. И наконец решился и сказал.

– Он был пьян. Ты плюнь на это. Завтра опомнится. Будет говорить другое. И ты не плачь, – сказал он.

Спина жены тряслась.

– Ты брось плакать, – сказал он. – Мы больше не чабаны. Я останусь в ауле. И ты будешь жить хорошо. Я тебя одену лучше всех. И ты будешь ходить как дочь хана!

Спина жены тряслась.

Турар, помолчав, подвел итоги:

– Ты будешь ходить как дочь хана!

Жаухаз подошла к радиоприемнику. Включила.

Страшный треск. Треск. Потом приемник завыл. Длинно. Страшно. Как буран. Как волк. Как темнота. Как вечность. Как вселенная. Как пустота. Как далекие звезды. Как звезды Большой Медведицы, которые похожи на несущегося Тулпара, который в десять тысяч земных лет делает один рывок в своем бешеном беге, свивается и развивается. Бешеный бег Тулпара. Она слушала. Она, слушая, вышла.

Лил дождь. Тяжелым потоком. Пригибая к земле молодые тюльпаны. Сгущалась ночь.

Жаухаз вошла в Большой дом. В коридоре остановилась. Через стекла двери была видна внутренность столовой комнаты. Там сидели – ОНИ, родные.

Старушка что-то говорила. Довольно долго говорила. Старик нахмурился. Резко махнул рукой: перестань, мол. Жаухаз хотела открыть дверь, войти, но раздумала.

Вышла. Вошла в Малый дом. Прошла через гостиную в спальню. Турар ее не заметил. И она его не заметила.

В спальне со стены сняла фотопортрет матери. Прижала к груди. Снова вошла в Большой дом.

Сидят старики, молчат.

Жаухаз долго смотрела на них через верхнюю стеклянную часть двери. Потом решила – повесила на ручку двери фото. Фото матери, похожей на отчаянного вождя индейцев...

* * *

Задумался Турар. Крепко задумался. Он механически встал. Механически подошел к приемнику. Он чувствовал, что что-то мешает ему думать. Он выключил приемник. Теперь ему стало легче думать. Он сел на диван. Продолжая думать.

Потом он решил все и сказал все:

– Не кайся. Ты будешь ходить как дочь хана. Я так сделаю!

Но в комнате жены не было. Он соскочил с места. Вошел в кухню. В спальню. В сарай. Во двор.

Вошел в Большой дом. Старики сидели в задумчивости.

– Где Жаухаз? – спросил он у матери.

– Как где? – Но старушка тут же замолчала, заметив еле уловимое, только ей одной понятное недовольство старика.

Старик, помолчав, сказал:

– Сынок, – он еще помолчал, изучающе смотря на сына. Потом сказал: – Сынок, ведь она твоя жена!..

* * *

В спальней комнате. На кровати лежал Еркебай. Уткнувшись лицом в подушку. Над ним сидели его товарищи. Жены товарищей. И его жена.

Один из товарищей говорил:

– Девушка рождается, чтобы стать чужой. И не стоит из-за этого убиваться.

Другой говорил:

– У меня-то три сестры. Все повыходили замуж. Живу же я, я – не умер.

Одна из жен его товарищей говорила:

– Все мы были девушками. Вышли замуж. Такова судьба.

Другая говорила:

– Кто же не бьет свою жену? Все бьют. Ну и что же! Вот мой, например...

Открылась дверь. Вошел Турар.

– Проходите, садитесь! – сказала Бибисара, встав.

Турар сел.

Еркебай молчал. Все сидели с опущенными головами.

– Возврати мне мою жену, – сказал Турар.

Тут только дошло до Еркебая – он резко поднял голову и резко, удивленно, возмущенно, растерянно, с опаской спросил:

– Как возврати?! Она же у вас.

– Не думайте, что я дурак! – сказал Турар. – Не прячьте ее. Верните.

– Что вы говорите? – вся бледная, привстала Бибисара.

Тут всем в голову пришла одна страшная мысль. Мгновенно. Одновременно. Страшная мысль. Все одновременно встали, все бросились в гостиную, потом все – в детскую, потом все в кухню, потом все в девичью, потом все на улицу.

В углу дома слабо качалась лампа под шляпой. Лил дождь. Странное было небо. Оно наполовину, к югу, где горы, было плотно обложено тяжелыми тучами. Северная половина была чистая и темно-синяя. Там горели звезды Большой Медведицы. Все выбежали за

калитку. Все одновременно поняли. Вот что забыли все – автофургон. Нет же его на месте!

От дома Еркебая по улице на север уходили два глубоких следа. От колес машины.

Уходили следы на север...

* * *

В тот же вечер старик Танабай оседлал коня и спокойно выехал за аул, в степь.

Здесь он резко хлестнул коня и поскакал – понесся. Долго, бешено гнал он коня по кругу в степи, потом резко остановил его: конь отчаянно заржал и встал на дыбы.

В этот же миг старик увидел: два глубоких следа уходили на север, за горизонт, и там ярко горели звезды Большой Медведицы. Несущийся Тулпар застыл в своем бешеном беге.

Легенда гласит, что Тулпар этот до сих пор несет похищенную красавицу...

...Старик постоял в степи, постоял, потом медленно повернул в аул. Приехал он домой совершенно спокойный.

ЖАЗИРА
Киносценарий
Москва, 1962 год
ПРЕДИСЛОВИЕ
(из письма к другу)
Друг мой!

Наконец установили, что сценарий – жанр художественной литературы. Но надо бы уточнить: сценарий – жанр художественной литературы, предназначенный для читателя, который по каким-то соображениям называет себя режиссером.

Я так говорю потому, что читатели – сами по себе режиссеры, читая произведения, в своем воображении создают картины. Но простые смертные читатели отличаются от тех, которые себя называют режиссерами, только тем, что они имеют скромность, что они допускают, что картина, которую они создают в своем воображении, может быть неточной, может быть бедной, чем та, которую рисовал писатель.

Друг мой, я написал сценарий художественного фильма, и заранее знаю, что этот фильм не может иметь успеха у тех, которые идут в кинотеатр, чтобы как-нибудь убить время. Для тех этот фильм будет скучным.

Я не сделаю открытия, если скажу, что мы до сих пор ошибались, отождествляя два совсем разных понятия. Когда говорим «литература» – мы всегда представляем книги, литературное произведение, но ведь это неверно. Произведение, по-моему, только лишь инструмент, так же как и музыкальный. А литература рождается только тогда, когда читатель, взяв в руки произведение (инструмент), начинает читать (играть).

Если же играющий, в данном случае читатель, не отличается особым мастерством, то, конечно, любой хороший инструмент не даст той бесконечной гаммы звуков, которую он мог бы дать.

Если же играющий – настоящий мастер, то и плохой инструмент может лучше звучать, чем если бы плохой инструмент оказался бы в руках невежды.

Вот, друг мой, давая тебе в руки сценарий, я хотел бы, чтобы ты помнил это.

Я знаю, – будет время, когда... каждый будет как звезда пред другим! Тогда лучшими будут считаться те, которые шире обнимут сердцем мир, которые глубже полюбят его, – лучшими будут свободнейшие – в них наибольшее красоты! Велики будут люди этой жизни...

М. Горький

I

После слякотной, надоедливо живучей зимы – сразу, без перехода, наступило жаркое лето. Земля не успела ожить, – вся застыла, обожженная ранним солнцем, черная и сухая. Но степь подобна музыке – она всегда звучит; и сейчас, в эту дремлющую миражную рань по бескрай-

ней черно-дымчатой степи несется задумчивая суховатая мелодия. Мелодия степей и гор, отзвук судеб гореликих моих предков, мелодия приобретенного счастья и жажды разумного завтра.

Мелодия моего сердца.

У степи своя романтика – но она не криклива, не броска, она таинственна и, так же как любовь, не всякому доступна.

Титры

II

Скука. Скука на экране: степь безжизненная.

Река, как забытая заржавевшая проволока, и маленький аул на берегу реки, похожий на застывших на проволоке осенних мух.

Длинный крытый камышом старый коровник, с четырех сторон четыре дома, со стороны реки два плоскокрышие, со стороны степи – два, один трехкоконный, тоже плоскокрыший, другой – высокий белый, крытый красной черепицей, со стеклянной верандой.

Вниз, по течению реки в расстоянии километра еще какие-то два дома.

И за рекой – степь, голая. Торчат курганы, остаток Кокандской глиняной крепости с вышками для пушек.

Скука. Скука на экране.

Еще солнце не взошло. Из дома, крытого красной черепицей, вышла Жазира. Стройная фигура. Светлая длинная коса. Фуфайка. Боты. Серое – ниже колен – платье. Серый платок.

Вышла с ведрами на коромысле.

Прошла мимо коровника и по рытым ступенькам спустилась к реке.

Река. Мутная, со случайными кусками льда.

Из дома, самого близкого к реке, вышла Улбике, женщина лет сорока пяти. Изношенная фуфайка. Толстый платок. Изношенные, рабочие сапоги. Толстое, неопределенного цвета платье.

Вышла с кошмой. Стала встряхивать.

Вышел из другого, близкого к реке дома Майхара. Мужчина лет пятидесяти. Узкое лицо. Узкие, неопределенного цвета глаза. Кривые ноги. Средний рост. Зачесанные против волосы. Шевиотовый измятый костюм неопределенного цвета. Ботинки – неопределенного цвета.

Подошел к коровнику. Долго смотрел в окошко. Вздыхнул. Бесцельно отошел.

...Жазира открыла дверь курятника, выпустила кур и гусей, зашла на веранду, в старой кастрюле вынесла пшеницу, молча и неохотно высыпала на землю, снова зашла в дом, вышла с ведром, открыла дверь сарая, подошла к белоголовой красной масти корове.

– Му-у, – лениво приветствовала корова хозяйку. Жазира не обратила на это внимания, она помыла вымя коровы водой и села доить.

...Из общежития доярок вышла Еркекыз: черный костюм, боты резиновые, крепкие ноги, походка живая и – в такую рань – щегольская!

Спустилась по ступенькам к реке, постояла, любясь, нагнулась, зачерпнула рукой воду, попила, снова нагнулась, несмотря на холод, разделась по пояс и стала мыться.

К реке по ступенькам спустились Куньбала и Айбала, сестры, еще совсем девчонки.

Девушки умылись. Пошли в общежитие.

...Жазира с ведрами на коромысле снова пришла к реке, набрала воды и осторожно начала подниматься по ступенькам.

Из дома, из которого вышла Улбике, вышел красивый, полный старик Дулат.

Медленными шагами подошел к сараю.

Вывел оттуда красивого белого коня ахалтекинской породы с гусиной шеей, погладил по мордочке, по гриве, подвел к реке с другой, некрутой, стороны, напоил коня и снова неторопливыми шагами направился в аул.

...Из дома, крытого красной черепицей, вышел старик Махмут. Грузный. Крупное лицо. Вислые брови. Коричневая вельветовая куртка, коричневые вельветовые брюки и маси – сапоги из тонкой кожи, без подошв. Круглая тюбетейка.

Вывел из сарая двух кобыл, привязал за дерево, сам отошел в сторону... вернулся, совершил утреннее омовение, потом три раза ударил по ладошке. Видимо, это условный знак – из дома вышла Жазира с чайником, молча подала чайник, молча отошла.

Жазира по лестнице поднялась на крышу, где хранилось сено, спустилась с двумя копнами клевера, развязала их, положила перед кобылами. И еще раз с двумя ведрами на коромысле направилась к реке.

...Старик Махмут зашел домой, совершил утренний намаз, долго шепча, время от времени падая на колени, лицом на жайнамаз – чистое шерстяное одеяло, проводя руками по лицу.

...Жазира принесла два ведра воды, напоила кобыл и снова направилась к реке.

...Из труб всех домов дружно поднялись клубы дыма.

...К коровнику снова подошел Майхара, снова открыл дверь и постоял молча, снова закрыл и снова зашел в дом.

Потом подошел к коровнику Асен. Хмурое лицо. Стройный. Серый измятый костюм. Сапоги.

Выгнал коров, погнал их вниз по реке к водопою. Коровы тощие, грязные, даже не в силах мычать.

...Дулат оседлал белого коня, к нему подошла его жена Улбике, он ей что-то сказал, сел на коня и поехал куда-то.

Бескрайняя черная степь, разделенная надвое согнувшейся от скуки рекой.

...Асен пригнал коров, загнал их в коровник, запер, пошел домой.

Скука. Скука на экране.

Взошло солнце. Но и оно не может скуку разогнать.

Мертвая голая доска. Забытая ржавая проволока. Застывшие осенние мухи.

Скука. Скука на экране.

...Комната, три односпальных койки. Еркекыз, Куньбала и Айбала, молодые доярки, молча пьют чай. На столе – хлеб, сахар, масло.

...Комната, на полу, на кошме сидят Улбике, девочка Асия, рыжая, узкоглазая. На скатерти – хлеб, масло, пьют чай.

...Комната, на полу, на кошме сидят Майхара и Майсары, женщина лет тридцати пяти, пухлое лицо, узкие глаза. Ситцевое платье. Пьют чай.

...Комната, большая, светлая. На шелковом одеяле, подобрав ноги под себя, сидит Махмут. Жазира наливает чай, густой, красный, подает свекру. Старик долго пьет чай, Жазира сидит, не кушает, и не пьет.

Старик провел руками по лицу:

– Альхамдулля!

Жазира собрала скатерть с хлебом, чаем, сахаром, конфетами, осторожно вынесла все это в кухню. Вынесла самовар в кухню, закрыла дверь, села кушать.

Скука. Скука на экране.

В общежитии Айбала, самая младшая из девушек, маленькая, пухленькая, читает журнал «Юность». Куньбала и Еркекыз, лежа на койках, слушают.

...В доме Махмута. Махмут три раза ударил в ладоши. В комнату осторожно, с каим-то почтением держа обеими руками Коран, вошла Жазира, дала старику Коран, осторожно двигаясь так, чтобы видно было, что она уважает своего свекра, вышла из комнаты.

...В доме Дулата. Девчонка Асия рисует коров и каких-то человечков.

...В доме Майхары. Майхара сел на пол по-казахски и корявым почерком начал писать: «Секретарю Джайсанского райкома».

...Жазира вышла на улицу, кликнула: «Алтынбек!» Никто не отозвался.

...К коровнику подошел Майхара, долго стоял, смотрел на голодных коров, покачал головой, направился в общежитие доярок.

...В общежитии. Айбала читает, Куньбала и Еркекыз лежа слушают. Вошел Майхара:

– Все читаем, – сказал он голосом, не требующим ответа.

Айбала перестала читать, Куньбала и Еркекыз встали.

– Дулат поехал в колхоз, Авесхана уже три дня нет, тоже пропал. Еще один день и все 600 коров в рай пойдут, – не так зло сказал Майхара.

– Старик Махмут дал бы пока до вечера сена, – сказала Еркекыз.

– Жди, он даст! – усмехнулся Майхара. – Во всяком случае, я еще раз поговорю с ним. А может...

...В доме Махмута. Почитав, старик отложил Коран в сторону. Снял очки, ударил три раза в ладоши.

Вошла Жазира. С кумысом. Застелила скатерть, принесла хлеб, сахар, масло, в пиалу налила кумыс, с почтением подала свекру.

Без стука вошел Майхара.

– Ассалаумагалейкум, – нарочито бодрим голосом поздоровался он.

– Алейкум ассалам, – недружелюбно ответил Махмут.

Майхара сел на колени, что-то бормоча, провел руками по лицу и, обращаясь к Жазира, сказал:

– Налей-ка, келин, кумыс.

Старик нахмурил брови, Жазира это заметила, но все же налила в пиалу и подала Майхаре.

Майхара неторопливо выпил, удобно уселся и сказал:

– Да, плохи дела.

Еще долго сидели молча, еще попили кумыса, потом Майхара сказал:

– Да, плохи дела.

Махмут нахмурился и буркнул:

– Когда же казах перестанет озираться на собственность других?! Было ведь сказано: сена я собрал не ради колхозного скота и нечего приставать к божьему рабу!

Потом долго молчали, пили кумыс. Махмут провел руками по лицу, сказал:

– Альхамдулля...

Майхара повторил за ним.

Жазира собрала скатерть.

III

Чем меньше общества, тем меньше в нем свободы.

Мир Жазиры тесен: этот маленький аул с его серыми постылыми днями; еще уже – семья: свекор, свекровь, муж, пасынок Асылбек, деверь, глухонемой Асен; еще уже: свекор, свекровь и она. Мужа часто дома не бывает, пасынок и деверь держатся чужаками.

Свекор и она. Три хлопка в ладоши – и Жазира тут как тут. Это порядок. Не будет же старик каждый раз вступать с ними в разговор. Это не принято.

Старик доволен ею. Все делает. Все делает аккуратно. Рано встает. Поздно ложится. Все понимает с полуслова: три хлопка в ладоши – и Жазира тут как тут.

Три хлопка в ладоши – чистая вода: умывайтесь, пожалуйста!

Три хлопка в ладоши – кобылы, коровы, куры накормлены, напоены.

Три хлопка в ладоши – густой чай со сладостями – пожалуйста, на здоровье!

Три хлопка в ладоши – свежий кумыс, мягкая подстилка, и еще – Коран, читайте, пожалуйста, смывайте свои грехи перед богом.

Устали – хлопните три раза – постель готова, отдохайте на здоровье. Теперь Махмуту только и отдыхать. Хороша жизнь, правда? Советская власть все дала: и сытую жизнь и спокойный быт, и образованного сына, и добротный дом, и чистую, дисциплинированную келин, и Коран от руки не отнимает. Нет, здорово живется. И баи прошлого так не могли жить. Что там говорить! Разве они могли в такой чистоте и спокойствии жить! Нет, конечно, здорово живется старику Махмуту!

Двойное шелковое одеяло, под локтями с обеих сторон по три пуховых подушки. Сидит старик себе и в мыслях плывет по раю, обещанному Кораном.

Живописный старик. Обычно таким рисуют чабана-казаха на плакатах. Но только, конечно, вместо Корана в руках – палка...

Мир Жазиры тесен: этот маленький аул с его серыми постылыми днями; еще уже – семья; еще уже – свекор и она.

Свекор грехи смывает – читает Коран. А она?

Она заперлась в кухне. Позавтракала.

Теперь что? Она подошла к зеркалу. Раскосые, искривленные, как у дикой лани, глаза. Два прямых росчерка – густые, но не толстые брови. Волнистые русые локоны. А зубы? Больно глазу смотреть! Белые, как первый снег под солнцем!

Но нельзя же так долго любоваться собою, она отошла.

В углу лежала большая связка книг. Жазира подошла. Развязала. Взяла в руки первую попавшуюся книгу: «Эйклз. Свиноводство». Отбросила. Подняла вторую: «Орлиная степь». Раскрыла. Аккуратный ученический почерк: «Вместе с пионерами нашей школы я тоже хочу дружить с вами. Я еще октябренок. Но посылаю эту книгу. Мой брат Эрик учится в четвертом классе. Я в первом. Эрик прочитал в газете, что ваша ферма очень отстающая. И они всей дружиной решили помочь вам. Они летом на каникулы приедут к вам работать. Я тоже приеду. Если меня с собой они не возьмут, то вы заранее напишите им, чтобы они меня тоже взяли. Пожалуйста, очень прошу!

С приветом Карл Тамберг,
колхоз «Заря», Эстонская ССР».

Жазира улыбнулась: стала читать книгу.

...где-то в Москве, русская старушка, «маленькая, сухонькая, с пучком седеньких волос на затылке, в простенькой, но опрятной юбке и кофте из немаркого материала», стоя в почему-то похожей на кухню, где сидит Жазира, комнате, сказала:

– Уезжаешь? Да куда же это?

Но не успел русский парень Леонид «со спокойно-суровым, даже властным лицом, с серыми глазами» ответить:

– На Алтай, мама. Сейчас я нужнее на целине! – как из гостиной донеслись хлопки и Жазира поспешно закрыла книгу, пошла на вызов; она молча вошла и молча стала стелить – она знала, что свекор будет отдыхать.

Вернувшись, она снова принялась за чтение.

Но не успел русский парень Леонид Багрянов с мешком с головастыми волчатами дойти до полевого стана, как кто-то весело постучал в дверь.

Жазира нехотя встала, нехотя пошла и открыла дверь – кто это может быть? Ах, Асылбек.

– Где ты пропадал? – холодно спросила Жазира и, тут же увидев размазанное грязью, но веселое и оттого смешное лицо мальчика и двух головастых волчат в его руках, в удивлении приоткрыла рот.

– Что такое? – изумилась она.

– Волчата! – весело объяснил мальчик.

– Откуда?

– Из логова вытащили. Отунбай-ага вытащил. Он прямо сам вполз в логово.

– Какой еще Отунбай? – спросила мачеха, почему-то неожиданно задрожавшим голосом.

– Как, не знаете? – в свою очередь удивился пасынок. – Это внук старика Дулата. Ночью приехал. Его привезли на газике. Я от гула проснулся и пошел к ним. Дедушка Дулат плакал, – добавил он.

– Какой внук? – механически спрашивала Жазира.

– Обыкновенный, – ответил Асылбек. – Он ночью не может спать. Попил чай, потом взял меня и пошел бродить по степи. Под утро мы случайно нашли логово, он вполз и вытащил пять штук волчат.

– Если бы в логове была волчица? – все механически спрашивала Жазира, даже побледнев.

– Фу! – махнул мальчик. – Он ничего не боится. Он – во! – «во» – значит, сила.

Жазира с любопытством посмотрела на волчат, как будто один из них тот таинственный парень, Отунбай, который приехал ночью и, бродя от бессонницы по степи, нашел логово и вполз в него.

Жазира сейчас же пошла к тете Улбике, в один из двух плоскокрыших домов по ту сторону коровника, к реке. Тетя Улбике сидела в передней на кошме и что-то штопала. Жазира вошла, но не стала здороваться – здесь новый день уже давно перестал быть новым явлением.

– Садись, келин, – сказала Улбике, равнодушно посмотрев на молодуху.

– Я только на миг, – будто оправдывалась келин. – Не будет ли у вас горстки соли? Мы, оказывается, без соли остались...

Улбике встала, принесла из сеней соль. За это время Жазира хотела заглянуть в спальню, но не решилась.

– Ночью какой-то гул слышала я. К вам кто-то приехал? – спросила Жазира.

– Да, – усталым голосом ответила Улбике. – Внук наш приехал. Отунбай. Да ты его, наверное, помнишь? Он до четырнадцати лет рос у нас. Его послали на лето на кумыс. Со здоровьем у него что-то неладно, что ли? Заставили уехать в аул. Говорят, за три года привык днем спать. Спит, – сказала она, указывая на дверь спальни.

...Старик Махмут задремал. Проснулся. Открыл глаза. Сел. Громко, но сухо кашлянул. Вышел во двор. Хлопки – Жазира на кухню вынесла кофейник с теплой водой, поставила на верхнюю ступеньку лестницы на веранде.

Вернувшись в кухню, Жазира попробовала читать дальше, но не смогла. Не читалось. Она закрыла книгу.

Вошла в спальню молодых и только протянула руку к домбре, висевшей на стенном ковре, как услышала гул машины – значит, приехал муж, Авесхан.

Муж приехал веселый. На смачных блестящих губах застряла недокурная папироса. Небритые уже несколько дней усы снизу порыжели. Густые волосы под серую

каракулеву шапку не влезали. Остроконечный прямой нос гармонировал с узкими глазами и кажущимися опухшими красноватыми веками. Темносиний бостоновый костюм и хромовые сапоги, и собственная молочного цвета «Волга», на которой он приехал, блестели чистотой.

Когда Жазира увидела мужа, он уже со своей упругой, соответствующей упругому полному телу его, походкой – направился в дом.

– Бери, – сказал он, подавая жене какой-то тугой мешочек. – Гвозди... Ну что впилась глазами? Не видала, что ли? – возмутился он, заметив, как Жазира холодно смотрит на него. – Ну, был на свадьбе! Гулял. Это хотела знать? Ну, пойдем, и ты не осталась в стороне, подарок привез, – уже более мягким голосом извинился он.

Зашли в кухню. Он сел на табуретку, достал из кармана платок. Дал жене. Потом долго отчитывался.

– Той был на славу, – говорил Авесхан. – Из всех колхозов района собрались гости. Сколько было этих самых, боже мой! Я туда попал случайно. Искал председателя. Сказали – там. Поехал туда, а председатель, оказывается, только что уехал. Он, оказывается, побыл там, на свадьбе, только один день. Потом извинился перед хозяином и сказал, что если узнают в райкоме, ему несдобровать, и уехал. Я его там не застал. Понимаешь? А раз приехал на той – то оставайся. Меня не отпустили. Так что пришлось три дня «жару давать».

Авесхан, разговаривая, вытащил из кармана красный треугольный флажок, расправил и поставил на стол. «Бригада, борющаяся за звание коммунистического труда».

– Да, еще, – сказал он, таинственно улыбнулся. – Вот. Будем бороться. Зашел в райком комсомола – поговорить о возможности переезда в центральную усадьбу. Там меня сперва как следует отчитали и дали этот флажок. Сказали – если завоеешь звание фермы коммунистического

труда, то подумаем о переводе на другую работу. В центральную усадьбу колхоза. Да, еще зашел в сельсовет. Выделили участок. Так что скоро начнем строиться. Отгрохаем шестикомнатный дворец – тогда прощай МТФ № 5. Эти проклятые коровы наши пятки только увидят! Слушай, что ты устави́лась? Соскучи́лась? Что? Да? Ну, иди ко мне!

Авесхан был обладателем своеобразного искусства – играть усами. Он мог заставить усы свои танцевать, махал ими как крыльями, топорщил и съезживал их.

Но на этот раз Жазира неожиданно для мужа сказала:

– К дедушке Дулату приехал внук Отунбай. Он мне подарил двух волчат...

– Какой еще внук, какие еще волчата? – не понял Авесхан. – Давай, слушай, постели, смертельно хочу спать.

* * *

Он наслаждался безделием. Он наслаждался, был счастлив, переиспытывая то, что давно забылось, неожиданно очутившись в тех местах, что десять лет назад он мальчишкой оставил.

...Комната. Два окна, маленькие, тусклые. Кровать двуспальная. На двух больших украшенных золотистыми узорами сундуках – десятки шелковых одеял, сверху – подушки. К двери – высокий, длинноногий рукодельный стол, накрытый клеенкой. На столе несколько книг. Среди них – «Ботагоз» Муканова и один экземпляр журнала «Мясное и молочное скотоводство», пачка газет.

На койке с закрытыми глазами лежит Отунбай. Черная прядь мягких волос упала на широкий лоб.

Его разбудил злобный писк волчонка в передней. Он встал. В трусиках и майке подошел к окну. Но тут же, услышав голос дедушки, который, вероятно, войдя с ули-

цы, удивленно спросил: «Откуда эти волчата?» – стремительно подбежав, «нырнул» под одеяло.

– Брат подарил, – ответила сестренка Асия.

– Он еще спит? – спросил дед.

Послышалось, что в переднюю кто-то вошел. Донесся громкий, бодрый голос:

– Ну как, старик, съездил?

Голос Дулата ответил: председателя не нашел. Он, говорят, в соседнем колхозе на свадьбе. В центральной усадьбе ни грамма сена.

Суховатый голос:

– Плохие дела, старик.

Голос Дулата:

– Да, плохие. Говорят, что колхоз уже потерял 20 тысяч баранов.

Суховатый голос:

– 20 тысяч? Значит, 20 процентов. Видно за эту весну потеряем примерно, половину скота. Ничего дела! (пауза) – Ну, старик, ты что-нибудь привез?

Голос Дулата:

– Что тебе?

Суховатый голос:

– Мой заказ. Забыл, что ли, водка?

Голос Дулата:

– Да будь проклят он, твой заказ. Некогда было об этом думать. Я ездил в город – нельзя ли купить хотя бы у частных. Ничего нет на базаре. Все полетело к черту.

«У них своя забота. Чему-то огорчаются, чему-то радуются, как интересно, как хорошо!» – подумал Отунбай, с наслаждением уткнувшись лицом в мягкую подушку. Когда затихли голоса, Отунбай осторожно встал. В майке и трусиках подошел к высокому в самодельной раме зеркалу. Ему безразличны те слова, которые доносятся из передней. Он долго смотрел в зеркало.

– Ну, здравствуй, Отунбай, как дела? – говорил он своему отражению в зеркале. – Отдыхаем? Ну, ну. Да, черт возьми, ты, вообще, видно, парень ничего, – чмокнул губами. – Волосы – ничего, брови – ничего, вполне современные, соответствуют космической эре – крылья реактивного самолета (его брови устремлены вниз к переносице!). Нос – ничего, немного плосковат – ничего... Усы – ничего. Тоже вполне современные, крылья реактивного самолета (они устремлены вверх к ноздрям!). Зубы – ничего, волчьи, одним словом! Грудь – во, ничего. В общем, ты – парень ничего, но большой идиот. Почему не сберег здоровье, а? Теперь пыхти здесь целое лето. Так тебе и надо!

Из передней донесли голоса:

– Ну как, старик, говорят, приехал? Тот самый, который до четырнадцати лет у вас рос?

– Да, Отунбай. Спит сейчас.

– Долгонько он спит. Надолго он приехал?

– На лето. На кумыс. Говорит, буду работать у вас.

– А где он вообще работает?

– В какой-то атдорбе, что ли!

Молодой, бодрый голос засмеялся:

– Какая атдорба! (атдорба – по-казахски мешок, в котором возят корм для коня).

– Ну, где звезды считают.

– А-а! Понятно, – заключил молодой бодрый голос. – На метеорологической.

Отражение улыбнулось.

Из передней донесся громкий, бодрый голос:

– Приведите вечером его к нам, пусть будет моим гостем, немножко хоть развеется. Он на самом деле собирается работать здесь? Если хочет, мы его можем зачислить как механика. Пусть себе ходит, отдыхает, охотится и получает трудовни.

...В спальне – Отунбай. Своему отражению в зеркале: – Вот видишь, какие хорошие люди. Забота. Ну какой с тебя механик, а? Ну ладно, одевайся. Стыдно так много спать.

Темно. Два тусклых окна еле блестят, видимо, день клонится к вечеру.

Отунбай покопался в радиоприемнике, но ничего у него не вышло – приемник молчал. Батарея истощилась.

Отунбай подошел к окну. Из окна видно, как речка, все кривляясь, уходит вниз. Низкий густой туман. Дома, кажется, плывут над облаками... еще – виден уголок коровника. Общежитие доярок – плоскокрыший низенький домик. Дом Авесхана – высокий, белый, крытый красной черепицей. Около дома несколько верб. Дверь стеклянной веранды открыта.

Откуда-то на «Волге» над тучами приплыл Авесхан, с какими-то сумочками, зашел домой. С самоваром в руках на улицу вышла Жазира, укутанная в теплую шерстяную серую шаль. Фуфайка. Длинное серое платье. Боты. К вечеру похолодало. На спине толстая длинная коса. По колену погруженная в густые облака... она, кажется Отунбаю, плывет.

Окна общежития осветились. Там зажгли свет.

Дедушка на белом коне куда-то по облакам поплыл.

Снизу по речке поднимались коровы. Тощие, еле на ногах держатся. За ним Асен плетется.

Асия и Алтынбек откуда-то прибежали по облакам...

«В каком затерянном уголке земного шара я оказался. Как здорово! – думает Отунбай. – Когда-то я тоже, как тот мальчик, бегал по этой степи... Глушь, закоулок... Земля – закоулок во Вселенной», – думал он. Наверное, сейчас

где-то рассветает. Наверное, в Сан-Франциско. Потoki машин, люди, люди... идут – идут... говорят – говорят... а Земля все крутится, крутится... а маленькая пылинка – где-то в горах стоит у окна... а Земля все крутится. А планеты все крутятся. Во мраке космоса блестят какие-то звездочки. Их много тысячи, миллионы. Миллиарды. Крутятся, светятся и все вместе куда-то мчатся. Все дальше расходятся звездные системы, Отунбай – пылинка, стоит у окна где-то в затерянном в степи ауле!.. Парень вздохнул.

– Ага! – раздался голос мальчишки.

Арстан повернулся – у двери блестели губы и глаза мальчишки.

– Вас зовут.

– Ах, это ты, Максимка?

– Я, – ответил мальчик. – Вас зовут.

– Кто?

– Отец.

– Скажи мне, почему тебя зовут Алтынбеком?

– Не знаю, – мальчик усмехнулся.

– Тебе нравится имя Максимка?

– Нравится. Вы меня так называли, теперь все меня так зовут.

– Скажи, Максимка, может, тебя зовут Отунбаем?

Мальчик усмехнулся: «Вот чудак».

– Меня зовут Алтынбеком, – снисходительно ответил он.

– Все же тебя, может, зовут Отунбаем? А? Когда-то здесь бегал мальчишка Отунбай, может, это ты, а?

Мальчик усмехнулся:

– Вас ждут, ага, – сказал он тоном, говорящим: зачем вы чудите?

«Пожалуй, так меня могут назвать чудачком», подумал Отунбай и сказал:

– Ну пойдем, Максимка, раз ждут.

Камера осталась на том месте, откуда смотрел Отунбай. Видно, как Отунбай и Алтынбек вышли на улицу, как Отунбай берет мальчика за плечи, наклонившись, что-то говорит. Они идут в дом Авесхана.

У порога гостя встречает Авесхан, здоровается, что-то говорит.

Камера стремительно приближается к ним.

Авесхан:

– Ну, заходи, заходи, дорогой гость... Вот здесь туфли можешь снять... тебе надо заменить костюм, а то девчата засмеют, назовут стилигой. В этих брюках, наверное, неудобно? Как ты их утром надеваешь?.. Э-э, что за туфли у тебя? Сапоги надо надеть, дорогой, сапоги. Я, между прочим, тебе советую – белые сорочки больше не носи. Здесь они не к месту. Сам видишь – сколько грязи. Здесь белое надевать нельзя (открыл дверь, чуть наклонился). Входи, пожалуйста!

Большая, светлая комната. Это гостиная дома Авесхана. Комната обставлена, можно сказать, со вкусом. На лево – при входе – диван, справа – письменный стол. На столе – 30–40 книг. Пол деревянный, крашеный. Так же, как в доме Дулата, здесь на полу постелена большая, новая кошма, с национальным орнаментом. Буквой «П» постелены новые, шелковые, пестрые стеганые одеяла.

В комнате сидят на полу по-казахски – подобрал ноги под себя: на самом почетном месте – хозяин дома старик Махмут. Грузный. Вислые брови. Зеленые глаза. Замусоленная тубетейка. Бешмет из черного бархата. Подол и лацканы обведены красным щелком. Рубашка без воротника. Теплые ватные брюки из вельветного бархата. На ногах – маси – сапоги из тонкой кожи, без подошв.

Справа от Махмута – Майхара. Выходной рыжий костюм. Неглаженный. Измятый в сундуках. Он выглядит интеллигентом.

С правой стороны Майхары, к двери, «к низу», сидит Улбике. Белый кимешек, бархатный жилет, длинное до пят платье, маси. Рядом точно так же одетая старуха Дамели, свекровь Жазиры.

Налево от Махмута, в сторону, где стоит письменный стол, сидят: на стуле, чтобы не помять свои брюки, Отунбай, на полу жена Майхары Майсара, девушки – Еркекыз, похожие друг на друга маленькие пухленькие сестры Куньбала и Айбала. Еще ниже – Асен, атлетически сложенный симпатичный парень, с хмурым и страдальческим лицом, и рядом хозяин дома – Авесхан.

В этой комнате – дети: Алтынбек и Асия.

В кухне – Жазира. Топится печь, кипит казан.

* * *

Кто же он, этот новый в ауле парень? Жазира подошла к двери гостиной и через стекло двери с любопытством долго глядела на Отунбая.

Он сидел какой-то черно-белый. Черные волосы, черный костюм и туфли, белая сорочка, белый галстук, носки с белыми полосами.

Да, обаятельный парень. Необыкновенно доброе, «открытое» лицо. Умные глаза. Держится как мальчишка, который знает, что его любят. Когда слушает – вид его делается чуть грустным. И сразу оживляется, когда начинает говорить.

Жазире не слышно, что там говорят. Но она видит, что муж, вероятно, задает какие-то вопросы, а гость отвечает. Другие слушают их.

Жазира полюбовалась выражением лица гостя. Интересно: он то нажмурится, то заулыбается красивой дет-

ской улыбкой, то усмехнется, что ясно говорит: какая наивность, то учтиво возражает.

Жазира осторожно приоткрыла дверь. Теперь стало слышно, что говорят в гостиной.

– Конечно, это приветствуем, – говорит муж. – Зачислим вас механиком.

Одна из девушек направилась к двери, Жазира поспешно отошла. Зашла в кухню.

«Значит, приехал работать», – подумала она. И тут же заиграла ее фантазия.

... В кабинете, чем-то напоминающем «кабинет» Авесхана, маленький седенький старичок, почему-то похожий на ту старушку, которая сегодня днем в Московской квартире провожала своего сына на целину, сказал:

– Значит, решил уехать в село, дорогой Отунбай?

– Да, – ответил парень. – ...Я там нужней, Иван Иванович, разрешите, пожалуйста?

... В кухню вошла Еркекыз.

– Ты что одна здесь? – удивилась она. – Пойдем.

– Мясо, – ответила Жазира, уазывая на казан. – Неудобно, свекор там и свекровь. Она вернулась из города сердитой.

– Ну, подумаешь, – подняла подбородок Еркекыз. – Пойдем. Сидим же все там. Молодые.

– «Молодые», – повторила не то ехидно, не то с завистью. – Вам полагается. Вы свободные.

– Какую чепуху говоришь, – Еркекыз насильно потащила Жазиру в гостиную.

Сидя в гостиной, рядом с девушками, Жазира продолжала с любопытством наблюдать за гостем.

Право, он необыкновенно чудной парень. Он неумолимо прямой. Не боясь, что другие могут обидеться, «режет». Но все это он делает с добродушной улыбкой и с привычной легкостью, что собеседники не обижаются.

... – Да-а, – подытожил Авесхан. – Расскажите нам, Отунбай, какие новости в столице? Что нового в культурной жизни? Ну, в театрах? Здорово играет Бисенбаева. Ох как она падает, это невероятно!

Отунбай весело улыбнулся:

– Представьте себе, в ее игре я ничего хорошего не вижу. Она ударяет все время на внешний эффект.

– Ну, ты уж, – Авесхан посмотрел на других, как будто спрашивая, видите, какие мы ученые, культурные.

– А новую оперу Бекова ты, конечно, слушал?

– Нет, – весело улыбаясь, ответил Отунбай. – Представьте себе, не слушал.

– А игру Коканова ты как оцениваешь? Это же гений. Помнишь в «Ахан сэри», как он произносит: О, коварный век мой...

Арстан весело улыбнулся:

– Между прочим, он самый бездарный актер.

– Ну, друг мой, загнул. – ... А как поет Айханова?

Отунбай весело улыбнулся:

– Дрянь, – сказал он. – Природа дала человеку голос, а души не дала.

– Ну, ты, друг мой, уж слишком!

«Да, я не ошибся, – подумал Авесхан. – Мелкий работник. Мелкий работник какой-нибудь Метеослужбы».

«Он издевается над Авесханом», – подумала Жазира.

– А я с вами все же не согласна, – вмешалась в разговор Еркекыз, обращаясь к Отунбаю. – Айханова – хорошая актриса, она пользуется большим успехом.

– Достаточно творцу иметь хоть одного глубокого понимающего поклонника, чем тысячу «механических» поклонников, которые аплодируют, не понимая сути. У Толстого миллион почитателей, думаете, все они понимают его гений? – Отунбай испытующе посмотрел на всех.

«Он всех считает дураками, всех, кроме себя», – подумала Жазира.

Тут она вспомнила что-то и осторожно, но торопясь, вышла, в кухне, размешивая бульон, она подумала: «Губы – как у мальчишки. Он весь как мальчишка».

Жазира вернулась в гостиную. Теперь уже разговор шел между свекром и гостем.

Какой чудной парень этот Отунбай! Сидит-сидит. Молчит-молчит. Когда молчит – выражение его лица становится грустным. Кажется, он никого не слушает. Но мгновение – и глаза оживились, и лицо раздобрело, и «ляпнет» что-нибудь такое, что...

...Свекор, чему-то усмехнувшись, продолжал начатое:

– И то, и другое свершилось благодаря воле Аллаха. Не будь на то изволения Всевышнего, никакой ваш спутник и не летел бы! Бог покровительствует Советской власти, потому что она разрешила веровать верующим!

«Старика только допусти до таких «дискуссий»! Допусти и – держись!» – подумал, восхищенно смотря на отца, Авесхан. Но гость, который сидел с безразличным видом, вмиг оживившись, спросил:

– Скажите, ата, какой вы веры?

Старик не удивился, а возмущился. Он, кряхтя, тяжело задвигался. Опущенные вислые брови ответили: «что за глупый вопрос?!».

– Значит – магометанской? – понял гость. – Тогда скажите, пожалуйста, вы знаете, кто такой Мухамед?

– Мухамед – наш пророк. Единственный доверенный Аллаха на Земле! – все больше возмущаясь, ответили вислые брови.

– А вы знаете, что Мухамед сам в бога не верил? – спросил Отунбай.

– О Алла! – закричал старик. – Алла!

– Мухамед говорит, – продолжал гость, – что у бога есть такие признаки: первое – он ни от кого и ни от чего не родился, второе – он никого и ничего не рождает, третье – он ни на кого и ни на что не похож, четвертое – он нигде не существует... Значит, его нет! Мухамед это знал.

– О Алла! – скрипнул старик.

– Вспомните девяносто восемь «прекрасных имен» бога? Золото, медь, вода, глина... Ведь Мухамед был материалистом?

– О Алла! – старик стал маленьким, но злым. Страшно злым, так что улыбки, появившиеся было на лицах молодых, тут же исчезли. И Жазира, с усилием овладев собой, сделал серьезный вид, осторожно, но торопясь, вышла. Вышла, боясь гнева старика.

В кухне, размешивая бульон в казане, она подумала: «Чудак!» и улыбнулась.

Еще постояв в кухне, Жазира снова вошла в гостиную.

Свекр, уже пришедший в себя, медленно, тоном начальника, выступающего перед подчиненными, говорил:

– Только делают вид, будто им не нужно ничего, будто блага, деньги, вещи их не интересуют. Но сколько лет живу я на белом свете, ни разу не видел я ни одного божьего раба, который бы отказался от земных благ – от денег, от скота. В чем же смысл жизни? Зачем жизнь, если не ради этого. Я, конечно, знаю, что все это не заберу с собой на тот свет, но без них моя жизнь была бы пуста. Бог создал человека хозяином. И всем нужны деньги, скот, вещи. Даже, Хрущев, мне рассказывали, когда поехал в Америку, принял в подарок бычка от ихнего... как его... Суайта! Да Суайта.

Разразился хохот. Как не странно, но громче всех хохотал Авесхан. Он, прижав руками живот, трясясь, говорил:

– Суайт!.. Суайт!.. Врун... – На казахском языке слово «Суайт», как назвал старик Дуайта Эйзенхауэра, значит врун. – Бычок... Принял бычка... – говорил он, задыхаясь от смеха.

На этот раз со всеми вместе смеялась и Жазира.

Гость, по своей натуре не умеющий громко смеяться, лишь мило улыбнулся и, как бы подытожив все сказанное стариком, отвечая ему, сказал:

– Объявив вещь своей, человек становится ее рабом. Откажись от всего и ты становишься хозяином всего.

Но никто не понял смысл сказанного. Только Жазира и та – спустя несколько дней.

В гостиную вошла Асия, которая во время непонятого разговора взрослых вышла наружу и, обращаясь к Отунбаю, сообщила:

– Приехал отец. Стоит на улице. Зовет вас.

Уже была ночь. Неясная. Туманная. Туманная, но не темная.

Поодаль от дома, как памятник, стоял дед Дулат, держа за узды своего красивого беломастового коня.

Отунбай, как всегда красиво и прямо шагая, подошел к дедушке. Молча посмотрел. Старик был хмур.

– Пойдем, – коротко сказал он.

Они подошли к коровнику. Старик привязал коня к косяку оконной рамы, притащил лестницу, поставил к крыше коровника.

– Ты стой там. Будешь относить камыш в коровник, – сказал он, сам уже взобравшись наверх.

Отунбай удивленно смотрел на деда.

– Что будем делать? – спросил он.

– Не будем же мы спокойно смотреть, как коровы начнут падать! – буркнул дед. – Хоть камышом с крыши покормим. Хоть на один день.

– Тогда надо позвать всех, – сказал Отунбай.

– Нет, не нужно, – запретил старик Дулат. – К ним гости приехали. Не надо мешать. – Но в голосе дедушки внук уловил скрытую злобу.

Отунбай посмотрел в сторону дома Авесхана. Там уже стояли две конные брочки, с которых бесшумно сходили какие-то люди.

– Нет хозяина. Нет настоящего хозяина, – говорил старик, разбирая камыш с крыши коровника, и стопками кидал его на землю. – Нет настоящего хозяина. Слишком ожирел народ. Все богатые. Знают только есть, пить да в гости ходить. Колхоз для них только что-то обязательное... Не поругаешь, не работают. Если и работают, то прежде всего подсчитывают от этого свои выгоды. Ох, люди, ох, люди! – зло ворчал Дулат. – Советская власть слишком добрая, слишком мягкая, дает много, требует мало. Как бы не обидеть никого. А народ надо держать. Держать.

Отунбай стопками начал бросать камыш через окно в коровник и с ужасом увидел, как животные, расталкивая друг друга, жадно бросились на старый заржавевший камыш с крыши...

...Кончив работу, старик спустился на землю и подошедшему внуку сказал:

– Надо было переодеться! Костюм испачкал.

– Ничего. Сейчас переоденусь, – скрывая одышку, ответил внук.

– Умойся и иди в гости, – сказал Дулат. – Постой-ка, сын, – остановил он уходившего парня и, чуть поколебавшись, спросил: – Ты законы хорошо знаешь?

– Знаю, – ответил Отунбай.

– Я сегодня стегнул камчой председателя, сукина сына! Уж слишком безразличен к колхозу... Что мне за это будет?

«Милый мой старик!» – восхищенно подумал Отунбай и сказал:

– Ничего, ата, за это вам не будет!

В гостиной сидели старики и старушки, приехавшие из «большого аула» – сегодня последний день уразы.

– Пусть молодежь садится, – сказал Авесхан Жазире, – А ты должна обслуживать стариков.

«Я должна», – ехидно подумала Жазире и вошла в гостиную. Самый старший из стариков, красноглазый, худощавый старик Бейс-мулла, начал читать молитву. А когда он повысил голос, что означало – молитва подходит к концу, все старики и старушки, соединив ладони обеих рук, подняли их кверху и, тоже про себя что-то повторяя, провели руками по лицу.

– Амин!.. – сказал Бейс-мулла.

Все повторили. Потом, удобно усевшись, подложив под локти по две-три подушки, стали продолжать разговор.

Старушка Дамели кивком головы приказала Жазире принести кумыс. Жазире принесла. Теперь она должна сесть, сесть так, как обычно это делают молодухи – подбрав левую ногу под себя. Затем должна разливать кумыс, подавая каждую пиалу каждому гостю правой рукой, прижав левую к груди. Потом она должна замесить тесто, сварить мясо, принести тазик и чайник с теплой водой, обойти всех гостей, поливая им на руки воду, подавая полотенце. Потом принести ужин. Когда старики мирно беседуют, она должна молча сидеть и делать вид, что слушает. А когда старики насытятся, и самый крайний из них, тот, который сидит поближе к ней, подаст ей тарелку с остатками еды – саркыт (то, что осталось от старших людей, для молодой келин – лакомая еда), она должна получить саркыт левой рукой и, скрестив обе руки, по-

клониться, что означает: я благодарю вас, старшие, почтенные люди, за то, что вы оказали мне большую честь, дав мне остатки вашей еды.

Старики, конечно, не отличаются особой чистоплотностью, но ничего! На то они старики!.. Потом Жазира должна разлить в пиалы сорпу (бульон) и подать так же, как и кумыс. Старики любят сорпу, тем более если она свежая.

Они пьют ее долго, с наслаждением – по три-четыре пиалы...

Жазира должна сидеть и молчать. Потом она должна подать всем салфетки – куски газет, это уже новшество в быту аула. Потом она должна принести тазик и чайник и, как вначале, поливать воду на руки гостям.

Потом Жазира должна принести самовар, принести пиалы, принести поднос с хлебом-баурсаком, с сахаром, конфетами, масло и разливать чай.

Старики любят пить чай – долго, с наслаждением, не торопясь... И разговаривать не торопясь.

А Жазира должна сидеть и молчать. Жазире скучно. «Что там делают молодые?» – подумала она.

«Должна, должна, должна», – думала Жазира.

А старики все говорили, говорили. О чем бы они ни говорили, все сводилось к одному – скот.

– Я говорю Керей-баю: Керей-бай, говорю, ты не продавай, говорю, свою лошадь сейчас, говорю, а подожди, говорю... Осенью продашь – жирное мясо будет и побольше денег выручишь. Он не захотел послушаться меня...

– Эхе-хе, эхе!.. Керей-бай знает свое дело. Вот, у старика Асанбека хороший растет скакун!..

– ...Помню, был у меня гнедой, вот был конь!..

– ...Ты не знаешь, за сколько продал Кока-бай свою корову?..

– ...Этот базар был дорогой!.. Хорошие, упитанные бараны по 60 были...

Старушки тоже между собой говорили. О чем бы они ни говорили, все сводилось к одному.

– Говорят, приехал зять Несибели, Он, говорят, привез 15 тысяч рублей, две коровы и всем близким невесты по макинтошу. Женщинам – по шелковому платью.

– Говорят, не 15, а 20 тысяч привез. Жадюга Несибели, говорят, скрыла 5 тысяч...

– ...Эх-эх... Испортилась молодежь!.. Чего они только не делают, срамота какая!.. По вечерам собираются в клуб и давай, обнявшись, прыгать...

– Эх-эх-эх...

– ...Сноха старушки Алтынбала, говорят, убежала из дома. Не хочет жить со своим мужем – грешная, бессовестная...

– ...Говорят, она сейчас живет в городе у своего брата... Говорят, она подрезала свои косы – шайтан...

– ...Эх-эх-эх...

...Жазира, стоя в кухне, задумалась и уронила пиалу. Свекровь злобно крикнула:

– Что спишь!.. Надо же смотреть в оба!..

«Нет, это уже слишком!

Ворчать из-за одной несчастной пиалы?!

Сейчас, я тебе покажу, противная старушка!»

Жазира со злостью схватила со стола еще одну пиалу и с силой ударила об землю.

– Ах, бессовестная!.. – завопила свекровь.

И пошла, и пошла...

К счастью, радио в этом маленьком ауле имело привычку говорить когда ему вздумается – вечное замыкание. Разве только ветер зашевелит или корова об столб зачесится...

К счастью, сегодня как нельзя вовремя зачесалась пегая кобыла об столб, из репродуктора полилась симфония №3 Чайковского.

И Жазира – не та, которая стоит потупив взор и слушает ворчанье старушки, а другая, одетая в белое, воздушное платье, поплыла по зеркальной глади озера – сцена.

Не успела балерина сделать и круга по сцене, как радио запнулось и замолчало, и тут отчетливо прозвучал хриплый голос свекрови...

– ...иная, не знаешь, что такое уважение к старшим... О Алла! За свою шестидесятилетнюю жизнь я ни разу не пререкалась со старшими, со своим мужем!.. Что же, по-твоему, мы уважали старших потому, что мы были глупее вас, бессо...

Как бы в ответ на слова старухи Дамели, полился нежный Чайковский, и Жазира, в темно-синем бостоновом костюме и в ботах, с большими, черными раскосыми глазами, светло-бурой тяжелой косой, стройная, гордо поплыла...

Не успела танцовщица сделать и круга по сцене, как споткнулась и исчезла... Эта старуха, схватив в ярости репродуктор, швырнула его на пол...

Жазира не знала, что сказать ей, она выбежала из дома в мокрую темноту и горько заплакала...

...Конус света от ручного фонарика обнаружил сидящую, прижавшись спиной ко пню, и плакавшую Жазиру.

– Кто это? – спросил тот, кто светил фонариком.

Жазира узнала Отунбая.

– А-а, это вы? Плачете? – Отунбай замолчал, раздумывая, что ему делать.

– Пойдем, – сказал он, решившись. – Поругались со свекровью? Это понятное дело.

Жазира стыдливо отвернулась. Отунбай потушил свет.

– Пойдем, – сказал он.

– Не пойду, – ответила Жазира. – Я ни с кем не ругалась. Просто хочется плакать.

– Живете вслепую. Не цените жизнь. Жизнь за это мстит вам, – вдруг сказал Отунбай. – Это в конце концов мелоч-

но. Жить в таком тесном мире. Ограничивать себя только семьей... Впрочем, не только вы одна так живете. Многие еще так живут. Вслепую. Вам трудно. Вы не знаете, что делаете. Вы оторваны от мира. От всего. – Он еще что-то хотел сказать, но заметив, что сейчас не время, неожиданно закончил:

– Пойдемте. Свекровь вас не будет ругать при мне.

– Не пойду, – ответила Жазира. Но было件нятно, слишком件нятно, что стоит еще раз сказать «пойдем». Отунбай сказал. Жазира пошла. Она прошла в кухню, тщетно вытирая покрасневшие от слез веки, сказав по пути Отунбаю:

– Молодые сидят в русской комнате. Проходите сюда.

В «русской комнате» – комнате, обставленной по-городскому – сидела молодежь. Сам хозяин Авесхан, глухонемой Асен и девушки Еркекыз и похожие друг на друга сестры Айбала и Куньбала.

Гость вернулся хмурым. Молча, не замечая других и слыша Авесхана, который, как полагается хозяину, выражал гостеприимные лестные слова в адрес гостя, приглашал сесть.

Нехорошее молчание воцарилось в «русской комнате».

Авесхан, чтобы как-нибудь занять гостей, начал показывать семейный альбом. Восхищенно говорил:

– Вот помнишь, это в первом классе, а это мы в четвертом, а это мы в седьмом. Потом ты уехал. Мы уже с тобой десять лет не виделись, черт возьми!

Отунбай все молчал.

«О чем говорить, чем занять?» – думал Авесхан. Он встал, подошел к двери, открыл ее и, вероятно, увидев там жену, сказал:

– Поторопись, жена, поторопись!

– Тороплюсь, – слышался добродушный мягкий голос Жазиры. Авесхан снова сел на свое место.

– Ну как, где ты все же работаешь? В Москве? В Алматы? – спросил он.

– Ни там и ни там, – ответил Отунбай. – В одном поселке.

– Как зарплата? Денег много зарабатываешь? – спросил Авесхан.

– Хватает, – холодно ответил Отунбай.

Разговор не клеился. Девушки, сохраняя такт перед еще незнакомым парнем, молчали. Тишину нарушил Отунбай.

– У вас нет домбры? – спросил он.

– Есть, – покраснел хозяин. – Сейчас позову Жазиру. Она хорошо играет. Я сам не умею, это мое упущение.

С самоваром и бутылками коньяка вошла Жазира.

– Вот как раз, – обрадовался Авесхан. – Поставь самовар сюда. Это мы сами. А ты принеси домбру.

Жазира принесла. Авесхан встал. Подошел к двери. Запер на крючок и сказал, обращаясь Отунбаю:

– Там – старики... А теперь играй. Только потише.

Жазира, поколебавшись, заиграла.

Гость как-то оживился; до этого напряженно растянутые брови спокойно легли над подобрившими черными глазами, напряженно сжатые красивые губы, похожие на слабо растянутый рукою младенца лук, приоткрылись, показывая ровные ряды бело-голубых зубов.

– Знаешь, я очень соскучился по звуку домбры, – как-то по-детски виновато сказал Отунбай, когда Жазира кончила играть. – Черт возьми, как ты хорошо играешь. Не знаю, знаешь сама или нет – но ты играешь импровизируя. Это очень здорово!

– Музыка, она, конечно, дело хорошее, – ради приличия «поддержал» Авесхан. И тут же, вмиг, выражение доброты исчезло с лица гостя, он стал снова безразличен.

И первый раз за все это время Отунбай посмотрел на Жазиру, посмотрел, вспоминая что-то.

– Спасибо, – сказал он, – спасибо.

– Вот так и живем, – говорил Авесхан, разливая коньяк по рюмкам. – Слава богу, живем: кого-то лучше, кого-то хуже. Слава богу, неплохо живем. Вот построили дом. Купили «Волгу». Понравился тебе наш дом?

– Да, – сказал гость.

– И авторитетом неплохим пользуюсь, – продолжал Авесхан. – Меня хотят выдвинуть. Два года работал заведующим МТФ. Должен же я теперь выдвинуться!

– М-м, это хорошо, – все устало подтверждал гость.

Авесхан говорил:

– Правда, денег будет меньше, зато авторитет. Ты же сам понимаешь.

Гость молчал.

– Поработал два года в комсомоле, потом, глянь, в партийные работники подамся.

Гость улыбнулся.

«Что он улыбается?» – подумала Жазира.

– Все люди как люди. Партийные работники не с неба спускаются, – сказал Авесхан.

– Конечно, – подтвердил гость. – Ты счастливый человек, Авесхан!

Авесхан не понял сарказма в голосе гостя, он это принял за чистое золото, и сказал:

– Да. Многие мне завидуют.

– Тебе все ясно. Ты все имеешь. Ты знаешь, что человек рождается, женится, стареет, умирает. А я это до сих пор не знаю. Вероятно, никогда и не узнаю, – с грустью говорил гость.

– Что тут не знать?! – удивился Авесхан.

Старушка Дамели кивком головы остановила сына, который, проводив гостей, возвращался.

Жазира прошла в спальню и, остановившись за дверью, стала подслушивать. Она знала, что скажет свекровь своему сыну. Что может сказать эта старая ведьма?! Это Жазире, увы, давно известно. Жазира стояла и прислушивалась к неясному воркованию старухи. Ах, как жаль, не разберешь, что именно говорит она. Жазира представила старую ведьму, извергающую из своего рта-развалины желто-зеленый огонь Зла!..

Иногда с урывками до нее доносились слова старушки:

– Женщина – есть женщина. Мужчина – есть мужчина. Жена уважает мужа, значит, она уважает его мать, значит, уважает и старших людей, значит, не пререкаясь выполняет то, что ей повелевают. Муж – держит жену в ежовых рукавицах, иначе женщина, что собака, обожравшись начнет лаять на хозяина. ...Не была ли я сама молодой? Была. Я тоже была гордой... Но скоро же примирилась. Узнала истину. И вот, слава Аллаху, за шестьдесят лет...

...Когда она достаточно вразумила сына, тот, ожесточившись, пошел выполнять свою сыновнюю, мужскую обязанность. Дамели стояла довольная. Она осталась довольна сыном. «Айналайн, зрачок моих глаз, верблюжонок мой, – думала она, – всегда слушается мать. Не приютился, как другие молодые люди, под юбкой жены, молодец мой сын!»

Когда из спальни сына начали доноситься какие-то непонятные звуки, старушка все еще стояла довольная. «Молодец сын мой, – думала она, – время от времени женщину надо побить, это ей впрок пойдет».

Когда из спальни сына донесся глухой стон: «Так ее, так, проучи, – подумала старушка. – Проучить надобно,

хотя она человек хороший, но она зазнается больно. Уважать старших не умеет».

Когда стон стал все усиливаться: «Ничего, она еще молода», – подумала старушка.

Когда плачущий голос, вероятно от злости, начал срываться: «Она станет хорошей хозяйкой» – подумала старушка.

Когда сноха начала плакать, выговаривая что-то длинное, длинное... «Ух, хватит, не надо человека больно бить! – подумала старушка. – Ну, сынок, хватит, хватит...».

Когда сноха вскрикнула: «Убьет же злодей ее, убьет!» – встрепелась старушка и не помня себя бросилась в спальню, не помня себя рывком открыла дверь и рывком же закрыла ее:

– Хватит же, злодей, убьешь человека-то! – уже механически проронила она резко упавшим голосом...

– Отстань! – говорила сноха.

Она стелила. Сын стоял рядом и приставал.

– ...Ну, слушай, стели скорее, – говорил он... А то еще побью. На это раз вправду побью.

– ...Еще не хватало, чтобы ты на самом деле меня бил!.. – нахмурилась сноха. – Не приставай, говорят тебе!

Культ рождается в семье, культ укрепляет семью: «Он самый лучший», «Она самая лучшая». Иначе нет любви, иначе – предпочтение другого, иначе – нет семьи.

Жазира не могла пространно анализировать свои чувства, она не могла контролировать каждое движение своей души. Но она сейчас, непонятно почему, загрустила. Она что-то потеряла. Что, она еще не знала.

Потушили свет, легли и долго обоим не спалось.

– Потом мы поехали к Хасену, – говорил Авесхан, – он зарезал барана, водки – сколько хочешь. У него жена –

хороший человек. У нее щедрая рука. Тебе привет передала. Говорит: почему не привезешь Жазиру, не покажешь нам?

– Спасибо... – говорила Жазира.

– Потом, – говорил Авесхан, – были у Усена. Он тоже барана зарезал.

У него тоже жена хороший человек. У нее щедрая рука. Тебе привет передала. Говорит: почему не привезешь Жазиру, не покажешь ее нам? Все один, говорят, гуляешь.

– Спасибо... – говорила Жазира.

– Потом, – продолжал Авесхан, – были у Асана. У него жена тоже хороший человек. Барана зарезали. Водки – сколько хочешь. Скатерть у них богатая. Тебе привет передала.

– Спасибо, – благодарила Жазира.

– Ты не знаешь этого... Арстана. Мы были и у него. Посмотрел я на него и подумал: слава богу, что я не такой. Он обабился. У него жена... сохрани бог! А еще он мне был другом... А этот Отунбай тоже мне был другом. Я уверен, его выгнали с работы. А то что ему здесь? Хоть и неважная штука – метеослужба, зато в городе или в поселке живет... А помнишь, когда-то он за тобой ухаживал...

– Отунбай? – переспросила Жазира. – Ну и что же?

– Ничего, конечно. Ухаживал...

– Это было очень давно... – сказала Жазира, потягиваясь. – Так давно... Туман, кажется, рассеялся... – добавила она.

Туман на улице действительно рассеялся – в окно уставилась сгорбленная старуха – луна, разглядывая комнату своим тусклым взором.

Она в темени ничего кроме блестящих глаз молодой женщины не видела.

– За тобой ухаживал, помнишь? – отдаленным голосом говорил Авесхан.

И Жазира вспомнила.

... серебром на ушах красавицы дрожала луна в пруду.

– Раз, два, три, четыре... сорок девять... пятьдесят... иду искать, – раздался юношеский голос.

Это было давно, очень давно. Жазире было тогда четырнадцать. Тогда они были совсем юные, совсем зеленые...

– Иду искать ... Ау... где вы?..

... Они сидят в кустах молодого тала. Здесь их никто не найдет. Они держатся за руки.

– Когда уезжаешь? – спросила Жазира.

– Завтра, – ответил Отунбай.

Она крепко сжала руки.

– Писать будешь?

– Тише, услышат.

– Пусть!

«Мальчик. Он был мальчиком тогда». Он смотрел куда-то в сторону.

Она тоже. Только руки...

– Вон, звезду видишь? – спросил он вдруг, указывая на Полярную звезду. – Это звезда постоянства.

Он еще помолчал, глядя куда-то в сторону. Потом небрежно сказал:

– Если будешь скучать, выйди вечером на улицу и посмотри на эту звезду. Я тоже буду смотреть каждый вечер. И мы каждый раз будем встречаться там... Взглядом. Если будет тебе трудно, посмотри на нее, и я буду смотреть, и мы там встретимся...

Девочка еще сильнее сжала его руки. «Мальчик. Он был мальчиком тогда». Он смотрел куда-то в сторону. Она тоже.

– Ах вот где вы, – сказал тот, далекий Авесхан. – Я нашел все же вас!

... Раздался какой-то смех, затем голос Авесхана, который лежал рядом:

– Он еще скажет спасибо, если я его приму механиком!.. – говорил муж, Авесхан. Это который лежит рядом. – Слышишь, он завидует мне. Сказал: ты счастливый.

– С чего бы ему нам завидовать... – грустно сказала Жазира. – Он был мальчишкой, остался мальчишкой.

– Ты счастлива со мной? – спросил Авесхан. Повернулся на бок, обнял, самодовольно ухмыльнулся: ты довольна мной?

– У тебя глаза тоже черные... – задумчиво ответила жена ни с того ни с сего. Почему – тоже, мог бы спросить Авесхан, но не спросил – не заметил.

Тут Авесхан почему-то с плохо скрытой злобой заговорил:

– Маленький служащий какой-нибудь метеослужбы. Думал, из столицы – культурный. А он таких артистов не знает. Мало бывает в театрах. Так что... Между прочим, его надо использовать. Возложу я на него комсомольскую работу. Пусть мыкается.

Жазира перевернулась. На младенческих губах ее еще играла младенческая бессознательно-счастливая улыбка. Но она, блуждая, исчезла, когда муж, услышав жалобный писк волчонка, неожиданно спросил:

– Где же Асылбек?

Жазира растерялась. Где же на самом деле?

– Не знаю... – Но тут же вспомнила, тут же нахмурилась и тут же растерялась: – Я ничего... Так просто... Сказала, чтоб...

– Опять его обидела, мачеха! – буркнул муж. – Иди приведи!

Жазира выбежала в степь.

– Асылбек... Асылбек, где ты, Асылбек? – все громче, все тревожнее кричала она. Всюду обыскала. В сарае – нет, в коровнике – нет. Нет. Вдруг она услышала, как в ночной тиши кто-то непонятно крикнул и в реку упало что-то...

– Асылбек! – в испуге закричала Жазира и побежала вниз по реке туда, откуда донесся этот опасный звук.

...Глухонемой Асен и мальчик Асылбек разинув рты сидели на берегу реки.

– Что вы здесь делаете? – укоряюще сказала Жазира, но тут же, удивленная, остановилась. В реке ночью, «играя» случайными большими льдами, купался человек. Конечно, это был Отунбай.

Он увидел Жазиру на берегу, стоявшую, как гурия под луной, вылез из воды, в плавках, свободно, не скрывая дрожи, подбежал к ней и, дрожа, но свободно, похлопав ее, как ученицу, по спине, сказал:

– Ты как гурия, Жазира!

Жазира смутилась. Торопливо подошла к Асылбеку, взяла его за руку и пошла, сказав:

– Отец тебя ищет, куда ты делся?

– Асен останется со мной, – весело сказал Отунбай ей вдогонку. – Я не могу спать ночью. Мы с ним побродим по степи.

Степь подобна музыке – она всегда звучит; и в эту ночную пору по покрытой лунным серебром сухо-коржистой степи иноходью неслась задумчивая казахская мелодия. Мелодия моего сердца.

У степи своя романтика – она не криклива, не броска: она таинственна и, так же, как любовь, не всякому доступна.

Но одному из двух парней, безмолвно шагающих в эту ночь по степи, она, эта романтика, доступна, родна...

...Они долго бродили по степи. Природа – художник, своей незримой рукой и незримой кистью творила чудо. Небо – полотно, с минуты на минуту преображалось, становилось краше, нежней. Тысячи оттенков, тысячи кап-

ризно-тонких игр красок. О Гений! А как наступает степное утро, многоликая красавица?! О Мать Природа!

– Счастлив же ты, Человек, знаешь восход Солнца! – воскликнул Отунбай, тихо радуясь. – Эх, друг мой Асен, знал бы ты, как я в эту минуту счастлив!

...В эту ночь Жазира во сне видела человека, шагающего на заре по степи, с распростертыми объятиями обнявшего все небо, утренние звезды и заходящую бледную луну.

Это был Отунбай.

С восходом солнца Отунбай и Асен, возвращаясь в аул, увидели недалеко от МТФ длинный сарай с двумя маленькими домами, обведенный со всех сторон глиняным дувалом.

– Там что? – спросил Отунбай Асена, сопровождая вопрос неумелыми мимическими движениями.

Глухонемой ответил своими знаками.

– Говоришь, свиноферма? – понял Отунбай. – Посмотрим, а?

Асен сделал вид, который говорил: как хочешь.

Увидев в окно какого-то странного, не по-здешнему одетого человека и знакомого Асена, свиновод Катя, изумляясь, вышла к ним навстречу.

– Здравствуйте! – поздоровался Отунбай со смотревшей не скрывая своего удивления и вопроса женщиной лет тридцати.

– Здравствуйте! – ответила женщина и посмотрела на Асена, глазами спрашивая: кого это ты привел?

– Простите, пожалуйста, я, если можно, хотел посмотреть...

Асен показал знак, что означало: это хороший человек, но Катя это поняла как большой человек.

«Корреспондент», – подумала она, и чистосердечно сказала:

– Пожалуйста.

Дверь дома, откуда вышла Катя, осторожно приоткрылась и оттуда выглянул недоброжелательного вида мужчина, очень похожий на артиста Гарина.

– Здравствуйте, – поздоровался Отунбай, но Гарин, не отвечая, исчез, так же осторожно закрыв за собой дверь.

– Показывать-то нечего, – призналась Катя. – У нас все сейчас заброшено. Соседи не стерпели, уехали в другие колхозы. Мы здесь остались одни.

Она направилась к свинарнику.

Отунбай удивлялся – свинарник был без двери. Катя отодвинула большой камень, подпиравший поставленный поперек длинный самодельный стол, ножки которого торчали как дула пушки.

– Была и дверь, – объяснила Катя. – Да и не стала. Пришлось своим столом...

Свинарник был как свинарник – грязный. Животные, увидев людей, нетерпеливо захрюкали, злобно уставившись на пришедших голодными глазами.

Отунбай поспешно отошел.

– Терпим, – сказала Катя, когда они отходили от сарая, – председатель никогда здесь не бывал. Завфермой редко когда бывает. Он знает только разъезжать на своей «Волге», – женщина вдруг запнулась и настороженно спросила Отунбая: – Простите, вы не родственник его?

– Кого? Авесхана, что ли? Нет, – ответил парень.

– А то знаете как у казахов. За родственников они даже мстят... – облегченно призналась женщина.

Отунбай улыбнулся, тут же забыв о «родстве», смотря на эту женщину, подумал: «Эх, человек, труженик. Без претензий, сам толком не зная, создаешь ты благо, создаешь жизнь. Какой-нибудь идиот, не думая и не заботясь о тебе, живет в почете, а ты терпишь, знаешь только работать».

Но минуту спустя случилось такое, что не умеющий удивляться ничему Отунбай был поражен.

– Зайдите, пожалуйста, в дом, – пригласила Катя. Отунбай и Асен вошли. Мужчина, очень похожий на артиста Гарина, пугливо отводя глаза, поспешил удалиться.

– Вот так и живем, – добродушно улыбаясь от волнения перед «корреспондентом», жаловалась Катя. – Никаких условий. Койка да харч. Стол свой пришлось вместо двери поставить... Да, думаем так потерпеть еще. Сам все требует уехать. Да я против. Животных даже жалко.

Отунбай, шаря глазами по комнате, увидел в углу щель, затыканную тряпкой и с четырех сторон жирно, мелом, отмеченную крестами.

Хозяйка, заметив, что он смотрит на щель, вдруг серьезно сказала:

– Не дает, проклятая, покоя. Всю ночь хулиганит в комнате. Лезет под койку, щекочет нос, съедает еду... Вы не знаете... средств, как избавиться от ведьмы? Завелась одна у меня с осени. Во все щели лезет...

Отунбай вздрогнул, но тут же опомнившись, улыбнулся своей непонятной улыбкой и ответил будто шутя:

– Знаю, – ответил он. – Нужно просить Бога, чтобы он вместо ведьмы дьявола прислал. С дьяволом все же лучше...

С уходом таинственного пришельца мужчина, очень похожий на артиста Гарина, садясь на убранную мойку, сказал:

– Знаю, зачем они приходили... так рано... Прочуяли уже... Не иначе как из ОБХС!

Он по своей привычке спал днем. Его разбудил мальчик Асылбек.

– Вас зовет мой отец, – сказал он.

– А-а, Максимка, – проснулся Отунбай, – где же?

– В своей конторе.

– В какой еще конторе? – удивился Отунбай.

– В своей, – твердо ответил мальчик.

«Надо же так!» – подумал Отунбай, качая головой, одеваясь.

Плоскокрыший дом, где жили доярки, был разделен на три комнаты.

Направо при входе была дверь в общежитие, налево – контора. Да, да, самая настоящая контора! В ней стояли два стола. Стол заведующего фермой Авесхана и к двери – стол учетчика Майхары.

«Раз с меня требуют, чтобы моя ферма боролась за звание коммунистического труда, она должна бороться. Для этого нужно организовать людей. А как организовать? Если толком не знаешь, что такое бригада коммунистического труда, К счастью, приехал из города человек, он наверняка знает, пусть он и организует. Однако я не должен показать ему... словом, я должен держать этого человека!»

Так думал Авесхан перед тем, как в кабинет вошел Отунбай.

– Э-эй! – весело воскликнул Отунбай, войдя в контору. – У тебя кабинет?

Авесхан ничего не ответил, сидел молча, делая вид, что читает какие-то бумаги.

Отунбай поздоровался с Майхарой. Авесхан пожал ему руку молча и холодно.

– Садись, – сказал он, – дружба – дружбой, служба – службой. Так что... у меня к тебе деловой разговор.

– Ну? – Отунбай чуть было не засмеялся. «Молчи, Отунбай», – успокоил он сам себя. Присел.

– Ты член комсомола? – серьезно спросил завфермой.

– Да, а что?

– К тебе, так сказать, есть просьба. Не все в нашей ферме обстоит хорошо. Ты сам видишь, наверное. У нас есть комсомольская организация. На учете которой... На учете

которой состоят пять комсомолцев. С тобой будет шесть. Ну, не мне тебя учить, – теперь только Авесхан оживился. – Ты человек из города, ты, конечно, лучше нас знаешь... Вот нам нужен хороший руководитель. Я, сам понимаешь, все время занят хозяйством, а эти девчонки все дела пустили на самотек. Нужная крепкая рука.

Наступила пауза, после которой Авесхан сказал то, что собирался сказать.

– Ты сам знаешь, комсомол – верный помощник партии. Основная и главная задача комсомола – коммунистическое воспитание молодежи. Главной формой в воспитании молодежи является привлечение их к общественно полезному труду, включение их во всенародное движение за коммунистический труд и за коммунистический быт, – говорил Авесхан, почему-то глядя в газету, которая лежала на столе.

«Является привлечением!» – воскликнул в душе Отунбай, но помолчал. Вдруг Отунбай на газете, которая лежала перед ним, случайно прочитал слова «Комсомол – верный помощник партии. Основная и главная задача комсомола – это коммунистическое воспитание молодежи». Он чуть не усмехнулся.

– Ну, не мне тебя учить. Вчера на бюро райкома комсомола мне дали последнее предупреждение. Наша ферма единственная в районе, которая не включилась во всенародное движение.

«Всенародное движение», – подчеркнул Отунбай в газете.

– Тебя зачислили уже как механика. Сейчас проведем маленькое собрание. Изберем тебя комсоргом. Все будет чин по чину. А теперь Майхара тебя познакомит с хозяйством. Я тем временем соберу комсомольцев и проинструктирую. Чтобы не было «против» или «воздержавшихся».

«Ну что же, давай, давай», – весело подумал Отунбай.

До сих пор молчаливый Майхара, не торопясь, собрал все бумаги, которые разбросанные лежали на столе, сунул в ящик стола, посмотрел на Отунбая, улыбнулся какой-то своей тайной мысли.

– Значит, молодежь? – спросил он, выйдя на улицу, как будто спрашивая у Отунбая: «значит, ты молодой человек?»

– Да, молодежь, – ответил Отунбай.

– Значит, молодежь, – повторил Майхара, – значит, комсомол, значит, будем работать?!

– К чему это вы? – спросил парень.

Майхара, не отвечая, продолжал:

– Что сейчас комсомол? Что сейчас молодежь? Помню, в наше время: люди услышат слово «комсомол», так и не встанут с места, где сидели. Что было по сравнению с комсомолом НКВД? Смотрю я сейчас на вас и хочется плакать. Какие вы беспомощные!

– Это вы к чему? – спросил Отунбай.

И вдруг Майхара посмотрел на парня так, как будто перед ним не человек стоял, а пустота, и заговорил почему-то по-русски.

– Я почему это говорю – пошты я это говорю. В свое время я тоже был комсомолцем. Помню: перед мной трепетали стар и мал. Скажу, например, надо организовать колхоз или столько-то голов скота нужно сдать государству, никто не смел пикнуть!

Он улыбнулся, вероятно, вспомнив былое, и сказал будто сам себе:

– Помню, приедешь в какой-нибудь аул, соберешь народ и заорешь по-русски: Зачем такой, сякой, не выполняете приказ Советской власти! У-ух!..

Майхара еще раз улыбнулся, вспомнив что-то:

– Почему все это я тебе говорю, ты сейчас поймешь. Пошли.

Учетчик Майхара знакомил нового работника «механика» Отунбая с хозяйством.

- Это коровник, – говорил Майхара.
- Вижу, – говорил Отунбай.
- ...А это коровы.
- Вижу.
- Они тощие.
- Вижу...
- Они скоро подохнут.
- Вижу.
- Почему?
- Об этом-то я тебя хотел спросить.
- Как меня? – удивился Отунбай.
- Ты комсомол, отныне ты должен знать, – усмехнулся Майхара. – Я шучу, конечно, – извиняющимся голосом добавил он.
- А это общежитие доярок, – говорил Майхара.
- Да-а, – говорил Отунбай.
- У нас девок – уйма...
- Ну-у...
- А это что?
- Доильные установки. Привезли в прошлом году. Ложат.
- М-да...
- Ну, вроде все.
- Все?!

«Познакомившись» с хозяйством фермы, Отунбай с Майхарой вернулся в контору, там уже сидели все доярки: Еркекыз, Айбала, Куньбала и Жазира.

- Я собрал людей, – объяснил Авесхан, – сейчас проведем маленькое собрание и оформим это дело.

Отунбай и Майхара тоже уселись.

- Вот, товарищи, – начал Авесхан, – я вас долго задерживать не буду. Дело такое: на нашей ферме 6 комсомольцев, а комсомольская работа завалена, хромает, так сказать, еле дышит.

- Даже не дышит, – вставила Еркекыз.

- А я о чем говорю! – рассердился Авесхан, но тут же спокойным голосом продолжал: – К нам приехал еще один комсомолец, Отунбай, он из города. Он, конечно, больше, чем мы, разбирается в этих комсомольских делах. Его мы зачислим как механика фермы, но так как никакой механизации у нас нет, то он исключительно будет заниматься организационными вопросами. Так сказать, будет моим заместителем по политчасти.

Отунбай еле заметно улыбнулся, но промолчал.

- Сейчас мы должны избрать его секретарем комсомольской организации.

- Почему должны? – спросила Еркекыз.

- Не разводи демагогию, – отрезал Авесхан.

- «Демагогию», – обиделась девушка и замолчала.

- Так что, – продолжал Авесхан, – кто за то, чтобы товарища Отунбая Дулатова избрать секретарем нашей комсомольской организации, прошу поднять руки.

Все подняли руки, но Отунбай заметил, что все делают это так, как будто своим видом говорят: «нам все равно, делай как хочешь».

В заключение Авесхан сказал:

- Майхара, составь протокол собрания, напиши как полагается. Пиши, что слушали отчет бывшего комсорга Еркекыз, нашли ее работу неудовлетворительной, избрали нового комсорга... Да, еще напиши, что выступали все. Ну, там, что они говорили, ты сам сочинишь...

- Вах! – Авесхан ударил себя под бок, – я совсем забыл. Эй, вы куда расходитесь? Собрание ведь еще не кончилось.

Все безразлично вернулись и молча сели.

Авесхан встал, подперся руками о край стола и, чуть наклонившись, сказал:

– Переходим ко второму вопросу. Да, я совсем забыл, – обратился он к Отунбаю, – ты же секретарь, ты и веди собрание. Садись вот сюда. Рядом со мной.

Отунбай еле заметно улыбнулся, встал.

– Вы сами меня избрали, вы же будете жалеть об этом, – сказал он, улыбаясь, будто шутя.

Авесхан отодвинулся, сел поудобней и сказал:

– Давай, давай, покажи нашим лентяям, как надо жить и работать.

– Покажу, – сказал уже серьезно Отунбай. – Первое, никакого второго вопроса сейчас не будет. Сейчас расходитесь. Перерыв до вечера. Вечером соберемся, – Авесхан нам сделает доклад о состоянии работы на ферме и хорошенько поговорим.

«Бог мой, – подумал Авесхан, – он же чистый дурак. Он из тех, кто вместо волос снимает голову!», но не стал возражать, лживо улыбнулся и, улыбаясь, сказал:

– Ну что ж, раз новый руководитель говорит, значит, нужно расходиться... Но я никакой доклад не сделаю, на это не рассчитывай.

– Почему? – спросил Отунбай.

– Да потому, – ответил Авесхан, плохо скрывая злость, – да, потому, что я сейчас поеду в центральную усадьбу. Корма нет, коровы гибнут; мне некогда с вами... докладами заниматься. Ты, так сказать, мой заместитель по политчасти, ты и проводи без меня.

Отунбай заметил, что все встревоженно смотрят на них, он на секунду поколебался, но, решившись на что-то, твердым голосом сказал:

– Ты никуда не поедешь. Мы как раз будем обсуждать вопрос о падеже скота.

– Ха! – не удержался Авесхан. – Я сейчас же еду.

– Нет, ты сейчас не поедешь, – расвирипел Отунбай.

Дело приняло неожиданный оборот.

– Вот встану да поеду!

– Нет, постой, – Отунбай приподнялся, – собрание еще не кончилось, ты не имеешь права уходить.

– Успокойся, Авесхан, – поддержал комсорга Майхара. – Успокойся и садись, ежели собрание еще не кончилось, куда торопиться!

– Садитесь, товарищи, – потребовал Отунбай.

Все растерянно сели, но Авесхан оставался стоять.

– Садитесь, не садитесь – это не мое дело. Делайте как хотите, но я уезжаю, – он направился к двери.

– Постой, – свирепо сказал Отунбай, – ты уходишь нахально? Предупреждаю, что на твое нахальство я могу тем же ответить.

– Ха! – усмехнулся Авесхан. – Попробуй меня удержать здесь. Вот я пошел, что со мной сделаешь?!

– Ты просто трус! – В голосе Отунбая прозвучала спокойная уверенность. – Трус и двурушник! – Мысленно сказал сам себе: «Отунбай, не горячись».

– Ха! Я трус? – придвинулся к нему Авесхан.

– Да, трус, двурушник, – успокаивая себя, произнес Отунбай. – Если ты не трус, выкинь на стол комсомольский билет, я на тебя посмотрю!

– А при чем тут комсомольский билет? – остановился от неожиданного вопроса Авесхан.

– А потому, – ответил новый комсорг, – что ты в глубине души не любишь комсомол, но носишь билет в кармане – это трусость. Если бы я не любил, если бы я по крайней мере не уважал комсомол, то я бы не носил, а возвратил билет тому, кто дал, а ты трус: не любишь, не уважаешь билет комсомола!

Авесхан растерялся, не знал, что ответить. В таком случае есть единственный выход – это засмеяться.

– Ну и ну! – сказал он, насильно смеясь. – Я хотел проверить, каков мой заместитель. Молодец! Молодец! Теперь я могу быть спокойным – у меня появился настоящий работник, а все, что говорил, это шутки...

Собравшиеся не знали, как это понять. У всех на лицах было одно: недоумение.

– Головы двух баранов не вмещаются в один казан, – заключил из этой сцены Майхара.

Авесхан готовился к докладу. Он заперся в спальном комнате, навалил на стол все подшивки газет, которых он, может быть, никогда не читал.

– Ах, черт, – качал он головой, значит, доклад? Доклад... Нужно такой доклад сделать, чтобы все ахнули...

Он сел на стол, взял ручку, макнул в чернильницу, задумался. Написал: «в нашей ферме», подумал, зачеркнул, стал листать газеты, нашел заголовок: «Наш священный долг».

– Хорошо, – сказал он. – Только вот «священный» не подходит... пахнет религией...

Еще нашел заголовок: «Наша цель в ближайшие годы догнать США по производству мяса, молока, масла на душу населения».

– Это хорошо, – сказал Авесхан, – однако это цель общегосударственная.

Стал листать дальше, нашел заголовок: «Сельское хозяйство – на новые рубежи». «Нет».

Заголовок: «Всемирно повышать производительность труда». «Нет».

Заголовок: «Дадим Родине больше мяса, молока, масла». «Вот это да! – У Авесхана глаза загорелись. – Вот это

по-нашему. Ох, черти, написали так, как будто со мной советовались. Да, дадим Родине больше мяса, молока и масла».

Написал: «дадим Родине больше масла, мяса и молока».

Начал читать статью дальше...

Отунбай снова спал. Тихо вошел Майхара. Отунбай проснулся.

– Я тебя разбудил? – в голосе Майхары прозвучало извинение.

– Нет. Проходите, садитесь.

Майхара, как всегда, неторопливо прошел, сел на одеяло по-казахски, подобрал ноги под себя, закурил, потом промолвил:

– Плохи дела, – он плюнул, подняв конец кошмы у стены. – Плохи дела.

– Почему? – добродушно спросил Отунбай. Он привстал, проявляя уважение к старшему.

– Что плохого, Май-ага?

– Плохо, – Майхара еще раз плюнул, подняв конец кошмы, и неторопливо продолжал:

– Приехали пять машин. Председатель, наконец, прислал. Кто-нибудь из нашей фермы должен с ними поехать в соседний совхоз. Получить по расписке корма взаймы.

– Так что же тут плохого? Езжайте вы.

– В том-то дело. Не могу. Авесхан заперся. Готовится к докладу.

– Так поезжайте, или я, – Отунбай сел на койке.

– Нет, тебе зачем? Ты отдыхай. Уж я поеду. Дело в том, что обычно в таких случаях Авесхан едет сам. Не доверяет мне. Разве только ты, как комсорг, скажешь, браток...

– Езжайте, пожалуйста. Скажите шоферам, что это распоряжение начальства... – не понимая, поэтому и смеясь, сказал Отунбай.

– Спасибо, браток, спасибо! – обрадовался Майхара, то-ропливо встал и, все благодаря Отунбая, вышел.

Отунбай недоуменно пожал плечами и лег.

Через некоторое время послышался мощный недруж-ный гул нескольких «газов».

* * *

В том самом «кабинете» заведующего фермой, где Авесхан принимал Отунбая, шло комсомольское собрание.

Авесхан с упоением читал доклад. Время от времени мельком взглянув на слушающих, он недоуменно пожи-мал плечами, он никак не мог понять, почему его плохо слушают, он никак не мог понять, почему девушки бес-престанно хихикают.

Слушая Авесхана, Отунбай в свою очередь никак не мог понять, почему Авесхан так самозабвенно читает давно уже всем известные истины, почему Авесхан не подозре-вает, что другие его не слушают.

– Достижение в интересах общества наибольших ре-зультатов при наименьших затратах – таков непрелож-ный закон хозяйственного строительства. Эту цель ставят сейчас перед собой миллионы тружеников сельского хо-зяйства.

«Теперь он перейдет к достижениям тружеников обла-сти, потом района, – подумал Отунбай. – Я не понимаю, разве можно так долго говорить об известных всем исти-нах? Интересный человек этот Авесхан! Кто он? Бюро-крат? А что такое вообще бюрократ?».

Слова Авесхана Отунбай уже не слышал.

«Его надо остановить, – думал он, – но тут же возразил себе: пусть продолжает. Может быть, он с этими словами впервые столкнулся. Да, так и есть. Он своеобразный пустозвон, его трагедия как раз в том, что он не знает, что эти слова другим давно уже известны. Пусть говорит».

Еркекыз не утерпела, она громко засмеялась.

Авесхан недоуменно посмотрел на нее и продолжал дальше.

– Кровное дело комсомольцев – повести беспощадную войну с бесхозяйственностью, халатностью, расточитель-ностью. И тут слово – за комсомольскими контрольными постами, рейдовыми бригадами. Надо привлечь в них как можно больше людей, повседневно помогать энту-зиастам...

Еркекыз еще раз захихикала.

– Что ты все смеешься? – обратился к ней Авесхан.

– Да, ничего, – ответила Еркекыз. – Вот здесь в газете я нашла такое выражение. Хочешь, прочитаю?

– Мы не играть собрались! – искренне разгневался Авесхан.

– Вот смотри, – не унималась Еркекыз. – Здесь, в той же статье, написано: «грош цена руководителю, если...».

Отунбай, заметив, как вспыхнула Жазира – видимо, ей до слез было стыдно за мужа, – поспешил помочь Авесхану.

– Я очень прошу вас, не мешайте, пожалуйста, – попро-сил он доброжелательным тоном.

– Нет, меня удивляет то, что Авесхан на этой передови-це все читал, но пропустил одно место. Но почему он про-пустил это место? – обернулась Еркекыз к Отунбаю.

Авесхан неловко замолчал, сестры Куньбала и Айбала почувствовали себя еще больше неловко.

«Боже мой!» – воскликнула в душе Жазира.

– Тише, товарищи, – Отунбай привстал. – Авесхан как раз подошел к соли доклада, он сейчас нам расскажет о положении дел в нашей ферме.

Авесхан не на шутку растерялся, посмотрел на доклад и увидел, что дальше нечего читать, у него как раз соли-то и не было.

Все в ожидании утихли, теперь волей-неволей Авесхану нужно говорить о своей ферме.

– Ну что ж, – сказал он. – Так что... наша ферма, конечно, вместе со всеми тружениками района.

– Какой там «вместе»! – снова перебила Еркекыз. Отунбай показалось, что она мстит докладчику за что-то.

– Нет! Я так не могу! – вспыхнул Авесхан. – Что это, она пристаёт ко мне?!

– Не пристаёт, а поправляет, – уже давно мстя за что-то, вставила девушка.

– Еркекыз, я вас прошу, – обратился к ней Отунбай, – дайте сказать человеку.

Авесхан снова воспрял духом и тоном, которым делал доклад, начал:

– Наша ферма... погодные условия в прошлом году, сами знаете, были неблагоприятными, тем не менее получено от каждой дойной коровы в среднем по 500 литров молока. Это на 10 процентов больше, чем мы сдали в позапрошлом году... Да ну! – неожиданно махнул рукой он. – Все это вы сами знаете... – и сел.

– Никакого собрания у нас не получится, – уныло оправдывался он, – разве можно: 5 человек? Какое собрание?! Был бы большой зал, сидело бы человек двести, вот тогда можно по-настоящему проводить собрание, а здесь что...

* * *

Имеет ли сценарист право рассуждать? Не знаю, ведь так часто от него требуют черновую поккадровую запись, требуют, чтобы он точно сказал, где должны находиться ноги героя, где – руки. «Гневно смотрит», «Нежно смотрит», «С любовью смотрит», «Падает» – вот как он должен писать. «Ты дай за что режиссеру уцепиться, – часто ему говорят, – остальное не важно. Душа героев? На это

есть гримеры и актеры!» Могут спросить: при чем тут гримеры? Да, я не случайно упомянул это слово, ибо всем, по крайней мере, сообразительному зрителю, видно, что не только внешность, но и душа героя загримированы... Это, конечно, не по вине гримеров!

Трудно узнать, что на душе героя, когда только внешность мелькает на экране. Но Отунбай и Авесхан, эти девушки и Жазира, моя милая Жазира, живут не только внешне проявляемой жизнью, но и...

В душе Авесхана творилось, как говорят, черт знает что. Отунбай это понял, и я думаю, зритель тоже поймет, если камера, став на место Отунбая, пристально посмотрит на заведующего фермой.

Он сидел важный, силой воли заставляя себя не показать бурю, которая голодной гиеной выла в его душе. Только задрожала нижняя губа и правая рука никак не могла – казалось, разучилась – точно подвести зажженную спичку к потухшей папиресе во рту.

Теперь Авесхан, как кинокамера ранних лет, неподвижно сидя на одном месте, наблюдал за происходящим. Но так было только внешне, но внутренне он находился в весьма странном состоянии. Он замечал лишь какие-то слова, какие-то движения, какие-то выражения лиц, иногда он не слышал, что другие вокруг говорят.

– Давайте так, – донесся голос Отунбая. Одновременно Авесхан увидел только остановившиеся черные глаза говорящего. Потом увидел красивый затылок, широкую чуть изогнутую вовнутрь спину... вероятно, Отунбай встал.

– Не нужно никаких речей, никаких выступлений. Давайте проще.

Поговорим так, по душам, как говорят. Я, как председатель собрания, буду задавать вопросы, вы – отвечать.

Авесхан увидел выражения лиц девушек, особенно Жазиры, они одобрительно ожили. Глаза Жазиры, черные, глубокие такие, так и выдавали ее мысли: «давно бы так!».

– Согласны? – донесся голос Отунбая. Авесхан машинально кивнул.

– Значит, дела в нашей ферме плохи. Так дальше жить нельзя! – Авесхан снова увидел остановившиеся черные глаза Отунбая, – и веки его, Авесхана, глаз поспешили сомкнуться.

– Отвечайте каждый по отдельности, – сказал Отунбай. – Так? – обратился он к Жазире.

Авесхан, видел как жена вспыхнула, и тут же, как ученица, растерянно приподнявшись, ответила:

– Так.

Потом Авесхан еще видел лица Еркекыз, Айбалы и Куньбалы, они что-то говорили. Вероятно, соглашались с тем, что спрашивал Отунбай.

... Авесхан внутренне вздрогнул – на него уставились те черные глаза, теперь уже живые, нахально, уверенно требовавшие ответа. Видимо, Отунбай обращается к нему.

– Да. Это всем известно, – поспешил ответить Авесхан.

– Так... Теперь... Мы – комсомольцы. Носим билет комсомола – знак любви к идеям Ленина. Значит – мы верим в правильность его идей. Значит – мы будем бороться за них. Так? – донесся голос. Авесхан видел, как жена, уже не краснея и не теряясь спокойно ответила:

– Да. Иначе... – она посмотрела в его сторону и замолкла.

Авесхан видел, как говорили, отвечая Отунбаю, девушки, но не слышал, что именно они говорили.

...Еще раз Авесхан внутренне вздрогнул, когда уверенно-нахальные, даже чуть насмешливые черные глаза под взвившимися бровями вопросительно уставились на него.

Первыми ответили «да» ресницы, испуганно хлопнув, затем Авесхан сам не заметил, как быстро ответил:

– Да!

«Нахал! Какой нахал! – следом же подумал он. – Надо держать себя. Иначе ЭТОТ всю власть заберет в свои руки!»

– Так. Бороться за них. На данном этапе мы должны создавать материально-техническую базу Коммунизма. Одновременно готовить себя к грядущему. Строить Коммунизм сперва в душе своей, помогая и другим сделать это. Так? – донесся голос.

Черно-белая прямая фигура Отунбая мелькала перед глазами Авесхана: тот шагал по комнате.

«Как ясно говорит этот нахал! За это нахальство-то, я знаю, выгнали его оттуда, где он работал. Теперь он хочет здесь... Хочет отнять мое место... Зачем же я его принял на работу? Дурак же я!» – упрекал себя Авесхан. Так размышляя, он не услышал, что ответила жена, что ответили девушки. Но это не беда, он уже знает, как те ответят. Конечно, они согласны. Все четверо кивали, улыбались.

«На этот раз спокойно отвечу ему», – решил Авесхан. И заговорил:

– Ты прав, – сказал он. – Раз с нас требуют, чтобы мы боролись за звание коммунистическое – мы должны бороться. Моя... с тобой... задача – организовать... Доверие надо оправдать. Понятное дело – мы должны трудиться не покладая рук. Принять обязательства. Мы должны учиться. Еркекыз, Айбала и Куньбала учатся заочно в институте. Они пришли на ферму по путевке комсомола. У Жазиры десять классов образования. Она работала в библиотеке. Читает... часто... Летом ей разрешу поехать... повезу в Алма-Ату, устрою на заочное отделение какого-нибудь института. Это можно... А что касается «жить по коммунистически» – то... Живем же! Никого не эксплуатируем. Никому морду не бьем. Ни у кого ничего не отнимаем. Живем... сами по себе... потихоньку. А как иначе!

Его не перебивали. Слушали. Внимательно. Отунбай тоже. Слова: «я», «меня», «повезу», «устрою» больно резали слух, эти слова резче других раздавались и были неприятны.

Возбужденный Отунбай сразу же после того, как Авесхан умолк, заговорил. Теперь уже не столько для других, сколько для себя.

– Мы сейчас, – сказал он, – строим не только Коммунизм в масштабе планеты, но и рядом каждый строит «свое гнездо», разрушенное бурей Мировой войны. Сейчас, в этих условиях, естественно, рядом с героическим, возвышенным много еще, очень много встречается мелкого. Всего сорок с лишним лет, как мы поднялись из рутины от всеобщего собственничества, всеобщего эгоизма. И подвиг в наших условиях совершают не только те, кто открывает новые тайны природы, жизни, создает ракеты, летит в космос, кто строит электрогиганты, города, кто подавляет в себе раба вещей, раба эгоизма. Ибо всякий подвиг начинается с победы над собой, над мелочностью в своей душе.

Он еще долго говорил. Авесхан наблюдал, как все, что говорил Отунбай, так ясно отражалось на лице, в искрах глаз Жазиры.

«Умеет, верно, ЭТОТ говорить!» – подумал завфермой.

Вечером того же дня с Авесханом случился первый приступ ревности.

– Куда ты на ночь глядя? – спросила Жазира.

– В гости. Я забыл, оказывается, – ответил Авесхан, надевая сапоги.

Жазира зажгла свет.

– А как же коровник? – спросила Жазира.

– Что коровник?

– Мы же договорились, что вечером очистим его. А пьеса? А занятие?

– Я обещал к тем приехать в гости. Я, оказывается, забыл. А занятие, пьеса, коровник – не обязательно сегодня начинать.

Жазира неожиданно бросилась на шею мужу.

– Не уезжай, прошу тебя!

– Что с тобой? – удивился Авесхан.

– Не уезжай, – умолкла Жазира, – я боюсь...

– Вот дура, чего ты боишься, волка?

– Я боюсь, не уезжай, – сказала Жазира, – умоляю тебя...

– Вот дура, сколько лет жила, ничего не боялась...

Он хладнокровно откинул руки Жазиры от своей шеи, надел кепку и пошел. У двери, обернувшись, сказал:

– Я знаю, чего ты боишься. Мне на это наплевать. Я знаю, ты честная женщина, будь честной и дальше. Понимаешь? Сердцем люби сколько хочешь, но пашни-машни не заводи! Понятно? Не пачкай меня.

– О чем ты говоришь? О чем ты говоришь? – зарыдала Жазира.

Авесхан подошел, погладил жену по голове и, как будто дела одолжение, сказал:

– Ну ладно, собирайся. Едем в гости.

Идем в гости – значит, она должна одеться сейчас, одеться хорошо, не важно, если безвкусно, но главное, чтобы было дорого. Жазира кладет в сумку конфеты, пряники, и они выходят на улицу. Он в фетровой шляпе, дорогом темно-синем бостоновом костюме; она – в черном панбархатном платье, в цветастом шелковом платке и в черных блестящих туфлях без каблуков.

Авесхан выводит из гаража «Волгу».

Большой современный колхозный аул издали – как песок в степи.

«Волга» Авесхана подъехала к одному из домов.

Хозяин дома молодой человек, похожий на Авесхана, и хозяйка, похожая на Жазиру, встречают их у калитки. Здороваются, улыбаются, о чем-то говорят, выражают на лице то радость, то удивление, то сочувствие.

Говорят о чем-то, улыбаются, вводят гостей в дом.

* * *

«Жить мелочно? – спросила Жазира. – Мы ведь люди, как же иначе?» Она стояла на улице под окном, на нее падал косой луч света из окна – она вышла подышать свежим воздухом, и тут открылась форточка и четко послышался голос Авесхана:

– Он так и сказал: «Самовоспитанием надо, говорит, заниматься! Самовоспитание, самообразование, самоконтроль!»

– Сколько лет живу, но никогда не видал, чтобы человек сам с собой боролся! – съязвил кто-то.

Грохнул смех.

– Бросьте. Авесхан, лучше выпьем.

– Я пью за гениального Отунбая! – заключил пьяный голос.

Жазира вышла из калитки, на темно-синем бархатном небе мерцали звезды и среди них та, их звезда – Полярная звезда. Аул уже спал, только далеко там, на их ферме, светились огоньки...

...Вдруг Полярная звезда голосом Отунбая шепнула:

– Если когда-нибудь тебе станет трудно и захочешь поговорить со мной, выйди на улицу, посмотри на ту звезду, и я буду в этот момент смотреть на нее и мы поговорим. Хорошо? На это Жазира, та девочка, ответила:

– Ладно, пусть это будет наша звезда.

Звезда голосом Отунбая сказала:

– Почему ты одна, Жазира?

Жазира ответила:

– Ты далек! Вот и я одна.

– Ведь у тебя много друзей, – сказала звезда голосом Отунбая. – У тебя муж.

– Да, муж, но не любовь, – ответила Жазира.

– Любовь? – усмехнулась звезда. – Понимаешь ли ты любовь? Любовь – она совсем другая. Она совсем не такая, какой ее представляют люди.

– А какая? – спросила Жазира.

– Что ты здесь стоишь? – спросил какой-то неприятный, далекий голос. Жазира обернулась. Это был Авесхан. – Что ты здесь стоишь, старушка моя? – пошутил Авесхан. Он обнял ее за талию. – Пойдем! Там тебя спрашивают.

– Я не вернусь туда. Я пойду домой, – сказала Жазира.

– Ах так? Домой? – пьяные глаза Авесхана сощурились.

– Что ж, сейчас скажу – отвезут тебя.

* * *

Полночь. Авесхан на «Волге» едет домой.

* * *

Не доехав до фермы, Авесхан свернул в сторону. Поставил машину в овраге у реки, сам пошел пешком... Его черная фигура безмолвно подошла к аулу, безмолвно подошла к знакомому нам дому, крытому шифером, послушала. Тихо. Только окна блестят от лунного света.

...Черная фигура напряженно слушает. Тишина.

Светятся окна общежития доярок.

Черная фигура подходит туда.

Осторожно смотрит в окно. Видит: в комнате, отодвинув койки к стенам, сидят: Отунбай, Жазира, доярки и Асен.

Отунбай встает. Что-то оживленно говорит.

Авесхану не слышно. Он осторожно снимает кусок заплаканного оконного стекла. Теперь слышно, что говорят там.

– Эту сцену повторим... – говорил Отунбай.

Жазира встала.

– Вы меня поняли? – спрашивает Отунбай. – Будем произносить то же слово, что и в этой серьезной пьесе. Но – пародийно. Поняли?

Жазира кивает головой.

– Ну, начали, – говорит Отунбай. – Там, скажем, свиноферма. Мы встречаемся...

– Ах! Это ты... Мухан! – саркастически произносит Жазира. – Какая чудная ночь!

– Понимаешь, Асия, – говорит Отунбай, приняв вид влюбленного идиота. – Я искал тебя... Мне нужно поговорить с тобой...

– Нет, нет, сейчас не надо! – нарочито пропищала Жазира, изображая восторженную дуреху, «передовую девушку».

...Что там происходит, Авесхан не понимает.

– Я хотел сказать тебе... что... что основа успеха животноводства – все же полноценное кормление животных! – говорит Отунбай, играя «передовика»-кретина. – Корма – вот ключ к росту производства свинины! – Отунбай так хорошо изображал этого кретина, что девушки от души хохотали. – Давай так, – продолжал кретин. – Чтобы обеспечить высокий выход свинины на 100 гектаров пашни, мы не только расширим посевы кукурузы, но и получим как можно больше кормовых единиц с каждого гектара. Путь к этому – правильный выбор структуры посевных площадей, получение высоких урожаев!

– Да! – говорила Жазира, уже уверенно «войдя» в роль. – Ты, конечно, прав. Корма – ключ к росту производства свинины. Но ты забываешь, что корма – это еще не все.

– Была бы норма, – сказал Отунбай, – остальное все будет!

– В нашем доле, – говорила Жазира, якобы «горячо», – надо не только уделять внимание корму и посевам кукурузы, но и нужно внедрять все передовые способы повышения продуктивности животных. Не надо забывать и о положительном влиянии муки на производительную способность свиноматок. Нельзя забывать и о летнем лагере, о выгуле. Нельзя забывать и то, что много голов поросят колхозы недополучают из-за того, что мы не уделяем надлежащего внимания эффективному свинообразовательному процессу у хряков!

Потом она вдруг плакала и говорила:

– Не понимаешь ты ничего, не понимаешь. Не работаешь над собой. А я тебя так люблю...

– Ах ты... ты... Асия... Меня... Меня... любишь?! – запинаясь, говорил дурачок-Отунбай, подумав, добавил: – Нет. Я тебя не достоин. Не достоин я тебя... Ты вон какая, на всю область светило! А я кто!? Я еще... Я еще...

– Идиот! – пробурчал Авесхан неизвестно кому.

Они расходятся по домам.

Выходят на улицу.

– Мне теперь попадет, – говорит Жазира и бежит домой.

– Боже! – упрекает ее Еркекыз. – Что там бояться?!

– У нас никогда-никогда не было так весело, – застенчиво говорит одна из сестер.

– Ну, спокойной ночи, – говорит Отунбай.

– Вы и сегодня будете бродить всю ночь? – спрашивает его Еркекыз. – Я вам составлю компанию. Пока спать захочется...

Сестры заходят в дом. Еркекыз и Отунбай идут в степь. Все это видит Авесхан, стоя в тени коровника. Мрачнеет. Зубами скрежещет.

Ночь. Отунбай и Еркекыз подходят к тому месту, где Авесхан оставил свою машину. Авесхан, который крался за ними, растерян.

Он слышит, как Еркекыз кокетливо смеется, говорит:
– А здесь есть камень, очень похожий на диван! Сядем?

Авесхан осторожно открывает дверцу машины, садится за руль и через стекло наблюдает за ними. Те о чем-то говорят. Но Авесхану это не слышно.

Авесхан неожиданно включает фары машины. Те растерянно вскочили с похожего на диван камня.

Авесхан торжествующе подошел к ним и без вступления начал:

– Вот чем занимаются мои комсомольцы!

– Ты как тут? – спокойно спросил Отунбай.

– Не твое дело, – грубо перебил его Авесхан. – Ты знаешь, что твое племя называется чернохвостым?!

– Ты к чему это? – удивился Отунбай.

Авесхан будто не слышал и продолжал:

– А наше племя называется белохвостым!

– Ты к чему? – Отунбай и Еркекыз недоумевают и смотрят на Авесхана.

– Что это с ним?

– Ты знаешь, – спрашивал Авесхан, – что белохвостые – настоящие казахи, а чернохвостые распространились от младшей жены нашего прадеда!

– Ну и что же? – спросил Отунбай. – Это всем известно, – он начал раздражаться.

– Старики говорят, – продолжал Авесхан, – что ваш род низкий!

Отунбай засопел:

– Да ты только узнал, что мы из разных племен?

– То-то! – сказал Авесхан. – Вот почему в твоём характере уйма коварности!

– Слушай, – повысил голос Отунбай. – Если ты хочешь... со мной поссориться, то отойдем в сторону.

– Для меня Еркекыз не помеха, можешь сказать при ней что хочешь, а если боишься, то, пожалуйста, отойдем, – вызывает Авесхан.

– Ты что? Хочешь драться? – У Отунбая кулаки сжались.

– Я вижу – ты хочешь драться!.. Ах да! Это ты так просто делаешь, чтобы испугать меня! Кулаки сжал, подумаешь! Видал я таких трусов.

«Он пьян. Он хочет придрататься. А ты молчи, Отунбай!» – думает Отунбай.

– Ты трус! – Авесхан подходит вплотную, говорит: – Трус!

«Терпи, Отунбай!» – успокаивает себя Отунбай.

Удар. Отунбай закрывает глаза, бешено думает: «Я должен пасть!» и, отшатнувшись, делает вид, что ему больно.

– Трус! – прошептал Авесхан. – Я тебе покажу! Чтобы твоей ноги завтра не было здесь!

Удар. Отунбай закрывает глаза, бешено думает: «я должен пасть!» – и упал.

– Что вы делаете, боже! – Еркекыз бросается к Отунбаю, помогая подняться.

Авесхан подходит, нахально щелкает в нос Отунбая.

«Терпи!» – думает Отунбай.

Авесхан со всех сил бьет Отунбая. Отунбай еще раз падает, бешено думая: «Я должен пасть». Встает, подходит к Авесхану, подставляет левую щеку...

– Удар. Отунбай стоит недвижим. «Не слишком ли долго терплю?» – думает он.

Еркекыз вся в слезах подходит к Авесхану и говорит:

– Ты что бьешь слабого?! Ты бугай колхозный, а он человек городской, слабый.

«Ах, я слабый, – думает Отунбай. – Она думает – я впрямь слабый! Н-нет! Я не Христос!» Он решительными

шагами подходит к Авесхану и, закричав: «держись!», в тот же миг бьет в подбородок. Удар был короткий, но сильный. Авесхан, как мешок, из которого выпустили газ, сел.

– Что тут творится, боже! – кричит Еркекыз.

Это случилось ночью. Совершив ночной намаз, старик Махмут вышел на улицу. Было темно. Вдруг он услышал какие-то странные звуки, напоминающие тарактение испорченного мотоцикла.

Странные звуки, все усиливаясь, приближались. Махмут долго стоял не понимая. Потом он увидел – какие-то черные комки двигались в темноте. Что это – старческий глаз не мог отличить.

«Шайтан», – подумал Махмут и, испугавшись, все причитал: «О Алла! О Алла!» – попятился назад в дом.

Черные комки все приближались, непонятные гортанные звуки все усиливались.

Старик, спотыкаясь на ступеньках, открыл дверь веранды. Образуюсь прямо из черной тьмы, черные комки все увеличивались, приближались.

– О Алла! О Алла! – все громче причитал старик.

Комки подошли к дому и тут старик различил... Это были свиньи...

Старик увидел, как откуда-то прибежал Отунбай, как засветились окна общежития.

– О Алла! – сказал старик и поспешно закрыл за собой дверь.

Как легко совершать подвиги на экране и как трудно – в жизни! На экране легко, потому что подвиг совершают «герои», а в жизни – люди! На экране герой забрался в пышку, ему не страшно – он знает, что добрый автор его не убьет, что добрый автор придет на помощь, он только слегка ранит его и положит в больницу, а добрый врач оперирует его и обязательно удачно оперирует, там доб-

рые друзья не забудут о нем, будут приходить каждый день, будут сидеть у его постели и не отдадут его смерти. Там это просто, там это легко!

Там вздумала женщина пойти на непозволительную работу, она смело идет, смело об этом заявляет мужу, она не боится, потому что знает, что добрый автор помирят их с мужем, что добрый автор не оставит ее одну, добрый автор пошлет ей уйму советчиков, уйму друзей. На экране – там очень просто, там очень легко, а в жизни – в жизни люди, у жизни автора нет, в жизни каждый со своей судьбой.

В жизни автора нет, нет доброго автора.

За утренним чаем Жазира нечаянно пролила чай.

– Что с тобой? – спросил муж. Он спросил не зло, а так, прощая. – Торопись куда-то?

– Да, – как будто тоже шутя, ответила Жазира. – Тороплюсь на работу.

Сын и сноха при родителях не могут шутить. Старуха Дамели нахмурилась, но Жазира продолжала шутить:

– Все пошли туда... Я тоже хочу принести обществу пользу, – сказала она, как будто смеясь над словом «общество».

Авесхан принял это за шутку.

– На свиноферму? – спросил он, продолжая в тоне шутки.

– Да! Они – там.

– Ха! Что тебе ТАМ?

– А что? Ты ведь там работаешь?

– Я? Я – другое дело. Я заведующий. К свиньям не имею отношения.

«Ну да, это, конечно, шутка». Авесхан так и знал. Разве порядочная женщина, казашка, может позволить себе

прикасаются к свиньям? Это просто глупая шутка, и он на это ответил шуткой.

– Ты там и двух минут не стерпишь. Убежишь... Хочешь, возьму сейчас с собой.

– Хорошо, – сказала Жазира.

– Тогда одевайся, – не унимался Авесхан.

– Нет, я без шуток говорю, – Жазира сделала вид, который можно было принять и шутливо, и всерьез.

– Если ты не откажешься от своих слов, за меня будь уверена!

Так молодые супруги, продолжая шутить, вышли во двор, Авесхан отворил гараж, вывел «Волгу», и они все шутя над чем-то, поехали...

Вопреки ожиданию свиарник был чист. «Отунбай», – подумал Авесхан.

Но там Отунбая не было. Навстречу вышли Еркекыз и сестры. Жазира, отмахиваясь от сотен мух, мигом облепивших ее лицо, вошла в свиарник.

– Будешь с нами работать? – шепотом спросила Еркекыз.

Авесхан стоял в стороне. Он ждал момента, когда Жазира с испугом убежит оттуда. Он хотел посмеяться над ней. Но на удивление Жазира, не отвечая Еркекыз, решительно подошла к одной свинье, которая недружелюбно смотрела на нее своими грязными глазами. Свинья неожиданно завизжала, Жазира вздрогнула и чуть было не побежала назад, но все же не побежала. Она, заставляя себя, подошла и погладила свинью по спине. Свинья еще раз завизжала, но потом успокоилась. Видимо, ей было приятно прикосновение нежных рук.

Авесхан нахмурился.

Когда Жазира, вымыв руки в заброшенной комнате, вернулась к середине двора свинофермы, где остался Авесхан, там уже стояла вторая легковая машина – ГАЗ-69 – рядом с Авесханом стоял второй секретарь райкома партии Калеке.

– Как дела? – спрашивал секретарь.

– Ничего. Работаем понемногу, – ответил Авесхан. Он сгорбился. Это заметила Жазира.

– Здравствуйте, – поздоровалась она с секретарем.

– Здравствуйте, келин, вас, кажется, зовут Жазира? – спросил Калеке, как бы хвалясь тем, что всех в районе знает.

Дальше пошли диалоги:

– Ну, Авесхан, показывай, что у тебя... Как работа?

– Ничего, потихоньку... Вот... свиарники, которые работали по договору, вчера ночью убежали.

– Плохо, плохо.

– ...Вообще, мы сами... решили взять это в свои руки.

Нам нетрудно...

– Нет, нельзя так. А коровы?

– Успеем и там.

– Нет. Нельзя так.

– Временно, Калеке, временно.

– Тогда можно. Ну а как политико-воспитательная работа?

– ...Провел комсомольское собрание... Приняли свои программы. Одногодичную и перспективную.

– Что именно?

– ... Именно? Механизация труда. Внедрение передового опыта.

– Борешься за звание?

– Борюсь, Калеке!

– Когда думаешь получить звание коммунистическое?

– Вот, Калеке, в этом году новые свиарник и коровник отстроим. Механизированные. Тогда, наверное, звание получим.

– При чем тут свиарник и коровник? С людьми надо работать!

– Работаем, Калеке, работаем. Пьесу готовим. По вечерам беседы на разные темы проводим... Решили: все овладеем механизацией.

– Это ты молодец! Придумал хорошо.

Все эти слова Жазира слышались как далекие отзвуки. Она не смотрела ни на Калеке, ни на Авесхана – она смотрела на степь...

Степь – широкая, волновалась как море.

Жазира слышала, как сотни весенних птиц, будто соревнуясь между собой, на разный лад пели песнь степи, высоко забравшись в бездонное небо.

Небо. По-летнему прозрачное и глубокое, оно казалось таким еще оттого, что в нем плыли кучи беленьких, пухленьких, похожих на копны ковыля облачков.

А там – далеко на западе, плыла сплошная, волнистая, темно-бурая облачная скатерть...

Жазира стояла и в душу ее лилась мягкая степная музыка.

Справа от них – вдали, на юге, как белые айсберги в глубоком океане, виднелись сахарно-белые снежные пирамиды Ала-Тау, чистые, сказочные...

Вдруг далекие айсберги Ала-Тау и чабанские юрты справа медленно двинулись на север. Жазира пристально смотрела на черную точку на горизонте. Точка все увеличивалась, вершины гор и чабанские юрты все дальше и дальше уплывали на север.

Все увеличиваясь, черная точка приближалась к ним.

Теперь уже ясно было видно, что это скачет джигит на белом коне.

Из-за горизонта вырвались еще две черные точки, и на какой-то миг белые айсберги в глубоком океане двинулись на север...

– Что такое? Кто это? – спросил Калеке.

А с запада, с горизонта, вырвались темно-бурые тучи. И, как эти джигиты на коне, по два, по три стремительно помчались на восток...

Всадники с востока, стремительно приблизившись к бугру, где стояла ферма, круто свернули на север. И тучи, будто с ними сговорившись, красивым сгибом свернули тоже на север.

Подул прохладный ветер и степь еще больше заволновалась.

– Так, значит, будете пока работать и на свиноферме, – обратился к Жазире секретарь. – Молодец. Очень хорошо. На весь наш казахский народ будешь третья свиарка.

Радость хлынула в сердце Жазиры. – Она в первом скакуне на белом коне узнала Отунбая!

– Кто это? – спросил Калеке.

– Отунбай, – ответил Авесхан. – Внук старика Дулата. Приехал на лето к нам отдыхать... Как сумасшедший скачет, – Авесхан покачал головой.

– Ах, это Дулатов! Я его искал как раз! – слова секретаря были так неожиданны для Авесхана, что он в изумлении спросил:

– Вы, Калеке, его знаете?

– Да, брат, – ответил Калеке. – Ты даже не знаешь, с кем рядом живешь! Это ведь... Это самый талантливый ученый.

– Самый талантливый ученый? – переспросил Авесхан. – И как я не знал?

– Мы получили письмо от самого академика Ландова. Он просит, чтобы мы позаботились о нем, создали ему условия для отдыха.

«Вот это да! – подумал Авесхан. – Значит, большой человек. Я так и знал. Он не был похож на простых. Я так и знал!»

Отунбай и Авесхан вошли в «кабинет» завфермы.

– Ну, что скажешь? – спросил Отунбай не зло.

– Я... – заставляет себя заговорить Авесхан, – я хотел попросить у тебя прощения. Я не знал... Я...

– Ладно. Мы не дети, – прервал его Отунбай.

– Я... Хочешь, я тебе буду помогать? Хочешь, я сейчас позову всех, ты устроишь беседу? Ты же хотел так. Ты же говорил, чтобы каждый, каждую неделю приходил к тебе и отчитывался, – сказал Авесхан.

Он сел.

– Вот как! – удивился Отунбай. – Ну что ж.

– Как начнем? – спросил Авесхан.

– Очень просто, – сказал Отунбай. – Ответь на первый вопрос: кто ты?

– Кто я? – повторил Авесхан и сам удивился.

– Кто я? – переспросил он. – Я – Авесхан.

– Это всем известно, – насильно улыбнулся Отунбай. – Кто ты в сущности, только, пожалуйста, честно говори, как мы условились.

– Я сын Махмута, – начал Авесхан.

– Так.

– Мне 27 лет. С высшим образованием.

– Так.

– Заведующий МТМФ.

– Так. Это все анкетные данные. Ты скажи – в сущности кто ты? То есть какой человек?

Авесхан разгорячился, он заметно начал волноваться.

– Ну, подумай и ответь сам себе, как будто меня здесь нет, подумай и ответь, кто ты? – наступал Отунбай.

Неожиданно Авесхан вспотел.

– Черт! – сказал он, качая головой самому себе, и задумался.

– Ты меня освободи, пожалуйста, я подумаю, на самом деле надо подумать! – сказал он.

Отунбай не стал настаивать.

– Хорошо, иди, – сказал он тоном учителя. – Иди, хорошенько подумай. Пожалуйста, пошли кого-нибудь.

Авесхан вышел сконфуженный, как ученик, получивший двойку. Выйдя, удивленно мотнул головой и направился в общежитие.

... К Отунбаю зашла Айбала, старшая из сестер.

– Садитесь, – сказал Отунбай, уже собравшийся с духом и осмелившийся, – садитесь и ответьте на первый вопрос: кто вы?

– Я – Айбала.

– Я это знаю.

– Доярка.

– Знаю. Дальше.

– Доярка... – замялась девушка – ...окончила десятилетку, по призыву комсомола стала дояркой.

– Вы доярка? – неожиданно спросил Отунбай.

– Конечно, – удивляясь, ответила девушка.

– Ну, ладно, дальше, – сказал Отунбай, будто что-то прощая.

– В прошлом году по тысяче литров молока от каждой коровы получила. Это в наших условиях довольно много.

– Что значит – наши условия?

Девушка замялась.

– Ну скажите же, кто вы, в конце концов?

Девушка растерялась и, запинаясь, начала говорить.

– Я... я даже не знаю. Я... ни с кем не ругаюсь... сказали – нужно, я поехала на ферму... Считаю.

– И все?

Девушка покраснела.

– По-вашему этого достаточно? – Отунбай пристально смотрел на девушку. – Все? Вы все делаете, что в ваших силах?

– Нет, конечно, – ответила девушка.

– Почему? – спросил Отунбай. – Почему до сих пор вы живете безразлично ко всему, почему терпите, когда коровы от голода умирают?

– Председатель колхоза не уделяет внимания.

– Оставьте председателя в покое, – сказал Отунбай. – А вы сами что-нибудь предпринимали?

– Что я могу сделать?

– Вы даже об этом не задумывались! – рассердился Отунбай. – Идите, пожалуйста.

Так ничего и не поняв, девушка вышла. На улице она постояла, подумала, удивленно кивнула и, все больше задумываясь, пошла в общежитие.

Пришла Еркекыз.

– Я вам нужна? – сразу заговорила она.

– Садитесь, – сказал Отунбай.

– А почему учитель такой злой? – игривым голосом спросила она.

– Садитесь, – сказал Отунбай.

Она села.

– Ну что?

– Скажите, кто вы?

Девушка засмеялась.

– Кто я? Я – Еркекыз.

– Нет, я спрашиваю, кто вы? – нахмурившись, спросил Отунбай, но тут же сам подумал: «почему я должен хмуриться, какое имею на это право» и смягченным голосом добавил: – Я прошу вас, подумайте, кто вы в сущности, какой человек, что вы делаете, правильно ли живете, делаете все, что в ваших силах? Подумайте, пожалуйста, и ответьте.

Эти вопросы Отунбай задавал не глядя на девушку, задумавшись, с закрытыми глазами, но когда открыл глаза, он неожиданно увидел, что по щекам девушки катились слезы.

– Не издевайтесь надо мной! Я сама уже думала об этом, – сказала она и быстро вышла.

Отунбай, растерянный, не знал, что сказать...

...Зашел Майхара. Не успев еще открыть дверь, он уже говорил:

– Я тебя понимаю, ты хочешь перевернуть все – это хорошо. Бессознательных людей хочешь привести в сознание – это хорошо. А то у нас все живут, как ты вчера сказал, вслепую. Ты правильно сказал, человеку нужны самоконтроль, самовоспитание, самодисциплина. Это хорошо. Ну, ты, конечно, меня не будешь причислять к этим людям? Они действительно живут вслепую – это плохо, – он даже не дал открыть рот, – ты не знаешь, кто я, – сказал он. – А пришел я к тебе потому, чтобы была дисциплина, чтобы они не сказали, почему Майхара не отвечает. Я всегда готов тебе помочь. Ну ладно, продолжай в таком же духе. Я пойду. Кого следующего прислать? – И вышел.

Отунбай теперь только опомнился.

– Ах, черт, – сказал он, – ускользнул!

Это я сам виноват, смалодушничал! Он больно кусал губы и сжимал кулаки.

...Вошел Махмут. Сел. Злой.

Отунбай удивился:

– Вы ко мне?

– Ну что ж, сынок, – сказал старик. – Допрашивай!

– Как «допрашивай»? – растерялся Отунбай.

Старик неторопливо, взвешивая каждое слово, заговорил, говорил сердито:

– Твой век хороший, сынок, – сказал он. – Твоя власть хорошая. Жизнь стала хорошей, но одно плохо – не даете

людям жить спокойно. То «коллективизация», кричите, то электрификация, кричите, то враг народа, кричите, то отнимаете, то возвращаете. Теперь мне Майхара говорит, что если я к тебе не приду и не буду держать ответа перед тобой, то меня будут считать как враг народа. Ну что это такое в конце концов? Если я враг...

– Но, дедушка, – хотел объясниться Отунбай, но тот привстал и, ударив палкой об стол, с отчаянием сказал:

– Если я враг, забирайте меня, расстреляйте, все равно одна смерть, и вы с Майхарой на мое место лук посеете! Майхара в этом имеет опыт. Он когда-то сажал людей. Потом сам же сел. А ты поддерживаешь его, ты прикрываешь его, зная, что он продал одну машину корма! Ты сам послал его, доверил ему! Вы с ним – одно! Вот что!

Вышел.

«Подвел Майхара, – подумал Отунбай – и я хорош!»

Отунбай приуныл. Он вздохнул.

Вошла Жазира.

– Садитесь, – уже устало сказал он. – Говорите. – Сам отвернулся.

– Что говорить? – спросила Жазира.

– Я же вчера сказал: честно, как самой себе, ответьте на вопрос: кто вы, правильно ли живете, что у вас хорошего, что плохого?

Жазира, как ученица, хорошо подготовившаяся к уроку, ясным и четким голосом начала отвечать:

– Я Жазира, жена Авесхана, доярка.

– Да не об этом спрашиваю, – нервно обернулся Отунбай и, увидев, что женщина от волнения трясется, быстро отвернулся.

– Скажите, кто вы в сущности, в душе?

– Я даже не знаю.

– Вот видите, ничего не знаете, не знаете, кто вы, не знаете, что делаете, и если что-нибудь делаете, то не знае-

те, зачем это делаете. Живете вслепую! Вот ответьте, зачем вы здесь находитесь, для чего работаете дояркой и как работаете? Скажите, зачем вы бьете Максимку? Скажите! Почему вы молчали, зная, что на ферме все летит к черту? Ну почему, почему?! Почему вы ни разу не задумались над своей жизнью, почему вы не подумаете, что оно никому не нужно, ваше халатное существование?!

Мигом обернувшись, он увидел, что женщина опустила голову, ему стало жалко ее, и он как можно мягче добавил:

– Простите меня пожалуйста.

– Что же прощать? – заговорила женщина. – Вы правы, вы очень правы. Я била Максимку. Я никогда не задумывалась над своей жизнью. Я даже не знаю, зачем я вышла замуж, зачем я живу. Я даже не знала, как я работаю. Я даже не знаю, кому это все нужно.

Не смотря на Жазиру, Отунбай сказал:

– Вы на все эти вопросы не мне отвечайте. Идите, подумайте хорошенько и ответьте сами себе, своей совести.

– Все неудачно, – подумал он и не заметил, как женщина вышла, и не заметил слез на ее щеках...

* * *

Сперва Жазира не поняла, в чем дело, что это такое. То ли она вспоминала фразы из книги, которую ночью читала, то ли в самом деле над ее головой начал кто-то произносить те фразы, вдруг прозвучал голос:

– Перед тем, как кормить свиней, нужно аккуратно промыть корыто горячей водой.

Жазира послушно исполнила.

Голос продолжал:

– Для составления кормовых рационов нужно пользоваться следующими нормами, разработанными ВИХОМ и ВПИПСом!

Жазира подняла голову и увидела Отунбая. Он улыбался своей милой детской улыбкой.

Отунбай увидел доску на стене, на которой было написано:

МЕНЮ

На 1 апреля 1961 года

МТМФ № 5

Первые блюда:

Сено люцерны
Гибридного клевера
Коровьего гороха
Леспедецы
Красного клевера
Сои
Суданской травы
Кукурузный корм с початками
Сено из гумна
Кафрское сорго, сухое западное
Степное сено
Сено из сорго
Тимофеечное сено, скошенное в фазе раннего цветения
Лузга семян хлопчатника
Овсяная солома
Силос из кукурузы в стадии молочной спелости
Силос из зрелой зубовидной кукурузы
Свекла сахарная
Турнепс, брюква, картофель (тыква в поле, цельная)

Вторые блюда:

Ячмень обыкновенный
Кукуруза № 2
Кукурузная кормовая мука

Кафрское сорго
Овес, молотый на ферме
Рожь
Пшеница
Сухой свекловичный жом
Сухой цитрусовый жом
Кукурузный глютенный корм
Сухая пивная дробина
Сухая кукурузная борда
Пшеничные отруби
Пшеничные вывески

Хлопчатниковый жмых
Льняной жмых старой обработки
Соевый шрот экстрактный
Арахисовый шрот
Снятое молоко сухое

Минеральные вещества:

Кальций
Фосфор
Магний
Калий
Натрий
Хлор
Сера
Йод
Марганец
Железо
Медь
Кобальт.

Витамины:

Витамин А
Витамин Д

Витамин В2

Солома – сколько хочешь...

В свинарник неумытым и без чистого передника из белой материи вход воспрещается (и свиньям, и людям!)

Отунбай свистнул и, улыбаясь, спросил:

– Это вы? – он указал доску.

Но Жазира не ответила. Даже не посмотрела на него. С опущенными глазами она отошла. Взяла ведра, вышла из свинарника и направилась к реке.

Отунбай удивился, по своей привычке выразив это на лице. «Почему?» – спросил он себя.

Отунбай догнал ее. Она была жалка на вид. Ему стало жаль ее.

– Что с тобой? – спросил он, догнав ее.

Жазира не отвечала.

– Ну что? Нелады в семье?

Жазира не отвечала. Она стала маленькой и выглядела жалкой.

– Ну что? – спросил Отунбай, загородив ей путь. – Может, тебя чем-то обидел?

Жазира не отвечала.

– Ну почему ты молчишь, Жазира?! – Он первый раз за все это время назвал ее имя. В глазах Жазиры вмиг отразилась радость, но тут же она исчезла.

– Может, то, что случилось между мной и Авесханом?

Жазира отрицательно покачала головой.

– Ах! – догадался Отунбай. – Еркекыз...

Жазира осторожно обошла Отунбая и, ничего не сказав, пошла дальше.

«Она ревнует, – подумал он, стоя на месте. – Боже мой, она меня любит! Бедная женщина, зачем это, зачем это?!»

Он, обернувшись, посмотрел ей вслед. Она медленно спускалась к реке, жалкая, трогательно жалкая.

...Жазира принесла воду, налила в чайник и стала мыться. Отунбай долго, безмолвно смотрел на нее, потом подошел к ней, безмолвно взял из ее рук чайник и стал поливать ей на руки.

Жазира не стала возражать, но печаль не сходила с ее лица. Вдруг, когда Жазира нагнулась, моя лицо, Отунбай осторожно капнул воды на ее красивую шею. Жазира вздрогнула, но ничего не сказала. Тогда Отунбай капнул еще раз и еще. Тяжелая коса Жазиры сползла с плеч, она ее откинула и бросила быстрый взгляд на него... Она уже не могла скрыть радость!..

На экране: капля, весело катясь по красивой женской шее, упала на землю, капля и еще капля. Капли, увеличиваясь, учащаясь, превратились в ливень...

Вечером, когда Отунбай сидел дома и читал, в комнату тихо вошла Жазира.

– Ой! – испугалась она и бросилась к двери.

– Что такое? – остановил ее Отунбай. – Ты чего испугалась?

– Н-нет, – замялась Жазира, – я у тети Улбике соли хотела попросить.

– Ну садись, она сейчас придет.

Жазира подошла, села на стул, посмотрела на книги и спросила:

– Все читаете?

– Да, читаю, – ответил Отунбай. Он встал. – Хочешь послушать радио? – он включил приемник.

Он задумался и почему-то спросил:

– У тебя десять классов образования, да?

– Да, – ответила Жазира. – А зачем это спросили?

– Так, – сказал Отунбай и, вероятно, чтобы отвести разговор в другое русло, пошутил:

– Да так, хотел узнать, не забыла ли ты, сколько будет дважды два.

Женщина улыбнулась и переспросила:

– Дважды два? Наверное, будет пять! – и она положила свои белые ручки с длинными красивыми пальцами на раскрытую книгу.

– За такой ответ я могу поставить двойку! – Отунбай положил свои два пальца на ладонь Жазиры.

– Я еще никогда не получала двойку! – улыбаясь, сказала Жазира. Она заключила два пальца Отунбая в свой маленький кулак.

Потом они долго сидели молча. Не глядя друг на друга. Каждый делает вид, что слушает радио. Но никто из них не слушал, даже не слышал музыки. Оба думали. Станным образом беседуя инстинктом, мысленно.

Света они не зажигали. Слабый свет от приемника бледно освещал их лица: иногда заблестит глаз или белый воротник или чуть заметно выделится профиль лица.

«Любовь моя, далекая любовь. Милый, милый...» – думает она.

«Как странно, – думает он. – Любовь... Что такое любовь? Какая-то пылинка липнет к какой-нибудь пылинке. Это пройдет. Это пройдет. Забуду ее. Сразу же забуду. По крайней мере, я не могу полюбить теперь. Не могу. Слишком много любил. Любил и искренно, и подражая, и без любви слишком много знал женщин. Влюбляются только слишком чистые люди».

«Ты много знал женщин, я вижу. И ко мне ты холоден, вижу... Милый, мой милый!..» – думает она.

«Ты смотришь на меня, на такого веселого парня, и, вероятно, думаешь, что я на самом деле такой. Вряд ли ты знаешь, как я мучаюсь в жизни, как я в двадцать пять лет успел состариться, состариться душой. Ты, конечно, не знаешь, как во мне сочетаются большая любовь к человечеству и страшная – к себе, ты не знаешь, как я мучаюсь, что у меня скверный, беспокойный характер», – думает он.

«Гордый мой, недоступный мой. Ты был мальчишкой, им и остался. Всегда что-то искал. Был беспокойным. И сейчас такой же», – думает она.

«Я слишком много знаю, чтобы удовлетвориться любовью к одному человеку. Я люблю весь мир, понимаешь, Жазира, я люблю науку свою, я без нее не могу жить. А без тебя смогу. Забуду. Заставлю себя забыть, понимаешь?» – думает он.

«Конечно, ты здесь не останешься, милый, я это знаю. Мой беспокойный, мой мальчик!» – думает она.

«Да, я уеду, – думает он. – Я должен уехать. Думал отдохнуть. Но снова запала в душу одна идея. Не дает покоя. Уеду. Да и твою жизнь калечить не должен, понимаешь, Жазира? Я не должен себя связывать так называемым «земным счастьем». А ты живи как жила».

«Ты уедешь. Уедешь, милый», – думает она.

Вдруг Отунбай услышал голос Жазиры.

– Ты уедешь, – сказала Жазира, – правда? Я угадала?

– Да, – ответил Отунбай.

Они снова молчали.

«Ты уедешь. Я останусь. Зачем?» – думала она.

– Вы знаете, почему Анна Каренина бросилась под поезд? – вдруг спросила она.

Отунбай, подумав, ответил:

– Наверное, ее бесцельная жизнь никому не была больше нужна.

– Я тоже так думала, – сказала Жазира.

Они снова замолчали.

«Спасибо тебе, милый, ты открыл мне глаза. Я знаю, я тебе не нужна такая... такая...» – думала она.

«Живи здесь, у тебя муж, работа», – думает он.

«Я твоя, понимаешь, твоя! – думала она. – Я не имею права перед нашей любовью, не имею права отдавать себя Авесхану. Я не имею права осквернять тебя, милый! Да, я

жила с ним раньше, тогда я никого не любила и мне было все равно, ты понимаешь? А теперь, эти глаза, эти руки, все твое... Если ты тяготишься мной, я сама уеду! Зато теперь никто не посмеет осквернить нашу любовь!»

«Прости меня, прости, Жазира, что я не могу дать тебе счастья, о котором ты мечтаешь, земного, простого. Я слишком хорошо знаю, что такое семейное счастье. Я на это не способен, понимаешь, мне некогда, понимаешь или нет?! Прости, даже если не понимаешь! Прости!» – думает он.

* * *

Уже неделю идет мелкий, нудный дождь, который казахи называют «белым дождем». Уже неделю у Жазиры подавленное настроение. Он завтра уедет. Завтра... Сегодня последний день. Жазира одна стояла в репетиционной комнате дома культуры, стояла среди разбросанных музыкальных инструментов, среди разбросанной одежды. Оттуда, из зала, слышатся аплодисменты, доносится мощный гул зрителей.

Дождь, дождь, дождь... все мелкими каплями бьет, бьет по стеклу окна. Жазира, одетая в национальный женский костюм, все смотрит, смотрит, смотрит. Куда? Куда? На мокром стекле появилось большое круглое «О», рядом восклицательный знак. Большое круглое «О», рядом многоточие. «Отунбай, Отунбай», – все пишет она.

* * *

– Ну, прощай, друг мой, – говорил Отунбай, положив руку на ее плечо, – прощай!

Она стояла и молчала, как будто язык отнялся.

– Прощай, прощай!.. – усиленно шептал суфлер. Зал замер. Все громче и отчетливее слышался шепот суфлера. «Асия, прощай, друг мой, прощай».

«Ну что тут трудного, скажи: прощай», – подумал Авесхан. Он сидел в первом ряду в зрительном зале.

На сцене остались двое: Отунбай и Жазира, по пьесе Арман и Асия. Отунбай – как всегда черно-белый, гордый и немножко самодовольный. Он играл себя. Жазира – растерянная, жалкая.

«Все шло хорошо, и тут – на тебе, последнее слово не смогла выговорить», – мысленно укорял свою жену Авесхан.

И тут Жазира со слезами в глазах, медленно, как завороченная, подошла к Отунбаю, бросилась к нему на грудь и горько начала рыдать.

– Нет, не уходи, не уходи, – говорила она. – Я тебя люблю, Отунбай, не уходи!.. Я тебя люблю!

Грянули аплодисменты. Зал восхищенно зашумел. На сцене стоящий в глубине макет межпланетной ракеты заревел, раздался выстрел. Нервно дергаясь, закрылся занавес.

«Она сама добавила, что ли, последние слова? Надо будет проверить. Кажется, этих слов не было... – подумал Авесхан, совершенно растерявшись. – Надо будет проверить».

Зал гремел. «Полагалось ли ей плакать, говорить эти последние слова, надо будет проверить, – думал Авесхан, – почему она сказала: Отунбай? Героя ведь звали Арман. Надо будет проверить».

* * *

Авесхан последним вышел из зала, на ходу бессознательно надевая пальто. В фойе никого не было, только в дальнем углу, глядя в окно, стояла Жазира.

«Позор, срам... Позор, срам...» – думал Авесхан. Он подошел к жене, хотел что-то сказать, но та не обратила на него внимания, хотя видела. Быстро шагая, прошла мимо.

Авесхан вышел за ней на улицу и увидел: у «Газика» секретаря райкома толпился народ. Провожали Отунбая.

Жазира вошла в толпу.

Авесхан, не понимая в чем дело, тоже подошел.

Отунбай попрощался с секретарем.

Тот, улыбаясь, что-то ему говорил.

Авесхан ничего не слышал, словно оглох.

Отунбай со всеми попрощался за руку.

И с Жазирой, как со всеми.

Авесхан заметил: Жазира, прощаясь с Отунбаем, что-то хотела сказать, но сдержалась.

Машина тронулась. Все разошлись. На месте остались они двое: Авесхан и Жазира. Потом они сели в свою «Волгу», поехали.

– На кой черт мне, что он живет в Москве. Я уверен – этот ученый не имеет у себя дома даже порядочной мебели. Я видел в одном кино, как один, тоже такой ученый, на все свои деньги купил обезьяну, чтобы потом делать ей уколы, – заговорил Авесхан.

– Зачем ты о человеке так говоришь! – укоризненно сказала Жазира.

Авесхан заметил, что Жазира плачет.

– Плачешь? – огрызнулся он. – Так тебе и надо. Правильно плачешь! Теперь плачь! Любовь!

Он неожиданно замолчал, что-то соображая.

Они долго ехали. Ехали молча.

«Правильно говорят, что женщине доверять нельзя, – думал Авесхан, изредка украдкой посматривая на жену, – собака и та вернее, а жена – это гадюка в объятиях. Избаловал свою жену. Вот отчего она бесится. Я ей создал все условия, все блага, все, что только может потребоваться женщине. У нас есть все, что нужно человеку. Если бы она была человеком с головой, то поняла бы, что лучше этой не может быть жизни. Ну что ей нужно, ну

что? Дом есть? – есть, да еще какой! Ни у кого в нашем районе нет такого – восемь комнат. Кушать – с утра до вечера жри сколько хочешь. Мясо есть? – есть; сахар есть? – есть; пчелиный мед есть? – есть. Культура тебе нужна? Пожалуйста, у нас есть... скоро куплю телевизор, пианино. Удобства? Пожалуйста – «Волга». Деньги? Сколько хочешь... Ну что ей нужно, что? Да, не зря говорят: «Долог волос, да ум короткий». Я – джигит как джигит... Что в этом Отунбае? Он сам говорит, что в Москве у него только одна комната, и там кроме пианино и книг ничего нет. А может, она увлеклась его красотой? Да разве мужчина обязан быть красивым? Был бы хороший, деловой парень, а зачем красота? Это женщина – красота».

Вдруг он озабоченно посмотрел на нее и спросил:

– А может, у Вас не только сердцем, а...

Но увидев гневный взгляд Жазиры, недоговорил.

– Где отец? – спросил Авесхан, войдя домой, у матери, которая тоже плакала. – Что сегодня со всеми?! Где отец?

– Он пошел Умирать! – с упреком в голосе, зло сказала старуха. – умирать!.. Он не хочет на старости лет кушать из рук бесчестной богоотступницы! – Она с гневом посмотрела на Жазиру.

Жазира стояла безразличная.

– Он пошел к могиле деда. Умирать пошел! – сказала старуха.

Авесхан с испуганным лицом выбежал на улицу.

Дождь. В степи старая глиняная могила. Старик Махмут, опираясь на палку, энергичными шагами подошел к ней и упал ничком.

Прибежал Авесхан.

– Отец, отец! Нельзя так, отец! – кричал он. – Отец, простите меня, я не слушался вас. Отец, поймите, я не имею права запретить ей работать там, я не имею права бить... Закон запрещает, понимаете! Отец, вставайте, вставайте, идемте домой, домой!..

* * *

Авесхан молча вошел в спальню, где у окна стояла жена. Молча подошел и молча ударил Жазира в живот.

Жазира молчала. Он ударил еще. Жазира все молчала. Они ни о чем не говорили. Она молчала, она не кричала – за что ты меня бьешь? И он ничего не говорил, он просто молча бил ее.

Молчание Жазиры взбесило Авесхана. Он, не выдержав, вскрикнул:

– Ну, беги же, беги же за ним... Что стоишь?..

И бешено прыгнул на койку, взял ружье и закричал:

– Я сейчас, сейчас...

Он не собирался убивать ее. Ему хотелось, его самолюбию нужно было, чтобы она испугалась, чтобы она унизилась, чтобы она заплакала, каялась, но ничего такого не было. Жазира стояла молча, чуть согнул в свой красивый стан и нахмурил брови, отчего ее лицо казалось еще красивее.

– Ну что, стерва, тебе нужно? Чего не хватает?

Жазира молчала.

Это еще больше разъярило Авесхана. Он, намотав на руку длинные косы жены, потащил ее.

– Я тебя застрелю, при народе застрелю – пусть все видят...

В спальню вошла Дамели. Она, увидев ружье в руке Авесхана, растерялась.

– Не бей, не бей, бесовестный, брось ружье, убьешь человека – заступилась она.

Жазира освободилась из рук Авесхана и, как во сне, шатаясь, вышла из спальни. Вышла навсегда.

Старушка Дамели растерянно посмотрела на сына, потом, вмиг разгневавшись, приказала:

– Иди приведи ее. Слышишь, что я говорю? Иди приведи. Она хорошая. Исполнительная. Да и людей стыдно: разводиться, снова жениться! Иди приведи!

Авесхан как бы опомнился, выбежал на улицу. Посмотрел на дорогу, которая вела на станцию, там никого не было. Обернулся – по степи в сторону фермы двигался черный комок в дождливую ночь. Уходила Жазира.

«Вот тебе на! – подумал Авесхан. – Однако, заключил он, – раз на свиноферму к девчонкам идешь – никуда, значит, не денешься».

* * *

После слякотной, надоедливо живучей зимы – сразу, без перехода, наступило жаркое лето. Земля не успела ожить – вся застыла, обожженная ранним солнцем, черная и сухая. Но однажды из-за горизонта вырвались темно-бурые лохматые тучи и, плотно обложив небо, повисли над степью, и... хлынул дождь.

На следующее утро Жазира увидела в степи первые желто-зеленые ростки...

КОНЕЦ

ЗВУЧИ, ТАМТАМ!

Киносценарий

Москва, 1964 г.

Большой современный аул: четыре длинных улицы. На востоке они упираются в высокий холм.

Над холмом восходит луна. Большая, красная.

Внизу серебряным пунктиром блуждает река Или.

Там, на юге, далеко-далеко зубчатым айсбергом плывет в мареве Алатау.

И вдруг над аулом все сильнее и настойчивее зазвучал тамтам. Что за диво? Над казахским аулом звучит африканская музыка? Музыка ли это? Говорят, тамтам как Морзе...

– Та-та-та-та! Та-та!

Из дома выбежал мальчик лет одиннадцати. Побежал на восток.

Из другого дома выбежал другой мальчик. Исчез в темноте.

Из третьего дома выбежал третий мальчик. Помчался в сторону холма.

Из четвертого дома выбежал мальчишка, маленький, плотненький, лет восьми.

Ему показалось, что тамтам звучит на площади. Прибежал туда. Там тамтама нет.

В конторе правления взрослые дяди что-то обсуждали. Мальчик видел это через окно.

Мальчик отошел. Прислушался. Кажется, тамтам звучит там, где сияют слепые окна недостроенной двухэтажной школы.

Мальчик прибежал туда. Как будто нарочно дразня мальчика, звук тамтама удалился дальше.

Мальчику показалось, что тамтам звучит во дворе вон того дома.

Мальчик прибежал туда. Под увесистыми яблоками мирно сидела семья. Ужинала.

Ах, вон что! Мальчик теперь понял. Тамтам звучит на холме за аулом. Мальчик побежал туда.

Мальчик прибежал туда.

Мальчик осторожно взобрался на высокий холм.

На холме лежали развалины заброшенной мечети.

Мальчик подкрался к ним.

Тамтам вдруг умолк.

Мальчик испугался. Думая, что его заметили. Немного переждал.

Тишина.

Мальчик взобрался на крышу мечети.

Через дыру он видит: в мечети четверо «взрослых» мальчишек.

Карманным фонариком осветили развернутую на земляном полу огромную географическую карту Африки.

Сидя на карте, о чем-то шепчутся.

О чем – мальчишке на крыше не слышно.

* * *

Классный руководитель Кекликов, добрый чудаковатый старичок (актер Кожамкулов), чистенький и акку-

ратный, мягко поскрипывал начищенными до блеска ботинками со штрипками.

Дети сидели тоже чистенькие и торжественные.

В воздухе звучала торжественность.

Учитель мягко произнес:

– Ну?!

К доске торжественно вышли четверо мальчишек:

Арман, толстяк, крепыш;

Мурун, длинный, худой, узкоглазый;

Мурат, маленький, очкастый, и...

Темиртон, слишком высокий верзила. Он страдал оттого, что слишком высокий, всегда старался казаться ниже, сгибался и горбился.

У доски стояли четверо – точка, восклицательный знак, еще точка и вопросительный знак.

– Вот, дети, наступил тот торжественный момент, которого вы так ждали, – сказал учитель, обращаясь к этим четверым. Кашлянул и продолжил: – Кхм! Значит, наступил тот торжественный момент... Какой момент наступил, значит? – он имел привычку переспрашивать.

– Торжественный, значит, – ответил Арман, плотненький с чубиком.

– Да!.. Молодец, Арман, – Кекликов благодарно посмотрел на него. – Торжественный, значит. Да, торжественный, – и продолжал: – Мы вот здесь решили вас принять в школьную концертно-экскурсионную бригаду. Мы считаем вас достойными. Мы, как известно, недостойных не принимаем. Кхм!

– Кхм! – лукаво подкашлянул Арман и подмигнул Муруну, который стоял рядом длинный и худой, воздавая должное торжественности момента.

Учитель с укором посмотрел на Армана, но продолжал:

– Сейчас мы вручим вам удостоверения. Вот, Махмутов. Значит, Арман.

Арман шагнул вперед.

У него всегда такой вид, как будто вот-вот сорвется с места или собрался затеять драку.

– Теперь ты – член школьной концертно-экскурсионной бригады, которая призвана обслуживать тружеников полей нашего района и которая призвана содействовать... чему?

– Укреплению связи школы с жизнью, – без запинки ответил Арман. И добавил: – И приобщению нас, учеников, к искусству.

– Молодец, – сказал учитель, – молодец!

Он остался очень доволен ответом, потом, тут же приняв торжественную позу, вручил Арману написанное от руки на клетчатой бумаге удостоверение.

Арман улыбнулся, не нарушая торжественности момента, продолжая стоять торжественно, смирно.

– Бериков Мурун, значит, – говорил Кекликов.

Мурун шагнул вперед.

– Ты мне скажи, – обратился к нему учитель, – вот что мне скажи, значит. Ты знаешь, зачем мы, педагоги, проводим это мероприятие?

Длинный, худой, узкоглазый Мурун усиленно заморгал.

– Зачем мы проводим? – переспросил он.

– Не вы, а мы, – мягко поправил его Кекликов.

– Да, мы... Мы, значит, проводим... – странным образом зашумело в ноздрях Муруна.

– Так, так, проводим... Дальше? – одобрял его учитель.

– Проводим... – твердо сказал Мурун.

– Дальше? Проводим? Для чего? Чтобы мы... не вырос...

Учитель так посмотрел на Муруна, будто упрекал – неужели даже этого не знаешь?

–...-ли... – нашелся Мурун. Его узкие глаза от удовольствия совсем закрылись.

– Правильно. Не выросли кем?
 – Тунеядцами, – шепнул Арман.
 Мурун, не расслышав, ляпнул:
 – Тундоронцами!
 – Как тундоронцами? – растерялся сам Кекликов. – Какими еще тундоронцами?

Грохнул смех.

– Ну ладно, значит, – сказал учитель. – Вы теперь члены нашей бригады. Сегодня вечером мы даем концерт в нашем колхозе, а завтра уже поедем по соседним колхозам. Ваш номер мы включили в программу.

Мальчики, стоящие у доски, заулыбались.

Из сидящих кто-то поднял руку.

– Что тебе, Бекбулат Ташбулатов? – обратился к нему учитель.

Мальчик встал и смело сказал:

– Учитель! Я против!

– Против чего ты, наш дорогой солист?

– Включения их номера в программу.

– Почему же?

– А потому, – сказал мальчик смело, – что музыка, сочиненная Арманом, это не музыка. Это совсем не африканская музыка, тем более не казахская. На тамтаме они еще не умеют играть. И вообще их квартет мне не нравится... Их тамтам совсем не тамтам!

– Ну, это ты зря, Бекбулат Ташбулатов, дорогой наш солист, – добро, шутливо сказал учитель, – ничего, ничего. Что касается тамтама, то, конечно, их тамтам не совсем тамтам, но в принципе... Ладно... Все уладится, садись.

Арман посмотрел на Муруна. Мигнул.

Мурун посмотрел на Мурата. Мигнул.

Мурат посмотрел на Темиртона. Мигнул.

Они понимают друг друга.

В зрительном зале забавно расселись колхозники. На передних рядах – одни дети.

Дальше – одни женщины в белых платках.

С середины до последних рядов – одни мужчины.

Люстры горят тускло.

Бархатный занавес зашевелился.

Вышла девочка Зару. Она – «просто прелесть!»

Зал утих.

– Дорогие родители! – начала она звонко. – Дорогие колхозники! Разрешите от имени пионеров нашей школы передать вам пламенный пионерский привет.

Зал зааплодировал.

– Первым номером нашей программы – марш пионеров Алатауского района! Слова и музыка Абилхана Кекликова.

По залу прошелся легкий шепот. Захлопали.

Открылся занавес.

Смущенный, весь розовый, вышел Кекликов. Потрусил к возвышению для дирижера и взмахнул палочкой.

Хор запел.

...Пока звучал хор, на улице к клубу подошел молодой ослик. Подошел к «черному входу».

Мордой толкнул дверь. Дверь открылась.

Там, в репетиционной, сидели Темиртон, Арман и Мурат.

Они воскликнули:

– Вы! Его Величество Мурун второй!

– Ищет хозяина.

– Мурун, тебя просят.

Из глубины комнаты подошел Мурун. Нежно, с укором сказал:

– И здесь нашел! Ну, входи...

Ослик вошел в репетиционную. Мальчики весело обступили его.

– Хорошо, очень хорошо, что ты пришел, лопнуть мне, если вру! – сказал Арман, глядя ослика по спинке...

...Хор допел.

Зал бурно аплодировал.

Закрылся занавес. Вышла Зару.

– Следующим номером нашей программы – фантазия на африканскую тему. Музыка – Армана Махмутова. Исполняет квартет в составе Армана Махмутова, Муруна Берликова, Мурата Серикова и Темиртона... – Зару запнулась, растерялась и поправилась. – То есть Темиржана Аллабердиева!

...За кулисами мят свои пальцы Кекликов.

К нему подошел солидный солист Бекбулат Ташбулатов. Он солидно сказал:

– Абилхан-ага! Посмотрите – ничего из этой затеи не выйдет. Фантазия Армана – это всего лишь фантазия.

Кекликов бессознательно улыбнулся:

– Ничего, ничего... – еще больше стал мять пальцы.

...Открылся занавес.

На сцене квартет: баян /Арман/, барабан /Мурун / (куби, с выбитым дном, натянутый с обоих концов сухой прозрачной овечьей кожей. Это в их понятии – тамтам!), свирель /Мурат-очкастый/ и еще барабан-тамтам /Темиртон/.

Они заиграли. Это в самом деле фантазия, фантастическая смесь африканского, европейского, казахского и арабского мотивов. Но надо посмотреть на лица играющих детей и на лица слушающих колхозников, чтобы понять, что это – все же плод творчества. Надо посмотреть, как аплодировали слушатели!

...Вышла Зару.

– Следующим номером нашей программы – соло. Поет Бекбулат Ташбулатов!

Вышел солист. В черном костюме. За ним – длинный тощий старшеклассник с баяном.

Солист кивнул головой. Длинный старшеклассник проиграл вступление, и только Бекбулат открыл рот – как из горла его вырвался ослиный рев...

Зал замер. Бекбулат растерянно замолчал. Потом собрался с духом, кивнул головой баянисту.

Баянист проиграл вступление, и Бекбулат только открыл рот – из его горла снова вырвался ослиный рев...

Зал грохнул.

Зару прибежала к Кекликову.

– Это Мурун второй, – сказала она.

Кекликов выбежал на улицу. Никого не нашел. Обежал клуб. Вернулся. Старшеклассники стучали в дверь комнаты для оркестрантов – оттуда все еще доносился рев ослика. Народ столпился у двери комнаты для оркестрантов.

Стучали, грозили.

– Откройте, откройте немедленно!

Кто-то силой вырвал дверь.

...И там, в комнате, стоял ослик. Все еще орал. Окружив ослика, перепуганные, стояли Арман, Мурун, Темиртон и Мурат-очкастый...

Блестящие ботинки со штрипками жалобно визжали. Стояли, опустив головы, Арман, Мурун, Темиртон и Мурат-очкастый. Им было стыдно. Они смотрели только на пол. Они видели только ботинки. Они слышали только ботинки: тип-топ, тип-топ, тип-топ... Ровно восемь шагов туда, ровно восемь – обратно:

– тип-топ... тип-топ... тип-топ...

– тип-топ... тип-топ... тип-топ... тип-топ...

ровно восемь – туда, ровно восемь – обратно.

Черные блестящие ботинки со штрипками...

Наконец ботинки остановились и, чуть приподняв носки, спросили:

– Ну?..

Дети молчали.

– Ну скажите же, скажите так: «Простите, агай», ну? «Прости...» – ну?

Дети посмотрели друг на друга. Молчат.

– Ну?! – носки ботинок ожидающе приподнялись. – Ну скажите: больше не будем... Или вы не верите себе? Ну?!

Носки ботинок резко опустились: учитель вспылил:

– Ну хорошо! Я вас накажу за это! Я вас выведу из концертно-экскурсионной бригады!

Дети, опустив головы, молчали.

– Можете идти, вы свободны!

Мальчики молча вышли.

Учитель Кекликов в классе – один. Осуждающе посмотрел вслед детям (потом добро улыбнулся: он вовсе не был зол).

* * *

Еще нет одиннадцати часов, а какая жара.

Арман, Мурун, Темиртон и Мурат сидят в кустах. Сквозь чащу карагачей метрах в ста от них, за площадью, виднелось белое двухэтажное здание правления колхоза. На площади – ни души. На привязи у конторы стояли два коня, мерно, как натренированные, хлеща по бокам хвостами. И еще, тоже как на привязи, в шеренгу стояли несколько машин.

Узкоглазому Муруну все это виделось как далекое, а очкастому Мурату – крупно, близко.

Воздух все больше накалялся, и вокруг мальчиков в тени откуда-то стала собираться всякая тварь.

Красно-зеленая муха нахально села на потный нос Муруна. Мурун механически отмахнулся и продолжал сосредоточенно смотреть в сторону конторы.

Узкоглазый Мурун видел, как далеко, там, из конторы вышли какие-то люди, сели по машинам и, оставляя за собой густую жирную стену пыли, куда-то уехали.

Чуть попозже из конторы вышли еще люди. Очкастый Мурат точно различил, что это одноклассники.

Мурун встревоженно посмотрел на друзей, а проклятая зеленая муха, жужжа, как тяжелый бомбардировщик, все норовила удобно усесться на потный носик. От природы спокойный Мурун не очень реагировал на это. Только беспрерывно двигая ноздрями, не давал мухе исполнить ее коварное намерение.

...Там на площади школьники расселись по машинам. Возле машин нервно расхаживал Кекликов. Посмотрел на часы.

–...Жду-ут... – сказал Мурат. Осекся. На него грозно смотрел Арман.

...Смешно расхаживал Кекликов. Как будто зима. Как будто холодно. Согнулся. Грустил. Посматривал на часы.

– Накажешь – обижаются... – бормотал он.

...Дети смотрели на него: каждый готов был сдать, каждый готов был побежать туда, к учителю, но...

– Нехорошо... – сказал Мурат.

Все мгновенно уставились на него: ты что?!

– Им там весело будет. А мы остаемся...

– Да-а...

– Все там, а мы...

– А может, пойдем? – продолжал Мурат-очкастый.

– Унижаться?!

...На площади еще ждали.

Смешно расхаживал Кекликов. Как будто зима. Как будто холодно. Согнулся. Грустил. Посматривал на часы.

– Накажешь – обижаются... – бормотал он.

Кекликов сел в кабину. Машины тронулись.

Мальчишки хмурые. Молчат.

– ...Идет! – сказал Темиртон, неожиданно хитро улыбнувшись. – Его Величество Мурун второй!

По тропинке к ним шел знакомый молодой ослик. Подошел к детям. Уперся носом в живот Муруна.

– Здравствуйте... – сказал Темиртон, но ослик не реагирует.

– Здравствуйте, Ваше Величество! – сказал Арман. Ослик подал правое копыто.

Арман подошел к ослику. Почесал его за ухом. Потом, глядя вслед машинам, зло буркнул:

– Ничего... – потянул носом.

* * *

Аул. Вечер.

В одном из домов аула сидели гости. Почему-то похожие друг на друга трое мужчин и тоже похожие друг на друга три женщины средних лет.

– Сыно-ок! – крикнул толстый полуинтеллигентного вида мужчина.

У двери гостиной с покорным видом возник Мурат-очкастый.

– А ну, сынок, – сказал толстый полуинтеллигент. – Стань вот сюда. Так. А ну докладывай, что в мире происходит. Какое сейчас международное положение?

Отец посмотрел на сына, потом на гостей с видом, говорящим: «любуйтесь моим сыном».

Гости изобразили на лицах ожидание чего-то необыкновенно интересного.

– А ну... а ну-ка...

– Какой молодец! – заранее воздавали они похвалы.

– В мире беспокойно! – заученно начал Мурат. – В западной пропаганде по-прежнему грохочут военные барабаны. Истошно вопят кликуши холодной войны...

– Молодец! – сказал отец. – Дальше...

– Молодец! – сказали гости. – Дальше?

Мурат замялся.

– Ну давай, давай, – одобрял его отец.

– Давай, давай! – одобряли гости.

– Телеграф передает тревожную весть, – не сбиваясь, продолжал Мурат. – В последнюю неделю мабутовские банды в Конго все больше активизируются... Нависла угроза над свободой конголезского народа. Оголтелые наемники желтого дьявола все больше наглеют. Они сжигают целые деревни, расстреливая гражданское население...

Гости изобразили на своих лицах восхищение. Даже захлопали. Отец был доволен.

– Молодец, сынок, – сказал он. – Он у меня шибко развит. В политике разбирается хлеще взрослого. Он у меня будет секретарем райкома или послом в Японии. На тебе конфеты, на тебе на кино на завтра... А теперь иди – занимайся.

* * *

Теплое желтое солнце низко нависло над алчными зубищами Алатау. Ребята сидели на холме на восточной стороне аула. Здесь был и ослик – Мурун второй.

Вечерний аул дымился.

Расходясь прямо под бугром по всем четырем улицам, тек возвращающийся с пастбища скот.

– Ну докладывай! – сказал Арман.

На середину вышел Мурат. Снял очки. Принял позу «смирно» и начал:

– В мире беспокойно. В западной пропаганде по-прежнему грохочут военные барабаны. Истошно вопят кликуши холодной войны.

– Фу! Ты можешь своими словами? – перебил его Арман.

– Телеграф передает тревожную весть, – не выходил из колеи Мурат. – В последнюю неделю мабутовские банды в Конго все больше активизируются... Нависла угроза над свободой конголезского народа. Оголтелые наймиты желтого дьявола все больше наглеют. Они сжигают целые деревни, расстреливая гражданское население... ООН бездействует. Ослик согласно кивнул головой.

Арман-мечтатель размечтался о чем-то.

– Политчас окончен. Давайте будем играть в Конго, – предложил он.

– Как это « в Конго»? – не понял Мурун.

– Ну... Белые и красные. Чомге и Лумумба, – объяснил Арман.

– Чур, я Лумумба! – воскликнул Темиртон.

Арман растерялся. Раз его вечный противник Темиртон назвался Лумумбой, значит ему быть Чомге.

– А кто будет Чомге? – посмотрел на него Мурат.

Арман, боясь, что могут назвать его кандидатуру, быстро сказал:

– Я буду заместителем Лумумбы!

Все удивились, как это Арман вызвался быть заместителем Темиртона! Вот чудо!

– Пусть Мурат будет Чомге, – предложил Арман.

– Ага, нашел дурака, – обиделся тот.

– Тогда Мурун...

– Я не буду играть, у меня ноги болят, – сказал Мурун и усиленно начал сжимать свои коленки.

– Может, Кнопик, ты будешь Чомге? – обратился к маленькому шустрому мальчику Темиртон. Тот в ответ свистнул, согнувшись, указал на нечто непристойное.

Как будто сговорившись, все замолчали. Выходил уже ущербленный красный месяц.

– Есть, – сказал вдруг Арман, ударив себя по колену, – жребий решит. – Он сорвал кепку с Муруна, достал из

кармана блокнот и карандаш. Что-то написав на одном из листков, скомкал и бросил в кепку.

– Тяните!

Никто не решался.

Ослик по своей привычке сунул морду в кепку хозяина и вытащил один из листков.

Арман развернул бумажку и увидел слово: «Чомге».

* * *

Месяц от скуки согнулся. Одинок горбился на востоке. Аул мигал огнями внизу. Но за аулом, под холмами шел «бой». Писклявый детский клич:

– Ура-а-а!

– Вперед!

– Та-та-та-та!

– Бух, бух! Бух!

...В полночь Арман вернулся домой.

Осторожно вошел на веранду.

Осторожно прошел по коридору. В его комнату дверь открыта. Разделся в темноте.

Лег. Койка у окна...

На улице подъехала машина. Хлопнула дверца.

Машина уехала. По коридору, властно шагая, прошел человек. Это папа. В спальне включили свет.

В кухню бесшумно прошла мать.

Кажется, вернулась в спальню.

Кажется, отец начал кушать.

– Твой... Тоже только что вернулся... Не знаю, совсем перестал слушаться...

– Подожди... Кончится сенокос... Займусь... вплотную... У меня же бригада...

Арман приподнялся. Улыбаясь в темноте, взял в руки воображаемый автомат. И воображаемым автоматом дал очередь через стену по родителям:

– Та-та-та-та! – и, довольный, лег. Накрылся одеялом.
...А в это время учитель Кекликов у своей калитки прощался с председателем колхоза:

– Ну, дорогой Абеке, на вас вся надежда, – говорил председатель.

– Трудно... трудно, товарищ председатель. Когда это было. Забыл я английский. Забыл, наверное... – мялся Кекликов.

– Уж постарайтесь... Спокойной ночи!

– Хау дуу ду, – сказал Кекликов, улыбаясь.

– Ну, вот, вот! Не забыл же... Не забыл!

Оба посмеялись. Председатель ушел.

Кекликов, улыбаясь, закрыл за собой калитку.

* * *

В полдень аул кажется мертвым.

На улицах – ни души.

Ставни всех домов закрыты.

Жара невозможная.

Старая мечеть одиноко торчит на холме за аулом.

Подойдя ближе, можно услышать шепот детских голосов.

– Я понял, почему у нас не ладится дело с подготовкой... Сейчас, когда...

– А почему?

– А потому, что у нас нет главы. Единого централизованного руководства. Сейчас, когда...

– Значит, нужен командир...

– Настоящий командир...

– Сейчас, когда мы стоим перед...

– Постой! Значит, нужен командир.

Войди внутрь мечети – увидишь наш квартет: Армана, Муруна, Мурата-очкастого и Темиртона, лениво растянувшегося с кирпичом-подушкой под головой.

У троих горят глаза. У Темиртона лениво сомкнуты.

Молчат.

Каждому хотелось быть командиром, и каждый ждал, чтобы кто-нибудь назвал его имя.

Арман уверен – командиром достоин быть только он. Он умеет драться. Будто напоминая это, он начал кулаком правой руки бить об ладонь левой... Потом напряг мускулы и так посмотрел на других, будто говорил: «Я самый ловкий и самый сильный из вас. Конечно, командиром достоин быть только я!»

Мурат начал усиленно протирать очки – тем самым будто говоря: «Я самый начитанный из вас и поэтому умный – конечно, вы выберете командиром меня».

Темиртон выжидающе молчал. Он просто-напросто не сомневался в том, что командиром выберут именно его. Как-никак – он длиннее всех.

– Я возьму с собой двустволку отца! – и он посмотрел на других так, будто требовал: что теперь скажете?

Арман с тревогой посмотрел на Мурата-очкастого, и понял, что последнее напоминание Темиртона о ружье доконало Мурата: только что оживившиеся близорукие глаза его безнадежно потухли, а сгорбившиеся плечи говорили о признании того, у кого будет ружье! Арман посмотрел на Муруна: помоги, мол, друг! Но Муруну было все равно. Раз его самого не выберут.

– Сейчас, когда... человечество вступило в атомный век, с руководителя требуется не геройская храбрость и не безрассудная грубая сила, – сказал Мурат-очкастый, – требуется голова! Ум. Значит, командиром достоин быть самый умный из нас.

– А как узнаешь, кто самый умный?! – дрожа, спросил Арман.

– Очень просто, – сказал Мурат-очкастый, почти торжествуя, – тот, кто много книг прочитал!

– Хоп! – неуверенно согласился Арман. – Пошли!

Ребята вышли из мечети. Молча, каждый заранее зная куда, прошли по улице, свернули в колхозный сад. В центре сада есть маленькая площадь, там – белый памятник Ленину.

Ребята долго стояли у памятника. Молча. Каждый про себя что-то шептал. Потом по очереди произносили:

– Клянусь!

– Клянусь!

– Клянусь!

– Клянусь!

Молча прошли по саду, вышли на жаркую безлюдную улицу. Дошли до холма, снова вошли в мечеть. Здесь они стояли рядом.

– Ну? – сказал Темиртон.

– «Дети капитана Гранта»! – быстро, волнуясь, произнес Мурун. Остальные трое одновременно посмотрели на него уничтожающе. «Ты, мол, Мурун, дурак! Кто же не читал «простые» книги?!» Все трое одновременно улыбнулись: «наивный неуч». Все трое тут же приняли серьезный вид и по правилам ответили:

– Да!

– Да!

– Да! -

– «Анна Каренина»! – сказал Арман.

– Да!

– Да! – ответили Темиртон и Мурат. Мурун же, часто заморгав, убитый отошел в сторону, сел на кирпичик, значит, вышел из игры.

Наступило долгое молчание. Кто смел? Кто уверен, что он прочитал такое, что...

– «Африка грез и действительности»!!! – сказал Темиртон.

– Да!

– Да!

Мурат-очкастый снял очки. Уверенный улыбнулся сам себе:

– «СССР – друг угнетенных народов»!

– Да!

– Эх! – Темиртон больно ударил себя в скулу. Отошел и, качая головой, злой сел рядом с Муруном.

Теперь остались двое. Приблизились друг к другу. Как змеи уставились друг на друга. Темиртон снова стал безразличен, меланхоличен. Растянулся на полу и, лениво закрыв глаза, начал читать, тем самым раздражая «противника»:

– «Африка ужасна,

да, да, да!

Африка опасна,

да, да, да!

Не ходите в Африку

дети никогда!»...

У Армана заметно сдавали нервы.

Мурат был непоколебим! Он уже торжествовал.

Но тут Арман схитрил. Он сказал:

– «Доктор Айболит»!

– Фу! – скривил губы Мурат. – Сказка. Детское.

– Ну и что же. Не читал? Нет! Ха!

* * *

В эту ночь не раздавались крики играющих детей – лохматые черно-бурые тучи, словно гигантские коршуны с простреленными крыльями, опустились с вышины гор и, все больше хмурясь, нависли прямо над аулом. Похоже

было, что начнется белый летний дождь, который может затянуться на неделю.

Глядя тополь, как мягкий бобровый мех, подул прохладный ветер. И быстро сгущаясь, наступила тьма.

Такие ветры в душе всегда вызывают вдохновение. Арман сидел в своей комнатухе, за столом у открытого окна.

Ветер играл занавесками.

На улице подъехала и остановилась машина, хлопнула дверца, машина уехала.

Открылась наружная дверь.

По коридору, властно шагая, прошел отец.

Арман замечтался. Сидел, недвижно уставившись в одну точку на карте Африки, которая висела на стене над столом.

Сидел-сидел, глядел-глядел.

Вдруг механически взял в руки карандаш и, приподнявшись, резким росчерком нарисовал стрелку.

Красная стрелка уперлась в Леопольдвиль!

затрещал пулемет,

загрохотали снаряды,

раздалось дружное «ура».

Стрелка, обойдя город, сомкнулась. Утихло.

В тишине Арман четко услышал голос матери из-за спины:

– Так невозможно! – сказала она, громко вздохнула, – с ним что-то случилось... Поговори ты, ради бога! Он замкнулся в себе. Не ест, не пьет, не разговаривает. Кекликов говорит, что они увлеклись Африкой. Он говорит, что это ничего, не страшно, но ты поговори с ним, ради бога...

После долгого молчания отец ответил:

– Сегодня поздно. Полночь уже... Вот уборку кончим... Займись вплотную...

Арман встал, вышел на улицу.

Лохматые великаны, дышащие дождем, вдруг задвигались и, как будто только и ждали Армана, толкаясь и почему-то беззвучно искрясь, помчались на северо-восток, в степь.

Арман долго стоял у крыльца, маленький, на фоне разрывающихся на небе гигантских клочьев,

долго стоял, откинув голову,

шепча что-то.

Ветер потрепал чубик Армана.

На небе все стремительней сталкивались лохматые великаны и, беззвучно искрясь, мчались на север.

Арман вошел в свою комнатуху.

Молния змеиным жалом лизнула два темных окна – и прямо над потолком лопнуло небо. Казалось, кто-то надует огромные шары из небесной пелены и ударяет их об огромную ладонь, как это делают мальчишки.

Арман сам не заметил, как прижался в угол и схватился за голову, словно защищаясь от удара.

– Ага, испугался? – с издевкой спросил он себя. – Трус. Грома испугался.

Но молния еще раз лизнула змеиным жалом темные окна, и прямо над его головой лопнуло небо.

Арман бросился под койку, но тут же, опомнившись, вылез обратно. Ему было стыдно. «Трус, трус», – упрекал он себя.

Темные окна еще раз осветились, и сразу хлынул ливень. Арман решительно подошел к окну и с видом, говорящим: «вот видишь, я не боюсь, я ничего не боюсь», открыл окно. «Ну что? Разве это геройство?! Не только герой, а любой Мурун может стоять во время грозы у окна. Если ты герой, прыгни вот туда и стой под дождем целых полчаса», – какой-то внутренний голос издевался над Арманом.

«А что не могу? Смотри!» – и Арман выпрыгнул в окно. Ручьем лил дождь, а Арман все стоял и стоял, мокрый до нитки.

Он уже весь прозяб и сильно дрожал.

«Я не боюсь, я не боюсь», – повторяет Арман. «Конечно, я не боюсь, но я озяб и могу заболеть. Надо мне идти...» – стал уговаривать он себя.

«Нет, я никогда не мерзну. Я простою еще час под дождем», – уговаривал другой голос.

Долго стоял Арман под дождем. Уже ни руки, ни ноги не подчинялись ему. Зубы танцевали на зубах, тогда он сказал себе: «Ладно, хватит! Иди домой! Ты герой. Можешь сражаться за свободу угнетенных народов».

Но только он собрался лезть в окно, как тотчас раздался издевательский голос: «Ага, ты думаешь, если простоял два часа под дождем, этого хватит? Жалкий трус! Иди в теплую комнату, ложись в теплую постель! Тебе ли подвиги совершать! Иди же, трус, что стоишь?» «Нет. Я ничего не боюсь, – ответил Арман. – Я знаю, чтобы стать героем, я должен воспитывать в себе мужество, я должен готовиться к борьбе, к трудностям». «Тогда, в эту дождливую ночь ты выкупайся в холодной реке!» «Могу... Не веришь?..»

Арман побежал в сторону реки.

Ночь была – глаза выколи. Молнии больше не сверкали, но дождь не унимался.

Бежал Арман, отчаянно бежал.

Вот он уже за аулом.

Вот он уже приблизился к реке. Чем ближе он подходил к реке, тем больше его ноги отказывались идти вперед. Тогда он стал отговаривать себя: «Постой, Арман, все знают, что ты герой, но пойми: в такую холодную ночь ты можешь простудиться, заболеть. Для тебя это, конечно, чепуха, но мама будет плакать».

Арман постоял еще немного и повернул было обратно, но тут же раздался издевательский голос: «Ага, испугался? Еще героя корчит из себя. Иди, трус, домой! Жалкий презренный трус!»

«Нет, нет! Я же не хотел домой, я просто хотел постоять, отдохнуть!» – в отчаянии крикнул Арман и с разбегу, в одежде, кинулся в реку!

...Была полночь. Все отдыхало. Отдыхал аул, отдыхали дороги, тополя, отдыхал Алатау. Полная луна тоже решила отдохнуть: она уходила за горы. Только в реке за аулом что-то шлепалось, что-то плавало: это был Арман. Он продолжал готовиться к подвигу. Он уже устал, но не хотел признаться себе в этом. Он плавал и плавал,

доплывал до того берега,

плыл обратно и...

снова пускался вплавь.

Когда его тело окончательно окоченело, он вылез из воды,

сел на берегу и

стал устало смотреть в воду.

Потом взял камешек и бросил его в воду. Побежали круги и – о боже! – в этих кругах, как в кривом зеркале, появилось чье-то искаженное лицо. Арман вздрогнул от неожиданности и заморгал, не веря своим глазам.

Круги исчезли, и Арман четко увидел лицо одноклассницы Зару, даже отличил ее смеющиеся глаза. Не спит ли он? Арман больно ущипнул себя. Нет. Не спит. Зару продолжала улыбаться.

Арман еще раз бросил в воду камешек – побежали круги. Лицо, только что улыбавшееся, странно исказилось, и Арману показалось, что оно умоляло его, упрекало...

Потом круги исчезли, лицо снова заулыбалось.

Арман повел плечами.

– Черт возьми! Что ты здесь делаешь? – обратился он к призраку. – Ну, чего, чего улыбаешься?

Призрак улыбался...

Арман в ярости вскочил с места и быстро выбежал на яр...

* * *

Аул просыпается медленно, даже лениво, точно мальчишка. Из домов выходят женщины, доят коров, потом опять же женщины и дети выгоняют коров за аул. Со всех концов аула в центр в контору стекаются мужчины – совещаются, выходят, все гурьбой идут на базу, оттуда – кто на машине, кто на мотоцикле – растекаются во все стороны.

Отогнав коров, Арман и Мурун возвращались вместе. Было зябко и пыльно. Оба молчали.

Арман беспричинно обнял Муруна.

– Друг, – сказал он, – мы с тобой – вечные друзья...

Мурун ждал; Он знал, что Арман сейчас что-то попросит.

– Знаешь... – сказал Арман, – вон что... лопнуть мне, если вру... Знаешь – в общих интересах. Как ты думаешь, если в Африку возьмем с собой и эту девчонку... Правда, она противная... Но знаешь, нам санитарка нужна, нас могут ранить, знаешь... лопнуть мне, если вру... В общих интересах...

– Да, могут ранить, – ответил Мурун, тут же побледнев.

– Тогда вот, – сказал Арман, – вот здесь я написал ей, чтобы она присоединилась к нам. Отнесешь ей.

Они проходили мимо дома Зару.

– Ладно, – согласился Мурун.

Отстал.

Арман же пошел дальше.

Мурун постучал в калитку.

Калитка открылась. Вышла старушка.

– Что тебе, сынок?

– Вот, письмо, – теряясь, начал объяснять Мурун, – здесь поручение вашей внучке. Понимаете? Пионерская дружина...

Вышла Зару.

– Что, бабушка? – спросила она.

– Вот... к тебе.

Мурун замялся, покраснел, как всегда молниеносно заговорил.

– Пионерское поручение, – под нос пробормотал он и протянул записку подошедшей Зару.

Зару тут же открыла конверт. На бумажке СО ШТАМПОМ И ГЕРБОВОЙ ПЕЧАТЬЮ КОЛХОЗА было написано:

« Я помню чудное мгновенье –

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты».

И было написано:

«Любящий тебя и ждущий

с нетерпением ответа – Арман».

Восторженное лицо Зару насторожило бабушку. Заглянув через плечо Зару, бабушка схватила вдруг длинную палку и бросилась на Муруна. Мурун мчался по улицам и садам, перепрыгивая, как лань, убегающая от волка, через высокие дувалы, а старушка – бабушка Зару, точно чемпионка мира по бегу, неслась за ним с палкой наготове...

* * *

Сверху пески – как океан. Волны легли за волнами. В песках ты как потерпевший кораблекрушение. Беспомощен. Взобрался на гребень, а там новая волна. Взобрался на

следующий – там хлестнет твой глаз еще новая волна... А в знойный полдень пески превращаются в раскаленное море свинца.

...В песках движется точка... Приблизившись, можно увидеть – это наш квартал... Плетутся... Замазались черным. Черные, курчавые. Почти голые. Темиртон с дустволкой. Арман и Мурун – с барабанами. Мурат – с биноклем. У всех – луки, с большим запасом стрел.

За ними мирно, безразлично, держась на почтительном расстоянии, шагает невозмутимый Его Величество Мурун второй.

...Дети еле поднялись на очередной гребень. Измученный Мурун обратился к командиру:

– Арман, а? Давай, а?

– Нет! – твердо ответил командир

Спуститься в низину и подняться на очередной гребень оказалось еще трудней.

– Арман, а? Давай, а? – сказал Мурун. Он еле держался на ногах.

– Нет! – сказал Арман и поплелся дальше. Но в низине остановился в тени саксаула. И, тяжело дыша, сказал:

– Жребий!

Еле двигаясь, усталые дети бросили жребий.

Счастливец оказался Темиртон.

Он подошел к ослику и, бессильно улыбнувшись, сел на него.

Но не тут-то было – ослик как-то умело, мгновенно, высоко подняв, сбросил Темиртона с себя.

Темиртон растянулся головой на север.

Тут у остальных троих глаза мигом налились кровью и они, как будто сговорились, бросились на ослика.

Мурат-очкастый прыгнул на ослика. Но в ту же секунду он оказался рядом с Темиртоном.

На ослика прыгнул Арман. Его ослик уложил головой на юг.

Через секунду и Мурун, растянувшись, лежал рядом с Арманом.

И так, лежат четверо наших героев: Темиртон и Мурат – рядом, головой на север, Арман и Мурун – рядом, головой на юг. Притом первые двое в тени саксаула, вторые двое – на солнце. Усталые, они тут же уснули. Их сон надежно охранял Его Величество Мурун второй.

И естественно, те двое, которые лежали в тени, глубоко уснули, а те, Арман и Мурун, которые оказались на солнце, долго мучались и видели сны.

Арман спал. Видел сон.

...Звуки тамтама сообщили о приближении врагов. По тропинке в джунглях двигались вражеские танки.

В густых зарослях притаились наши «герои», вымазанные сажей. Они стояли, затаив дыхание и мучаясь от жары!

Здесь же была санитарка Зару.

Ползли танки. Заволновался Мурун:

– Ой, Арман, зачем мы сюда приехали?.. – говорил он.

– Молчи! – пресек его Арман.

– Нас всего пятеро, притом одна – девочка, – говорил Мурун. – А их – видишь?

Ползли танки, как огромные черные жуки. Заволновались дети. Приготовили гранаты.

– Огонь! – скомандовал Арман. Почему-то над джунглями Африки зазвучала стремительная казахская мелодия... В тот же миг загорелся первый танк, потом второй, третий. Танки ползли и ползли, но тут же остановились, охваченные пламенем.

(В ГОСАРХИВЕ ОТСУТСТВУЕТ СТРАНИЦА)

...чтобы поблагодарить его за спасение, обрушилась на него:

– Ты зачем здесь? С ума сошел, наверное!

Арман, пораженный, смотрел на нее...

* * *

Спал Мурун. Видел сон.

Почему-то его родной аул стоял на песках. Голый. Над аулом – одна-единственная огромная пальма.

Голые негритянские дети, почему-то похожие на его одноклассников, цепями были прикованы к этой огромной единственной пальме.

Все плакали.

Тут же были еще четыре взрослых негра, почему-то похожие на председателя, парторга, дядю Васю и Кекликова.

На ослике с копьём мчался Мурун. За ним его армия: Арман, Мурат, Темиртон. На конях.

Мурун примчался к пальме. Ударил копьём по цепи. Цепь распалась.

Освобожденные негры начали под звуки тамтама плясать вокруг пальмы.

* * *

Окна недостроенной школы ночью, при свете луны – черные, слепые. И звучит оттуда таинственный шепот. Как будто эти слепые окна затеяли заговор.

– Нужны деньги...

– Да...

– Дядя Вася говорит, что кладка каждого кирпича – по пяти копеек.

– Можно заработать уйму денег, лопнуть мне, если вру!..

– На билет туда...

– И обратно...

– Скажешь еще! Зачем нам на обратный путь билет: почет и слава!

ТУ-114 и эскорт реактивных истребителей... Лопнуть мне, если вру!

– Значит, завтра начнем?

– Начнем.

– Кладка каждого кирпича – 5 копеек...

* * *

(Быстро сменяемые «застывшие кадры» под веселую музыку)

С востока доброй улыбкой восходило солнце, медленно добиралось до зенита и, долго и жарко отдышавшись там, устало катилось в зубастую пасть Алатау.

С востока расширенным красным лягушачьим глазом выкатывалась луна и, еле пробравшись сквозь цепкие тучи, напарывалась на острие одного из белых сверкающих зубиц Алатау.

С восхода до обеда,

с обеда до вечера,

с вечера до полуночи

работали ребята с дядей Васей и еще с кем-то...

Строили школу.

– Два рубля 45 копеек, два рубля 50 копеек... – шептали они, кладя каждый кирпич.

По-прежнему с востока доброй улыбкой восходило солнце, медленно добиралось до зенита и,

долго и жарко отдышавшись там,

устало катилось в зубастую пасть Алатау.

Но теперь каждый раз забывало и оставляло на небе улыбающийся комочек – месяц.

С востока до обеда,
с обеда до вечера,
с вечера до полуночи
работали ребята с дядей Васей и еще с кем-то... Строи-
ли школу.

– Двадцать два – шестьдесят пять, двадцать два – семь-
десят... – шептали они...

...Но однажды, под вечер, когда... Мурат долго подсчи-
тывал... остальные работали, Мурат подошел к Арману.
Сказал:

– 51 рубль 30 копеек.

Арман улыбнулся. Сказал:

– Хоп!.. До шестидесяти, – он свистнул, многозначи-
тельно указывая на алые небеса.

А тут, прямо в алых небесах, раздалась торжественная
музыка – марш.

Все звучал марш.

...Мальчики бежали по улице.

... Все звучал марш.

...На площади, перед зданием правления колхоза, – на-
род. На трибуне – председатель, парторг, Кекликов, ди-
ректор школы.

Арман, Темиртон, Мурун, Мурат, запыхавшись, прибе-
жали туда.

Оркестр умолк.

– А теперь, товарищи! – сказал председатель, – кто
нам, одним словом, помогал убрать хороший урожай?
Конечно, товарищи, школьники. Они своим прекрасным
концертом, одним словом...

Все захлопали. Заиграл оркестр.

– Так что, товарищи! – сказал председатель, – разре-
шите, одним словом, от вашего имени объявить благодар-
ность следующим товарищам школьникам:

Бекбулату Ташбулатову.

Все захлопали. Заиграл оркестр.

Арман, Мурун, Мурат и Темиртон одновременно ахнули –
прямо на их глазах Ташбулатов Бекбулат превратился в
изваяние из мрамора, и под ним вырос высокий пьедестал!

Просто чудо.

– Асановой Зару.

Все захлопали. Заиграл оркестр.

Арман, Мурун, Мурат и Темиртон одновременно ахну-
ли – как только председатель пожал ей руку – она превра-
тилась в изваяние из мрамора, и под нею вырос высокий
пьедестал!

...Арман отчаянно побежал в сторону недостроенной
школы.

...Арман отчаянно прибежал со стороны недостроенной
школы

За ним бежал дядя Вася. Настоящий Буденный.

Дядя Вася поднялся на трибуну. Что-то сказал. Еще
сказал.

Все обернулись в сторону Армана, Муруна, Мурата и
Темиртона. Они стояли рядом.

К ним, улыбаясь, подошел председатель.

И только успевал пожать каждому руки, как каждый:
и Арман, и Мурун, и Темиртон, и Мурат превращались
в мраморные изваяния, и под каждым из них вырастал
пьедестал! Они так высоко поднялись, что те: и Бекбулат
Ташбулатов, и Асанова Зару, и тем более Караваяев Кно-
пик остались там, где-то внизу!

Гремели аплодисменты. Гремел марш. Просто чудо!

Ночь над аулом тихая. Окна недостроенной школы –
слепые. Они, эти окна, кажется, затеяли разговор. Шеп-
чутся.

- Как же это так получилось?
- Остались без гроша!
- Эх, ты!
- Что я?!
- Не нужно было приводить дядю Васю...
- Обидно стало!
- Да... ситуация... Очень трудная, сложная. Но, учитывая обстановку, я думаю, что нельзя винить Армана.
- Остались без гроша....
- Придумаем что-нибудь!

* * *

В эту ночь Арман не спал. Ворочался с боку на бок. То беспокойно вставал с постели, включал свет, долго смотрел, подходил к карте, то снова ложился, снова ворочался в постели, снова вставал, снова подходил к карте, долго смотрел.

Перед рассветом Арман оделся, умылся, потом сел писать что-то. Быстро написал, но тут же порвал бумагу. Сел. Подумал. Кажется, нашел выход – осторожными шагами сходил в кухню. Принес тарелку и на дне ее написал:

«Мама! – подумал, еще добавил: – Папа! Прощайте! Не плачьте! Я вернусь. Вернусь героем. Мамочка, только не плачь!»

Отнес тарелку в кухню, поставил на видное место и осторожно вышел на улицу.

Аул уже проснулся. На востоке колыхал, играл, как рекламные огни в большом городе, алый стяг зари. Было чуть прохладно, торжественно. Кто-то, тарахтя на мотоцикле, поехал в сторону гор. Из гаража один за другим выходили «Газы». С площади доносились последние из-

вестия. *«Жизнь Лумумбы в опасности!»* – слышалось Арману. Он постоял еще немного, будто прощаясь с родным аулом, с глубокой, как море, утренней степью, с бело-голубыми, как здоровые чистые зубы, рядами горных вершин. Постоял, вздохнул и направился в сторону шоссейной дороги.

* * *

«Алатауск – 10 км». Под таким трафаретом стояли: Арман, Темиртон, Мурат. Волновались. Вдали, по асфальту, к ним приближался автобус. Они нетерпеливо оглядывались в сторону аула.

Арман крикнул:

– Муру-ун! Ну хватит!

У самого крайнего дома аула стоял Мурун, прощался с Муруном вторым! Мурун наконец побежал в сторону шоссе. Ослик, прощаясь, заорал и побежал тоже за Муруном. Мурун остановился. Хотел отогнать осла обратно, но услышал дружный голос друзей:

– Муру-ун! Давай быстрее! Автобус едет!

Мурун побежал к друзьям. Но автобус уже подошел. Остановился и ушел.

От гнева друзья тупо уставились на Муруна.

Мурун же, чувствуя свою вину, глупо улыбнулся.

– Опоздали на утренний поезд!

* * *

Под вечер. Тот же трафарет *«Алатауск – 10 км»*.

Приближается автобус.

Дети кричат в сторону аула. Там Мурун прощается со своим осликом.

– Муру-ун! Давай! Опоздаем!

Мурун бежит к ним. Ослик – за ним с ревом!

Автобус подошел. Остановился.

Мурун все бежит. Далеко.

Дети бессмысленно машут руками, кричат.

Автобус ушел.

– Опоздали и на вечерний!

– Успеем – если бегом.

– Ух! Мурун! Ты получишь еще!

Дети пошли пешком. До Алатауска – 10 км.

* * *

«Ст. Алатауск». Запыхавшиеся дети вышли на перрон.

Пассажирский поезд только что подошел.

Дети остановились, пораженные – на перроне стояли: председатель, парторг и Кекликов.

– Ах! – сказал Арман. – Зря я написал на тарелке! Уже ищут нас.

Но председатель, парторг и Кекликов стояли спокойно.

Поезд остановился.

На перроне росли могучие, ветвистые деревья. Мальчики стали под ними. Ждали момента юркнуть в вагоны.

Но тут вдруг из пятого вагона вышли... Кто вы думаете, вышли? Негры! Настоящие. Двухметровые. В пестрых национальных костюмах.

Мальчики ахнули. Забыв, что они должны проникнуть в вагоны, забыв, что их могут увидеть председатель, парторг и Кекликов, они пошли навстречу неграм.

К неграм, важно улыбаясь, подошли председатель и парторг. Поздоровались. Кекликов тоже улыбнулся и сказал неграм что-то.

Те заулыбались.

Сказали что-то.

– Это они! – сказал Кекликов.

Председатель сказал:

– Добро пожаловать!

Кекликов перевел, негры снова заулыбались.

Председатель заметил детей.

– Дети! – сказал он. – Вы откуда?

Дети растерялись.

– Ах, дети, ах, дети! – сказал Кекликов. Хитро улыбнулся. Сказал многозначительно: – Теперь-то вы вернетесь в аул, а?

...На площади у вокзала стояли три «Волги». Негры, дети, председатель, парторг и Кекликов сели в машины. Машины тронулись.

* * *

Окна недостроенной школы ночью слепые. Над аулом только одна луна. Светит ярко. Как декоративная.

Слепые окна таинственно шепчутся:

– ...А как же теперь?

– ...Не поедем освободить Африку, да?

– ...Африка ужасна.

Да, да, да,

Африка опасна.

Да, да, да.

– ...Брось ты! Не до шуток!

– Сейчас, когда в мире неспокойно...

– И ты, Мурат, подожди. Я скажу. Лопнуть мне, если я вру: мы серьезно должны подготовиться. Понимаете? С нашими гостями, неграми, подружимся. Научимся их языку. Подробно узнаем условия, опыт, обычаи, чтобы не попасть впросак... И тогда – вжить!

* * *

Ночь – молочная. Небо – чистое.

Звезды – крупные. Яркие. Низкие... Как рукою человека расставленные.

Над вечерним аулом звучит тамтам.

Из своего дома выбежал Арман. Юркнул в темноту.

Из своего дома выбежал Темиртон. Юркнул в темноту.

Из своего дома выбежал Мурун. За ним Мурун второй. Юркнул в темноту.

Из своего дома выбежал Мурат-очкастый. Юркнул в темноту.

Над аулом все звучит тамтам.

Из дома выбежал Кнопик, мальчишка лет восьми. Он теперь знает, откуда доносится звук тамтама. Он прямо побежал на площадь.

МОЙ КОСМОС

Киносценарий

Алма-Ата, 1965 г.

Летит Ил-18, все удаляясь. Звучат следующие стихи:

Обращение к дорогому человеку – айналайн.

«Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод.

«Принимаю твои болезни» и «любовь моя» – смысловые переводы.

Кочую по черно-белому свету.

Мне дом двухэтажный построить советуют,

а я, как удается какая оказия,

мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.

В Нью-Йорке с дастанами выступаю,

в Алепе арабам глаза открываю,

вернусь,

и в кармане опять – ни копья;

Копье заведется –

опять на коня!

Последний ордынец

к последнему морю!

Шумит за спинов последнее море.

Кружись, айналайн, Земля моя!

Как никто,

я сегодня тебя понимаю,

все болезни твои

на себя принимаю,

я кочую, кружусь по дорогам твоим...

Кружись, айналайн, Земля моя!..

* * *

Он сидел, прильнув к иллюминатору.

Внизу, на черном с зеленоватым отливом бархатном полотне россыпью драгоценных камней переливается ночная Москва. Самолет стремительно уходил на юг. А бархатное полотно разворачивалось все шире и шире, и все новые россыпи золотых огней проплывали в черной бездне – Россия не спала.

Небо безоблачное, ясное. Лишь за Уралом, над просторами Азии, закрыв полнеба, громоздились угрюмые тучи. Казалось, что огромные океанские волны в гневном порыве грозно вздыбились и, оледенев, застыли так навсегда. Высились причудливо изрезанные утесы, зияли бездонные темные пропасти с рваными краями. Жутко было смотреть на этот угрюмый мир, словно затаивший какую-то угрозу.

На душе стало тоскливо. Он отвернулся от иллюминатора и в то же мгновение грохот двигателей больно ударил в уши, оказывается, до этой минуты слух его был выключен!

Салон спал. Кто открыв рот, кто тонко посвистывая носом, кто навалившись на ручку кресла. Он взглянул на свою соседку справа, милостивую русскую девушку, та, видимо, почувствовав его взгляд, не открывая глаз, вдруг нахмурилась и отвернулась.

Видимо, и ей не спалось.

Внизу все тот же застывший океан, с вздыбившимися причудливыми волнами. Казалось, самолет совсем не движется.

Алмазные россыпи звезд, таинственно мерцающий мир приковали к себе взор Хасбулата, он снова перестал слышать гул мотора.

Он заметил впереди длинную темнеющую полосу. Это был прорыв в облачном океане, напоминающий горячий голубоватый источник, пробившийся из-под льдин. А если приглядеться внимательно, облачный хаос был очень похож на опустошенную жестокими врагами степь. Там и тут виднеются развалины городов, громоздятся останки каких-то строений.

За горизонтом светлой полоской забрезжил рассвет.

В стороне оставался пологий белый холм, на вершине его, устало прислонившись на свою огромную булаву, дремал могучий богатырь. Потом угрюмая фигура богатыря незаметно растворилась.

Хасбулат обернулся к соседке. Его взгляд на несколько секунд задержался на ее красивой белой шее, на дрожащих под тонким черным кимоно нежных полных грудях. Ему казалось, он недолго любовался девушкой, но, снова посмотрев в окно, он изумился: только что ослепительно сиявшие звезды – исчезли, словно кто-то смыл их, и небо напоминало стекло, нервно протертое грязной тряпкой.

* * *

На рассвете. Лайнер приземлился.

Алма-Атинский аэровокзал.

Хасбулат, медленно шагая, прошел к телефонным будкам. В одной из них он увидел девушку – спутницу свою.

Она улыбнулась ему как давнему доброму знакомому.

И он тоже.

Она, торопливо повесив трубку, вышла из будки. Сказала:

– Все они не работают.

Хасбулат пожал плечами и посмотрел на девушку так, что весь его вид выражал: «Да, они вот такие, эти автоматы, что поделаешь!»

В это время за спиной Хасбулата прозвучал густой баритон:

– Ва! Кого я вижу!

Хасбулат обернулся. Стоял стройный парень. Очень модно одетый.

– Голодный волк, это ты! – воскликнул Хасбулат. Они обнялись.

Девушка стояла растерянная, не зная, как уйти. Но услышав слова «голодный волк», она улыбнулась. «Голодный волк» бросил на нее быстрый оценивающий взгляд и уверенно подал ей руки, назвав свое имя:

– Кирей!

Девушка улыбнулась. Подала руку.

– Лиза.

Хасбулат обратился к девушке:

– Имя Кирей вам ничего не говорит?

Девушка задумалась.

Кирей обратился к девушке:

– А имя Хасбулат?

Девушка еще улыбнулась. Хотела что-то сказать, но ее перебил Хасбулат:

– Ну вот, мы теперь знакомы!

Они едут на «Волге». Кирей за рулем. Хасбулат и Лиза на заднем сиденье.

Машина поднимается по проспекту Ленина.

Кирей обернулся. Спросил у Хасбулата:

– Туда?

– Туда, – ответил Хасбулат.

...В горах. Машина остановилась, Кирей вышел из машины и, быстро подойдя, открыл заднюю дверцу. Шутливо наклонившись, сказал:

– Выходите, айналайн!

– «Айналайн» – а что это значит?..

...Голая скала. На скале стоит Кирей.

Внизу Хасбулат и Лиза.

Кирей читает:

Обращение в дорогому человеку – айналайн.

«Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод.

«Принимаю твои болезни» и «любовь моя» – смысловые переводы...

Кружись, айналайн, Земля моя!

Как никто,

я сегодня тебя понимаю,

все болезни твои

на себя принимаю,

я кочую, кружусь по дорогам твоим...

Кружись, айналайн, Земля моя!..»

Гостиница «Казахстан». Входят Хасбулат, Лиза и Кирей. Лиза смеется. Говорит:

– Вы, ребята, просто не знаете, как мне весело с вами! Как это здорово!

Дверь ему открыла жена.

– А-а, уже приехали? – сказала она и уплыла в свою комнату. В доме было прохладно. Хасбулат зашел в свой кабинет, поставил чемодан в угол, повесил пиджак на спинку стула и повалился на тахту. «Отдохну часок». Напевая под нос, жена зашла к нему.

– Ну как съездилось? А вы привезли мне что я просила? – весело спросила она.

– В чемодане, – ответил Хасбулат и отвернулся к стене. Жена, все напевая, перерыла чемодан, нашла, что нужно, и сказала:

– Большое спасибо вам.

Через некоторое время она куда-то ушла. В пятикомнатной квартире воцарилась тишина.

* * *

На экране два телефона. Оба белые, изящные – польские. Больше ничего. И звучат два мужских голоса. Один знакомый – Хасбулата.

– С приездом тебя, Хасбулат!

– А-а! Ажихан! Здравствуй!

– Так что же это ты! Разве так можно, сообщить надо было. Встретили бы! Нехорошо, нехорошо! Нехорошо!

– Так я никому не сообщал о своем приезде!

– Другие меня не интересуют! Я-то – я! Ну ладно! Это шутки. Я рад, что ты вернулся жив-здоров. Ну как страна Грига и Ибсена?

– Ничего...

– Да, да, я тебя понимаю – это долгий рассказ. Дорогой Хасбулат, мы тебя ждем не дождемся. Моя жена уже успела приготовить бешбармак. Ждем тебя! Нет, нет! Не возражай! Не смей отказаться. Приезжай сейчас же! Нафиса, как только узнала, что ты сегодня утром прилетел, стала готовиться. Ну, приезжай, ждем. Ждем!

* * *

Ажихан – человек солидный. Средних лет. Вежлив, корректен. Его жена Нафиса – женщина солидная. С добрыми-добрыми глазами. Нежным голосом.

Их гостиная – солидная. Обставлена модно. Со вкусом. На столе – бешбармак. Перед каждым – тарелка, вилки, ложка. Хасбулат взял в руки салфетку.

– Бери же еще! – предложил Ажихан.

– Спасибо!

– Сурпу тогда!

Нафиса кинулась в кухню. Принесла пиалу сурпы.

– Это ваша пиала, Хасбулат!

– Спасибо...

Вдруг настойчиво зазвенел звонок.

Нафиса открыла дверь.

В квартиру буквально ввалился человек. Он толст, кругл, с длинными руками.

– А-а, Караман! – сказал Ажихан.

Караман поцеловал Нафисе руку. Докатился до стола. Резко обхватив за шею, поцеловал в щеку Хасбулата, пыхтя поздоровался с Ажиханом. И не дожидаясь приглашения стал наливать себе в рюмку коньяка. При этом он беспрестанно говорил:

– О айналайн, женге! Пришел осведомиться о вашем здоровье. О айналайн, Хас-ага! С приездом! Вы прилетели – я приобрел крылья! Айналайн, Хас-ага!

– О айналайн, Ажихан-ага! Я пришел осведомиться о вашем здоровье!

Человек чекнул своей рюмкой о графин и залпом выпил.

Хозяева дома и Хасбулат только улыбались. Потом человек встал и покотил к двери. При этом он говорил:

– Ну я пойду! Слава богу, узнал, что вы живы-здоровы. Что Хас-ага вернулся благополучно! Ну я пойду. Не буду вам мешать!

– Ну что ты, Караман, ну что ты! – любезно улыбалась Нафиса, но человек, поцеловав ей руку, ушел.

Ажихан улыбнулся. «Вот чудак!», мол.

Хасбулат тоже улыбнулся. «Да», мол.

– Да... – продолжал беседу Ажихан, – все это интересно! Рад за тебя. Честно говоря, завидую тебе – ты так часто едешь по странам. Я вот не могу. Все некогда. Наше дело такое – пиши, пиши, пиши! Ездить по равным странам – дело полезное, большое дело! Новые земли, новые обычаи, новые лица. Да и, наверное, воздух-то особый! Да... ездить по разным странам – дело полезное в высшей степени!

Ажихан говорит солидно. И его обязательно нужно слушать солидно. И поддакивать:

– Да. Да. Да.

Вдруг в кадр врывается незнакомый молодой голос:

– Глухое раздражение охватило меня. Я чувствовал, что еще миг и я взвою от ярости и начну крушить все, что подвернется под руку...

Ажихан все говорит, Хасбулат все слушает и поддакивает...

* * *

Глухое раздражение охватило меня. Я чувствовал, что еще миг и я взвою от ярости и начну крушить все, что подвернется под руку. Терпение мое могло вот-вот лопнуть. Еле сдерживая себя, я поднялся с места, еле сдерживая себя, перешагнув через чьи-то ноги в аляповатых пижамных брюках, и выскочил на улицу.

Было темно. Ярость душила меня, и я побежал. Знакомая каждой своей извилиной тропинка вела меня вверх. Высокая града, а за градой – ложбина, там грохочет река Саркан. Вот и она. В ночной темноте поблескивали крутые волны. Сейчас она полноводна и грохочет так страшно,

будто с гор сбрасывают сотни железных телег. Я сорвал с себя одежду и плюхнулся в реку. Ледяная вода обожгла кожу. Река понесла меня, перекатывая с камня на камень. Знакомые камни, огромные и склизкие. Знакомые повороты реки. Вот пробежит река сто метров, а там круто повернется налево. Там и выкинет она меня на берег!

В ложбине стояла прохлада. Было обманчивое чувство, будто мне жарко. Так бывает всегда, когда искупаешься в ледяной воде. Надо непрестанно двигаться, сделать пробежку. Я быстро оделся и взбежал на вершину гряды. Дул ветер. Внизу расстилалась широкая долина, придавленная полумраком. Около двадцати огненных точек, как светлячки, сгруппировались на дне долины. Это огни нашего аула, который называется Самалель. Тут расположена одна из многих бригад большого совхоза «Саркандский». Пока я спускался к аулу, мерцающие огни, как по команде, начали гаснуть один за другим. Светились окна только двух домов. Один из них был тот, откуда я недавно ушел, – дом учителя Тасыбая. Там пировали. Второй дом стоял в стороне – дом Таны. Я направился туда. Крытый железом маленький домик. Огорожен деревянным забором. Только успел я приоткрыть скрипучую калитку, как сердце тревожно забилося от мысли, что, может быть, она в доме одна.

В передней сидела бабушка Абриза. То ли шея у нее была слаба, то ли от болезни, но голова ее все время тряслась.

– Е-е, сын разбойника! – сказала она, вздернув подбородок и глядя на меня белесыми косыми глазами. Назвала она меня «сыном разбойника» потому, что дед мой Жакан и вправду когда-то был разбойником.

– И ты пришел, сын разбойника!

Услышав «и ты», я мгновенно успокоился. «Значит, здесь есть и другие!» – подумал я.

Добрый вечер! – сказал я старухе и проскользнул в спящую комнату.

Как я и предполагал, все они были здесь.

Комната Таны маленькая, бедно убранная. Налево – два оконца. Между окнами – стол на высоких ножках, накрытый клеенкой. На нем стопка книг, деревянная ручка и ученическая чернильница. Около стола – табуретка. Прямо от меня на деревянной подставке возвышалась гора одеял и подушек. Направо – высокая польская кровать. Над ней небольшой ковер.

В комнате находились четверо юношей и одна девушка.

На кровати, свесив красивые голые ноги, сидела Тана. Она как молодая лань. Она не похожа на девушек из аула. На ней плотно облегающее черное платье. Сидела она положив выточенные белые руки на колени. Коротко стриженные черные волосы волной спадали на плечи.

Раскосые глаза блестели в улыбке. Как говорят, настоящая красавица с лебединой шеей. На единственной табуретке сидел высокий кудрявый джигит Еrsaин. Толстенький здоровяк Отарбай с глазами-щелочками, маленький красивый паренек Пушкин /родители его свято чтит великого поэта и дали своему мальчику его фамилию. Слава богу, что не назвали еще индустрией или коллективизацией/ и длинный как жердь Сами, очень похожий на табунщика, расположились, поджав ноги, на кошме, расстеленной на полу. Когда я приоткрыл дверь, все пятеро вскочили с мест.

– О-ой, агай! – побежала ко мне Тана и, смутившись от того, что чуть не столкнулась со мной, попятилась назад, приговаривая: – Проходите, агай.

– Садитесь сюда, – сказал застенчивый Еrsaин, показывая на табуретку. А те трое стояли, улыбаясь, ожидая, когда я сяду.

Они называют меня «агай». Я старше их. Каждому из них по семнадцать, а мне – двадцать три уже!

Я сел на табуретку. Они тоже сели. Застенчиво улыбаясь, Еrsaин сказал мне:

– Мы составляли план.

– А что вы скажете на это? – безмолвно вопрошали их глаза.

– Ну что же, это хорошо. Очень даже хорошо. Я рад, что делать.

– Мы хотели посоветоваться с вами, – сказал смущенно Еrsaин.

Я кивнул головой в знак согласия. Еrsaин вынул из кармана сложенную вдвое тетрадку. Поднялся с места и, подойдя ко мне, положил передо мной раскрытую тетрадку. На первой странице было написано: «Талантливость – естественное состояние человека. Человек – не кирпич, человек – это светило». Я смутился. Это мои слова.

План был очень подробный. На 7-8 страницах были изложены все мероприятия, которые они должны сделать за предстоящий год. Я внимательно прочитал все это. Но я как-то постеснялся выразить вслух свое одобрение.

– Правильно, – тихо сказал я и возвратил тетрадку Еrsaину. А они сидели смущенные. Тана соскочила с кровати, подошла ко мне и, покраснев, сказала:

– Ой, агай, мы очень волнуемся...

– Ничего, – сказал я, потупившись. Тонкая талия Таны притягивала мой взор и я все время смущенно отводил глаза в сторону.

Посидели молча. Наверное, они ждут от меня каких-то указаний.

– Завтра в полдень за вами приедет машина. А мы с Сейфоллой утром поедem в Жайдак-Жал. Встретим вас там, – сказал я наконец.

Я встал. Они – тоже. Я двинулся к выходу, Пушкин, опередив меня, открыл дверь.

– Агай, мы проводим вас, – сказала Тана.

– Как хотите, – сказал я, выходя из комнаты. Повеселел. Я был горд от осознания того, что эти ребята обожают меня. Золотые люди. Страстные мечтатели, настойчивые и упорные. О каждом из них можно написать книгу.

Они проводили меня до дома Тасыбая. Мы шутили и весело смеялись.

– А теперь мой черед провожать вас, – сказал я. Разговор у вас не закончился и мы повернули назад. Снова пришли к калитке Таны. Тут Еrsaин заторопился.

– Разрешите мне уйти, – сказал он, – Дома меня ждет отец. Нужно привезти сено.

После него ушли Пушкин, Отарбай и Сами. Тана тоже попрощалась и медленно пошла к себе. Я должен был вернуться в дом Тасыбая.

– Агай! – послышался вдруг голос Таны. Я остановился, оглянулся и увидел, что Тана бежит ко мне. – Агай, – сказала она улыбаясь, – можно я провожу вас?

– Пойдем тогда, – сказал я и взял ее за локоть.

Кожа у нее гладкая и прохладная. Мы тихо шли по пыльной улице. Она босая, в коротком платье, волосы рассыпались по плечам. Я в белой рубашке с открытым воротом и черном костюме – как-никак я был в гостях. Она шла быстро перебирая босыми ногами, я – шагал солидно. Мы молчали. Летний ветерок дул в лицо, охлаждая разгоряченное тело, и словно шептал: «Успокойся, успокойся».

«Танажан, – произнес я про себя, – Танажан! Эх, если бы ты заболела!» И сам посмеялся над собой. Если бы ты болела, а я в белом халате сидел бы около твоей постели! Я засмеялся и посмотрел на Тану. Она вопросительно оглянулась на меня.

– Если бы ты заболела, – сказал я как дурак. – Вот было бы забавно!

Но Тана поняла меня. Я не мог уловить выражение ее лица в темноте, но она внезапно остановилась, блеснула глазами и, промолвив: «Ой-ой, агай», смущенно засмеялась, Мы снова сошли. Теперь я проводил ее до дома.

Гости в доме Тасыбая, поев мяса, уже пили сурпу. Увидев меня, они начали подтрунивать:

– Ой, где ты был?

– Долго же ты пропал.

– Ты, хитрец, наверно, не терял времени даром.

– Если бы я была Хорлан, я задала бы тебе жару.

– Ай Хорлан, видать, очень добра она!

Я только посмеялся в ответ. Но потом нахмурился, и шутки сразу прекратились. Я знаю себя, и они прекрасно меня знают. Да, вид у меня не очень приветливый, брови густые, разбойничьи, сам черный.

Между тем Сейфолла, улыбаясь, продолжал рассказывать прерванный анекдот о знаменитом обжоре Сахане. Такие вечеринки не обходятся без анекдотов о других, либо, когда чувствуешь свое ничтожество, стараешься унижить другого, чтобы возвыситься самому. Странен же все-таки человек!

Гости уже были сильно навеселе. Джигиты развалились на стеганых одеялах, облокотившись на подушки, женщины сидели, соблюдая приличия.

Вечеринка затянулась. Бывший на взводе Сейфолла все гудел и гудел какую-то песню. Жирная шея его вздулась, бычьи глаза вылезли из орбит. Меня снова охватило раздражение. Другие снова начали обижаться на меня, – я сидел молча, нахмурившись, не пил и не пел с ними.

Сейфолла пел и ел глазами Хорлан. По-видимому, он хотел рассердить меня: поют только для тебя одной, как

бы говорил его взгляд. А Хорлан кокетливо улыбалась в ответ. Ярость охватила меня; «Эх, – подумал я, – ухаживать за чужой женой легко, конечно».

А жена Сейфоллы маленькая, тощая, с желтыми глазами, прижавшись к мужу, призывно глядела на меня. Но что мне за дело до нее.

Я и ухом не повел, будто ничего не слышал и не видел. Когда я молчу, никто не знает, о чем я думаю.

Разошлись мы в полночь. Спели почти все песни, от «Камажая» до «Жанарки». Но и на улице Сейфолла не отставал от нас.

– Я подвезу вас, – сказал он, распахнув перед нами дверцу «Москвича».

За руль сел сам Сейфолла. Хорлан – рядом с ним. Бывший навеселе Сейфолла то и дело гладил ляжки Хорлан. «Ой-бой!» – всякий раз с деланным испугом вскрикивала Хорлан и быстро оглядывалась на меня.

– Ойбай, Арыстан, скажи дядюшке, чтобы перестал, а то я пересяду к тебе!

– Сиди уж там, – сказал я с фальшивым смехом, – дядя шутит с тобой.

Зачем же унижать себя? Приехали к нам. При прощании мне показалось, что Сейфолла снова погладил Хорлан по мягкому месту.

Когда, зайдя в дом, мы остались одни, Хорлан вдруг переменилась. Расстелила постель, разделась и, оставшись в черной шелковой комбинации, открывшей все женские прелести ее белого тела, бросилась ко мне на шею.

– Арыстан мой, милый! Соскучилась я по тебе! Ну их эти вечеринки, надоели совсем. Пойдем спать. Ну разденься же!

Не раз я слышал от нее эти слова.

«Конструкция из мяса и костей», – подумал я о ней. Однако смолчал. Зачем же унижать себя? Если я скажу ей,

что совсем не ревную ее, она не поверит. Мне было больно оттого, что она подумала, будто я ее ревную. Я разделся и лег, отвернувшись от нее.

– Милый мой, Арыстан, почему же ты молчишь? – нежно бормотала Хорлан, нырнув ко мне под одеяло. «Конструкция из мяса и костей», – снова подумал я.

* * *

Просторный кабинет директора театра. Полно народу. Актеры, писатели, критики.

Директор театра:

– Товарищи, мы только что посмотрели, так сказать, были свидетелями рождения нового произведения, нового спектакля нашего театра. Это радостное событие не только для нас, театра, но прежде всего радость уважаемого Ажеке, автора, который сейчас присутствует здесь!

Ажихан – человек солидный. Он даже не улыбнулся.

Директор театра:

– Ну товарищи, пожалуйста, высказывайтесь! Пожалуйста, кто смелей? /Улыбнулся./

Оратор № 1:

– По поводу этого спектакля и пьесы долго распространяться нет смысла. Это очень хорошая, добротная вещь, показывающая жизнь и чаяния простых советских людей. Их радость, печаль, их несложный, то есть ясный духовный мир. Наши драматурги и наши театры все еще в долгу перед тружениками сельского хозяйства. Эта пьеса должна рассматриваться как попытка нашего дорогого, уважаемого Ажихана-ага расплатиться, так сказать, хотя б частично, с тружениками села.

Оратор № 2:

– Я тоже буду краток. Да, это немалый подарок зрителям. Я уверен, что зрители в героях этой пьесы увидят

себя. И этот добрый старик. И эта дочь его. Чистая. Принципиальная. Она, наконец, нашла себе счастья, ибо такой человек, как она, должен быть счастлив. Да. К сожалению, образы председателя и парторга несколько прямолинейны, однобоки. Но что поделаешь, это беда не только нашей литературы. Мне кажется общее собрание колхозников несколько традиционно. Но здесь, безусловно, есть свое, Ажихановское. Одним словом, я поздравляю Ажихана и театр с новой удачей, новой хорошей пьесой.

Оратор № 3:

— Я начну несколько необычно. Я начну не с пьесы и спектакля, а с Ажихана. Ажихана мы знаем как одного из ведущих драматургов наших. Если не ошибаюсь, он автор трех десятков пьес. И его благодарная миссия в литературе, мне кажется, воспеть время, в котором он живет. Его пьесы всегда сугубо злободневны. Это очень благородное дело.

Кирей передал Хасбулату записку. Хасбулат увидел на клочке бумаги три слова: «Пах, пах, пах!».

Хасбулат улыбнулся, улыбкой выражая: «да, да», мол. Ажихан сидит рядом с Хасбулатом. Он обеспокоенно посмотрел на него.

Оратор № 3 продолжает:

— Литература есть отражение действительности. И она, мое глубокое убеждение, рождается как удовлетворение потребности данного времени. Я согласен, когда говорят, что зрители увидят в героях пьесы себя и себе подобных. Мне показалось, ты извини меня, Ажихан, что можно было бы объединить образы двух колхозников Борибая и Калтая. А в основном это новая победа Ажихана и, конечно, театра тоже. Поздравляю.

Выступил Кирей. Он сказал:

— Здесь говорили: это попытка. Да, это попытка, попытка заменить советских людей простыми несложными

куклами. Советский человек не имеет права быть простым, маленьким, ибо социализм и коммунизм есть вечная борьба за освобождение человеческой души.

Здесь говорили: это отражение действительности. Да, это отражение, но отображение наивного представления о нашей жизни. Ибо жизнь и при социализме не есть катание по маслу, не есть легкая победа «положительных» над «отрицательными». Жизнь всегда была сложна и всегда будет сложной.

Здесь называли пьесу эту удачей. Да, это удача. Удача только автора, простого советского писателя! Маленький человек, умело забравшись на олимп, лепит всегда только себе подобных. Вот что я хотел сказать.

Наступило неприятное молчание.

— Так что же теперь, товарищи? — сказал директор театра.

Ажихан, человек солидный, умеет себя держать. Он не изменился в лице. Он наклонился к Хасбулату, шепнул:

— Говорил же я тебе: вот так вот. Ударят по голове, не моргнув даже! Кровоопийцы!

Хасбулат поднял плечи и посмотрел на Ажихана, выражая мысль: «да, мол, они такие вот».

Оратор № 4:

— Нет, товарищи, нельзя так говорить, нельзя так дубинкой по голове. Время то прошло. Другое нынче время. Нельзя так...

Оратор № 5:

— Да, да, я тоже хотел сказать... Так выступить, как Кирей выступил, уместно только на заседании Юнеско! Сегодня мы здесь собрались...

Поднялся Хасбулат. Кашлянул. Помолчал. Все утихло. Он сказал:

— Что же это такое получается, товарищи! Я обижен на вас. Я как актер обижен на всех. Хотя я не играю в этой

пьесе, мне обидно за своих коллег. Все выступающие говорили только о пьесе, а об актерах – ни слова, что же это такое!

Хасбулат улыбнулся, давая знать, что это в какой-то мере шутка; все улыбнулись, чтобы дать знать, что они понимают его.

– Правы товарищи, когда они отмечают благородную цель автора, показать жизнь простых советских людей, прав Кирей, когда он выразил недовольство бедностью духовного мира героев. Но это, товарищи, не вина автора. Это прозвучит парадоксально, но я осмелюсь заявить, что в неудаче спектакля виновен... талантливый, неповторимый, даже не боюсь в глаза сказать, большой, очень большой актер Караман!

/Зритель его запомнил, когда он ворвался в дом Ажи-хана./ Караман в жизни человек на редкость легкомысленный. Он засиял. Соскочил с места и, клоуничая, три раза поклонился обществу, говоря:

– Караман – это я! Караман – это я! Караман – это я!

Лишь некоторые улыбнулись его выходке. Большинство сурово молчало. Караман растерялся и сел.

Хасбулат продолжал:

– Автор, рисуя образ старика, которого сегодня играл Караман, видимо, имел намерения создать тип человека доброго, не умеющего сопротивляться. Во всем со всеми соглашающегося. Доброго, безвольного старика. Но Караман так прекрасно и глубоко играл, что слова старика: «да, конечно!» звучали каждый раз по-новому. Старик получился мудрым. И он каждый раз всем будто говорил: знаю я вас. Делайте, делайте свое дело. Но все это мелко. Все это глупо!

Отличная игра Карамана подчеркнула ничтожность тех положительных героев, тех страстишек, которыми

они живут. Да, отличная игра Карамана угробила спектакль...

...Все еще идет обсуждение новой пьесы в кабинете директора театра. Но мы не слышим, что говорят ораторы.

В кадр врывается голос Арыстана:

Если бы Жайдак-Жал находился в Европе, его именовали бы не иначе как гора. А тут только потому, что он один из многих отрогов Великого Джунгарского Ала-Тау, его пренебрежительно называют плоской грядой Жайдак-Жал.

Я много раз бывал там. И сегодня собираюсь поехать туда...

* * *

Если бы Жайдак-Жал находился в Европе, его именовали бы не иначе как гора. А тут только потому, что он был одним из многих отрогов Великого Джунгарского Ала-Тау, его пренебрежительно называют Жайдак-Жал, что означает «плоская гряда». Много раз бывал я там. И сегодня собираюсь поехать туда. Я оделся и сел на табуретку, а Хорлан стояла перед зеркалом. Маленькое четырехугольное зеркало висело на простенке между окнами.

Хорлан удивила меня своим видом. Нарядилась она в желтое платье с красными цветами. Знает, что я не переносу запаха духов, и все-таки надушилась. Она долго крутилась перед зеркалом, любуясь полнотой своих округлых плеч и блеском свежeweымытых черных волос. Время от времени смотрела в окно, как будто с нетерпением ждала кого-то. «Странно, – подумал я, – в дорогу собираюсь – я, торопится – она, машину жду – я, оглядывается на окна – она». Вот тебе на! Хорошее платье распаляет воображение человека, видимо, поэтому жена моя засматривается на улицу. «Хорлан, – говорю, – неужели это

правда?» «Что ты, милый», – говорит она, – выдумки все это». Нет, это только мои думы, а вслух я не произнес ни слова. Сам себе задаю вопрос и сам на него отвечаю. А сию все так же молча, застыв как статуя. И Хорлан не ожидает от меня слов. Она занята собой, то смотрит в зеркало, то в окно.

Послышалось мягкое негромкое кваканье машины. Я вышел на улицу. Перед калиткой бокам стоял красный «Москвич». За рулем сидел сам Сейфолла, рядом с ним развалился Сахан. На заднем сиденье – незнакомый мне желтолицый джигит в черных очках.

– Я оставил шофера, чтобы было попросторнее нам, – сказал Сейфолла и вдруг заулыбался:

– Ой, невестушка!..

Оказывается, за мной спешила Хорлан. Опередив меня, она подала руку Сейфолле.

– Здравствуйте, агай!

Мне показалось, что в слово «агай» она вкладывает какой-то тайный смысл, понятный только им одним. Сердце подскочило в груди, в такие мгновения не знаешь, что и предпринять. Я глупо улыбнулся. Так, с натянутой улыбкой я и плюхнулся на заднее сиденье машины. Хорлан с дядюшкой говорили о чем-то, у меня заложило уши и я почти ничего не слышал. Хорлан с Сейфоллой снова пожали друг другу руки, прощаясь. Машина мягко двинулась с места.

Если бы Жайдак-Жал находился в Европе, его величали бы горой. А здесь он, как один из отрогов Великого Джунгарского Ала-Тау, именуется Плоской Грядой. Гигантский каменный вал с могучей шеей прилег отдохнуть – это Горы Жайдак-Жал. В нервном взмахе черным кнутом рассекли его спину – это асфальтовая дорога, по которой мы сейчас поднимаемся.

Все еще во власти смятения, я уставился на бугристый жирный затылок и спутавшиеся жесткие кудри Сейфоллы. А он рассказывал о чем-то, улыбаясь, оборачивался к нам.

Желтолицый и Сахан дико хохочут и смотрят на меня, как бы предлагая посмеяться вместе с ними. Я натянуто улыбаюсь, иногда у меня вырывается что-то вроде смешка. Однако ничего не слышу. Все смотри на бугристую шею и смеющееся красивое лицо Сейфоллы и думаю: «Неужели правда?»

Вдоволь насмеявшись, мои спутники затихают. Смотрят на поля вдоль шоссе, на синеющие вершины далекого Ала-Тау и перебрасываются замечаниями. Переехали через горную речку, проехали по улице какого-то аула. Сейфолла снова начал рассказывать о чем-то. Сахан и желтолицый сидели, готовые засмеяться. «Ну, теперь можно смеяться» – словно разрешает Сейфолла и поворачивается к нам. Сахан и желтолицый хохочут до слез и смотрят на меня. Я делаю вид, что меня тоже разбирает, но ничего не слышу, смотрю на красивое лицо Сейфоллы и все думаю: «Неужели правда?»

Машина остановилась, мы вышли, с треском захлопнув дверь. Это была вершина Жайдак-Жала. Внизу в долине, как на дне пиалы, застыло Ак-куль, белое озеро, На берегу виднелись одинокий домик и какое-то длинное строение. Сахан погладил толстый живот и, что-то сказав, посмотрел на Сейфоллу. Видимо, напомнил ему о какой-то проделке, и тот осклабился в улыбке. Тут к Сейфолле подошел желтолицый и, тронув за рукав, тоже сказал что-то. Оба они, расстегивая пояса, спустились в ложбину. А Сахан все гоготал и гоготал, потом подошел ко мне.

– Понял? – спросил он.

– Нет, – покачал я головой.

– Сейфолла-то хитрец, – сказал Сахан. – Почему, думаешь, везет он нас в этот дом? – Он подмигнул мне. – Там есть красивая молодуха... Сам увидишь...

– А-а, – протянул я, будто мне был понятен хитроумный план Сейфоллы.

– Хитер мужик!..

Только за дастарханом я начал приходить в себя. Мы полулежали на подушках и одеялах, расстеленных на высоких деревянных нарах. Перед каждым – по граненому стакану, на дастархане две миски с мясом, на одной из них оскалившаяся баранья голова. С ужасом смотрю на обжору Сахана.

Мы выпили.

Сейфолла веялся за голову, отрезал одно ухо и подал мне.

– Ты самый младший среди нас. Возьми это ухо...

Я подставил ладонь.

– А это ухо невестке, – сказал Сейфолла. – Милая моя невестушка! Прими это из моих рук... Ты самая дорогая из моих невестушек.

«Дорогая невестушка»? – удивленно повторил я и посмотрел на молодуху.

На ней вызывающе короткое платье красноватого цвета. Черные густые волосы спадали на белую грудь. Молодуха, стыдливо зардевшись, смотрела вниз.

– Возьми, возьми, айналайн, – сказал Сейфолла, подавшись к ней.

– Возьми, чего ты? – рявкнул ее муж. Я взглянул на него, это был долговязый черный джигит.

– Возьми, эй! – снова нахмурился он. Налитые кровью глаза его странно выделялись на злом черном лице. Молодуха протянула к Сейфолле свою тонкую с гладкой лоснящейся кожей руку, похожую на белую змею с поднятой

острой головкой. Щеки ее еще больше запылали ярким румянцем.

Сахан – забавный человек. Обжорство его славится на всю округу. Глотая слюни, он голодными глазами уставился на голову в руках Сейфоллы. Когда пришел его черед доедать голову, он торопливо достал из кармана нож на серебряной цепочке и, нетерпеливо фыркая и урча, жадно накиннулся на голову. А желтолицый держался очень солидно. Хозяин дома, встав на одно колено, начал разливать в стаканы коньяк. Молодуха поставила перед каждым из нас по пиале сурпы.

– Ну давайте, перед едой, – сказал хозяин и посмотрел на Сейфоллу, тот посмотрел на меня, я – на стакан.

– Ну, товарищ комсорг, – сказал он мне, – мы когда-нибудь услышим твой голос?

Я виновато улыбнулся и поднял стакан.

– Вот, так и надо! – сказал Сейфолла и придвинулся к дастархану. – Где же нам пить, как не здесь, когда мы одни!

Мы чокнулись и опустошили стаканы. Только молодуха не стала пить, отвернулась, делая вид, что размешивает сурпу.

А ну, давайте кушать! – сказал Сахан и выгреб из миски полную пригоршню мяса. Остальные тоже склонились над мисками.

* * *

– В странное время я живу – человека хвалят за то, что он добрый, когда он должен быть им, человека возносят за то, что он гений, тогда как каждый человек должен быть гениальным. Выделяем среди людей великих. Не значит ли это, что все те, кого мы называем «простыми», – ущербные существа, ибо быть великим – естественное состояние каждого человека.

Он сам не знал, зачем и для кого говорил все это, и смутился. Никто из присутствующих не понял его. Сделали вид, что слушают внимательно и все поняли.

В просторном кабинете воцарилась неловкая тишина. Директор театра, толстый человек с сизым носом, сидевший рядом с Хасбулатом, положив локти на стол и наклонившись, по привычке кашлянул:

– Все это правильно, Хасбулат, – солидно произнес он, – ты сказал, что сегодня не стоит проводить репетицию. Конечно воля твоя... Однако спектакль-то новый. И сыгран только один раз. Да к тому же прошел целый месяц. Конечно, это не твоя вина... Ты уехал за границу. По-моему, репетицию как-никак нужно провести. В этом нет ничего плохого. Артисты знают назубок свои роли, однако... Видимо, надо собрать их хоть раз и...

Хасбулат долго молчал. И директор театра, и артисты знали, что когда что-нибудь не нравится, он умолкает, поэтому и они затихли.

– Так. Так. Тому есть причина, – протяжно сказал Хасбулат.

Артисты начали строить разные догадки и предположения, стараясь найти причину столь странного поведения режиссера. Модно одетые актрисы без видимой причины защелками замками блестящих красных, белых, черных сумочек, разом встали и одернули платья, Потом все двинулись к двери, обмениваясь недовольными замечаниями.

– Вот те на, что это с ним?

– Ни о ком он не думает, кроме себя. Он, наверно, хочет, чтобы мы плохо играли. Тогда он выделится.

– Наверно, лень ему...

– Что же делать? Только что вернулся, был на краю света, устал. Легко ли?

– Уверен в своем таланте.

До начала спектакля Хасбулат с Караманом играли в шахматы. Игра шла как-то вразброд, комик чувствовал, что Хасбулат не в духе или в какой-то глубокой задумчивости. Он часто ошибался и зевал фигуры.

А Хасбулат не думал вовсе о чем-то определенном. Он все повторял: «Послушай, Нина, я смешон, конечно».

– Уберите своего ферзя, Хас-ага, а то побью! – восклицал комик.

– А вот теперь зевнули слона!

– Открыли шах, Хас-ага. Ой проиграете! – кричали окружившие их болельщики, но Хасбулат все повторял: «Послушай Нина, я смешон, конечно».

На спектакль пришло много зрителей – яблоку негде упасть. Собрался весь цвет столицы. Многие близкие друзья Хасбулата и просто знакомые заходили к нему в уборную, желали успеха.

Хасбулат почувствовал себя уверенно. Он почувствовал, что переживания Арбенина и его душевное настроение слились. В таком приподнятом настроении он и вышел на сцену. Спектакль шел без сучка и задоринки. Арбенин, блистающий умом, счастливый и любимый, с высокомерием давал советы молодому князю. И вдруг он запнулся и растерялся.

Кирей, удобно расположившись в кресле первого ряда, сверлил его холодным взглядом. Ощувив смущение Хасбулата, джигит опустил глаза. Тут же Хасбулат снова превратился в Арбенина.

Зрители горячо встретили спектакль, долго гремели аплодисменты, артисты не могли уйти за кулисы. Двери уборной Хасбулата то и дело раскрывались, впуская новых и новых посетителей. Заходили артисты, художники, члены правительства, друзья и товарищи, родные и

близкие, чтобы выразить свое восхищение и пожать ему руку.

Наконец в комнате остались только Караман и Ажихан.

– Это вы очень правильно сделали, – начал снова хватить Ажихан. – Это большое дело – показать на казахской сцене Лермонтова. Особо я хочу отметить, что твой Арбенин не похож ни на одного Арбенина, виденного мной на сценах других театров. Великое это дело.

А Караман, тот не мог вообще связать двух слов.

– Чудесно, просто великолепно! – восклицал он.

В эту минуту в комнату вбежал Кирей.левой рукой обхватив шею Хасбулата, он поцеловал его в щеку. Хасбулат просиял. Восхваления, которые были сказаны сегодня многими друзьями-товарищами, для него были обычными, много раз слышанными словами. Поэтому признательность молчаливого и, как казалось, гордого джигита растрогала его. «Спасибо, дорогой», – хотел он сказать и не смог. Слезы выступили у него на глазах, и он отвернулся к большому зеркалу.

* * *

Напились мы до чертиков. Я сам не заметил, как опьянел, хотя изо всех сил воздерживался. Мне казалось, что я трезв, однако голова налилась свинцовой тяжестью и меня все время клонило ко сну. Мучила жажда. У других дела хуже. Желтолицый и Сахан валялись на подушках. Я выпил сурпу и упал на подушку. Едва смежил веки, как слышался какой-то говор. Окна были плотно занавешены черными тяжелыми одеялами, было темно и душно, рядом лежали Сейфолла и хозяин дома.

– Ай, Сейфеке, вы все еще не выполнили своего обещания, – сказал хозяин дома.

– Не торопись, Намет, – ответил Сейфолла после продолжительного молчания.

– Как же не торопиться? Так удобно устроились, все было хорошо, думали поработать здесь год-два, надеялись немного поправить свое хозяйство, и я, и невестка ваша мечтали только об этом, а теперь...

– Говорю, не унывайте!

– Ой-бой, Сейфеке, как же не унывать-то! Сами говорите, завтра переезжай на центральную усадьбу. Здесь было приятно и вам. Приезжали, когда скучали. Никто не мешал...

– Ты, Намет, я вижу, вовсе глуп. Сказал, не ной! – суровым голосом повторил Сейфолла. Намет стушевался:

– Ой-бой, ладно, будь по-вашему. Рад вы сказали, я знаю, что вы найдете какой-нибудь выход.

Сейфолла промолчал. Через некоторое время Намет снова буркнул:

– Думаю, что все это устроил вот этот комсомол-парень...

– Ы-м-м, – Сейфолла неопределенно цромолчал.

– Неужели вы не можете объегорить этого молокососа?!

Видимо, эти слова Намета задели Сейфоллу за больное место, он стремительно поднял голову с подушки.

– Ой, ты что это? Сказал же, не ной! Сам все обделаю. Вы никуда не переедете. Думаешь, долго продержатся здесь эти мальчишки? Проживут пять-шесть дней и один за другим все сбегут. Я хотел, чтобы они посмотрели, поняли, почем фунт лиха. Да они сами убегут.

Я делал вид, что сплю. Но сердце захолонуло, и меня затрясло от негодования. Что же удивительного в том, что говорил Сейфолла? Я знал, что от него можно ждать всякой пакости. Теперь сон как рукой сняло. Еще недвижно полежав, я сделал вид, что только что проснулся, поднял

голову. Встал и, бесшумно ступая, вышел во двор. Солнце катилось к горизонту. Озеро горело; переливаясь кроваво-красным цветом. На ближнем берегу я заметил целые стаи гусей и уток. Жена хозяина давала им корм.

Я пустился к берегу. Озеро было удивительно прозрачным и овалом своим напоминало глаз. Метровый глаз пустыни. Берег зарос густым камышом. Бархатные метелки шевелились под легким ветром, напоминая мех лисицы, закинутой на шею некой модницы. «Зачем же ты напился, безвольный винтик?» – ругал я себя.

Солнце скрылось за горизонт. Меня чуть не стошнило от удушливого запаха птичьего помета и подгнившего камыша.

* * *

Он не знал, что делать. Не хотелось возвращаться в опротивевшую холодную квартиру, не хотелось видеть короткопалую намалеванную жену, даже думать о ней сейчас было мучительно. Втроем с Киреем и Караманом они зашли в «Шолпан».

Ажихан – человек вежливый и самолюбивый. Отказался зайти в кафе, видимо, считая это недостойным своего положения. Поблагодарив и пригласив Хасбулата вечером в гости, он ушел.

– Потрясающе! Изумительно! Люблю я это кафе! – воскликнул Караман.

Не успели они сесть, как Караман опять начал восхищаться.

– Здесь можно встретить хороших девушек! – добавил он.

Хасбулат все еще был в смятении, озирался вокруг, словно искал кого-то. Почему-то ему вспоминалась девушка, летевшая вместе с ним из Москвы. В это время Караман, любивший всякие сентенции, начал свои излияния:

– Не понимаю я людей. Ни стыда, ни совести. Нет чтобы оценить человека, поддержать его. Хуже всего эти самые старики, не дожدهшься от них, чтобы дали дорогу молодым.

Хасбулат засмеялся и сказал:

– Ну ладно, мели, Емеля, – встал с места. – Сейчас я приглашу одну девушку. Вы обалдеете.

Позвонив из кабинета директора кафе, Хасбулат пригласил девушку в «Шолпан». Много говорили, много пили. Девушку звали Лиза. Караман все целовал ей руки, по привычке без умолку болтал, засыпая девушку комплиментами.

– Вы очень похожи на Конюхову, – льстил он ей. – Боже, как вы похожи. Просто чудо! Потрясающе!

Девушка улыбалась. Ободренный, Караман начал усиленно ухаживать за ней.

– О, у вас лебединая шея! Вы словно пери. Боже, если бы соединились наши судьбы, какая получилась бы прекрасная семья!..

Кирей молчал.

– Кирей, жаль, что нам не удалось поговорить наедине. Хотелось с тобой посоветоваться кое о чем, – сказал Хасбулат чтобы отвлечь Кирея от мрачных раздумий.

Кирей посидел немного, склонив голову, и потом, посмотрев на него, усмехнулся.

– Сказать вам, о чем вы думаете?

Хасбулат растерялся, он не ожидал такого вопроса.

– Ты не ясновидец, случайно?

– Нет, но я умею отгадывать мысли.

– Ну, тогда валяй!

– Сколько не хвалили вас люди, но вы недовольны сегодняшним спектаклем.

– Да...

– Знаете почему?

– Ты же умеешь отгадывать мысли, скажи, – ответил Хасбулат и рассмеялся, чтобы не обидеть Кирея.

– Могу сказать. Сегодня вы играли Арбенина, придавая этому образу особый смысл. Сколь не считает себя Арбенин умудренным, гордым, сколь не говорит, что разочарован в жизни, все-таки он жизнелюб, всеми фибрами души цепляется он за жизнь. Хотя ставит себя против общества, он всего-навсего разновидность Акакия Акакиевича. Таким был ваш сегодняшний Арбенин. Ваша трактовка мне нравится. Но вы упустили одно обстоятельство. Вы были сегодня только актером, вы забыли о судьбе спектакля. Вы затмили своим талантом других ваших коллег.

– Точно. Я все время ломал голову, в чем дело? Ты помог мне.

– Попробуйте на следующем спектакле сблизить Арбенина с Печориным. Тогда вы очень кстати используете ваших актеров, как бы они ни были бездарны.

Хасбулат взглядом поблагодарил Кирея, но постеснялся выразить словами свои чувства. А Караман, пользуясь их разговором, всю приударял за Лизой.

– Караман, ну брось же ты! – сказал Хасбулат сердито, но сердиться на Карамана невозможно. Хасбулат тут же улыбнулся и пошутил:

– Девушку-то привел я, а ты ухаживаешь за ней, хочешь увести от меня. Ой хитрец же ты!

Сидевший за соседним столом рыжеволосый огромный русский парень долго приглядывался к Хасбулату, потом засмеялся. Видно было, что он навеселе:

– Е-е-е, я вас узнал. Вы, конечно, Хасбулат, – сказал он, подходя к их столу.

– Да, узнали, – вынужден был ответить Хасбулат.

Рыжеволосый парень за три-четыре минуты успел пересказать всю свою биографию. Работал он шофером. Мог объясняться по-казахски. Три года работал на Сахалине. Отец у него был военным. Сам он женат и имеет двух детей.

– Хотя я и шофер, но люблю искусство, – продолжал он, – обожаю театр...

Он долго изливал свою душу. Наконец виновато улыбнулся и спросил Хасбулата:

– Товарищ Хасбулат, вы извините, конечно, – где вы купили ваши туфли?

Хасбулат объяснил ему, где купил туфли, и, подозвав официантку, рассчитался.

– Ну, Володя, до свиданья, – протянул он руку парню. Но тот почти уцепился за него.

– Нет, я вас не пущу. Выпейте со мной.

– Нет, нет, спасибо, старик, – отказался Хасбулат, обращаясь к этому доброму малому по-свойски. Парню чуждо было чувство юмора.

– Какой я старик? – обиделся он. – Мне всего 27 лет.

Кирей и Караман поехали домой. Хасбулат проводил Лизу в гостиницу. Они немного посидели в ее номере. Девушка была задумчива и грустна. Но к чему было Хасбулату расспрашивать о причине ее грусти? Поговорив с ней о том о сем, он с улыбкой сказал:

– Подстреленная птица – грусть моя.

Запрыталась, глухую боль тая...

Помнишь, это из Омара Хайяма?.. Ладно, я пошел. Спокойной ночи, желаю хорошо отдохнуть.

Возвращаться домой не хотелось. Он зашагал по ночному городу. Торопились редкие прохожие. И машины по редели. «Послушай, Нина, я смешон, конечно», – все повторял он. Вдруг он вспомнил о приглашении Ажихана. Было уже 11 часов. Он подумал, что опоздал. Ну что ж.

Посижу там полчаса или час, решил он и направился к дому Ажихана.

В доме Ажихана было многолюдно. Собрались его родственники, а их немало. Только в самой Алма-Ате жило семь-восемь семей близких родных. Многие из них занимали ответственные посты. Два младших брата Ажихана – один директор института, другой доктор наук – пришли вместе с женами. Племянник тоже занимал высокую должность где-то в министерстве. Хасбулата встретили очень приветливо.

– Устали, вас ожидая, – сказал Ажихан. – Хорошо, что пришли. Обиделись бы, если б не пришли.

Жена Ажихана, дородная брюнетка с раскосыми глазами, проговорив:

– Сейчас принесу прибор, – унеслась на кухню.

Было шумно и весело. Гости оживленно болтали, безобидно подшучивали над кем-то, все в этом доме выглядело благопристойно и вежливо.

– Взбесились эти китайцы, а!

– Что и говорить!

– Нет, это недопонимание. По-моему, мы враждуем со своим прошлым. А они со своим будущим.

– Вражда с прошлым – одно из условий прогресса, вражда с будущим по крайней мере преступна.

– Оставим эту политику. Что-нибудь да будет.

– Э, так говорить нельзя. Судьба мира тесно связана с судьбой каждого человека.

– А это правда, что Беке женится на той девушке?

– Правда.

– Боже мой, что делается с людьми!

– А что в том зазорного?

– Как что, стыдно даже говорить!..

– Мещанство. Кому какое дело до Беке?

– Как же так, молодые совсем разойдутся, увидев это. Плохой пример всегда действует.

– У молодых своя голова на плечах!

Неожиданно появился Караман. Улыбаясь во весь рот, перешучиваясь с хозяйкой, вылил стопочку водки и одну пиалу чая и, почувствовав, что пришелся не ко двору, вскоре ушел. Уходя, он посмотрел на Хасбулата и, криво усмехаясь, сказал:

– Вот так, Хас-ага. Вот так!

Слезы блестели сквозь его ресницы, стараясь скрыть их, он мигал и страдальчески морщился. Сердце у Хасбулата захолонуло. «Бедный, бедный!» – подумал он.

Хасбулат сидел как и все, вежливо разговаривая с соседями по столу. И вдруг он увидел уши Ажихана. Его удивило, что, близко зная Ажихана, он до сегодняшнего вечера не обращал внимания на его уши. А уши у него были и вправду странными, они, эти красные уши, приотпырившись, торчали по сторонам узкого лица Ажихана. Уши у его братьев и родственников тоже оттопыренно торчали. «Боже, боже», – подумал Хасбулат, усмехнулся и заторопился уйти.

Улицы опустели. Домой возвращаться не хотелось. Сев в пустой троллейбус, он поехал на вокзал. Зачем, он и сам не знал. В зале ожидания сидело около сорока человек. Все почти дремали. Некоторые валялись на диванах. Хасбулат сел на свободный диван. Низенький худощавый русский парень вместе с женой, очень похожей на него, и двумя детьми расположился на соседнем диване. Он удивленно и долго смотрел на Хасбулата. Неторопливо оглядев хороший костюм, остроносые туфли Хасбулата, спросил:

– Товарищ не будет у вас закурить?

– Нет.

Парень недоверчиво посмотрел на него и отвернулся. Вскоре, уронив голову на плечо и полуоткрыв рот, он заснул.

И эту ночь Хасбулат провел без сна. Он еще не знал, что в ту же ночь комик Караман умер от кровоизлияния в мозг. Сидевшие на вечеринке навеселе гости, увидев, как Караман с отяжелевшим взором, медленно сполз со стула, громко захохотали, схватившись за бока.

– Ну и хохмач!

– Ну и выдумщик!

– Смотрите, что он выкинул!..

Смеялись долго. Хохотали до упаду»

* * *

Сейфолла производил впечатление человека дальновидного и, бесспорно, энергичного. И хотя я ожидал от него всякой каверзы, но у меня и в мыслях не было, что он способен на такую пакость.

Была лунная ночь. Я далеко ушел по берегу озера. Из аула донеслись звуки аккордеона. Я понял, что приехали наши ребята, и, быстро повернувшись, пошел назад.

Перед домом Намета рядом с «Москвичом» Сейфоллы стоял «ГАЗ». Молодежь затеяла танцы на пяточке над обрывом. По пути к ним я зашел в дом птичника. Дома были Намет с женой и Сейфолла. Видимо, они вели какой-то секретный разговор, увидев меня, испуганно умолкли. Стараясь скрыть свою тревогу, Намет вскочил с места:

– Проходите. Долго же вы гуляли!..

Сейфолла усмехнулся и пошутил:

– Ты же говорил, что не боишься комсорга, Намеке. А сам сразу вскочил с места!..

Намет смутился и сразу же сел на пол.

В эту ночь одинокий дом птичника Намета наполнился веселым смехом и песнями. А мы, взрослые, полулежали

на кошмах, расстеленных перед дверью, ели мясо, пили сурпу и водку. Намет оказался очень забавным человеком. Захмелев, он взял в руки плоскую домбру, похожую на маленькую лопатку, и начал петь. Он знал наизусть множество эпосов и айтысов. Пел он с закрытыми глазами и склонив немного голову. Я раньше никогда не слышал эти народные поэмы. Особенно чудесна была поэма «Белый конь». Перед тем как начать петь, Намет долго откашливался и чистил горло, потом сказал:

– Видите вон тот холм на том берегу озера?

– Видим, – сказали мы.

– Если видите, то тот холм называется «Белым конем». А называется он так потому... – и он рассказал об одном случае из времен воинственных набегов между казахами и калмыками.

Казахские и калмыцкие ханы жили по соседству на одном джайляу. Тогда между ними царил мир. Ханы гостили друг у друга, обменивались подарками. Многие казахи и калмыки породнились между собой. В один прекрасный день жена казахского хана влюбилась в калмыцкого хана и, сев на любимого скакуна своего мужа Акбозата, сбежала к калмыкам. Однако калмыцкий хан, считая дружбу выше женской любви, стал уговаривать женщину возвратиться к мужу. Но она не захотела возвращаться. Тогда калмыцкий хан послал к своему другу слугу, чтобы сообщить о том, что он верен дружбе и не виноват в случившемся и что хан может взять свою неверную жену. Услышав это, хан казахов ответил: «Больше жизни любил я свою жену и белого скакуна. Жена предала меня, но я знаю, что конь мой будет мне всегда верен. Пусть друг мой возвратит мне белого скакуна». Калмыцкий хан возвратил коня.

Намет удивил меня. Я не смог сдержать своего восхищения и поцеловал его в лоб. Он покраснел. Потрещав

еще немного на домбре, он пододвинул к себе бутылку, налил полный стакан водки и выпил. Опять прикрыл глаза и уронил голову на грудь, наверно, хотел спеть еще что-нибудь, но жена, видимо, хорошо знавшая его характер и привычки, насупилась и зло зашипела:

– Вот так всегда! Сейчас свалится! Или начнет придирается ко мне. Как споет про белого коня, так сразу теряет рассудок.

И вправду Намет спустя некоторое время упал на правый бок.

– Это же чудесно! – воскликнул я. – Ученые совсем не знают об этой поэме! Запишу-ка я ее завтра!..

Но Сейфолла насмешливо посмотрел на меня,

– Если Намеке завтра будет в уме!

Я обалдело уставился на Сейфоллу.

– Теперь уж Намеке наверняка запьет на целую неделю, – объяснил он мне.

Ребята сидели на берегу озера и пели песни. Я направился к ним. Мы долго сидели на берегу и любовались озером, залитым лунным светом. Несколько раз спели песню «Влюбленные», очень любимую мной. Потом танцевали. Сахан, бывший под мухой, подолгу глядел на луну из бинокля Намета и кричал:

– Ой, это очень интересно! Смотрите, как чудесно!..

Сейфолла и хозяйка зачем-то сидели дома,

Я танцевал с Таной. Тана шепнула мне:

– Агай, вы видели хозяйку?

– Видел.

Тана усмехнулась.

– Она моя тетья. Зовут ее Сара. Тихоня, а сама... Ненавижу ее! Как будто мы отобрали их место, не стала даже разговаривать. «Как приехали, так она сразу набросилась на меня: «Как же ты будешь жить среди джигитов одна?

Не нашла другой работы, кроме птичьей фермы?» А я рассмееялась и ушла.

Я промолчал. Не нашелся, что сказать. «Тана, Таночка!» – повторял я про себя. Пушкин играл мотив «Влюбленных». Простор степей, озеро, таинственно мерцающие под лунным светом, нежная песня наполняла мою душу какой-то сладкой грустью. Я позабыл о Саре, о Намете, о Сейфолле, обо всех. Только она одна, Тана, существовала сейчас для меня. И казалось мне, что мы не танцуем, а плывем над землей. «Тана, Таночка!» – повторял я.

– Что я тебе говорю! – услышал я вдруг сварливый визг. Мы остановились. Около нас стояла Сара. Умолк и аккордеон.

– Что я тебе сказала! – опять завизжала Сара.

Я переспросил:

– Это вы мне?

– Нет, какое дело мне до вас! Вы мужчина. Если найдется глупая женщина, никакой мужчина не откажется, я знаю!

– Ой, что вы говорите?

– Я говорю вот этой своей племяннице. Хватит тебе кокетничать. Одна среди мужчин. Иди домой.

Тана смутилась. Она, видимо, не ожидала такой выходки от своей тети.

– Ой, что вы говорите? – прошептала она, но Сара схватила ее за руку.

– Узнаешь, что я говорю. Пойдем домой.

Все мы совсем растерялись и обалдело посмотрели друг на друга.

– Странная баба.

– По виду тихоня.

– В тихом омуте черти водятся.

– Не верит, что ли, нам?

Сразу же из дому слышались возня и крики. Все мы побежали туда. Весь дом был перевернут вверх дном.

– Блудница! Безбожница! Так ты осрамишь нас перед людьми! – кричала Сара.

Я даже не узнал ее. Посиневшая от ярости, с вытянутой головой, она напоминала змею. Глаза вылезли из орбит. Она как хищная птица ринулась на Тану с растопыренными руками. Тана сидела на кровати, Сара схватила ее за волосы.

– Чем опозориться перед людьми, убью своими руками такую паскуду. Бесстыдная тварь! Безбожная дура. Проклятая блудница! – кричала она, брызгая слюной.

Сейфолла даже не думал разнимать.

– Ой, смотрите-ка на них, ой, смотрите! – пугливо восклицал он.

Сара потащила племянницу за волосы до порога и, изо всех сил рванув на себя, свалила на землю. Я схватил Сару поперек туловища и выкинул через открытое окно на двор.

– Какая вы зверюга! – мог я только выговорить и побежал куда глаза глядят. Я бежал долго. Потом, обессилев, упал на маленький бугорок. Ярость душила меня, и я зарыдал.

Холодное небо будто покрыто льдом. Издевательски моргая, смотрели на меня звезды.

В эту ночь я горько и безутешно оплакивал свою погибшую любовь.

К утру я вернулся в дом Намета. Как будто ничего не случилось, перед домом на земле были расстелены рядами постели. Все спали. Тана, обняв подушку и съезжившись, лежала около своей тетюшки. Казалось, что это не та Тана, жизнерадостная, а какая-то чужая, незнакомая девушка, самая обыкновенная, каких много.

Я открыл дверцу кабины «ГАЗ» и снова захлопнул. Сейфолла проснулся.

– Ой, где же ты бродишь?

Словно ничего не случилось, он улыбался глядя на меня. Один за другим проснулись и остальные. Одеваясь и умываясь, перекидывались шутками. Сара зажгла огонь и начала подогрывать мясо, оставшееся от ужина. Тана помогла ей. Словно ничего не случилось! Намет вышел из кабины «Москвича», где он спал. Я подошел к нему.

– Есть у вас ружье?

– Есть, висит на стене...

Я вскинул ружье на плечо. В патронташе было пять-шесть патронов, я разложил их по карманам.

Сейфолла стоял за домом на бугре, всматриваясь в синевшие дали вершины Джунгарского Ала-Тау, и глубоко-мысленно молчал.

– Там, на том берегу озера, я подметил стаю диких уток. Пойдем постреляем, пока вскипятят чай? – предложил я ему.

Сейфолла оглянулся на меня и побледнел. Потом засмеялся:

– Сходил бы ты сам!

– Пойдем, пойдем, – сказал я, улыбаясь.

Сейфолла молча последовал за мной. Мы не сказали друг другу ни слова, пока не дошли до того берега озера.

– Птицы, наверно, садятся здесь.

Я остановился и снял с плеча ружье. Сейфолла тоже остановился. Он подозрительно посмотрел на меня и опять побледнел.

– Что это с вами? – спросил я, улыбаясь.

– А что с тобой? Вид у тебя нехороший! – сказал Сейфолла.

Я вновь улыбался и, отойдя в сторону, наставил на него ружье. Глаза у Сейфоллы округлились.

– Брось, парень. Не играй с ружьем. А то ненароком застрелишь!

– Мне это и нужно!

– Не шути.

– Я не шучу, Саке!

– Ты что, ребенок?

– А вы будто ничего не знаете?..

– Что я знаю?

– Вчерашняя пакость – дело ваших рук.

– Какая пакость?

– А зачем вы натравили на Тану ее тетю?

– Какая выгода мне от этого?

– Знаю я вас. Вы хотите, чтобы ребята не остались тут. Здесь выгодно Намету. И вам выгодно. Так, что ли?

– Брось, дорогой, так не шутят.

– Ах, вы думаете, что это шутки? – Я взвел курок ружья. – Вы считаете это шуткой!

Наверное, я был страшен. У Сейфоллы задрожали ноги, и он опустил на колени.

Я не слышал своего голоса. Но, видимо, сказал нечто подобное:

– Твоя смерть в моих руках.

Сейфолла, видимо, умолял меня. Я только видел слезы, покотившиеся из его глаз.

– Если так, – сказал я наконец, – поклянись, что не будешь чинить препятствий ребятам!

Сейфолла торопливо повторял за мной мои слова, только вижу, как шевелятся у него губы и слезы текут по лицу.

– Ну тогда вставай, – сказал я. – Пойдем!

Мы пошли. Сейфолла молчал. Я спустился к озеру и помылся. Мы шли рядом. Я не мог смотреть на него. Мне было жалко его. Сейчас он был очень жалким. Я не мог смотреть на униженный вид этого гордого человека.

Возвратились в дом Намета. словно ничего не случилось. В полном молчании напились чаю. К полудню мы сели в «Москвич» Сейфоллы и попрощались с ребятами и хозяевами.

– Ну, ребята, счастливо оставаться! А вы, Намет и Сара, скорее переезжайте в аул! – сказали мы и уехали.

За всю дорогу мы не обмолвились ни словом. Я видел только красную жирную шею Сейфоллы. Интересно, о чем он думал? Он здорово испугался. Целый год мы были с ним на рогах, наверно и дальше будет так. Если я знаю, Сейфолла подаст на меня жалобу, скажет, что я пугал его, пытался застрелить. Сейчас, наверно, думает поскорее добраться до райкома, заявиться первым.

Ну что ж, посмотрим. Борьба. Жизнь. Вся она впереди.

* * *

Эти, не связанные друг с другом, события произошли в один и тот же день. Назавтра все газеты и радио с ликованием известили мир о групповом полете в космос советских людей.

Кружись, айналайн, Земля моя!

Как никто,

я сегодня тебя понимаю,

все болезни твои

на себя принимаю,

Кружись, айналайн, Земля моя!

МУСТАФА ШОКАЙ

*Литературный сценарий двухсерийного
художественного фильма*

Фильм первый

ГНЕВ

Пролог

Вопреки «твердой» логике пролог «просится» необычный.

1907 год. Сибирь. Туруханский край.

Черной бородавкой приютилась маленькая почерневшая деревушка у высокой красной скалы.

Скала Кызыл-жар – на берегу широчайшей реки Енисей.

Почерневшая избушка. Снаружи. **Изнутри.**

Стоит человек, закрывая своим массивным телом узкое окно.

Холеное, бородатое лицо.

В больших, навывкате глазах – адский испуг.

Снаружи: к избушке подъезжают (на низкорослых якутских конях) двое в тулупе, лисьих ушанках (тулкі тымақ).

Внутри избы: холеная, массивная туша лихорадочно отошла от окна. Из-под железной кровати вытащила двустволку. Забилась в угол.

От страха затанцевало ружье в руках. Ужас в глазах.

В дверь осторожно постучали.

Массивная холеная туша направила танцующие стволы в сторону двери.

Стук стал настойчивым. Требовательным.

Дверь, как будто сама по себе, медленно открылась.

Показались добротные сапоги до голенищ (саптама етік).

Раздался выстрел. Пуля впиалась в гнилое потолочное бревно.

Двое рослых мужчин кинулись вперед.

– Что с вами, Александр Иванович?!

– Это же мы!

Раздался второй выстрел.

Двое рослых мужчин скрутили холеную массивную тушу.

– Саша! Это мы, свои!

Тот, которого называли Александром Ивановичем, застреленно стонал. У него отняли двустволку.

Еле усадили на железную кровать.

Александр Иванович, видимо, ничего не соображал. Теперь он сидит, уставившись в одну точку.

– Александр Иванович! Я же Колосов. Партийная кличка – Колесо!

– А я Петлин. Фельдшер.

Александр Иванович не шелохнулся.

– Глубокий у него кризис... – заключил Петлин, посмотрев в застывшие, неестественно расширенные зрачки очень аккуратно выбритого интеллигентного вида больного.

– Александр Иванович! Успокойтесь. Это мы. Ваши товарищи...

– Вам не к лицу это... Вы же профессиональный революционер! Ай-ай-ай! Как Вам...

Крупные капли пота выступили на лбу у Александра Ивановича.

В глазах появились признаки жизни.

За этим наблюдал Петлин.

– Слава богу! – заключил фельдшер. – Возвращается... разум...

Александр Иванович, наконец, глубоко вздрогнул.

– Ох! Я-то вас принял за этих... За киргиз... Что же вы так одеты?

– Конспирация!.. – ответил Колесо и спокойно улыбнулся. – Мы к вам с партийным поручением, Александр Иванович!

* * *

1910 год. Ташкент. Мужская гимназия (надо найти это здание, отснять снаружи, точно воссоздать зал торжеств).

Выпускники 11-го класса в красивых формах стоят в ожидании команды «смирно!».

Пышно, порой до несуразности, богато одетые родители.

Пугливым косяком отделились преподаватели – очень интеллигентная группа.

Застыли оркестранты.

Зал переполнен тихим шепотом и напряженным ожиданием.

Начальник гимназии Эммануил Генрихович Доррер и народный инспектор Александр Иванович Зеленский (Узнали? Хорошо.), как-то бесшумно двигаясь, обошли все группы. Старались ободрить волнующихся гимнази-

стов, их родителей, и, разумеется, перепуганных преподавателей.

...Доррер и Зеленский направились к выпускникам.

В общем строю, но каким-то образом обособившись, стояли Мустафа Чокай (он единственный азиат, выглядел очень моложаво) и Вадим Чайкин.

Доррер подал руку Мустафе.

– Ну вот наше золото! – подчеркнуто официально улыбнулся он. – Ну как, волнуемся? – не дожидаясь ответа, продолжал: – Потерпи еще чуть-чуть... и ты студент Его Величества Императорского Санкт-Петербургского университета!

Зеленский нахмурился. Сделал вид, что ничего не замечает. Он тоже подчеркнуто вежливо пожал руку выпускнику Беляеву:

– У вас, кажется, серебро? Или золото?

Этот провокационный вопрос мгновенно достиг своей цели: мать Беляева, очень дородная белокурая женщина, и отец, худой, усатый, моментально вспыхнули.

– Представляете какая несправедливость! – запричитала мать Беляева. – Отдать предпочтение какому-то ки... ки... кир... киргизу!..

Она осеклась, заметив приближающегося к ним Доррера.

Доррер машинально поздоровался с родителями Беляева и, посмотрев на карманные часы, тихо сказал Зеленскому:

– Нам пора... встречать.

У подъезда к зданию мужской гимназии. (Может быть, это здание похоже на единственно сохранившееся здание мужской гимназии по улице Казбек би? Это вопрос к будущему художнику будущего фильма! – А. Т.)

Доррер и Зеленский ждут высокого гостя.

Наконец подъехал (очень торжественно!) генерал-губернатор Туркестанского края Самсонов. (Генерал Самсонов – реальное лицо. Надо подробнее о нем собрать материал. – А. Т.)

Доррер и Зеленский кинулись навстречу. Особую прыткость показал Зеленский, что, естественно, не осталось незамеченным свитой генерала.

В кабинете начальника мужской гимназии.

Свита свилась в стороне.

Золотисто-блестящие стройные молодые офицеры.

Гордо-почтенно-настороженно вытянутые шеи.

Свита своим видом напоминала пугливо скученную стаю оленей. (Это во мне заговорил прозаик! – А. Т.)

Сухощавый, бодрый генерал Самсонов соизволил пошутить.

– Ну, кого мы и как будем... потчевать?

Доррер учтиво, но с большим достоинством приблизился к генералу.

– Вот... – сказал он и показал Самсонову два диплома в золотой и серебряной корках, – золотая медаль – выпускнику Чокаеву Мустафе, серебряная – Беляеву Алексею Игнатьевичу...

Генерал еле заметно нахмурился:

– Однако, господин Доррер, вы должны были согласовать...

– Последний экзамен состоялся сегодня... К тому же в Уставах гимназии... предусмотрена полная автономность...

Генерал Самсонов еще не успел разозлиться. Он странно посмотрел на Доррера, еле слышно прошептал:

– Автономность... – потом с затаенным сарказмом процедил: – Уставы составляются умными людьми в расчете на умных толкователей! – Полагая, что он про-

изнес нечто весьма остроумное, сам заразительно рассмеялся.

Тревожно-чутко застывшая свита, не слыша речи и не ведая о сути разговора, заученно учтиво заулыбалась.

– Однако... – заключил генерал тоном, не допускающим возражений, – золотая медаль должна принадлежать верноподданному Его Императорского Величества!

– В Туркестанском крае живут десять с половиной миллионов подданных Его Императорского Величества! – почти грубо огрызнулся Доррер.

– Вот именно! – подчеркнул генерал. – **Подданных!** А золото все же должно принадлежать **верно(!) подданному!**

Большая зала (в то время писали так) мужской гимназии.

Заиграл оркестр.

Застыли в ожидании выпускники.

Их родители.

Преподаватели.

Свита.

Доррер.

Зеленский.

Чокаев Мустафа.

Беляев Алексей.

Чайкин Вадим.

Оркестр умолк. В тревожной тишине зычно, но с оттенком искренней обиды прозвучал властный голос генерала Самсонова:

– Таким образом, господа, золотой медали с зачислением в юридический факультет Его Императорского Величества Санкт-Петербургского университета удостоен выпускник... Беляев Алексей Игнатьевич!

Такого удара Зал явно не ожидал.

У всех преподавателей в глазах застыл страх.

У выпускников в глазах – смятение.

Родители заметно зашевелились.

Грузная дама Беляева беззвучно осела, как снежная баба, внезапно оказавшаяся под жарким азиатским солнцем. (Опять «проснулся» прозаик! – А. Т.)

– ...И серебряной медали удостоен выпускник Чокаев Мус... Мустафа с правом зачисления...

В этот момент из строя выпускников вперед выдвинулся Мустафа и четко, твердо произнес:

– Ваше Высочество! Я весьма счастлив отказаться от серебряной медали!

Это заявление взорвало напряженную тишину.

– Дурак! – сквозь зубы буркнул Зеленский. – Этим заявлением он... не только себя, но и Беляева лишает Права получить золотую медаль... По Уставу так...

– Уставы составляются умными людьми, но глупые толкуют их по своему! – огрызнулся Доррер.

Замешательство в рядах выпускников. Огненно-рыжий Вадим Чайкин крикнул:

– Золото – Мустафе!

Мгновенно этот клич подхватили многие.

– Золото – Мустафе!

Самсонов не на шутку растерялся. Вопросительно-угрожающе посмотрел на Доррера и Зеленского.

Зеленский, подобострастно посмотрев в глаза Самсонова, зычно заорал в зал:

– Как вам не стыдно, господа! В присутствии Его Высочества...

– Ты молчи, большевик Зеленский! Мы тебя знаем!

Чей-то ехидный бас заставил Зеленского затушеваться.

– Что за люди, а?! Что за люди, а?! – под нос бормотал он.

Генерал Самсонов сквозь зубы огрызнулся на Доррера.
– Не гимназия, а очаг революции!

Он принял единственно верное решение. Увидев предупредительно приложенные к кобуре руки своих адъютантов, он как можно мягче скомандовал:

– На этом торжества закончены... Нам пора, господа!..

Высокое начальство направилось к выходу, еле скрывая охвативший страх.

* * *

1912 год. Осень. Санкт-Петербург. По узким улицам прошли демонстранты.

Демонстранты несли лозунг: «Водрузим священный крест над Ая Софией!».

Странная толпа вышла на широкую площадь перед Санкт-Петербургским университетом.

Тут на них обрушились студенты (интернациональная группа из кавказцев, среднеазиатов, но большинство – русские).

Студенты несли транспарант «Россия! Сохрани нейтралитет!», «Балканская война – позор Европы!».

Бежит Мустафа.

За ним джигит.

– Ей, Мустафа! Остановись! Я ищу тебя! Ей, Мустафа!

Студенты смешались с толпой анархистов. Потасовка.

Кто-то вырвал из рук двух бородатых плакат «Водрузим священный крест над Ая Софией!».

Завязалась драка.

Мустафа оттащил Вадима Чайкина в сторону.

– Ищейкам только этого и нужно! Вон они!

На тротуаре двое полицейских в штатском. Ждут «момента».

– Пошли, Вадим, пошли!

– Мне жалко турок! – не может отдышаться Вадим. – Империалисты хотят уничтожить Турцию!

Тут их настиг тот джигит, явно одетый «по-аульному».

– Мустафа! Я ищу тебя!

Мустафа остановился.

– Я твой земляк. Отеген Садыков. Я тебе телеграмму отправлял...

– Телеграмму? Какую телеграмму? Когда?

– Десять дней назад. Чтобы ты встретил меня на вокзале.

Чайкин с большим удовольствием, широко улыбаясь, явно хвастаясь, «ввернул» по-узбекски:

– Хуш келибсиз!

* * *

Санкт-Петербург. У ограды посольства Турции Мустафа и Отеген объясняют полицейскому что-то...

* * *

Роскошный кабинет посла Турции. Мустафа и Отеген ждут. Отеген в восторге от увиденного. Мустафа шепнул:

– Не выдавай свое удивление. Не забывай, что мы представляем страну казахов!

Вышел к ним посол.

Мустафа заговорил по-турецки.

Смысл его речи примерно таков: «Мы – представители Туркестанского края. Я студент третьего курса юридического факультета Его Императорского Величества Санкт-Петербургского университета. Мой товарищ Отеген Садык улы – казах Семиреченской области Туркестанского края. Мы сочувствуем нашим кровным братьям туркам Анатолии. Считаю несправедливой войну, развязанную

европейскими империалистическими странами. Поэтому мой земляк Отеген Садык улы собрал пожертвования в помощь раненым солдатам. Золотые изделия весом около пяти килограммов, господин посол Турхан-бей! Примите от нас этот знак нашего сочувствия страдающему народу Турции!

Отеген от себя добавил:

– Это только от жителей нескольких аулов... По возвращении я снова намерен собрать.

Отеген передал красочный, но изношенный корджун господину послу.

Господин посол осторожно высыпал на стол золотые изделия из корджуна и тщательно, неторопливо осмотрел их, как будто Отеген был должен ему столько драгоценностей и теперь возвращает их Турхан-бею.

И тут совершенно неожиданно Турхан-бей обнял Мустафу и Отегена, обнял и истерично заплакал!

Мустафа был слегка шокирован слезами посла. Отеген мужественно сдерживал невольное рыдание (от радости, от сознания благополучно законченного благородного поступка!).

...Потом они пили чай.

...Потом посол у дверей кабинета (приемного зала) провожал юных пантюркистов.

...Стоя у дверей, после очередной обнимки, посол спросил Отегена:

– Из какого юрта... вы сказали?

Сперва Отеген не понял вопрос посла. Посмотрел на Мустафу. Посол повторил свой вопрос.

– Вы назвали юрт, откуда вы приехали... собрали... эти драгоценности?

– А-а-а! – догадался Отеген. – Наш род живет у подножия горы Казыкурт...

Посол учтиво поднял брови и с мягким, присущим азиатским туркам, акцентом по-русски повторил:

– Казак юрт? Казак юрт! Из каких казаков вы будете? Из донских казаков или запорожских?

Суть вопроса посла Отеген не понял, он опередил ответ Мустафы.

– Дулат казак из-под Ташкента! – с гордостью произнес он.

Турхан-бей выразил немое восхищение.

– Дулат казак из-под Ташкента! – повторил Турхан-бей.

...Уже на улице до сознания Отегена дошел смысл вопроса посла.

Он остановился. И, убитый таким неожиданным поворотом, заключил:

– Этот турок принял нас за русских казаков. Как это так, Мустафа? Неужели он не знает о существовании нашего народа?

Мустафа был не менее удручен случившимся. Но он все же попытался объяснить степняку-ровеснику:

– Благодаря царской «милости» нас теперь все называют киргизами... или татарами... Наш народ лишен своего имени!

* * *

1916 год. Октябрь. Ташкент.

Особняк генерала Еникеева.

В доме суматоха. Отставной генерал, его жена, старший сын, Александр, и дочь, Лиза. Здесь зритель в первый раз увидит Марию Яковлевну Горину. Она подруга Лизоньки Еникеевой. (Этот эпизод детально разработается позже.)

...Все торжественно одеты. У всех приподнятое настроение. Настроение ожидания высоких гостей.

...Генерал Енекеев, видимо, имел свои счеты с генералом Ликушиным. Он все повторял (то сыну, то дочери, то жене, то Марии Гориной):

– Представляю какой бледный вид будет иметь генерал Ликушин! Этот палач кочевых туземцев! (жене)

– Представляю какой бледный вид будет иметь генерал Ликушин, изверг, сровнявший с землей город Джизак! (сыну)

– Представляю, как струсит генерал Ликушин, этот антихрист, проливший кровь тысяч и тысяч ни в чем не повинных туземцев! (дочери)

– Не иначе как Думская комиссия поставит вопрос об разжаловании генерал-лейтенанта Ликушина и генерал-лейтенанта Лаврентьева, этих живодеров, угробивших сотни аулов и кишлаков казахов, киргизов, узбеков и туркмен! (Марии Гориной)

* * *

Жене генерала, детям и Марии не до этих слов. Им не до «бледных видов» каких-то генералов, им не до трагической судьбы каких-то туземцев. Они заняты догадками: какими предстанут перед ними гости, которые вот-вот должны приехать к ним с визитом вежливости.

Александр скажет:

– Керенский Александр Федорович – это фигура в российской политической жизни!

Отец добавит:

– А каков господин Тевкелев Кутлуг-Мухамед! Председатель Мусульманской фракции Государственной Думы!

Лиза Еникеева скажет:

– А наш Чокаев?! Сашкин одноклассник?! Такая головокружительная карьера!

Мария Горина спросит:

– А каков он из себя?

На что получит сокрушительный удар от Лизы:
 – Не забывай, Машенька, что ты замужня... дама!..
 Сказанные в шутку слова сильно поразят Марию Горину.

* * *

Кортеж из автомобилей подъехал к особняку генерала Еникеева. (Эпизод будет детально разработан.)

Керенский.

Тевкелев.

Мустафа Чокаев.

Их сопровождал адъютант генерал-губернатора Куропаткина.

* * *

Встреча гостей. (Будет разработан.)

* * *

Обед у Еникеевых. (Будет детализирован.)

* * *

После сытного обеда молодые вышли гулять в семейный сад Еникеевых. Александр Еникеев держал Мустафу за руки.

Мустафа был элегантен. Весь в белом. Франт.

Лиза так и скажет:

– Какой ты франт, Мустафа!

– Одним словом – Петербург! – по-своему объяснит Саша Еникеев.

– Значит, служишь у... – в другое русло перевел разговор Мустафа, он не любит, когда о нем говорят в его присутствии...

– Да! – с гордостью и с каким-то отвратительным наслаждением подтвердит Саша Еникеев. – В канцелярии

Его Высочества Куропаткина, Александра Николаевича, генерал-губернатора Туркестанского края!

– Ах! – перебьет их диалог Лиза.

– Я тебе не представила Машу! Познакомьтесь, Мустафа! Это моя лучшая и, пожалуй, единственная подруга – Мария Яковлевна Горина...

* * *

Мария Яковлевна Горина была, как говорили в те года, чертовски красива. Мустафа, кажется, только теперь обратил внимание на нее. Он изумленно остановился. Долго, до неприличия, смотрел на молодую даму.

Слышатся слова Лизы:

– Она у нас певица...

Мустафа странно покачал головой и, как во сне, гулким голосом сказал:

– Странно...

– Что странного-то? (Это Лиза.)

– Странно... Ее тоже зовут Мария...

– Кого это «ее»?

– Вы обе так похожи друг на друга... (Это он, Мустафа, обращаясь к Марии Гориной.)

– О ком речь, Мусик? (Это, конечно, Лиза.)

...

– Ты обворожен, Мусик! – Лиза звонко смеется, шаловливо дразнит «остолбеневших» Мустафу и Марию. – Саша, смотри, кажется, мы стали свидетелями мгновенно зародившейся любви с первого взгляда! Ты заметил, Саша? – теперь она обратилась к брату.

Брат Саша ни на минуту не забывал, что он служащий канцелярии Его Высочества генерал-губернатора Туркестанского края. Он очень серьезно, в стиле девятнадцатого века, отпарировал:

– Полноте, Лизавета Алексеевна! Извольте шутить?!

– ...Моя невеста Мария Лапина и вы, Мария Яковлевна... – как будто еще находясь в сомнамбулическом состоянии, продолжал Мустафа. – Вы так похожи!

– Так у тебя есть невеста? Вы помолвлены? – игриво вмешалась Лиза. – Ну, Мустафа, Мустафа!!!

– Да... Невеста... Была...

– Что значит «была»?

– Была... – с юношеской непосредственностью признался Мустафа. – Была. Ее отец отказал мне...

– Та...ко...му жениху?! Отказать?! Как можно?! (Это, разумеется, Лиза.)

– Отказал! – мужественно признался Мустафа. – С ее отцом мы оказались по разные стороны политического барьера...

Марии Гориной очень понравились искренность и непосредственность молодого человека.

* * *

Резкий монтажный переход. 1916 год. Ноябрь. Ак-мечеть. Вывеска на вокзале «Перовск».

Старый азиатский город. На тарантасе (местное такси того времени) подъехал Мустафа к мечети. Белая пыль, поднятая тарантасом, медленно оседала как белый туман!.. (Снова, кажется, проснулся прозаик?! – А. Т.)

Внушительного вида европейское здание. Вывеска «Почтамт Сырдарьинской области».

У почтамта выстроились солдаты местного гарнизона.

Малочисленный духовой оркестр. Застыл в ожидании взмаха палочки грозного, но смешного своей напускной серьезностью местного дирижера.

Из парадной двери вышел Зеленский. (Да, да! Тот самый Зеленский!)

Зеленский махнул рукой.

Грозного вида дирижер расплылся от удовольствия. Махнул «волшебной» палочкой. Загремел (в буквальном смысле!) военный марш.

Из торжественного выхода показалась группа людей: архиерей, местные купцы, учащиеся гимназии и русско-туземной школы. Они несли два портрета (метров по три высоты!): портрет царя Николая Второго и... портрет генерала Самсонова!

...Мечеть. Изнутри. Торжественно и чинно застыла местная знать: несколько человек в белых чалмах, муллы, купцы, толмачи; из знатных интеллигентов: Сералы Лапин, адвокат из Петербурга, очень опрятно по-европейски одетый Ералы Касымов и дородный, сытый, лоснящийся переводчик Кусан Ибрагимов.

Обособленно стоят учителя гимназии и русско-туземной школы. Среди них – пожилой Владимир Петрович Наливкин.

Вошел Мустафа. С особым почтением к нему кинулся Владимир Петрович Наливкин:

– Ученик мой, балам! Сынок! – говорил он, обнимая.

Правую ладонь Мустафа приложил к сердцу, чуть заметно согнул колени, как-то грациозно склонил голову.

– Учитель!

Учителя гимназии счастливо засияли.

– Мустафа!

– Мустафа!

– Каков стал!

Брезгливо нахмурился Кусан Ибрагимов. Он шепнул на ухо Лапину:

– Откуда взялся этот шайтан?

– Ты это зря! – добродушно парировал Лапин (подчеркнуто интеллигентный, одетый с иголочки). – Он мне чуть-чуть не стал зятем...

– Вот именно «чуть-чуть!» Кто чуть-чуть не стал, тот никогда не станет! – скаламбурил лоснящийся Кусан. (На пальцах правой руки – три массивных золотых кольца!)

«Как вульгарная проститутка!» – успел подумать Мустафа.

В мечеть «ввалилась» толпа, которую мы видели у почтамта: архиерей, три муллы в чалмах, учащиеся гимназии и русско-туземной школы.

Купцы.

Железнодорожники.

Просто мещане.

Просто беднота.

Просто нищие.

Просто убогие.

Брезгливо нахмурился Кусан Ибрагимов: теперь он с ненавистью смотрел на разношерстную толпу, невольно вытеснившую местную интеллигенцию в угол.

В мечеть вошли оркестранты. Торопливо «устроились» у входа. Приготовились.

Дирижер своим видом напоминал старую клячу, услышавшую далекий звук походного марша. (Стоп, прозаик! Не забывай, что ты пишешь сценарий кинофильма! – А. Т.)

Широкая деревянная резная дверь мечети настезь открыта. Дирижер чутко уловил чью-то команду снаружи. Счастливо взмахнув остатками бывшей шевелюры, он рассек «волшебной» палочкой высокий купол святилища.

Оркестранты быстро вошли в раж...

К мечети подошло торжественное шествие во главе с Зеленским.

Шествие несло... таких высоких идолов...

Но глава шествия не учел, что проем двери мечети на несколько сантиметров ниже высоты портретов.

Получился конфуз.

Пришлось самодержцу и его генералу наклонить святейшее чело.

Толпа застыла в ужасе...

– Это плохое знамение... – шепнула какая-то убогая старушка и перекрестилась.

Шествие вошло в мечеть.

Шествие дошло до минбера.

Зеленский выглядел победившим петухом.

Несколько дюжих мужиков ловкими движениями повесили на уже готовые большие гвозди оба портрета.

В глазах людей ужас.

– Это кощунство, господа! – гулко крикнул Владимир Петрович Наливкин. – Постыдились бы!

Зеленский такого не ждал.

Толпа молчала в нерешительности.

– Ценою тысяч жизней подавили народное восстание. Теперь хотите снова спровоцировать местное население на бунт!

Зеленский стоял как вкопанный.

– Хватит!

– Побойтесь бога!

– Бог-то на всех один!

Зеленский готов был бежать. Но последний крик вывел его из шокового состояния. Он не свойственным ему петушиным голосом неуверенно прохрипел:

– Вот именно! Бог на всех – Один! Вот именно... бог на всех – Один... – Он собрался с мыслями. Сумел сосредоточиться. Понял, что теперь ему **надо**, и самое главное, снова **надо взять бразды правления в свои руки**.

– Господа! – уверенным басом он попытался подавить волю разношерстной толпы.

– Господа! Слово предоставляется... – Он что-то вспомнил, осекся, потом продолжил: – Наше высокое собрание

почтил своим присутствием весьма уважаемый известный адвокат из Санкт-Петербурга, господин Лапин! Поприветствуем господина Лапина!

Раздались жиденские аплодисменты.

Один Кусан Ибрагимов не жалел ладоней своих.

Наливкин чувствовал себя на седьмом небе, он, с гордостью посмотрев на своего ученика, стройного, весь в белом, зычным голосом наполнил купол мечети:

– Здесь присутствует кандидат в депутаты Государственной Думы от Казанской губернии и Сырдарьинской области господин Чокаев Мустафа!

Аплодисменты были не очень «густы», но от души старались, не жалея своих ладоней, Ералы Касымов, сам Наливкин и учителя городских школ и гимназий.

Зеленскому не откажешь в чутье, он живо посмотрел в сторону Мустафы и, стараясь, чтобы Лапин не заметил, успел-таки заискивающе улыбнуться другому гостю из Санкт-Петербурга.

– Слово имеет почтенный гражданин города Перовска, чиновник по особым поручениям канцелярии Его Высочества генерал-губернатора Туркестанского края господин Ибрагимов. (Это, конечно, Зеленский.)

Ибрагимов не торопился, он, важно озираясь по сторонам, надел на один глаз пенсне, вытащил из кармана заготовленную бумагу и с важным видом начал читать записанную речь.

– Господа! Здесь очень уместно и умно... – соизволил заметить Его Высокоблагородие начальник почтамта и телеграфа области господин Зеленский...

– У меня к Вам вопрос, господин Зеленский! (Это Мустафа. Он бывает особенно красив, когда его «посещает» вдохновение.)

Зеленский насторожился. Украдкой успел посмотреть на усатого урядника и подтянутого командира Перовско-

го гарнизона капитана Шиковского. Те тоже успели малозаметным кивком дать знак, что значил: «мы начеку!».

– А вам известно, господин Зеленский, что генерал Самсонов, портретом которого вы осквернили священную мусульманскую мечеть, оказался бездарнейшим военачальником и он угробил полумиллионную русскую армию в Восточной Пруссии?! (Это, конечно, Мустафа.)

Зеленский получил неожиданный удар. Его, тщательно скрываемая трусливая натура на этот раз подвела.

Вот-вот сорвется. Глаза начали расширяться. Зрочки начали стекленеть.

Но положение спас красноносый урядник. (Ну почему все урядники красноносые?! Шучу. – А. Т.)

Он перемигнулся с молодым капитаном Шикавским, и они под звук духового оркестра ввели солдат и полицейских в мечеть. Те мужественно рассекли толпу и в два ряда стали лицом к народу.

Обычно тихого и смиренного Наливкина это взбесило. Его уверенный голос был страшнее злоеце блестевших штыков солдатских винтовок.

– Мы не дадим в обиду наших братьев-мусульман! Требуем немедленно снять со стен и вынести из мечети ваших малеванных божков!

Зеленский был готов на самое худшее!

– В ружье! – скомандовал он, вероятнее всего, не осознавая свои действия.

Солдаты нехотя зашевелились.

Просто купчихи и просто мещанки заохали. Из среды учащихся женской гимназии кто-то истерично взвизгнул.

– Отставить! – властный голос заставил некоторых дам вздрогнуть.

В проеме открытой двери стоял молодой майор. Мустафа узнал своего друга Вадима Чайкина.

– Ну, эсер, – добродушно заулыбался Мустафа, – эсер есть эсер! (Есер – слово казахское.)

– Господа! Мы окружены джигитами Оспан-батыра! (Это Вадим.)

Он переждал переполох, созданный его же сообщением!

– Господа! Вы знаете Оспан-батыра. С ним шутки плохи!

Зеленский.

Глаза. Полные страха. Зрачки расширяются.

Зритель вспомнил – экран ему помог.

1907 год. Туруханский край.

Маленькая, почерневшая деревушка черной бородавкой приютилась у высокой красной скалы.

На берегу широчайшей реки Енисей.

Узкое окно.

Холеное, бородатое лицо – это Зеленский.

В глазах адский испуг.

К избе подъезжают двое конных. В тулупах и лисьих ушанках.

Массивная холеная... туша.

В мечети:

...Усатый пожилой солдат направил винтовку с развернутым штыком в сторону местной интеллигенции.

...Кусан Ибрагимов...

– Я верноподданный Его Императорского Величества! – успел крикнуть Тилмаш.

Задрожал ствол винтовки, как рука пьяного мужика, хватаясь то за портрет царя, то за портрет Самсонова, то за самого Зеленского...

Далеким эхом поразил голос Чайкина замутненное сознание Зеленского.

– Мы окружены, господа, джигитами Оспан-батыра! С ним шутки плохи!..

Зеленский умоляюще обратился к Лапину.

– Господин адвокат... может, вы поговорите с Оспан-батыром?

– Господа! – настойчиво, уверенно звучал голос Чайкина. – Я, как офицер русской армии, уже имел переговоры с Оспан-батыром!.. Во избежание бессмысленного кровопролития... Оспан-батыр согласен отпустить всех вас, только при условии, что портреты будут вынесены в сопровождении оркестра.

Зеленский кивнул головой.

Бородатые мужики сняли портреты со стены.

Понесли.

У дверного проема царю и генералу снова пришлось опустить головы.

Заиграл оркестр. Очень уныло.

– Господи, господи, господи! – крестилась та юродивая старушка. – Зачем же эти гниды и киргизы наклонили святое чело батюшки?! Теперь несдобровать! Теперь быть беде! Плохое это знамение... Господи, господи. Господи!

Площадь перед мечетью.

Оспан-батыр. Это (актер Димаш Ахимов?) двухметровый верзила, но с очень добрым обликом.

Но сейчас он суров, даже свиреп.

«Похож на рысь перед смертельным прыжком...» – начал было писать прозаик Тарази, но его вовремя остановил сценарист Аким!

Джигиты Оспана (человек двести на конях) одеты по-походному легко: безрукавки или рукава засучены, сапоги-саптама. Что удивительно, они не вооружены. Если камера внимательно начнет разглядывать, то можно в таких джигитов «обнаружить» короткие шокпары.

Процессия с портретами молча прошла по «коридору», открытому джигитами Оспан-батыра.

Процессия удалилась далеко.

Из мечети последними вышли Наливкин и Мустафа.

Увидев Наливкина и Мустафу, Оспан-батыр сошел с коня.

Мустафа растерян.

Быстрыми шагами направился к Оспан-батыру, низко наклонил голову, приложил правую ладонь к левой груди.

Но Оспан-батыр прошел мимо Мустафы!

Оспан-батыр подошел к Наливкину.

– Ас-са-лау-ма-галейкум, Балатемир-ага! Учитель-устаз!!!

Батыр неуклюже согнулся, приложил огромную ладонь к сердцу. Как малого прижал Наливкина к груди.

Потом только повернулся к Мустафе. Но не пода́л руки, как ожидал петербуржец, а неторопливо направился к своему огромному, как он сам, коню (пока назовем коня Ак-Бакай), с помощью двух джигитов удобно устроился в седле, потом только протянул обе руки в сторону Мустафы.

– Ну, подойди, шалунишка-тентек!

Мустафа счастливо заулыбался, с протянутыми руками шагнул навстречу дяде, но дядя, как пацана, легко поднял его с земли и... как пацана, посадил его перед собою.

Наливкин искренно хохотал.

Джигиты учтиво улыбались. Особенно русский парень Баске (Вася), щербатый, тщедушный, одетый по-степному, сидевший на коне рядом с Оспаном. (Запомним этого парня!)

Мустафа был счастлив.

Следующие три эпизода будут детально разработаны позже. А пока изложим суть.

Санкт-Петербург. 1 апреля 1917 года. Смольный.

Петросовет – «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов».

Вывеска: «Председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов тов. Николай Чхеидзе».

Чхеидзе пересек свой огромный кабинет. Навстречу ему шел Мустафа, как всегда в белом. Обнялись. (Диалог Мустафы Чокая и Николая Чхеидзе я записываю без комментариев и описаний, вроде «удивился», «возразил», «отрицательно покачал головой» и т. д.)

– Кто мне скажет теперь, что я не телепат?! Утром только я вспомнил о тебе! Даже во сне видел твои глаза, потомок Чингиз-Хана!

– Вы, европейцы, знаете только Чингиз-Хана. А я тебе говорил об Алтын Жебе хане!

– Да, да! Алтын Жебе хан! После нашего спора... кстати, не затаил ли ты на меня злобу?

– Затаить злобу может только слабый...

– Понял! Кстати, после нашего спора я немного покопался в истории. Ты прав. Это было в 628 году. Тбилиси был штурмован и взят Алтын Жебе ханом. Царь Ирак Лий... Царю Ирак Лию временно пришлось жить в гостях у Константина, императора Византии...

– Ну, Николай, ты истинный грузин! Надо же: пришлось временно жить в гостях у императора Византии! Другой бы сказал: бежал... нашел приют... спрятался...

– Грузия сильно сопротивлялась, но армяне... армяне! В 630 году Алтын Жебе хан разбил их всего тремя тысячами всадников... Армян была тьма-тьмущая! Но твои предки, скажу прямо, были... очень кровожадные! Они

перебили почти все мирное население Тбилиси!.. Так что, дорогой, дружба с вами... чревата... Но во всем этом был повинен бездарнейший шахиншах Ирана Кей-Кавад!

– Кстати, Николай, во многих казахских эпических поэмах Кей-Кавад фигурирует как Кей-Куат, нарицательное имя полоумного балбеса... В степи его не забыли... и не простили, хотя прошло уже **четыренадцать столетий**. Так что бездарность правителей... Не будь Кей-Кавада, ты бы не стал Николаем Третьим!

– Ну!.. Сравнил тоже мне!

– На днях я был у господина Керенского. Мою просьбу он не смог удовлетворить! Премьер! (С сарказмом.) Он же министр иностранных дел! Так и заявил: «фактически власть захватывают совдепы...»

– Захватывают?! – усмехнулся Чхеидзе. – Это большевики захватывают совдепы!

– Значит, и у тебя? Никаких прав?

– Нет, ты скажи, в чем дело?

– Дело в том, что с фронтов возвращаются мои земляки, туркестанцы. Мобилизованные на земельные работы. На железнодорожных станциях их сутками держат... Эшелоны с моими земляками загоняют в тупики...

– Я тебя понял, потомок Алтын Жебе хана... Проторенные на фронте джигиты тебе нужны как воины будущего автономного или... независимого Туркестана?!

– Автономного!

– Ты хочешь сказать «пока автономного?!»

– Это покажет время! Как известно, Создатель не советуется со своими куклами! И твой предок царь Ирак Лий, и мой предок хан Алтын Жебе были лишь исполнителями воли Создателя! Так что... прощай, Николай... Николай Чхеидзе! Председатель русского совдепа!

– Ты подожди! Подожди, Мустафа! Не горячись! Я тебе дам... дам бумагу... но не как Постановление Совдепа, а как Распоряжение Председателя Петросовета. Понял разницу?

– Понял... – как обиженный мальчишка угрюмо сказал Мустафа и снова сел.

Чхеидзе написал и передал бумагу секретарю. (Молодой человек в военной форме.) Пока тот отстукивал на машинке текст Распоряжения между Николаем и Мустафой, состоялся такой диалог.

– Скажи, пожалуйста, правда, что ты отказал Александру Федоровичу?

– В каком смысле? (Мустафа)

– Войти министром в кабинет Керенского?

– Правда...

– А правда, что ты ему ответил: чем быть министром Временного правительства, лучше оставаться рядовым гражданином Вечной Родины?

...

– ...Ну и ну!!! (Чхеидзе заразительно и долго хохотал.)

– Искренно завидую людям, умеющим искренне смеяться! А мне в этом смысле не повезло... (Мустафа)

Вошел секретарь, молодой человек в военной форме. Чхеидзе внимательно прочитал, аккуратно подписал.

Получив бумагу, Мустафа тоже внимательно прочитал, аккуратно сложив, положил документ в нагрудной карман белого френча.

Грандиозная драка. (Эпизод будет детализирован.)

Станция Пенза. Апрель. 1917 год, 3 апреля.

Железнодорожный состав из красных вагонов стоит в тупике. Из полуоткрытых дверей высунулись туркестанцы – возвращены.

...В метрах ста, ста пятидесяти от железнодорожной ветки стоит скосившаяся деревянная изба.

У ворот трое туркестанцев (казах, узбек, киргиз) торгуются со старушкой.

Предмет торга – белая коза.

– Что вы! Что вы! – возражала старушка. – Так дешево не отдам! Посмотрите, какие сиськи! Восемь литров молока дает!

– Нам не сиськи ее нужны! – с сильным акцентом говорил узбек. – Нам мясо нужно! А мяса у вашей козы как у засохшей вдовы!

– Ладно, отдай деньги! – сказал казах узбеку.

– Зачем ей деньги?! – подмигнул узбек киргизу. – Надо даром брать...

Киргиз обошел избу, заглянул в курятник. Ловко потянул за ноги двух кур.

Поднялось отчаянное кудахтанье.

Это послужило сигналом к грандиозной драке.

– Ах вы проклятые! Ах вы безбожники! Ах вы пусурмане! – заохала старушка.

С узких привокзальных улиц Пензы бежали православные.

С вагонов-скотовозов прыгивали «мусульмане».

Туркестанцы и пензенцы от «частичных» стычек решили в массовую потасовку, потом обе стороны вошли в раж. (Этот эпизод будет разработан детально, со «смаком».)

...На первой платформе остановился пассажирский поезд, составленный из блестящих «царских вагонов».

...Драка «идет».

...В кабинете начальника станции стоят друг против друга два человека – пензенец и туркестанец, но оба «особые» – начальник станции в железнодорожной форме и

при роскошной бороде; туркестанец – весь в белом, но уже холеный – Мустафа.

Пензенец, снисходительно улыбаясь, прочитал бумагу, поданную туркестанцем, и, ехидно сощурился, лениво произнес:

– Мне Керенский не указ!

Туркестанец внутренне ожесточился, подал другую бумагу.

Пензенец тут же посерьезнел:

– Это другое дело! Распоряжение Петросовета для меня – закон!

...Грандиозная драка продолжилась. («Как бездонный водоворот, все больше втягивая в свой круг мирное течение», – напишет прозаик.)

...Начальник станции и Мустафа в сопровождении четырех солдат и двух полицейских, чинно, неторопливо шагая, подошли к людскому «водовороту».

...Начальник станции кивком головы скомандовал:

– В воздух!

Выстрелы из шести стволов мигом успокоили толпу.

...Товарный состав из красных вагонов-скотовозов мчался на восток.

Стук стальных колес и молитва туркестанцев отчаянно стараются заглушить друг друга.

Ташкент. 1917 год. 10 апреля. Дворец генерал-губернатора.

Зал заседаний.

Учредительный съезд рабочих, солдатских, мусульманских депутатов Туркестанского края.

Делегаты – самый пестрый, невероятно пестрый букет человеческих типов, национальных одеяний. Казахи,

русские (солдаты, рабочие, офицеры, купцы, учителя, певцы, журналисты, просто карьеристы...), узбеки, таджики, туркмены, киргизы, каракалпаки, белуджи, бухарские евреи, бухарские арабы, курды, армяне, персы, китайцы, китайские мусульмане, ассирийцы, русские казаки – вот какое раздолье для внимательной, неторопливой камеры! Вот какая находка для оператора!

Президиум: начальник города (именно начальник!) Ташкент – богач Иванов, Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов – Наливкин (да! да! Тот самый учитель!), высокий голубоглазый муфтий-узбек Махмуд Бехбуди, маленький, юркий Убайдулла Ходжа, известный оратор Шайх-Ислам Шай Ахмед, адвокаты Серикбай Акаев, Сералы Лапин.

...В зал вошел Мустафа.

...Поднялся с места Наливкин. Увидел Мустафу. Еле заметно улыбнулся.

– Товарищи, – обратился Наливкин в зал, – я вижу члена Туркестанского комитета Временного правительства... товарища Чокаева Мустафу. Я предлагаю избрать его в президиум нашего Учредительного съезда!

Возгласы одобрения.

– Ну и хорошо! – обрадовался Наливкин, – Гос... товарищ Мустафа, прошу вас занять место в президиуме.

Мустафа кивком головы поздоровался со всеми членами Президиума. И тут методом замедленной съемки, внутренним голосом Мустафы даются характеристика и биографические «справки» сидящих в президиуме и сидящих в первом ряду.

А в первом ряду сидели: Зеленский, Колесо, Петлин. Справа от них три солдата – Бабков, Тунгачков, Кедрин. Рядом с Зеленским – Некора, учитель Кокандской торговой школы.

Еще правее – на двух стульях – Оспан. Ему явно не по себе, рядом – маленький, юркий паренек – Баске (Василий).

Мустафа продолжал размышлять: «...Вот сидит Зеленский... Интересно, кто он сейчас? Иван Колесо – большевик, профессиональный революционер. Петлин – тоже. Зеленский – интересно? Кто он сейчас?»

Как бы в ответ на мысленный вопрос Мустафы, резко привстав, Зеленский крикнул:

– Товарищи господа! Я – профессиональный революционер, три раза сосланный в Сибирь, Туруханский край! Три раза бежал! А нынче (слово «нынче» в его устах звучало как-то неестественно!) я главный редактор официальной газеты Туркестанского края...

Наливкин нахмурился.

– Что вы хотите сказать, гос... товарищ Зеленский?

– Я хочу сказать, товарищи, что мне кажется, забыли, где мы находимся. А находимся мы на Учредительном съезде Советов рабочих, солдатских депутатов! Вот где мы находимся! Это исторический момент! Мы строим новую Россию, народную, демократическую! А кто смотрит на нас свысока? Царь-кровопийца! Угнетатель народов! А мы вроде приготовились молиться на него! Не так ли, товарищи!? – Зеленский обернулся в зал. Солдаты и рабочие как по команде встали и заорали:

– Убрать царя-кровопийцу!

Колесо, Петлин и Зеленский переглянулись, без слов поняли друг друга. Зеленский дал команду Бабкову, Тунгачкову, Кедрину.

– За дело, ребята!

Бабков, Тунгачков и Кедрин вышли и очень быстро появились на сцене с лестницей.

Бабков, Тунгачков и Кедрин начали снимать портрет царя. С трех гвоздей сняли «благополучно», четвертый, нижний слева, гвоздь не поддался.

Бабков, Тунгачков и Петлин начали заметно нервничать.

Зал тревожно затих.

Наливкин растерян. Он попытался пошутить:

– Крепко зацепился! Не хочет уходить царек!

Солдаты и рабочие закурили как по команде. Поднялся густой дым.

Кто-то из солдат направил ствол винтовки в сторону президиума и выстрелил прямо в лоб портрета опрокинутого царя.

Бабков, Тунгачков и Кедрин все возились с левым нижним гвоздем.

Солдат, выстреливший в портрет царя, громко заорал.

– Нехай висит вниз головой! – и полагая, что он сказал нечто остроумное, самодовольно заржал.

* * *

Ташкент. Дворец генерал-губернатора. 13 апреля.

Съезд Советов рабочих, солдатских, мусульманских депутатов Туркестанского края.

Тишина. В полном безмолвии мы видим ЗАЛ – калейдоскоп представителей разных народов, классов, слоев, прослоек.

Один за другим на трибуну поднимаются ораторы: солдаты, рабочие, крестьяне, дехкане, пастухи, туркмены, узбеки, киргизы, таджики, купцы, казахи, каракалпаки, белуджи, бухарские евреи, бухарские арабы. Говорят, говорят. Махая руками, жестикулируя, готовые подраться, хохоча, уныло замолчав, вдруг взорвавшись во гневе...

Все это в полном безмолвии.

И вдруг, как нечаянно включенный телевизор, раздался голос очередного оратора. Это Некора.

– Так что же получается, товарищи?

Мустафа Чокай, его мысли: «Этот известный подлец, примазавшийся к большевикам, дубинка Зеленского!»

Некора продолжал:

– Так что же получается, товарищи? Революцию совершили мы, рабочие, солдаты, крестьяне, одним словом европейцы! А плодами пользуются всякие баи, муллы! Всякие дикие народы, не имеющие своих пролетариев! Как это так?

Зал насторожен.

Замешательство в рядах солдат и рабочих.

Мустафа Чокай мыслит: «Психология толпы... их сейчас можно повернуть в любую сторону».

Долго, внимательно смотрит в ряды солдатских, рабочих депутатов: «Разница только в форме... Вчерашние крестьяне, вчерашние рабочие мелких фабрик, мелких предприятий. Ими управляет великий Бог – великий Голод...»

* * *

Ташкент. Дворец генерал-губернатора. 1917 год, 13 апреля.

Съезд Советов рабочих, солдатских, мусульманских депутатов Туркестанского края.

В полном безмолвии... Один за другим поднимаются на трибуну ораторы.

Потрясающие человеческие типы!

На трибуне муфтий Бехбуди, высокий голубоглазый узбек, красавец.

Как нечаянно включенный телевизор, без начала и конца, урывками слышим его слова.

– ...Меня глубоко задела слова... Не то господина, не то товарища, как он сам себя представил, учителя торговой школы господина Некоры... он забыл, что мы находимся

на Учредительном съезде Советов рабочих, солдатских и... мусульманских депутатов Туркестана! Мусульмане составляют девяносто процентов населения, представители двух процентов хотят навязать свою волю, укоряя нас в безделии во время революции! Товарищ господин Некора ошибается. Революция – это гнев народа! Народ опрокинул ненавистного царя. Если людям типа товарища господина Некоры не нравится наша религия, наши языки, наши одеяния, просто говоря, форма нашего существования... можем сказать им: беспредельна Русская империя.

Муфтий Бехбуди под аплодисменты (даже некоторых солдат и рабочих) сошел с трибуны, сел на свое место в президиуме между Наливкиным и Мустафой.

* * *

Ташкент. 13 апреля 1917 года.

Двухэтажное здание. Вывеска: «Ташкентский комитет Р.С.Д.Р.П. (большевиков)».

Ночь.

В кабинете председателя Ивана Колесо.

При керосиновой лампе сидят Иван Колесо, Алексей Петлин, Александр Зеленский. Тихо шепчутся.

Иван Колесо: «Прав товарищ Некора! Революцию совершили мы, а плодами хотят пользоваться...»

Петлин: «Да» (многозначительно замолчал).

Зеленский: «Надо действовать мозгами».

Петлин: «Ты же мастер придумывать всякие штучки-дрючки».

Колесо (громко неестественно хохочет): «Вот именно! Штучки-дрючки!»

Зеленский: «Их надо отделить! «Подарить» им свой комитет. Тогда нам недолго ждать. Они перережут друг другу горло!..»

* * *

Ташкент. 14 апреля 1917 года. Дворец генерал-губернатора.

Съезд Советов рабочих, солдатских, мусульманских депутатов.

Председательствует Мустафа. Долгое безмолвие.

Ораторы сменяют друг друга. По лицам, по мимике можно понять, какие страсти кипят.

Мустафа смотрит в зал и думает: «Наивным был я. Не только я, все мы – наивные... думали, стоит свергнуть царя, начнется демократический рай... До рая, конечно, далеко... Дорога в рай, видимо, очень узкая. С обеих сторон зияет пропасть в кромешный ад».

На трибуне Зеленский.

– Один недалекий человек мне сказал, из всех народов в Средней Азии самые опасные казахи. Им доверять нельзя. Казах напился кумыса, поцеловал кыз, сел на коня, взял в руки хлыст и поскакал рубить направо, налево... Мне противно было слушать такое... Я как культурный человек дал надлежащий отпор этому негодяю. Мне пришлось «поработать» с кулаками. Есть же такие люди!

Мустафа вздрогнул.

Мустафа сказал:

– Вы правы, Александр Иванович, есть такие люди. Если я вас правильно понял, вы избили сами себя кулаками...

Зал хахотал.

* * *

Ташкент. 14 апреля 1917 года. Дворец генерал-губернатора.

В просторной репетиционной комнате артисты русского театра Ташкента готовят концерт.

Репетирует балетная группа.

Какой-то мужчина корчит из себя местного Шаляпина.

В стороне скромно в сопровождении подружки-пианистки поет Мария Горина.

* * *

Зал заседаний Учредительного съезда. Столы президиума убраны.

Со сцены тужится певец а-ля Шаляпин.

Жидкие аплодисменты.

Конферансье объявляет:

– Делегатов Учредительного съезда приветствует знаменитая певица выпускница Санкт-Петербургской консерватории Мария Горина.

На сцену вышла Мария Горина.

В третьем ряду сидит группа офицеров. Все усатые, как в те года, не успевшие еще сменить форму царской армии.

– Арсений... – обратился один из офицеров, – ну-ка сердце тук-тук?

Названный Арсением разозлился.

– Не приставай! А почему я должен волноваться?!

Тот, который приставал, тоже обиделся.

– С юмором у тебя, друг, мой совсем катастрофа.

– Дорогие делегаты! – волнуясь, обратилась Мария к Залу. – Я вам спою арию Чио Чио Сан. Эту арию я посвящаю большому другу нашей семьи господину Чокаеву Мустафе.

– Ого! – ухмыльнулся «приставальщик». – Ну и жена у тебя, Арсений.

Горина начала петь. Голос ее звучал сильно и искренне.

* * *

Ташкент. 14 апреля. Двухэтажное здание. Ночь.

В кабинете председателя Ташкентского Р.С.Д.Р.П. (большевиков) Иван Колесо, Алексей Петлин, Александр Зеленский.

Слабые лучи керосиновой лампочки неровно освещают лица.

Иван Колесо:

– Нам надо что-то предпринять. Реальная власть уплывает из наших рук.

Алексей Кедрин:

– Нужны твои штучки-дрючки.

Александр Зеленский:

– Да, нужны штучки-дрючки...

* * *

Ташкент. 15 апреля 1917 года. Дворец генерал-губернатора.

Учредительный съезд Советов рабочих, солдатских, мусульманских депутатов. Председательствует Наливкин.

Наливкин:

– Я поздравляю наших братьев мусульман с созданием Мусульманского комитета Туркестанского края! (Аплодисменты.) Нам надо избрать председателя комитета. У кого какое предложение?

Петлин (встал с первого ряда):

– Я предлагаю избрать председателем Мусульманского комитета очень крупного деятеля тюркских народов, члена государственного комитета Временного правительства, депутата Государственной Думы товарища Алихана Букейханова. (Аплодисменты.)

Иван Колесо (встал с первого ряда):

– Я предлагаю председателем избрать молодого энергичного деятеля тюркского мира, кандидата в депутаты

Государственной Думы, талантливого юриста Мустафу Чокаева! (Аплодисменты.)

Мустафа (с президиума):

– Я снимаю свою кандидатуру. Алихан Букейханов – мой учитель. Я, по сравнению с ним, слишком маленькая фигура.

Зеленский (он сегодня сидел почему-то в задних рядах):

– Товарищи господа! Раз товарищ Мустафа снимает свою кандидатуру, я предлагаю избрать председателем Мусульманского комитета очень уважаемого в Средней Азии человека – адвоката, религиозного деятеля Махмуда Бехбуди! Тем более, товарищи, уважаемый Алихан Букейханов ровно неделю тому назад в городе Оренбурге, на всекиргизском съезде, в котором участвовали наши товарищи Чокаев, Махмуд Бехбуди, Убайдулла Ходжа, избран председателем Алаш-Ординского правительства. Так что он не может возглавлять сразу два правительства!.. Между прочим, к слову сказать, наш съезд проходит в городе Ташкенте, в городе, который узбеки считают своим, а казахи своим... Я думаю, было бы справедливо, если мы выберем узбека.

Зал загудел. Провокационная речь Зеленского чуть не достигла своей цели: со своих мест повскакивали казахи и узбеки. Начали было доказывать друг другу, чей город Ташкент, но Наливкин их быстро успокоил. (Что сказал Наливкин, мы не знаем, но мы услышали только последнее слово Наливкина):

– Стыдно!

Из дальних рядов поднялся Вадим Чайкин.

– От группы депутатов Кокандской, Андижанской, Ферганской областей мы имеем мандат выдвинуть в председатели Мустафу Чокаева.

– Очень правильно! – поднялся с президиума Махмуд Бехбуди. – Я снимаю свою кандидатуру в пользу молодого Мустафы Чокая.

Наливкин радостно встал. Его радость передалась всему залу. Наливкин зааплодировал. Весь зал аплодировал.

Мустафа думает: «Психология... Психология момента... Победила психология момента... А если серьезно, какой из меня председатель... Вчерашний студент...»

Наливкин, как будто уловив мысли Мустафы, нагнулся к нему и ответил:

– Кому-то надо нести эту ношу.

* * *

Ташкент. 15 апреля 1917 года. Вечер. Дворец генерал-губернатора.

Мустафа Чокай ведет заседание Учредительного съезда.

Мустафа Чокай:

– ...В таком случае товарищи депутаты-мусульмане должны вернуться в свои округа, чтобы снова получить уполномочие теперь уже Учредительного съезда Мусульманского совета. Место проведения Учредительного съезда мусульманских депутатов будет объявлено дополнительно...

Мусульманская часть депутатов нехотя встала, неторопливо направилась к выходу.

В этот момент Мустафа увидел Зеленского.

Их взгляды встретились.

Глаза Зеленского полны радости.

Мустафа подумал: «Значит, нас обманули».

К Мустафе подошел Махмуд Бехбуди.

– Я думаю, решение правильное. Нам надо, Мустафа-ука, наш Учредительный съезд созвать в Коканде, Самарканде или Фергане.

* * *

Большой европейский дом, где второй этаж снимала Горина с мужем. Под вечер. Во двор приплелся капитан Арсений. Его сабля с красивой инкрустацией волочилась по земле.

Офицер остановился у входа и крикнул:

– Жена что же ты меня не встречаешь?

* * *

Ташкент. 17 апреля. Дворец генерал-губернатора.

Зал освещен большими керосиновыми лампами.

В зале малочисленные делегаты Учредительного съезда, как в нынешнее время сказали бы – русскоязычные делегаты.

Со своего места в президиуме поднялся Иванов:

– Товарищи господа, имеем ли мы право продолжать заседание Учредительного съезда?

С первого ряда крикнул Иван Колесо:

– Имеем! Еще как имеем!

– Уход большинства лишает нас права... – это растерянный Наливкин.

Рабочие и солдаты в нерешительности.

На трибуну поднялся Некора. Он чувствует себя героем дня.

– Товарищи господа! Или господа товарищи! – Он в упор смотрел в кучку рабочих и солдатских депутатов: – Прежде чем решить законность или незаконность продолжения работы съезда, я предлагаю прекратить кощунство... которое мы позволили в отношении Его Величества Императора Всероссийского... как-никак он уже четвертые сутки висит вниз головой! Он же символ нашей державы!

Депутаты рабочих и солдат в нерешительности.

Со своего места поднялся Зеленский. Обращаясь к рабочим и солдатам, сказал:

– Царя мы не любим, конечно, но гуманно ли, человечно ли оставлять его в висячем состоянии вниз головой?..

Иванов:

– Хотя бы временно поднимем ему голову.

Солдаты Бабков, Тунгачков и Кедрин получили команду от Зеленского:

– За дело, ребята!

Теперь камера внимательно и долго фиксирует момент поднятия царского портрета на все четыре гвоздя. (Это долгая акция. Но находка для камеры наблюдать за каждым из оставшихся малочисленных депутатов Учредительного съезда. «Кусок» будет детально разработан.)

* * *

...Ночь. Спальная комната Гориных.

Пьяный Арсений избивает свою жену жестоко, беспощадно.

Вдруг женщина, упавшая на пол, с большим усилием приподнялась и с такой невероятной силой прошептала:

– Все, Арсений. Со своими пьяными выходками ты сам убил мою любовь.

– Ты продала меня какому-то киргизу.

– Ты сам виноват, Арсений. В день тысячу раз повторяешь его имя. Сам виноват, что я начинаю любить его.

– Ах ты безбожница, – вынув из ножен саблю, Арсений кинулся к жене, но в растерянности остановился.

Страшен и грозен был вид этой хрупкой молодой певички.

– Все ты теперь не тронешь меня и кончиком пальца.

Арсений опустил саблю, сел на кровать и, закрыв ладонями лицо, горько заплакал.

* * *

Ташкент. 17 апреля 1917 года. Под утро. По узкой улице идут Бабков, Тунгачков, Кедрин.

Приблизились к крепости **Топрак-корган**.

Бабков остановился.

Тунгачков посмотрел на него в недоумении:

– Что с тобой?

Бабков обалдело качает головой и в нерешительности под нос произносит:

– Дурак я! Нас объегорили!

Кедрин:

– В душе как-то нехорошо.

Бабков:

– Этот монархист Иванов – ...хитрая лиса.

Тунгачков:

– Но Зеленский-то... Ему-то можно верить! Он от бога революционер! Башкатый подлец. Я ему поверил! Он не может нас обмануть.

Петлин:

– ...Мм... да!..

Группа солдат догнала троих.

– Что же вы, хлопцы, стоите посреди дороги?

Бабков говорит:

– Совет держим.

Тот солдат спросил:

– О чем?

Бабков:

– О царе...

Тот солдат (Клименко):

– Правильно! Человек не может без царя в голове.

* * *

Казахский аул Слу-тобе. Поздняя весна. Недалеко от железной дороги. Около тридцати домов. На возвышенности высокие три дома из красных кирпичей, по образцу царских железнодорожных вокзалов, в метрах ста – юрты. Среди юрт ярко выделяются три юрты из белой кошмы.

Полная идиллия. Лошади, коровы, овцы, верблюды, собаки в тени.

Со стороны железнодорожного разъезда скачет молодой парень. Во весь голос кричит:

– Суюнчи!

Из крайней юрты вышел джигит лет двадцати – двадцати пяти (одет он несуразно: несмотря на начинающуюся жару, в сапогах, в чепане... видимо, только что спал).

– А... что... суюнчи? За что суюнчи?

Мальчик на коне чуть не задавил его. Мальчик на коне во весь голос орет:

– Суюнчи, суюнчи!

Джигит в чепане, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, бежит за мальчиком.

– Что за суюнчи?

Мальчик на коне:

– Сын дяди Чокая стал ханом, царем всех казахов, узбеков, туркмен!

Тепло одетый джигит:

– Что, что?

Парень на коне на скаку сделал большой круг, снова приблизился к джигиту и радостно возвестил:

– Младший сын дяди Чокая, который учится в кетром-поре, стал ханом всех казахов, узбеков, туркмен!

Парень на коне, совершив круг почета, ускакал дальше в сторону белых юрт.

* * *

(Будут дописаны два эпизода: **Возвращение Оспан-батыра в аул. Отряд Оспан-батыра в тысячу сабель отправляется в Коканд.**)

* * *

Коканд. 7 декабря 1917 года. Дворец кокандского хана.
Делегаты сидят на коврах.

Президиум за столом.

Президиум: Махмуд Бехбуди, Убайдулла Ходжа, совсем молодой Мухамеджан Тынышбаев в форме железнодорожного инженера, Вадим Чайкин, Доррер, представитель бухарских евреев Харцвельд, Насырхан Торе, Наливкин, Хидаят-бек Юргули.

На трибуне Мустафа Чокай:

– Настало время подводить итоги нашего Учредительного съезда: первое – мы объявляем о создании автономии Туркестанского края, нам поручено съездом утвердить председателя правительства, членов правительства, министров... Я еще раз повторяю, уважаемые делегаты, объявить создание нового государства – это еще не все... Создать и удержать власть – вот в чем вопрос!.. Всего месяц назад большевики захватили власть в Петербурге и в Ташкенте. Во главе большевистского правительства очень умный, очень хитрый, очень гибкий злой гений Владимир Ленин – Ульянов. Я с ним хорошо знаком. Конечно, нам с ним не по пути, но бороться с ним очень, очень нелегко будет!.. Только единством, еще раз единством мы можем удержать свою государственность, поэтому, кстати, я долго отказывался возглавить государство.

Махмуд Бехбуди улыбнулся:

– Теперь уже поздно, братишка Мустафа. За тебя голосовали единогласно.

Мустафа:

– Да. Я это понимаю. В свою очередь предлагаю председателем совета министров молодого очень талантливого инженера-строителя железных дорог до Ферганы и Андижана, от Ташкента до Ашхабада и Красноводска Мухамеджана Тынышбаева.

Мухамеджан Тынышбаев как ужаленный соскочил с места:

– Что вы, Мустафа-ага. Как я? Почему я? Не могу я.

С места приподнялся Наливкин:

– Молодому нашему государству придется иметь дело с могущественными странами Европы, Азии!.. Так куда же мы поперем с муллой Убайдуллой и почти безграмотным товарищем Наливкиным? (Бьет себя в грудь.)

Мустафа:

– Ставлю на голосование.

Мухамеджан:

– Нет, нет, нет, агатай. Я инженер, какой из меня премьер-министр?! Даже жена и семилетний сын иногда меня не слушаются.

Мустафа:

– Ставлю на голосование.

Все делегаты подняли руки.

Мустафа:

– Единогласно.

Харцвельд:

– Уважаемые делегаты, всякое государство должно иметь армию, полицию, а для этого государство должно иметь деньги... Чтобы четко работали банки... Свои банки, а не чужие!.. – пошутил он. – Не только четко, но и чутко... Банки – это деньги, деньги – это кровь в жилах... А кровь, как известно, имеет свойство не только бежать, но и выливаться.

– Ну и шутки у вас, товарищ Харцвельд! – это Вадим Чайкин.

– Вы умный человек, товарищ Чайкин. Вы меня поняли...

– Да, понял! Поэтому я предлагаю министром финансов уважаемого товарища Харцвельда!

Мустафа:

– Есть другие предложения?

– Значит, уважаемый Харцвельд, вы назначены министром финансов.

Харцвельд:

– Когда напомнил о деньгах, я вовсе не имел в виду себя...

Бехбуди:

– У тебя большие связи в Петербурге, Баку, Тегеране... Как гражданин молодого государства и делегат Учредительного съезда, ты не имеешь права отказываться.

Харцвельд:

– Отказался же товарищ Чайкин.

Мустафа:

– А я его держу в запасе. Я предлагаю его кандидатуру министром вооруженных сил.

Махмуду Бехбуди это предложение не понравилось.

– Прежде чем вступить в нашу армию, любой джигит спросит: «Кто будет командовать мною?» Поэтому я предлагаю кандидатуру уважаемого человека Эргаш-курбаши.

Мустафа:

– А он дал согласие возглавить министерство внутренних дел, одновременно оставаясь начальником Кокандской милиции.

– Тогда другое дело! – не скрывая свою обиду, очень важно и элегантно сел на свое место Бехбуди.

Мустафа подумал «Мальчик я мальчик!.. Вадим – мой друг, но мне надо было посоветоваться со старшими...»

Ташкент. Дворец генерал-губернатора. Новая вывеска «Ташкентский комитет Р.С.Д.Р.П (большевиков)». 8 декабря 1917 года.

Солдаты, рабочие...

Усиленная охрана.

В роскошном кабинете Иван Колесо, Петлин, Зеленский.

Растолкав двух красноармейцев, в кабинет ввалился Оспан.

– Кто тут самый большой начальник?

– Ну я, – привстал Иван Колесо.

Среди этих троих «специалистом по Средней Азии» слыл Александр Зеленский. Он, как и полагается «специалисту по Средней Азии», очень торжественно встал, правую ладонь приложил к сердцу и поздоровался по-местному:

– Салом алейкум, Оспан-батыр. Познакомьтесь, товарищ Иван Колесо! Этот богатырь – родной дядя главы туркестанского государства товарища Чокаева Мустафы.

Колесо:

– Садитесь, товарищ батыр.

Оспан:

– Я привел пятнадцать тысяч сарбазов, но мы плохо вооружены. Мне сказали, что все склады с оружием под вашим начальством.

«Святая наивность», – подумал Зеленский, но вслух сказал:

– Да. Все склады с вооружением у нас. Спасибо вам, Оспан-батыр, что привели к нам столько храбрых джи-

гитов. Мы вас обязательно вооружим, а пока поезжайте в близлежащие казахские аулы, отдохните. Дня через два-три мы дадим вам знать, где собраться. В сторону Ташкента уже идут туркменские дивизии, красные казацкие полки, узбеки Бухары и Самарканда собирают ополчение, так что нас много, нас будет много.

Оспан:

– Туркменские полки – это хорошо. Узбеки, киргизы собираются – это хорошо, и казаки русские – тоже хорошо!

Зеленский:

– Да, хорошо, так что езжайте в казахские аулы. Кругом Ташкента все казахские аулы. Когда подъедут все братские полки, мы вас оповестим.

Батыр поклонился и вышел. У дверей остановился, обращаясь к Колесо, сказал:

– Ваши джигиты меня найдут на правом берегу Чирчика.

* * *

После ухода Оспан-батыра. В роскошном кабинете трое. Иван Колесо бледен. Петлин перепуган. Зеленский с ухмылкой подытожил состоявшийся разговор.

– Сам бог прислал его к нам. Видели, как он засиял, «туркмены – хорошо, киргизы – хорошо, узбеки – хорошо, русские казаки – тоже хорошо». А нам, товарищи большевики, надо сделать так, чтобы туркмен стал плохим, узбек стал плохим, киргиз стал плохим и казах стал плохим... У нас нет другого выхода!..

Документальные кадры: Со станции Красноводск двинулся железнодорожный состав. Вдоль вагонов красные полотнища «Да здравствует Туркестанская автономия!». На «лбу» паровоза на деревянной доске написано: «Чет-

вертая Семиреченская Казачья дивизия». В задних вагонах – кони.

Казаки поют:

– ...Эх, дороги... Пыль да туман...

Какой-то казак, видимо пьяный, выхватив шашку, дико заорал:

– Да здравствует Туркестанская автономия!

...В песках бешено мчится туркменская конница. Предводитель Атабек кричит:

– Да здравствует Туркестанская автономия! Резадь будем! Долой башка – кто враг Туркестанской автономии.

...С высоких гор спускается отряд киргизов. Два всадника держат транспарант: «Да здравствует Туркестанская автономия».

Узбекский кишлак. Покидает центр кишлака только что созданный отряд. Отряд несет плакат «Да здравствует Туркестанская автономия».

* * *

Ташкент. Двухэтажное здание. Ташкентский комитет Р.С.Д.Р.П. (большевиков).

В кабинете Ивана Колесо трое: он сам, Зеленский, Петлин.

Петлин с большим талантом «изображал» Оспан-батыра. Он встал посреди кабинета и начал говорить с акцентом Оспана:

– Туркмен? – хорошо! Узбек? – хорошо! Киргиз? – хорошо! Русские казаки? – хорошо!

Актерский талант Петлина заставил сурового Ивана Колесо улыбнуться. Зеленский хохотал, но фальшиво.

Петлин:

– Ну, Саша, ты же мастер придумывать всякие штучки-дрючки...

Иван Колесо:

– Нам не до шуток, товарищи...

Зеленский:

– А я уже придумал **штучки-дрючки!** – Он развернул и положил перед друзьями газету «Туркестанские ведомости». – Вот, товарищи!

Петлин взял газету в руки:

– Что? Где?

Зеленский:

– Вот статья, читай.

Петлин читает:

– «У нас все муллы безграмотные, умеют только обманывать народ, у нас все муллы в душе безбожники, только на словах они мусульмане». Подпись: Мирмуksин, учащийся медресе шестнадцати лет.

Иван Колесо унылым голосом спросил:

– Кто такой Мирмуksин?

Зеленский расхохотался, на этот раз искренне:

– В том-то и **штучки-дрючки!!!** – Посмотрев на мрачное лицо Ивана Колесо, Зеленский мгновенно принял серьезный вид. Уже заговорщическим тоном продолжал: – У меня есть знакомый мулла Абдул. Он религиозный шовинист. Сегодня утром свежий номер нашей газеты, через наших агентов, я подкинул Абдулу. Представляю, как он взорвался! – Зеленский снова искренне хохочет. – Таким образом, я обдул этого Абдула! – Он осекся, не понимая, почему Петлин и Колесо не смеются его каламбуру.

* * *

Ташкент. Площадь перед мечетью Шайхан-таур.

Мулла Абдул. Только что закончился утренний намаз. Перед верующими выступает мулла Абдул:

– Правоверные мусульмане, среди нас появился богохульник. Вот он! – Абдул из-под чепана вытащил газету «Туркестанские ведомости». Стал читать: – «У нас все муллы безграмотные, умеют только обманывать народ, у нас все муллы в душе безбожники, только на словах они мусульмане». Подпись: Мирмуksин, учащийся медресе шестнадцати лет.

Абдул гневно посмотрел в толпу и продолжал:

– Здесь находятся учащиеся двух медресе. А ну-ка встаньте все! Кто из вас Мирмуksин?

Поднялся мальчишка и легко признался:

– Я Мирмуksин!

Мальчишка с наивными глазами смотрел на муллу Абдула.

Повторил:

– Я Мирмуksин.

Абдул шокирован видом мальчишки лет десяти. Абдул подошел к нему близко:

– Ты Мирмуksин?

– Я Мирмуksин?

– Кроме тебя есть другой Мирмуksин?

Из рядов мусульман вышли два муллы. Первый сказал:

– В нашем медресе нет никакого Мирмуksина.

Второй мулла сказал:

– В нашем медресе есть Мирмуksин, он перед вами, другого Мирмуksина нет!

Абдул рассвирепел:

– Повтори, сколько тебе лет?

Мирмуksин повторил:

– Одиннадцать.

– Одиннадцать! – воскликнул Абдул. – А уже пишешь статьи в газеты неверных кафиров.

Мирмуksин удивлен.

– А что такое статья?

– Ах ты отродье шайтана, прикинулся наивным. Чтобы ввести правоверных в заблуждение, ты указал свой возраст шестнадцать или газетчики ошиблись. Это не важно.

Абдул поднялся на минбер:

– Правоверные, мы должны наказать богохульника!

* * *

Ташкент. Двухэтажное здание. Р.С.Д.Р.П. (большевики).

В маленьком кабинете трое: Иван Колесо, Петлин, Зеленский. Иван Колесо только что поставил трубку телефона на рычаг, обратился к своим товарищам:

– ...Да... Мы, кажется, с нашими штучками-дрючками зашли слишком далеко. Одна группа мусульман уже ведет этого мальчишку... – он обернулся к Зеленскому, – твоего Мирмуksина к виселице... Другая группа мусульман собирается не допустить самосуд...

Зеленский:

– Почему товарищ Иван Колесо думает, что мы зашли далеко? Это как раз то, что нам нужно. Мы сейчас сядем в твой автомобиль, поедem к мечети Шайхан-таур, освободим безвинного мальчишку, и кто окажется на коне, кто окажется защитником устоев ислама? Больше-ви-ки!!! Народ нас мгновенно полюбит.

Иван Колесо:

– А если мы не успеем?

Зеленский:

– Уместный вопрос! – Зеленский, недолго думая, улыбнулся своим мыслям: – Мы возьмем с собой твоего Альферова – начальника милиции... Я думаю, он завершит эту драму или трагедию... Вернее, он совершит и завершит... В обоих случаях в нашу пользу.

* * *

Ташкент. Площадь перед мечетью Шайхан-таур. Несколько бородатых джигитов готовят виселицу.

Народ явно разделен на две враждебные группы.

Мулла Абдул прочитал молитву. Группа непримиримых провели ладонями по лицам.

– Во имя аллаха! Во имя чистоты священной религии! Аллах акбар!

Долгие кадры. Мальчишка повесили. (Эпизод будет доработан.)

Автомобиль с начальством опоздал на несколько минут. Тело Мирмуksина несколько раз вздрогнуло и успокоилось, на глазах у испуганных людей неестественно успокоилось и удлинилось.

– Звери! – крикнул Альферов, прыгнул с автомобиля, подбежал к мулле Абдулу, и пока смогли подойти Иван Колесо, Алексей Петлин, Александр Зеленский, он уже совершил свой самосуд. Он взял муллу Абдула за шиворот, кинул на землю и во все горло крикнул:

– Звери вы!

Выхватил маузер и выстрелил прямо в лоб мулле Абдулу. Он был большой профессионал по попаданию в лоб.

* * *

Иван Колесо и Алексей Петлин шокированы увиденным, но их успокоил Зеленский, сказав:

– Революция и слюнтяйство несовместимы, товарищи!

* * *

Назовем теперь их: **Первой Туркестанской тройкой.**

Иван Колесо, Алексей Петлин, Александр Зеленский.

Иван Колесо чем-то недоволен, мрачен:

– Ну вот, товарищ Зеленский, с твоими штучками-дрючками мы пропустили время. К Ташкенту приближа-

ется восьмиголовый дракон! Первая голова – из кавказского фронта едет эшелон, безостановочно едет, с казаками четвертой дивизии, с лозунгом «Да здравствует Туркестанская автономия». Завтра этот эшелон на станции Сырдарьинск. За ними вслед на двух эшелонах едет дикая дивизия из туркмен и дагестанцев, тоже с лозунгами «Да здравствует Туркестанская автономия». Из Семиречья через Каракол к нам движутся семиреченские казаки с тем же лозунгом. Из Аулие-аты пятитысячный отряд Аккоз хана. Из Чимкента тоже с пятитысячным отрядом внук Саурык-батыра, из Кызыл-Орды Оспан-батыр – он уже здесь, вы его видели. Я получил шифрограмму, в нашу сторону могут двинуться чехословаки из Екатеринбурга, как ни странно, тоже с лозунгом «Да здравствует Туркестанская автономия». Где-то под Пишкеком находятся китайцы, вернее китайские мусульмане полковника Масанчи. Так что сколько голов я насчитал?

Петлин мрачно улыбнулся.

– Как раз получается восемь. А мы тут занимаемся **штучками-дрючками**.

Зеленский был саркастичен.

– От восьмиголового дракона нас могут спасти только **штучки-дрючки**, иначе как же? – Он встал с места, стал ходить взад-вперед. – Иначе как же малочисленные рабочие Ташкента, солдаты, возвратившиеся с фронтов... Сколько их? Всех собери в одно место и одного полка не соберешь. Какой толк от винтовок, от пулеметов, от пушек, хранящихся в крепости Топрак-корган? Ну какой толк? А мои **штучки-дрючки** могут расколоть земной шар пополам!!! – зло огрызнулся Зеленский на Ивана Колесо. – Ты, Иван, идейный товарищ, очень идейный! Посадить бы тебя напротив Мустафы Чокаева и заставить спорить сутками. Ты бы свои позиции не сдал. Он бы тоже не сдал

свои позиции. Ты не обижайся, тебе нужен – я, как раз твое преимущество в том, что у тебя есть Зеленский, а слабость Мустафы в том, что у него нет своего Зеленого. Бехбуди – теоретик, религиозный теоретик. Тынышбаев – ученый, гуманитарий. Какой с него премьер-министр. Его Чайкин – просто бунтарь, а Наливкин – просто добрый человек, а в нашем деле побеждают железная воля и гибкий ум! Как у товарища Ленина!

Иван Колесо и Алексей Петлин приуныли.

Успокоившись, Зеленский продолжал теперь с меньшим азартом:

– Вот что теперь я скажу тебе, товарищ председатель реввоенсовета. Надо против всех восьми смертоносных голов страшного дракона применить тактику **штучки-дрючки**. В Екатеринбург пошлем телеграмму, чехословаков поздравим с созданием Уральской республики, тем самым дадим знать, чтобы они не беспокоились за Туркестанскую республику, а занимались укреплением своей Уральской. Пошлем телеграмму в Актюбинск. Там начальник железной дороги наш человек. Попросим всеми правдами и неправдами задержать эшелон с казаками. Пошлем головорезов в Бухару из туркмен и узбеков. Когда эшелоны с дикой дивизией останутся на станции, на перроне затеем драку между туркменами и узбеками и наш человек должен кричать: «Правительство Туркестанской автономии состоит из одних узбеков. В правительство не пустили ни одного туркмена». Этого будет достаточно, чтобы дикая дивизия повернула обратно в Красноводск. На станции Сырдарьинск подерутся двое – хохол и донской казак. Они у меня уже готовы, отправлены туда. При всем честном народе хохол побьет казака, а «мой казак» заплачет и крикнет:

– Кого я еду защищать?! В правительстве Туркестанской автономии сидят одни хохлы.

Потом в дело подключатся наши агенты. Они уговорят казаков не помогать Туркестанской автономии, где сидят одни хохлы. Так будет работать, пока ташкентские рабочие и солдаты будут готовы разгромить красный Коканд. А Оспан-батыра тоже я возьму на себя. Что касается отряда казахов из Семиречья, Чимкента, мы распространим слухи, что во главе Кокандского правительства сидят одни среднежужовцы. К нашему счастью, и Мухамеджан, и Мустафа – выходцы из Средней орды!.. Ну как, товарищи?

Иван Колесо понуро спросил:

– Это еще что за Средняя орда?

Зеленский ухмыльнулся:

– Да дело не стоит выеденного яйца. У казахов один чистый язык, одна чистая религия, одна психология. Но вот когда-то потомки Чингиз-Хана правили ими, разделив их на три орды: Золотая орда, Белая орда, Голубая орда, когда они канули в Лету, на их месте возникли новые образования – Великая, Средняя и Младшая. Казахи – один сплоченный народ, но при желании с нашими штучками-дрючками можно их разделить на три, или на триста, или на три тысячи враждующих между собой групп.

* * *

Коканд. Длинный переход по узким улицам старого города. Почему-то камера подпрыгивает – это идет хромым человек, заглядывает через дувалы, через отверстия в дувалах, в замкнутые квадраты азиатских махалля.

Хромым остановился. Между яблоневых деревьев играет одинокий мальчик. Размахивая деревянной саблей, кидается на мнимых врагов, отчаянным взмахом срывает головы поздних цветов мака.

– Я Кобланды-батыр, а вы проклятые враги! Нет вам пощады! – нахмутив брови, снова и снова кидается мальчик на врагов.

В глубине махалля очень солидный красивый дом. Двенадцать деревянных колонн украшены разноцветными узбекскими узорами. А двери... резные двери – просто произведение искусства.

Двери открылись, показалась красавица Гульбахрам – это жена премьер-министра Тынышбаева Мухамеджана.

– Искандер! – кричит она. – Где ты?

Мальчик спрятался за деревом, затаился.

Гульбахрам еще не успела испугаться, но с тревогой в голосе стала звать сына:

– Искандер!

Из-за красивых дверей показалась домработница, пожилая узбечка.

Гульбахрам уже с настоящей тревогой кричит:

– Искандер, где ты?

Служанка перепугана.

– Что с вами, Гульбахрам?

– Мальчика нет...

– Как нет? – Служанка, охнув, присела прямо на землю.

Из-за большого дерева вышел Искандер. Он доволен тем, что маму и служанку заставил трепетать.

Гульбахрам кинулась к сыну и обняла его, как будто они долго не виделись:

– Говорила я твоему отцу, поставь у дома охрану, а он говорит: «У нас правительство народное. Народ своих правителей не трогает».

– А что такое правительство? – спросил мальчик.

– Это твой отец и дядя Мустафа.

– А что такое народ?

– Народ? – Гульбахрам затруднилась ответить, потом указала на служанку, сидящую на земле с расширенными от страха глазами: – Народ – это тетя Айсара.

– Значит, я правильно защищал народ от врагов?!

За всем этим через проем в дувале следит хромой мужчина в грязной чалме.

Хромой человек обошел махалля, где живет премьер-министр, остановился, покачал головой, снова пошел по узким кривым улицам. Камера, пританцовывая, «ковыляет» за хромым.

* * *

Драки на железнодорожных платформах. (Этот большой эпизод будет детально разработан.)

* * *

Ташкент. Дворец генерал-губернатора. Уже новая вывеска: «Реввоенсовет Туркестанского края».

Другая вывеска: «Штаб южной армии».

В просторном кабинете Ивана Колесо о чем-то советовалась «тройка». Резко, с пинком, открылась дверь.

Вошел Михаил Фрунзе.

Иван Колесо, Алексей Петлин и Александр Зеленский растерянно привстали.

Михаил Фрунзе был зол, не скрывая свой гнев, обрушился на «тройку».

– Вы работаете, как кроты, товарищи. Натравливаете людей друг на друга, натравливаете народы друг на друга. А с кем мы будем строить светлое будущее? С кем?!

«Тройка молчит».

Зеленский думает: «С киргизами, что ли?»

Михаил Фрунзе:

– По глазам вижу, хитрый ты человек, Зеленский!

– Я не хитрый, товарищ Фрунзе, я умудренный опытом. Каменную стену, которую невозможно пробить снарядами пушки, иногда... предварительно разрыхлив почву, могут свалить кроты. А я соратник товарища Ленина.

Михаил Фрунзе усмехнулся: «крот-соратник».

– Я вас вышвырну из Туркестана, товарищ крот-соратник! Советская власть – открытая власть. Мы не нуждаемся в тайной полиции.

– Любая власть – понятие замкнутое, – осмелел Зеленский.

Михаил Фрунзе резко сказал:

– Не кроты делают революцию. Революцию совершает голод! Его Величество Голод! Вся Россия охвачена голодом! Туркестан охвачен голодом. Тысячи трупов валяются на улицах, а вы играете в кошки-мышки.

Иван Колесо теперь только пришел в себя.

– Да вы присядьте, товарищ Фрунзе, посоветуемся в спокойной обстановке.

Все сели.

– Кокандское правительство во главе с Чокаевым и Тынышбаевым куда умнее вас поступает, – продолжал Фрунзе. – Они послали своих ходоков к товарищу Ленину. Товарищ Ленин готов с ними заключить договор. Их министр Харцвельд выбил займы в Стамбуле. Он едет в Берлин. Они готовят свою валюту, они создают свою армию. Трудящиеся северного Кавказа, Ставропольского края эшелонами отправляет пшеницу правительству Тынышбаева, а вы тут занимаетесь подкопом. Скажите, на чьей стороне будет голодный народ? На вашей стороне, которая плетет интриги, или на стороне, которая начнет их кормить хлебом?

Зеленский что-то хотел сказать. Заранее улыбнулся, но, видимо, сам себя остановил.

Фрунзе заметил это:

– Чему улыбаешься, крот-соратник?

– Да так товарищ Фрунзе, большие революционеры – большие фантазеры. Я читал одну вашу статью, где вы выражаете озабоченность трудным состоянием трудящихся масс Индии. А товарищ Буденный мечтает пройти своей конницей по Ирану. Другого товарища тянет в Китай. А у нас цель есть скромная – Туркестан оставить российским. И вы должны это понять. И принять.

* * *

Коканд.

Хромой человек ковыляет по узкой улице Коканда.

Мальчик Искандер играл во дворе, вдруг остановился, насторожился, увидел в проеме дувала глаза чужого человека.

С поднятой саблей с криком «ура» кинулся к врагу.

«Враг» отошел от проема.

Теперь мальчик смотрит в проем.

Хромой человек деланно улыбнулся, положив правую ладонь на сердце, низко поклонился.

– Асалом алейкум, падишах Искандер!

Мальчик удивился, ему было приятно, что чужой дядя признал его.

– А ты откуда знаешь, что я падишах Искандер Македонский?

– А кто не знает его? Мудрого, храброго завоевателя всего мира.

– Отец мне сказал, что Александр Македонский дошел только до Сырдарьи. Недалеко от Коканда его войско было разбито нашими предками. Значит, я, Александр Македонский, был остановлен здесь нашими же предками? Как это получается?

Хромой человек соображал.

– Значит, другой Македонский потерпел поражение под Кокандом.

– Вернее, под Ходжендом! – уточнил мальчишка. – Значит, это был другой Македонский?

Хромой человек соображал:

– А, под Ходжендом... Да, да! – обрадовался он. Ходженд-то рядом, отсюда рукой подать. Потом хромой вспомнил, для чего он пришел: – Дорогой товарищ или господин Искандер! Я принес письмо твоему отцу. Передашь письмо господину или товарищу Мухамеджану?

Мальчик взял конверт.

Открылась резная дверь – подлинное произведение искусства, вышла красавица Гульбахрам.

– С кем ты разговариваешь, сынок?

– Вот дядя тут... – мальчик сунул письмо в карман брюк.

– Кто? Кто?

Гульбахрам заглянула в проем, а там никого не было.

* * *

Отряд киргизских джигитов двигался по узкой горной тропе.

Достигнув перевала Атбаши, киргизский отряд увидел истекающего кровью киргиза в солдатской форме.

Командир отряда спешил, подошел к человеку, истекающему кровью.

– Кто ты, откуда?

Якобы раненый киргиз тяжело простонал.

– Я бежал из Коканда. Казахи устроили резню узбеков и киргиз.

Огромный джигит, командир отряда, сперва не поверил.

– Как, казахи устроили резню узбеков и киргиз?

– Да... – «еле произнес» якобы умирающий солдат. – Казахи захватили власть, устроили резню.

Богатырь-джигит выпрямился, обалдело покачал головой:

– Вот как! Атан корю кокий казактар? А... а?!

* * *

Коканд.

Дверь с красивыми узорами резко открылась. Вышла взволнованная Гульбахрам, перепуганно остановилась у порога.

Из глубины сада, причитая, резко раскачиваясь из стороны в сторону, громко плача, шла служанка Айсара-апа.

– О создатель! Чем я провинилась перед тобою?.. Позор мне, позор! Пусть превратится в черную золу мой белый лик. – Увидев Гульбахрам, она побежала навстречу. – Убей меня, хозяйка, убей! Выцарапай мои глаза! Смерть мне, смерть.

Гульбахрам попридержала раскачивающуюся женщину, но когда Айсара сказала:

– Двое на конях так внезапно промчались мимо меня, вырвали из моих рук мальчика и скрылись за поворотом!..

Гульбахрам, охнув, упала без чувств.

* * *

Ташкент. Двухэтажное здание.

Новая вывеска: «Туркестанский комитет Р.С.Д.Р.П. (большевиков)».

Малый кабинет Ивана Колесо.

Стоя перед председателем (Иван Колесо), его заместителем (Петлин), Зеленский докладывал:

– Мальчик уже в руках Худоберды курбаши. Он наш человек и, что немаловажно, он таджик. По моим расче-

там, Мустафа и Мухамеджан дело поиска и освобождения мальчика поручат Оспан-батыру. Пока Оспан-батыр будет искать Худоберды курбаши, я специально подброшу информацию начальнику Кокандской милиции Иргаш курбаши. Он в последние дни очень подружился с Оспан-батыром. Значит, информацию, подкинутую мною, он обязательно сообщит Оспану. Если Худоберды убьет мальчика, то казахи и узбеки не простят это таджикам. Если же Худоберды отдаст мальчика живым, то люди Иргаша потом все равно убьют Худоберды. У мусульман захват человека в заложники – непростительный грех. Значит, или люди Иргаша, или люди Оспана все равно убьют Худоберды. Гибель Худоберды курбаши таджики не простят ни казахам, ни узбекам.

Доклад Зеленского Иван Колесо выслушал, все больше мрачней и мрачней.

Алексей Петлин же пришел в полное восхищение. Как все слабые духом люди, он был подавлен обстановкой подлости. Его подавленность вырвалась наружу как восторг.

– Ну, Саша, ну, Зеленский, твои штучки-дрючки могут перевернуть весь мир!

– Любой из нас всего-навсего – мизинец! Мизинец самостоятельно не может разбить морду. Морду разбивает кулак! Сильный кулак! Запомни это, Алексей. Один я – мизинец, и ты, Алексей, – мизинец! И ты, председатель, – мизинец! Не обижайся, впрочем, можешь и обидеться... Но пока существует Туркестанская автономия, мы втроем обречены дружить. Мы втроем обречены дружить с монархистом Ивановым. Монархист Иванов в свою очередь вынужден целовать, извини меня... задницу анархисту Тунгачкову. Когда уничтожим Туркестанскую республику... кстати, Туркестанскую республику уничтожим не мы. И не господин Фрунзе... Туркестанскую республику

уничтожит Его Величество Раздор! В тот же миг господин Иванов возьмется за нас. Помните историю с портретом царя? То-то и оно!

* * *

Ферганская долина. Отроги Алайских гор. Урочище Найман сай.

Худоберды со своей богатой многочисленной свитой в тени векового карагача пил чай. Джигиты, охранявшие на возвышенности, заметили далекую пыль.

К ним подъехал сам Иргаш с малочисленным отрядом. Увидев Иргаша, караульные растерялись. Один наиболее смелый хотел преградить путь аргамачу Иргаша, но джигит Иргаша полоснул камчой этого смельчака.

– Ты не видишь, кто явился к вам?

– Вижу, вижу, – забормотал смельчак.

– Курбаши Иргаш едет к своему другу курбаши Худоберды.

– О? – воскликнул смельчак и быстро, спешившись с коня, согнул колени, склонил голову перед ними. То же самое сделали его джигиты.

* * *

Ташкент. 13 декабря 1917 года. Малый кабинет Ивана Колесо. Знакомая тройка.

На этот раз Зеленский уже не торжествует, он перепуган, глаза навывкате. На экран неожиданно врывается широкая сибирская река Енисей. Черной бородавкой приютилась деревушка под Красной скалой.

Почерневшая, покосившаяся избушка.

Изнутри.

Закрывая всем телом подслеповатое окно, стоит Зеленский.

Он видит, как к избушке подъезжают двое на низкорослых якутских конях, одетые в волчьи шубы и в лисьи казахские тымаки, – два дюжих джигита.

Зеленский из-под кровати выхватил двустволку.

Выстрел.

Пуля застряла в мокром бревне.

Мягко открылась дверь. На пороге стояли Иван Колесо и Алексей Петлин.

Они кинулись к Зеленскому, отобрали ружье, скрутили руки.

– Что ты, Саша?

– Что с тобой, Саша? – спрашивал Алексей. Потом, повернувшись к Ивану Колесо, сказал: – Он болен, глаза застекленели. Налей мне холодной воды.

Иван Колесо налил в стакан воды.

Холодная вода отрезвила Зеленского.

– Ну слава богу, ну слава богу! – говорил Алексей Петлин.

Крупные капли пота выступили на лбу у Зеленского.

– Извините, ребята. Это последствия профессионального революционного прошлого. Он привстал, чтобы «смазать» свой позорный момент. Очень громко, как будто стоял на трибуне, крикнул:

– Революция продолжается! Революция никогда не закончится, товарищи!

* * *

Ферганская долина. Алайский хребет. По ущелью Найман сай поднимается Оспан-батыр с малочисленными джигитами.

* * *

Ташкент. Малый кабинет Ивана Колесо.

Зеленский продолжает:

– И старый, и новый Ташкент в буквальном смысле заблокированы митингующими. Все вышли на улицу. У всех транспаранты одного содержания: «Да здравствует Туркестанская автономия». И самое страшное, самое непонятное, на улицу вышли русские рабочие, русские солдаты, русские казаки. По нашим подсчетам: тысяча пятнадцать джигитов Оспан-батыра, внушительное число узбеков, туркмен, киргизов, отдельной колонной идут каракалпаки. Наши местные артисты, ублажающие население, канатоходцы, оперные певцы. Разъезжая по площадям, выступает депутат Госдумы Доррер, Наливкин, еврей Янкель, ярый исламист Шай-Ахмед, юрист Серикбай Акаев, народные акыны уже славят Туркестанскую республику.

Мрачный Иван Колесо уточнил:

– У тебя, Саша, данные неверны. Янкель не еврей, Янкель – немец.

– Ну, бог с ним, с Янкелем, что немец, что еврей, нам, татарам, барбир! – попытался отшутиться Зеленский.

После тяжелых раздумий Иван Колесо встал.

– Нам надо присоединиться к ним, товарищи! Разделимся на три и будем выступать на площадях, понятно? – И он, неожиданно для своих друзей, заорал:

– Да здравствует Туркестанская автономия!

* * *

Коканд. Ферганская долина. Отроги Алайских гор. Ущелье Найман сай.

В тени огромного карагача восседают Худоберды и Иргаш. Между ними происходит разговор:

– Для меня большая честь, что вы, такой большой человек, осчастливили меня, ничтожного, своим посещением, Иргаш курбаши!

– Нет! Это вы осчастливили меня, приняв за своим дастарханом недостойного раба, Худоберды курбаши!

– Но я должен вам напомнить, что Мустафа и Мухамеджан, по просьбе которых вы пришли ко мне, отъявленные кафиры, неверные!

– Как, курбаши Худоберды?! Оба мусульмане! Дед Мустафы Торгай-датха был по нынешним понятиям губернатором Сырдарьинской области Хивинского ханства, был весьма уважаемым правоверным, строил мечети и медресе. Дед Мухамеджана Тынышбаева был одним из знаменитых батыров Аблай хана.

– Не спорю, уважаемый Иргаш, но это деды, а внуки... Вот там находится группа туркменских джигитов, которых вчера прислал ко мне знаменитый Сардар Атабек. Вот что он пишет: – Худоберды из-за пазухи вытащил сложенную бумагу и начал вслух читать: – «Инженер Тынышбаев построил от Ташкента до Красноводска, от Ташкента до Андижана железную дорогу. По этим чугунным дорогам в наши земли проникают железные кибитки»... – Худоберды с улыбкой посмотрел на Иргаша, продолжал: – Уважаемый Атабек Сардар имеет в виду бронированные поезда, которые снуют по нашим территориям, стреляя из пушек и пулеметов, сеют смерть. Теперь скажите мне, уважаемый Иргаш курбаши, человек, построивший железную дорогу, которая сеет смерть, достоин ли он называться правоверным мусульманином? А Мустафа ваш, новый Шахин шах, крутит шашни-машни с русской Машей, женою русского офицера. Так кто же он по-вашему?

Иргаш стал багровым. Он понял, что Худоберды фактически отказал ему.

– Я бы не обиделся на вас, уважаемый Худоберды, если бы вы отказали на таджикской земле... А вы на мгновение забыли, что находитесь на земле узбеков.

– Да, я сейчас на земле узбеков, но через два часа я могу оказаться на земле таджиков. Вон на нас смотрят хмурые пики Памира, а за ними на нас смотрит наш Создатель. И он мне не простит, если я отпущу исчадие самого дьявола.

Иргаш внимательно посмотрел в сторону гор. На хребтах чутко застыли вооруженные винтовками сарбазы Худоберды курбаши. Они легко могли перебить малочисленный отряд Иргаша, но тут, как в кино, за малый перевал поднялись джигиты Оспан-батыра. Это очень не понравилось Худоберды.

Еле заметно улыбнулся Иргаш курбаши.

* * *

Ташкент. 13 февраля 1918 года. 11 часов дня. Площадь перед мечетью Шайхан-таур.

Грандиозный митинг.

Самые разнообразные человеческие типы. Узбеки, казахи, киргизы, туркмены, русские солдаты, русские казаки, русские рабочие, бухарские евреи, ходжентские таджики. На трибуну, где уже находились Доррер, Серикбай Актаев, туркмен Атабек, Наливкин, Вадим Чайкин, Али Мухамед Кутибаров, Шай-Ахмед, поднялся Иван Колесо.

...Иван Колесо завершил свое выступление отчаянным криком.

– ...Так что, дорогие товарищи, мы, большевики, пламенно поддерживаем свободное волеизлияние народа Туркестана. Да здравствует Туркестанская автономия!

Иван Колесо осекся, увидев в толпе Зеленского. Зеленский, ехидно улыбаясь, указательным пальцем приглашал Ивана Колесо к себе.

На трибуне выступал Наливкин, но мы его не слышим. (Мы – это камера!) Мы догнали отделившихся от толпы

Ивана Колесо и Александра Зеленского. Мы подслушали их слова.

Зеленский сказал:

– Положение критическое. Я дал телеграмму товарищу Ленину. Не ругай меня за самовольство. Или сегодня, или никогда. Если мы сегодня не решимся, Туркестан достанется туркам, или иранцам, или индусам, или англичанам. История нам этого не простит.

– Что ты нам предлагаешь?

– Ты поезжай в новый город. Выступи там хорошенько, как сейчас, как только что... А я поеду в Топрак-корган. Там заперлась группа головорезов, кстати, мои люди: знаменитые Бабков, Тунгачков, Кедрин. Когда митингующий народ будет расходиться, я в их ряды втисну несколько человек-алкашей с большим транспарантом: «Да здравствует независимый исламский Туркестан!». Обязательно начнется драка, а драчунов мы успокоим нашими штучками-дрючками.

* * *

Отроги Алая. Ущелье Найман сай.

Одноглазый слепец смотрит на нас – это пещера Кара-Унгур.

Из унгура два джигита вывели семилетнего мальчишку. Мы узнали Искандера. Он вымыт, зачесан. Заметно, что его не били.

Мальчик радостно побежал с криком:

– Оспан-ата!

Оспан прижал мальчика к груди.

– Айналайын! А это еще один твой дядя – Иргаш.

– А я его знаю.

Иргаш взял мальчика на руки, прижал к груди.

Оспан-батыр, широко шагая, подошел к Худоберды. Худоберды и Оспан обнялись грудь к груди.

Потом курбаши Худоберды обнял курбаши Иргаша. Все трое тепло попрощались, но холод сквозил в глазах Иргаша.

* * *

Ташкент. 13 февраля 1918 года. 12 часов 30 минут. Площадь перед мечетью Шайхан-таур.

Митинг в поддержку Туркестанской автономии продолжается.

Садясь в автомобиль, Иван Колесо сказал:

– Я заметил здесь очень мало таджикских тюбетеек... Значит, твое предположение исполнилось? Люди Иргаша убили Худоберды курбаши?

– Нет, – сказал Зеленский, садясь рядом с Иваном Колесо. – Полковник Иргаш оказался человеком благородным, он не стал мстить таджику, – Зеленский загадочно улыбнулся, – доделать эту работу пришлось моим людям... Среди личной охраны Худоберды были мои люди. Они ночью зарезали Худоберды курбаши и на грудь положили записку от имени Иргаша: «Так будет со всяким, кто осмелится послушаться Иргаш курбаши».

Зеленский торжествующе посмотрел на Ивана Колесо.

– Да... – задумался Иван Колесо. – Я все собираюсь спросить у тебя, Саша, только не обижайся. Ты... в молодости не служил в царской охранке?

– Ты меня обижаешь... – обиделся Зеленский. – Я в охранке не служил, но я изучал ее методы. И, разумеется, своим талантом обогатил стиль и методы этой старинной, очень профессиональной школы, у меня особый нюх. Мне так и сказал товарищ Дзержинский.

* * *

Коканд. 13 февраля 1918 года. 7 часов утра. Дом Тынышбаева.

Гульбахрам заботливо одела своего мужа. Тынышбаев присел на европейский стул. Выпил пиалу чая.

Собираясь на работу, подошел к спящему сыну. Обнял. Искандер проснулся.

– Папа, ты же обещал сегодня меня повести на свою работу.

– Спи, спи. Когда выспишься, мама тебя привезет во дворец.

– Это нехорошо! – как взрослый человек произнес Искандер. – Ты хочешь снова меня обмануть. Ну смотри! Я не отдам тебе тогда записку!

– Какую записку?

– Ту самую записку, которую мне дал хромой дядя, за день до того, когда украли меня.

– Так, целых полмесяца ты носишь с собой записку? Как ты ее сохранил?

Мальчик приподнялся, из-под трусов вытащил записку.

– Вот она. Бандиты не подозревали, что я ношу с собой записку.

Тынышбаев развернул и начал читать записку. (И мы тоже!)

В записке было написано:

«Миша! Ты заблудился. Товарищ Ленин хочет с тобой встретиться, вернись в Ташкент. Поедем вместе в Москву. Товарищ Ленин примет тебя как главу правительства Туркестанской автономии.

Еще скажу, будь очень осторожен. Бандиты начнут охотиться за твоим сыном.

И еще: если мы, вернее, товарищ Ленин разочаруется в тебе, то я вынужден буду сровнять вашу столицу с землей. Я человек военный. Ты сам понимаешь, я не имею права размышлять.

Твой Миша».

К мужу подошла Гульбахрам.

– Что это, жан?

– Записка от Михаила Фрунзе, моего одноклассника.

– Говорили, он командующий южной армией?

– Да, командарм... Как у них принято говорить.

– Ну, что он?

– Записка дошла до меня с большим опозданием. Он предупреждает, что нашего мальчика могут украсть бандиты.

Тынышбаев задумался, сказал:

– Все.

* * *

Ташкент. 13 февраля 1918 года. 12 часов 40 минут.
Несколько человек подпITYх мужиков на руки подняли очень большой красный транспарант «Да здравствует независимый исламский Туркестан!»

В метрах пятнадцати стоял Арсений, муж Гориной, в гражданской форме, но при инкрустированных саблях. Он критически, придирчиво осмотрел транспарант, потом сказал мужикам:

– Оденьтесь по-узбекски. Чтобы одежда и тюбетейки были грязными, и отправляйтесь к Ордынскому мосту.

* * *

Коканд. Ханский дворец с вывеской: «Правительство Туркестанской автономной республики».

Гульбахрам ведет за руки Искандера.

Сарбазы, охранявшие дворец, узнали Гульбахрам и Искандера.

Кто-то из сарбазов даже погладил Искандера по головке.

Заседало правительство Туркестанской автономии. Вел заседание Мустафа Чокай.

– Положение республики очень сложное, товарищи, – сказал Мустафа Чокай, – сегодня утром полковник Иргаш разоблачил шпиона, некоего полковника самозванца Мехди Чанышева. Но ему удалось бежать к большевикам, но через полчаса большевики сами его уничтожили. Вот какая сложная игра идет в Туркестане. В Ташкенте идут митинги в нашу поддержку. Самое странное то, что руководители большевистского реввоенсовета побывали на всех площадях и выразили поддержку туркестанской автономии. Нам бы успокоиться, но почему-то очень сильно сомневаюсь. Командарм Фрунзе занял город Ходжент. Но есть и положительное в нашем деле. Наш министр Назыр Улан на Северном Кавказе закупил большое количество зерна. Первые эшелоны сегодня придут в Коканд. Заместитель министра финансов товарищ Харцвельд телеграфировал из Берлина о выделении солидной суммы займа нашему правительству. Этого, конечно, советы нам не простят. Министерство во главе с уважаемым Хидаят-беком Юргали дня через два-три закончит работу по созданию земельного кодекса, и мы тогда объявим народу в противовес большевистским пустым лозунгам реальный закон о земле. Я надеюсь, что этот наш шаг в корне перевернет сознание масс трудящихся Туркестана.

В зал заседаний вошла Гульбахрам с Искандером.

Тынышбаев густо побагровел. Он быстро подошел к Гульбахрам, позвал к себе одного из сарбазов, охранявших вход, и поручил ему:

– Покажи ему все залы и комнаты дворца.

Солдат улыбнулся:

– Я ему два раза показывал.

На что мальчик капризно крикнул:

– А я хочу еще раз!..

* * *

Ташкент. 14 часов 30 минут.

По узким улицам старого города расходятся митингующие.

Большая колонна во главе с депутатом Госдумы Дорре-ром и Оспан-батыром (Оспан и Васька на коне) подходят к Ордынскому мосту.

Ордынский мост – только что построенный очень длин-ный деревянный мост. Это сооружение в два раза длиннее реки Чирчик.

Воды реки Чирчик грязно-мутные.

Сбоку к митингующим присоединилась группа алка-шей с транспарантом: «**Да здравствует независимый ис-ламский Туркестан!**»

Возвращающиеся демонстранты толком не сообразили, что это значит.

Демонстранты идут по новому длинному белому мосту (этот эпизод мною задуман как символический). Камера долго, мирно следит за поведением людей. Эпизод будет разделен на восемь-десять кусков и будет детально разра-ботан.

(Отдельный эпизод с Доррером, Оспан-батыром и Вась-кой.)

Отдельный эпизод будет называться «Дед и внук».

Молодой русский солдат был убит ночью на узкой го-родской улице. Его отец, жена, трехлетний сын оплаки-вали его.

А в этот день 13 февраля старик, взяв мальчика за руку, присоединился к митингующим на перроне железнодоро-жного вокзала. Теперь Дед, с внуком на руках, возвра-щался в толпе. Он только дошел до середины Ордынского моста.

...И тут Васька заметил чужой транспарант.

Васька показал чужой транспарант Эммануилу Дор-реру.

– ...Провокаторы... – успел сказать Доррер.

...Несколько человек республиканцев кинулись к про-вокаторам, быстро замяли, отобрали транспарант, но было уже поздно.

...С трех сторон моста демонстрантов ждали...

...Бабков...

...Тунгачков...

...Кедрин...

...С новенькими пулеметами «Максим».

– Гады, хотят отделиться! – под нос буркнул Тунгачков.

* * *

Коканд. 13 февраля 1918 года. 13 часов 30 минут.

Заседает правительство Туркестанской автономии.

Единственный телефон, висевший на стене, тревожно зазвенел.

– Трубку поднял польский офицер Гзовский, адъютант Мустафы Чокая.

Гзовский:

– Товарищ Мустафа, вас просит командующий Фрунзе.

На другом конце провода командарм Фрунзе:

– Я хотел переговорить с Тынышбаевым, но так как главой государства являетесь вы, я решил обратиться к вам. Я мог бы явиться к вам своей персоной. Но мне Москва запретила.

– Я вас приветствую, товарищ Фрунзе, я вас слушаю.

– Я стою в десяти километрах от Коканда.

– В десяти километрах?

– Да! В кишлаке Дангара!

– Я вынужден повторить те условия, которые мои люди два часа тому назад принесли вам как официальный до-

кумент. Вы понимаете, я, как военный человек, не имею права рассуждать, но читаю пункт первый – Безоговорочное признание советской власти! Пункт второй – Добровольный роспуск правительства! Пункт третий – Как и четыре месяца тому назад, мы вам лично предлагаем возглавить Туркестанское Советское правительство.

Мустафа очень спокойно ответил:

– По пункту первому – категорический отказ! По пункту второму – категорический отказ! По пункту третьему – Если бы ваше правительство было бы действительно Советским... Но ваше правительство с первого дня стало – большевистским! Поэтому, так же как и четыре месяца назад, – отказываюсь...

Фрунзе на другом конце провода:

– Тогда ровно через двадцать минут я начну атаковать вашу столицу. И последнее: передайте моему другу Тынышбаеву, я очень сожалею и советую во что бы то ни стало сохранить сына. Моим солдатам дано поручение, но как вы сами знаете, господин Мустафа Чокаев, солдат есть солдат...

* * *

Ташкент. 13 февраля 1918 года. 2 часа 45 минут. Ордынский мост.

Пулемет «Максим» первым заметил Васька, маленький, юркий, он привстал на седле и крикнул:

– Оспан-ага! – навалился на Оспана.

Оспан не успел удивиться.

Великан Оспан и юркий Васька покатались вниз и оказались в яме, свежевырытой строителями.

...В этот момент очень убедительно «заговорили» три пулемета «Максим».

Адская картина.

Мост новый. Мост длинный.

Мост белый. Мост в крови. Полегли сотни, а может, тысячи.

Особенно жалко было Деда с внуком.

– О господи, – крикнул старик, – в чем вина Ванечки?

...Падая на колени, он грудью прикрыл внука, наивно полагая, что своим телом спасет его.

Но мощные пули «Максима» очередью прошли их обоих.

* * *

Коканд. 13 февраля 1918 года. 14 часов 50 минут.

С криком: «ура-а-а!» Южная армия хлынула в мирный азиатский город.

Снаряды пушек не стали «обходить» даже ханский дворец – подлинное искусство зодчих.

В зале заседаний правительства.

Мустафа спокойно произнес:

– Это все, товарищи! Конец парижской коммуны! – горько улыбнулся. – Парижская коммуна продержалась семьдесят два дня! А мы – шестьдесят четыре! Всего шестьдесят четыре!

Тынышбаев подбежал к сыну, взял его на руки.

Гульбахрам была спокойна.

В этот критический момент она была особенно красива.

Первый снаряд пробил стену зала заседаний (тронного зала бывшего кокандского хана).

Гзовский подбежал к Мустафе, взял за руки и, как будто так и должно быть, скомандовал:

– Держитесь за мной, товарищ Мустафа.

* * *

В этот день из ста двадцати тысяч жителей Коканда в живых осталась одна треть.

* * *

На экране дым. Ордынский мост, трупы.

* * *

На экране дым. Развалины Коканда. Трупы. Трупы...

* * *

Сквозь дым пробился пассажирский поезд с красно-коричневыми царскими вагонами.

Пассажирский поезд остановился на разъезде **Слу-тобе**.

В купе сидели Чайкин, Мустафа, оба в офицерской форме неизвестной армии, в гражданском – Наливкин, Мария Горина – в белой одежде сестры милосердия. Все встали. Наливкин обнял Мустафу, потом Вадима.

Мария сказала:

– Я вас провожу, Владимир Петрович.

Снаружи поезда. К царскому вагону подошла пожилая женщина-казашка, увидев Наливкина, радостно кинулась к нему.

– Эй, бала темир, эй, бала темир, стой! Куда же ты дел нашего Мустафу?

Наливкин женщине что-то сказал.

Мария быстрыми шагами вернулась в купе.

– Какая-то женщина спрашивает тебя.

Мустафа посмотрел в окно. Увидел женщину, рядом стоял мальчик лет семи-восьми.

– Это жена моего дяди, она воспитывала меня. Мустафа еле сдерживал слезы, умоляюще посмотрел на Марию:

– Разреши рискнуть все же!

Мустафа спрыгнул с вагона. Женщина, Рахима, кинулась к нему, тихо причитая какие-то слова. Долго не отпускала его.

Потом, когда Мустафа освободился от ее объятий и выпрямился, женщина сказала:

– Это мой сын Байд-Рахман, твой племянник. Байд-Рахман заворуженно смотрел на Мустафу.

Мальчик произнес:

– Вы Мустафа? Шахин шах Мустафа?

Мустафа горько улыбнулся.

– Да, шахин шах!

Мустафа поднял мальчика с земли, прижал к груди.

Конец фильма первого.

МУСТАФА ШОКАЙ

*Литературный сценарий двухсерийного
художественного фильма*

Фильм второй

ПРИГОВОР

Москва. 1941 год. 6 сентября. Лубянка.

Очень долгий проход по длинному коридору.

Пожилой полковник Васильев молча ведет молодого лейтенанта Байд-Рахмана.

Лейтенант строен, красив. Мы заглянули ему в глаза. Спокойные. Даже счастливые.

Зато Васильев мрачен.

И пожилой, и молодой шагают в ногу.

Правый поворот.

Снова проход по длинному коридору. В конце – лестница на верхний этаж.

Четкие шаги.

По длинному коридору другого этажа Васильев и Байд-Рахман, кажется, шагают в обратном направлении...

В самом конце коридора Васильев замедлил шаг. Остановился.

Замедлил шаг, остановился Байд-Рахман.

Васильев гневно буркнул:

– Убери улыбку! Ишь, засиял! Не на смотрины невесты идешь!

Байд-Рахман мгновенно «снял» улыбку. (Это у него получилось профессионально.)

...В приемной их встретил адъютант генерала.

– Вот тот лейтенант, – сказал Васильев.

Адъютант даже не поднял глаза, что-то писал.

– Вы свободны, – сказал Васильеву.

...Облик генерала Зеленского (да, да! Тот самый Зеленский!) поразительно интеллигентен.

– Выпускник Харьковской Высшей пограничной школы Н.К.В.Д. СССР лейтенант Садыков Байд-Рахман!

– Дальше? – сказал генерал.

Видимо, полковник Васильев основательно подготовил Байд-Рахмана к разговору с высоким начальством. Байд-Рахман четко продолжал.

– 1910 года рождения. Уроженец разъезда Слу-тобе Сырдарьинской железной дороги. Среднюю школу окончил на станции Казалинск в 1928 году. Член ВЛКСМ с 1927 по 1937 год. Сперва кандидат, потом член ВКП(б). Женат, имею одного сына.

– Еще? – в упор смотрел генерал.

– Все, товарищ генерал! – уверенно ответил Байд-Рахман.

Генерал, видимо, это его профессиональный прием, ехидно спросил:

– Неужто все?

– Да, все... – вздрогнул голос молодого лейтенанта.

– Как вам не стыдно, Садыков, член ВКП(б), воспитанник комсомола?!

Байд-Рахман на мгновение растерялся, но успел «снять» страх с лица.

– Я честен перед партией, товарищ генерал.

– А почему ты скрыл, что дед твой Торгай был правителем Сырдарьинской области Хивинского ханства?

Можно только позавидовать выдержке Байд-Рахмана, он четко ответил:

– Отец мой Садык был очень бедным человеком, имел одного коня, одну корову. Дед Торгай... Я его не видел, но отец рассказывал, что дед, несмотря на то, что он был правителем, датха, был человеком бедным, он свой скот раздавал народу. Для себя держал только один косяк кобылиц.

– А сколько кобылиц в одном косяке?

– От восьми до двенадцати кобылиц.

– И ты этого человека называешь бедняком?!

– В условиях Казахстана, товарищ генерал, это небогатый человек. К тому же я сроду не видел своего деда. Он умер в 1908 году.

Видимо, генерал нажал на какую-то кнопку, вошел адъютант.

– Уведите, – сказал генерал.

* * *

Байд-Рахман в одиночной камере. В этой камере можно только стоять.

Байд-Рахман сник.

* * *

Каменные стены одиночной камеры не выдержали волну человеческого сознания:

...Байд-Рахман с полковником Васильевым идет по длинному коридору Лубянки. Идут... Идут... Идут...

Полковник Васильев замедлил ход. Остановился. Лейтенант Байд-Рахман замедлил ход, остановился.

– Убери улыбку! – гулко раздался голос Васильева. – Не на смотрины идешь!

...Казалинск. 1939 год. 10 июня.

Единственное казенное здание – красивый кирпичный вокзал. Немая сцена: из вагона вышел курсант Байд-Рахман. На перроне его ждал отец.

Отец кинулся, хотел обнять... Но рослый стройный курсант выставил ладони правой руки, строго дал знать, что его нельзя обнимать.

Отец растерянно остановился.

...По узкой пыльной улице Казалинска идут отец и сын.

...Отец и сын миновали неказистые приземистые хибарки, потом остановились у ворот приличного кирпичного дома, крытого красной черепицей.

...В гостиной зажиточного казаха за достарханом Байд-Рахман с отцом. Отец и мать невесты.

Отец невесты в форме железнодорожника.

В передней стоит невеста Гульсара, мелко дрожит.

Отец невесты сказал:

– ...Так что, дорогой Садык, ты человек уважаемый, но я, подумав, решил вам отказать, потому что дед ваш датха Торгай был правителем Сырдарьинской области Хивинского ханства. А это в нынешнее время очень опасно, я не хочу, чтобы единственная дочка стала вдовой, не успевай выйти замуж.

– ...Но... Мой сын был комсомольцем, сейчас член партии, окончил второй курс... Учится в очень советской красной школе. Через два года станет офицером...

– Тем более, – продолжал отец невесты. – Сын твой станет военным человеком, военные сегодня тут, а завтра там... Я не хочу, чтобы жизнь моей единственной дочери проходила на колесах.

...Байд-Рахман увидел себя в зеркало: он растерянно улыбался.

Еще он увидел в зеркале, что через приоткрытую дверь на него печально смотрела Гульсара...

Байд-Рахман четко увидел, как крупные слезы покатились по алым щекам невесты.

Каменные стены одиночной камеры снова взяли в тиски несчастного лейтенанта.

Он еще в форме.

* * *

Москва. Противовоздушный дирижабль над кремлевскими башнями. Лубянка. Кабинет генерала Зеленского. 11 сентября 1941 года.

Генерал сидит, Байд-Рахман стоит. Он еще в форме выпускника школы НКВД.

Между генералом и лейтенантом происходит такой диалог:

– Ты почему не женился на дочери железнодорожника?

– Он мне отказал.

– Почему?

Байд-Рахману не откажешь в сообразительности. Он построил свой ответ не обычно, а логично.

– ...Во-вторых, – сказал он, – я не хочу, чтобы жизнь моей единственной дочери проходила на колесах.

– А во-первых? – хитро прищурил глаза генерал. – А во-первых?

– Во-первых, – сказал Байд-Рахман, – во-первых, сказал ее отец: «Я не хочу, чтобы единственная дочка моя стала вдовой, не успев выйти замуж».

– Почему?

– Потому что мой дед Торгай-датха был правителем Сырдарьинской области Хивинского ханства.

– А почему ты скрыл это от советской власти?

– Я не скрывал, товарищ генерал. В автобиографии при поступлении в училище четко об этом написал.

– Все же. Вот ты – член партии. Пока... Как ты думаешь, зная все это заранее, почему этот Нургали... Я правильно произнес имя?..

– Да, правильно.

– Заранее зная об этих обстоятельствах, он позволил тебе два года ходить в женихах и отказал в самый решительный день, почему?

Байд-Рахман понял «ход игры». Заметно осмелев, он ответил:

– Я думаю, товарищ генерал, он мне отказал потому, и это главная причина, что я племянник пресловутого врага советской власти небезызвестного Мустафы Чокаева.

– Вот, вот! А почему ты скрыл от советской власти это обстоятельство?

– Я не скрывал, товарищ генерал, в моей автобиографии все это указано, – с какой-то гордостью четко сказал Байд-Рахман.

В глазах генерала мы увидели искорки доверия.

Генерал сел на свое место.

– Я читал твою автобиографию. Поэтому-то я и пригласил тебя к себе, лейтенант Садыков... Байд-Рахман. Я правильно произнес твое имя?

– Да, правильно, товарищ генерал.

– А что значит это имя – Байд-Рахман?

– Молящийся о милости.

– Интересное имя... А почему ты обращаешься ко мне как к генералу?

– Я сразу сообразил, товарищ генерал.

– А как ты сообразил?

– Раз меня к вам привел полковник...

Чуть заметно затеплились глаза генерала Мельника.

– А ты знаешь мою фамилию?

– Никак нет, товарищ генерал.

* * *

Одиночная стоячая каменная камера.

Байд-Рахман. Уже без формы. Страшно избит.

Каменные стены одиночной камеры не выдержали напора человеческого сознания.

Сквозь дым пробился пассажирский поезд с красно-коричневыми царскими вагонами.

Пассажирский поезд остановился на разъезде **Слу-тобе**. Вдоль вагона бежала женщина с семилетним ребенком (мать Байд-Рахмана). С вагона сошли двое, русский (Наливкин), женщина русская (Горина).

К вагону подошла пожилая женщина-казашка, увидев Наливкина, радостно кинулась к нему.

– Эй, бала темир, эй, бала темир, стой! Куда же ты дел нашего Мустафу?

Наливкин что-то женщине сказал. Русская женщина быстрыми шагами поднялась в тамбур вагона.

Мустафа спрыгнул с вагона. Мать Байд-Рахмана, Рахима, кинулась к нему, тихо причитая какие-то слова, долго не отпускала его.

Потом, когда Мустафа освободился от ее объятий и выпрямился, женщина сказала:

– Это мой сын Байд-Рахман, твой племянник.

Байд-Рахман завороченно смотрел на Мустафу.

Мальчик произнес:

– Вы Мустафа? Шахин шах Мустафа?

Мустафа горько улыбнулся.

– Да, шахин шах! – Поднял мальчика с земли, прижал к груди.

* * *

Москва. 13 сентября 1941 года.

Противовоздушный дирижабль над кремлевскими башнями цепляется за серые густые облака.

Лубянка.

Кабинет генерала Зеленского.

Генерал сидит за столом.

Байд-Рахман (снова!) в форме лейтенанта. На раны и синяки густо, очень умело наложен грим.

– Ты не обижайся на этих солдафонов! – с мягкой улыбкой, вроде попросил прощения, произнес генерал.

– А ничего не было, товарищ генерал, – бодро ответил Байд-Рахман.

– Ответь мне, лейтенант, кто такой Чокаев Мустафа?

Четко не сбиваясь, как домашнее задание, произнес Байд-Рахман:

– Чокаев Мустафа. Год рождения 1892. Уроженец маленького аула в пяти километрах от железнодорожного разъезда Слу-тобе Сырдарьинской области. Нынче Кызыл-Ординская область Казахской ССР. В 1910 году окончил ташкентскую мужскую гимназию и был зачислен в юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. С 10 декабря 1917 года по 13 февраля 1918 года возглавлял так называемую Кокандскую автономию. После разгрома славной Красной Армией так называемой Кокандской автономии бежал, переодетый в форму белогвардейского офицера, в Челябинск, оттуда – в Екатеринбург, ныне город Свердловск, оттуда – в Баку, оттуда – в Тбилиси, через Батуми бежал в Турцию, оттуда в 1922 году бежал во Францию. С 1929 по 1939 год являлся главным редактором журнала «Молодой Туркестан». С июня 1940 года сотрудничает с фашистским министром Риббентропом. В сентябре 1940 года был принят прокля-

тым Гитлером. Стал сотрудничать с гестапо. Товарищем Сталиным, великим нашим вождем, Мустафа Чокаев назван «оголтелым» врагом советской власти. Женат на русской женщине Марии Яковлевне Гориной. Бездетный.

– Ладно, лейтенант. Теперь можешь сесть. – Генерал что-то вспомнил. – Нет, – сказал он, – встань! Ты что-то еще скрыл от меня.

– Никак нет, товарищ генерал.

– Ты знаешь, что через три дня после того... твой несостоявшийся тесть был арестован и вскоре расстрелян как враг народа?

– Я этого не знал, товарищ генерал. Я в тот же день уехал в Киев. Железнодорожный билет хранится у меня.

– Ну, допустим. А почему ты женился на...

– По любви, товарищ генерал.

– А ты знал, что она дочь секретаря райкома партии города Киев?

– Знал, товарищ генерал.

– Тем не менее украл ее.

– Она добровольно, товарищ генерал. И отец, и мать знали, товарищ генерал, но мне было приятно по-восточному сделать вид, что украл ее.

Напускная суровость генерала мгновенно растаяла. Он не мог сдержать себя, начал хохотать. И хохотал, пока не поперхнулся глотком выпитого чая.

Москва. 27 сентября 1941 года. Лубянка.

Противовоздушный дирижабль над кремлевскими башнями все цепляется и цепляется за клочья темных серых облаков, проплывающих на восток.

Каменная камера, но уже чуть пошире, так называемая «два на полтора».

Байд-Рахман сидит на полу. Без формы.

Можно даже протянуть ноги.

Каменные стены не выдержали напора человеческого сознания.

Киев. Просторная гостиная в квартире секретаря горрайкома.

Секретарь горрайкома... и его жена...

Стоя встречаются...

Байд-Рахман и Галина радостно вошли в гостиную. На руках у Байд-Рахмана младенец, завернутый в пеленки.

Байд-Рахман «на ладонях» преподнес ребенка своему тестю.

– Он будет вашим ребенком, – сказал Байд-Рахман.

Секретарь райкома растерялся:

– Почему моим?

– По нашим обычаям, первенец принадлежит дедушке и бабушке. Имя должны дать вы.

Отец и мать Галины совсем растерялись. Мать... видно, что бывшая деревенская девка, замахала руками и заохала.

– Ой, что ты говоришь, Борис, ой-ой-ой!

Отец Галины:

– А как я дам ему имя, если я не знаю ни одного казахского имени, кроме Байд-Рахман или Садык? Назовем одним из них...

– У нас не принято давать ребенку имена родителей и предков.

– Тогда уж сам помоги! – жалко улыбался секретарь райкома.

Байд-Рахман предложил:

– Можно было бы назвать его Искандером... По-казахски – Искандер. По-русски – Александр. И вы не в убыт-

ке, и мы не в проигрыше!.. – даже нашел силы пошутить Байд-Рахман.

* * *

Москва. 1 октября 1941 года. Противовоздушный дирижабль над кремлевскими башнями.

Теперь сам дирижабль отчаянно отбивается от натиска и непрерывных атак больших жутких клочьев черных туч.

Лубянка. Кабинет генерала Зеленского.

Генерал вплотную подошел к лейтенанту. Пристально посмотрел в глаза.

Выпускник Харьковской Высшей школы пограничных войск в форме. Подтянут. Сегодня выглядит свежим.

Генерал Зеленский:

– Вам все понятно?

– Понятно, тов...

Генерал перебил:

– Никаких «тов...» и никакого «генерала». Отныне ваши позывные – «барса кельмес». Эту кличку не знает даже полковник Васильев.

...Полковник Васильев ждал Байд-Рахмана в приемной генерала.

* * *

Украина. Зима. Лес.

Бежит человек. В полосатой «форме» немецкого концлагеря. Сильно избит. Худой. Обросший.

Бежал человек и упал. Обхватил ствол дерева, поднялся. Почему-то обошел толстый ствол. Если внимательно проследить за его глазами, можно догадаться, что он явно что-то ищет.

Человек снова побежал.

Снова упал.

Еле поднялся, хватаясь за ствол дерева.

Мы следим за его глазами.

В глубине глаз мелькнул слабый огонек.

Человек видит на стволе дерева ножом выцарапанный силуэт полумесяца.

Тут он окончательно упал навзничь.

Внимательно посмотрев на лежащего без сознания человека, мы узнали изнуренного Байд-Рахмана.

Камера снова начала внимательно изучать лежащего человека. Какие-то руки открыли грудь почти умирающего человека. Там выжженные цифры, номер военнопленного. (Надо будет «дать» Байд-Рахману какой-нибудь реальный номер. – А. Т.)

Теперь мы видим человека в форме ефрейтора Вермахта. Азиат.

Человек поднял умирающего военнопленного в легкой «одежде» концлагеря.

Камера изучила лицо и особенности человека, который спас умирающего беглеца, и запомнила его облик.

* * *

Украина. Город Винница. 3 декабря 1941 года.

Старинный дворянский особняк на окраине города.

Высокий забор.

Красивые ворота.

Два эсэсовца охраняют эти ворота.

...По улице Винницы ефрейтор-азиат в форме Вермахта ведет беглеца из концлагеря.

Ефрейтор-азиат подошел к двум эсэсовцам, что-то сказал.

Гостиная особняка на окраине Винницы. 3 декабря 1941 года.

Мустафа (белый френч, белые галифе, шикарные черные офицерские сапоги, солидный, с чуть выступающим животом, с заметной лысиной, пенсне на левом глазу) стоя встретил неожиданных гостей.

Сперва вошел очень крупный офицер-эсэсовец, за ним робко – казах в форме ефрейтора Вермахта и беглец из концлагеря.

Мустафа обратился к офицеру-эсэсовцу на немецком:

– Я прошу вас, господин оберштурмбаннфюрер, пригласить стенографистку и двух понятых.

Офицер вышел.

Ефрейтор что-то хотел сказать, открыл рот. Байд-Рахман готов был кинуться к дяде.

Но их суровым голосом остановил Мустафа:

– Ни слова! Сейчас придут стенографистка и понятые. Вопросы буду задавать я.

Вернулся офицер с секретаршей и двумя понятыми.

Дальше беседа идет на русском языке.

Ефрейтор-казах Мустафе:

– Вы меня знаете, господин Чокаев?

Мустафа:

– Да, знаю.

Ефрейтор-казах:

– Я работаю в управлении связи.

Мустафа:

– Да, знаю.

Ефрейтор-казах:

– Зовут меня Джойс.

Мустафа:

– Да, знаю. Теперь докладывайте. Прошу фиксировать все, что будет здесь сказано! – обратился Мустафа к стенографистке.

Стенографистка понимающе кивнула. В ее глазах мы увидели искорки сарказма: «Я это и без тебя знаю».

«Я тоже тебя знаю, красно-коричневый сексот», – успел подумать Мустафа.

Эсэсовец обратился к Мустафе:

– Я должен присутствовать здесь, господин Чокаев?

– Да! Это обязательно. Теперь отвечайте, – обратился он к военнопленному. – Кто вы?

– Я военнопленный. Бежал из концлагеря. Зовут меня Байд-Рахман, фамилия Садыков.

– Из какого концлагеря бежал?

– Не знаю, но по словам других военнопленных предположил, что концлагерь находится на территории Польши или западной Белоруссии.

– Кто вы? – повторил свой вопрос Мустафа.

– Я военнопленный, офицер Советской Армии, в контуженном состоянии попал в плен. Выпускник Харьковской Высшей разведшколы пограничных войск НКВД СССР.

«Ого! Ого! Крупная птичка!» – подумал офицер-эсэсовец.

Мустафа:

– Продолжайте.

Байд-Рахман:

– Не знаю, что сказать дальше... Вроде все...

– Член комсомола?

– Был. Член партии.

«Ого!» – подумал офицер-эсэсовец. – «Однако он слишком откровенен, неужели такой наивный или подосланный к нам советский агент?»

Мустафа:

– Почему ты просился ко мне?

– Потому что я ваш родственник. Я ваш племянник. Сын Садыка, вашего старшего брата. И вы, и я являемся внуками Торгая-датхи!

– Извините господин Чокаев, как пишется слово датка? – это стенографистка.

– Не датка, а датха! – нарочито подчеркнул Мустафа.

– Извините, пожалуйста! Спасибо! Еще раз извините...

Мустафа обратился к стенографистке:

– Слово «датха» переводится на русский язык как «правитель». Человек, которого назвал военнопленный Садыков, был правителем, «датхой» Сырдарьинской области бывшего Хивинского ханства. Он умер в 1908 году. Мальчишкой он носил меня на руках.

Снова приняв строгий вид, Мустафа обратился к Байд-Рахману:

– Откуда ты знал, что я здесь?

– Это уже не секрет. В концентрационном лагере, где я находился, все говорили, что Мустафа Чокаев создает армию из военнопленных мусульман. Я решил бежать к вам.

– И ты был уверен, что я спасу тебя?

– А как же, ведь я ваш племянник и поэтому я рассказал все не скрывая. Что я офицер Советской Армии, выпускник Харьковской Высшей разведшколы... Если расстреляете меня, я буду молить аллаха, чтобы он простил вам этот большой грех.

– Ты еще верующий?

– Являясь внуком датхи, я не могу не быть верующим.

Потеплели глаза эсэсовского офицера. Он подумал: «Если он внук правителя области, значит, по-нашему – герцог или граф... Да-а-а... Крупная птичка! Даже если

подосланный шпион, то шпион – крупный. Немедленно надо оповестить Берлин».

Винница. 3 декабря 1941 года. 14 часов 05 минут.

В другой комнате. Эсэовец (Крюгер) пил чай со стенографисткой.

– Господин Чокаев работает четко... – сказала стенографистка. – И логика у него железная.

– Да, он крупная фигура! Даже... Он может приказывать мне.

– Ого!..

– Я вам могу показать одну фотографию, – Крюгер из внутреннего кармана вытащил фотографию, положил перед стенографисткой.

Стенографистка внимательно посмотрела, сказала:

– Господина Чокаева я узнала. Но... извините, господин оберштурмбаннфюрер, другого я не узнала.

Оберштурмбаннфюрер самодовольно расхохотался и, в закрытой комнате, видимо, по привычке оглянувшись, шепотом произнес:

– Я могу только вам сказать, фрау Хельга. Это... сам Риббентроп!

Теперь мы четко увидели фотографию: в открытую дверь черного автомобиля Риббентроп, чуть заметно нагнувшись, чуть протянув правую руку, приглашал садиться Мустафе Чокаеву...

– Ого, – фрау Хельга даже покраснела. Привстала. – С каким большим человеком работаем.

– Я вам по секрету скажу, фрау Хельга, он даже был принят самим фюрером! – Крюгер, как автомат, встал, поднял правую руку и крикнул: – Хай Гитлер!

Фрау Хельга сделала то же самое:

– Хай Гитлер!

Тут мы заметили, что у фрау Хельги четкая фигура и выправка военного человека.

* * *

Винница. 3 декабря 1941 года. 19 часов 05 минут.

Дворянский особняк. В гостиной, превращенной в кабинет: Мустафа, Крюгер, Байд-Рахман, стенографистка.

У всех уставший вид.

Мустафа. Посмотрел на часы.

– Пожалуй, все. Я вам напишу расписку. Беру под свою ответственность. Можете оставить его со мной.

Крюгер растерялся. Но решил.

– Извините, господин Чокаев! Мы его к вам приведем только через три дня, такова установка. Еще раз извините!

* * *

Москва. 5 декабря 1941 года. Над кремлевскими башнями уже нет противоздушного дирижабля.

Документальные кадры: наступление новых советских танков на немецкие позиции.

Лубянка.

Кабинет генерала Зеленского.

Генерал сидит.

Полковник Васильев, очень учтиво двигаясь, положил на стол перед начальством фотографию, которую мы видели в Виннице. Риббентроп и Чокаев.

– Неплохое начало! – не смог скрыть генерал еле заметные признаки скупой улыбки.

* * *

Винница. 6 декабря 1941 года. 06 часов 30 минут утра. Особняк (теперь этот особняк назовем «особняком Чокаева»).

Чокаев только что поднялся из-за стола, где он завтракал.

Прислуга – немецкий солдат убрал со стола.

Вежливо постучали в дверь.

Мустафа:

– Да.

Вошли: Байд-Рахман, Крюгер, фрау Хельга.

– Господин Чокаев, я получил разрешение... Теперь ваш племянник все дни будет с вами. Разрешите оставить вас одних.

Крюгер, четко шагая, вышел.

Байд-Рахман хотел обнять дядю, но Мустафа строгим видом, еле заметным движением руки, остановил его.

– У нас есть пятнадцать минут. Садись. Успеем попить по пиале чая.

Садясь, Байд-Рахман удивленно посмотрел на портрет женщины, стоявший на столе.

Мустафа уловил его взгляд и удивление племянника, потеплевшим голосом пояснил:

– Это твоя женеше. Мария Яковлевна Горина!..

Властный поток человеческих воспоминаний увел Мустафу в Ташкент.

* * *

Ташкент. 23 февраля 1918 года.

Ночь. Двухэтажный особняк, где снимали квартиру Горины.

Мустафа и Гзовский в узбекской одежде вошли во двор.

На первом этаже ярко светились два больших окна.

Посмотрев в окно, Мустафа пораженно остолбенел...

При четырех ярких керосиновых лампах Мария лечила старого узбека. Картина была жуткая. Из голого тела

старика Мария алюминиевой ложкой выскребала мелких белых черноголовых червей.

Мустафа долго следил за работой Марии.

Она даже не жмурилась.

Выскребленных червей она аккуратно собирала в медный тазик.

Черви водились на шее, на спине, на животе, темных местах рук и ног.

(Этот эпизод должен быть довольно длинным. – А. Т.)

Мария, «освободив» старика от червей и не обращая внимания на стоны старика, со спиртом вымыла кровоточащие раны, замазала какой-то черной мазью, забинтовала раны.

Снаружи: Мустафа с удивлением покачал головой, сказал Гзовскому:

– Какое естественное человеколюбие, Казимир!

– Да, натура!.. – согласился поляк.

Мустафа тихо, осторожно постучал в окно.

Мария даже не спросила кто.

Видно через окно, как она бежит к выходу.

Снаружи: Мария открыла дверь и радостно выпалила:

– Вот уже десять дней, как я жду вас. Чувствовала, что вы идете ко мне! Вот! Наконец-то вы пришли.

– Как вы могли знать, Мария Яковлевна?! Мы так мало знакомы.

– Это в науке называется телепатия, господин... товарищ... Мустафа. Когда прочитала в газетах о разгроме Коканда, первая мысль, мелькнувшая в моей голове, была: «Теперь он найдет меня!» Вот вы явились, слава богу, входите.

Мустафа и Казимир вошли в просторную комнату на первом этаже.

– Этого человека, – кивком головы указывая на старого узбека, объясняет Мария, – я нашла в свалке трупов у

Ордынского моста. Догадалась, что он еще жив. Наняла бричку и привезла домой. Извините... Вы садитесь, я пойду вымою руки.

* * *

Винница. 6 декабря 1941 года. 06 часов 55 минут.

«Обособник Чокаева». Гостиная.

Мустафа:

– Ты удивлен, что у меня жена русская?

Байд-Рахман робко улыбнулся:

– У меня тоже!.. Правда, у меня украинка.

Мустафа нажал на какую-то кнопку. Вошел солдат.

– Можешь убрать со стола.

– Я бы сам мог!.. – привстал Байд-Рахман. На что Мустафа заметил:

– Как мне сказал оберштурмбаннфюрер Крюгер: «по-немецки, значит, вы граф...». Так что, господин граф Торгаев Байд-Рахман, теперь все дни ты будешь со мной, но сегодня ты останешься здесь.

* * *

Винница. 6 декабря 1941 года. 12 часов 55 минут.

«Дом Чокаева».

Байд-Рахман в форме ефрейтора Вермахта. Сняв сапоги, лег на диван.

Байд-Рахман подумал: «Как у бога за пазухой! Неплохо устроился лейтенант Садыков».

Стук в дверь.

Байд-Рахман не успел подняться.

Вошел солдат с подносом.

Поставил поднос на стол.

Громко произнес:

– Хай Гитлер!

Байд-Рахман испуганно соскочил с места, испуганно повторил:

– Хай Гитлер!

Немец был серьезен, но ему, видимо, было приятно, что застал человека врасплох. Еле заметно подняв подбородок, четко шагая вышел.

Байд-Рахман растерянно думал: «Ну и ну, лейтенант Садыков. Тебя месяц били в Москве. Три дня били здесь. И на тебе! Сразу вышел в князя, то есть граф, внук датчи...»

Подошел к столу. Сам себе иронически сказал:

– Просим ко столу, граф!..

Сел. Стол был богат.

* * *

Стены добротного каменного дома в центре Винницы не выдержали напора человеческого сознания.

* * *

Кзыл-Орда. 7 сентября 1932 года.

Каменный дом в центре Кзыл-Орды. Вывеска: «Народный комиссариат внутренних дел СССР. Кзыл-Ординское областное управление Н.К.В.Д. Казахской АССР».

Кабинет начальника.

Начальник облуправления Федченко (видно, что из рабочих) давал напутствие молодому Байд-Рахману.

– Теперь придется, Садыков, попрощаться с педагогическим институтом! За особые заслуги в разоблачении феодално-байских элементов мы тебя направляем в Харьковскую Высшую школу НКВД СССР.

Байд-Рахман такого не ожидал. До него отдаленно, как эхо, донеслись слова:

– Ты понял...эНКавЭдэ эСэСэСэР, уловил?

– Но я... – замялся Байд-Рахман.

– Знаем, знаем, – бодро перебил его Федченко.

– Что ты внук знаменитого феодала... Знаем и простили. Не только простили, нам это и нужно было. Твоя преданность делу партии... Это большое доверие. Ты понял?

– Понял.

– Сейчас я тебя познакомлю с человеком. Он тебя будет сопровождать до Харькова. По пути в поездах, в общественных местах обращайся с ним как со слугой.

Федченко нажал на кнопку.

В дверях показался молодой офицер.

– Пусть войдет, – сказал Федченко.

Через некоторое время в кабинет вошел... (да, да, да! Тот самый Баске!) Василий Демченко (вы узнали его? Правильно. Это аткосчи Оспан-батыра).

– Старший сержант Демченко! Вот он! Твой хозяин до Харькова. Когда вернешься, сразу ко мне с докладом. Понял?

* * *

Кзыл-Орда. 17 сентября 1932 года.

Байд-Рахман и Василий, одетые «по-простецки» (ватные брюки, фуфайка, старый малахай, старые сапоги), но с большими чемоданами, идут по перрону вокзала Кзыл-Орды.

Жуткая картина: трупы, везде трупы умерших от голода казахов...

Несколько человек, работников привокзальной службы, «собирают» и аккуратно складывают на брочки, запряженные ишаками, трупы стариков, женщин, детей.

По глазам Байд-Рахмана и Василия мы поняли, что они уже давно привыкли к такой картине.

Один мертвец, когда работники привокзальной службы, взяв его за руки и ноги, подбросили на брочку, вдруг

поднял голову, открыл глаза, умоляюще протянул руки в сторону Байд-Рахмана и Василия.

Байд-Рахман и Василий, как говорится, обалдели.

Оба лишились дара речи.

Василий опомнился. Кинулся к работникам привокзальной службы.

– Что вы делаете?

Бородатый старик в клеенчатом фартуке с густым башком очень спокойно ответил:

– Да он все равно подохнет часа через два. Из-за него отдельную бричку гонять мы не можем, слишком жирно для него будет.

Второй мужик буркнул:

– Через полчаса подойдет поезд Алма-Ата – Москва. Мы же не можем его оставить здесь.

«Логика- железная», – подумал Байд-Рахман.

«Железная логика, железная логика...»

– Звери! – под нос буркнул Василий.

«Этот, разумеется, тоже сексот!..» – заключил Байд-Рахман. И спокойно пошел по перрону.

Василий догнал Байд-Рахмана.

– Наводят порядок на перроне и на главных улицах города... Большая уборка... К сегодняшнему составу прицеплен правительственный вагон. Едут товарищи Чан Кайши, глава правительства Китая, и наш Рыскулов, заместитель самого товарища Ленина, Владимира Ильича! Ты слышал об этом?

Байд-Рахман не успел ответить.

– Состоялась стыковка Транссибирской железной дороги. Слышал о станции Айна-булак? Газет не читаешь, что ли?

– Читаю... – неуверенно ответил Байд-Рахман.

– Ну ладно! – махнул рукой Василий. – Какой спрос со студента!

Байд-Рахман остановился, мгновенно ожесточился:

– Ты слушай.

Василий заюлил:

– Понял, понял, хозяин! Дайте ваш...

Он почти насильно взял у Байд-Рахмана и, чуть заметно сгибаясь, потащил два больших чемодана.

Винница. 6 декабря 1941 года. 14 часов 05 минут.

«Дом Чокаева».

Гостиная – кабинет Мустафы.

На столе чисто, значит, солдат уже убрал.

Байд-Рахман снял сапоги, снова лег на диван.

«Не смей рассуждать, Садыков, мелкая сошка, букашка! Твоя цель – остаться в живых ради твоего мальчугана Искандера. Каково им? Где они? А может быть, их уже нет в живых? А может быть, их уже расстреляли, как членов семьи первого секретаря райкома партии?!»

Винница. 6 декабря 1941 года. 23 часа 15 минут.

«Дом Чокаева».

Когда Мустафа вошел в гостиную – кабинет у дверей, как по команде смирно стоял подтянутый стройный солдат в форме Вермахта.

Солдат, протянув правую руку, приветствовал хозяина дома:

– Хай Гитлер!

– Джа! – махнул рукой Мустафа. – Когда мы вдвоем, это не обязательно.

Вошел солдат-повар с подносом.

Когда солдат-повар вышел, Мустафа сказал:

– Сегодня немцы очень нервные. Наверное, на фронте что-то неприятное случилось. Обычно Крюгер два раза в

день, утром и вечером, мне докладывал об успехах немецкой армии... Ну как, покормили тебя обедом?

– Да. Пожалуй, первый раз за многие годы наелся вдоволь. Даже в нашей разведшколе самое высокое начальство так не кормили.

– Завтра едем в Польшу, – сообщил Мустафа, сажая племянника напротив себя.

* * *

Польша. Концлагерь Освенцим. 7 декабря 1941 года. (Этот большой «кусок», состоящий из нескольких эпизодов, будет полностью разработан после моей, или группы авторов, поездки в Освенцим. Вероятно, будут использованы документальные кадры. А пока предлагаю несколько эскизов, которые войдут в этот большой «кусок».)

* * *

Концлагерь Освенцим. 8 часов 00 минут. 8 декабря 1941 года.

Военнопленные мусульмане выстроены в строй. (Условно называю цифру для режиссера: более трех тысяч человек.) Охрана. Лающие овчарки, как во всех военных фильмах.

Мустафа подъехал на черном лимузине.

Сопровождал его немецкий генерал. (Уточним имя и звание.) Знакомый нам оберштурмбаннфюрер Крюгер оказался одним из сопровождающих этого генерала.

Мустафа говорил на четырех тюркских языках (речь его будет дописана): татарском, турецком, казахском, узбекском.

Среди военнопленных оказался Убайдулла Ходжа. Он поднял обе руки в небо и громко произнес:

– О аллах, дай нам дожить до того дня, когда народы Туркестана снова приобретут долгожданную свободу!

Мустафа еле узнал своего соратника. Обнял его.

Человек семьсот последовали за Убайдуллой, встали в ряд добровольцев, готовых служить вновь создаваемому государству Туркестан.

Многие колебались. (Будет детально разработан.)

Многие не верили. (Будет детально разработан.)

Нашлись даже те, которые открыто готовы были выступить против призыва Мустафы.

Один из таких, назовем его Борибай, близко подошел к Мустафе и, успев крикнуть: «Я Борибай из Костаная!», – плюнул в лицо Мустафе.

Охранники кинулись с овчарками, вот-вот овчарки разорвут военнопленного на части, но Мустафа заступился за него. Обратился к генералу с просьбой пощадить его.

– Дайте его мне. Я хочу изучить и понять, как большевистская идеология доводит человека до безумия.

Генерал оставил смельчака в живых.

Во время митинга раскрылись все противоречия, пришедшие мусульманскому миру и тюркским народам. (Будет дописано.)

Во время митинга к Мустафе обратится очень молодой, худой парень. Он скажет:

– Я студент Ленинградской консерватории. Зовут меня Торежан, фамилия Абсалямов.

– Из Актюбинска? – спросит Мустафа.

– Да, – ответит бывший студент.

– Твоих родителей я знал, – скажет Мустафа. И он с громкоговорителем обратится в толпу:

– Есть среди вас еще музыканты, певцы, литераторы? Мне разрешено отправить в Стамбул человек тридцать-сорок талантливых людей на учебу.

– Я! – выйдет из рядов высокий парень. – Я Актай из Мангистау. Сочиняю стихи!

(Торежан Абсаламов потом станет великим скрипачем, признанным Европой. Актай с небольшим отрядом летом 1944 года будет переброшен немцами в район Гурьева с целью поднять восстание казахов против советской власти. Но отряд будет предан его же родственниками и вся группа будет уничтожена внутренними войсками НКВД.)

Во время митинга к Мустафе обратится человек и скажет:

– Я знаю вас, господин Мустафа, вы друг товарища Чхеидзе. Я вас не раз видел в Тбилиси, каждое утро начинал с чтения вашей газеты «Перепутье». Зовут меня банально, как всех грузин... – попытался пошутить худой, истощенный человек, – зовут меня Резо Гамсахурдиа. Даже фамилия не оригинальная. Тут нас тридцать пять человек. Мегрелы мы... грузинские. Так как мы обрезаны, немцы нас признали за евреев и сегодня хотят отправить нас в печь... Вы сами понимаете, какие у них тандыры!..

«Видимо, Резо Гамсахурдиа в мирное время был большим шутником, – подумал Мустафа. Он обратился к генералу, объяснил секреты обрезания. Этих грузин он назвал «аджарскими грузинами-мусульманами» и спас их жизнь.

Во время митинга к нему обратится еще один военнопленный, который назовется:

– Рысменди из Аулие-Аты.

– Перед войной мои стихи печатались в областной газете, – скажет он, – но в Стамбул я ехать не хочу. Хочу остаться при вас. Мой отец много рассказывал о вас, он восхищался вами. (Он станет офицером Вермахта, потом будет командовать карательным отрядом в Югославии, потом внезапно перейдет на сторону югославских комму-

нистов, потом чудом попадет во Францию. С октября 1942 года по май 1945 года он станет одним из видных деятелей французского сопротивления. Вернется в родной аул героем Югославии и Франции. 22 июня 1945 года советский суд отправит его в Сибирь на тридцать лет.)

* * *

Польша. Город Бельско-Бяла. 18 декабря 1941 года. 22 часа 50 минут.

В городе Бельско-Бяла Чокаеву был выделен особняк, который мы назовем «домом Чокаева».

Мустафа вернулся на черном лимузине. Крюгер и стенографистка остались в передней. Мустафа и Байд-Рахман, раздевшись, умывшись, сели ужинать, и между ними состоялся такой разговор:

– Вы устали, ага?!

– Нет, я не устал. Я подавлен.

– Подавлен... – повторил за дядей Байд-Рахман. – Я вас не понимаю, ага. Из четырехсот тысяч, как вы сказали, мусульман за вами пошли тридцать тысяч. Это же целая армия, это большая победа.

– Ты читал «Хаджи-Мурата» Льва Толстого?

Племянник замаялся.

– Значит, не читал.

– А я видел учебники по литературе. Советы очень любят и пропагандируют Пушкина, Толстого, Лермонтова, Абая.

– Абая я знаю, Пушкина тоже. По хрестоматии мы проходили и Толстого, его рассказ «После бала».

Мустафа усмехнулся:

– Кстати, самый слабый рассказ Толстого. «Хаджи-Мурат» большевикам не по зубам.

Мустафа взволнованно встал, начал ходить по комнате.

– Кончится война... Да, кстати, я тебя записал в список студентов Стамбульской военной академии. Нам надо уже сегодня готовить будущих деятелей Туркестанской республики.

– Спасибо! – Байд-Рахман встал с места. По военной привычке шаркнув подошвами сапог, несмело возразил: – Но я хотел бы остаться при вас.

– Скоро никакого «при вас» не будет, мальчик мой! – сказал Мустафа, вдруг погладил племянника по густой шевелюре. – Скоро вся эта затея кончится. Это проклятое мое предчувствие! Это проклятая телепатия. У меня она сильно развита. Иногда я так хочу быть рядовым, тупым человеком. Но это чувство предвидения меня мучает. Я тебе по секрету скажу, мальчик, немцы что-то задумали, что-то затеяли. Вот почему я сегодня весь день вспоминаю «Хаджи-Мурата». Хаджи-Мурат ушел от Шамиля, потому что он был вторым человеком после вождя. Он хотел отомстить Шамилю. Он был уверен, что русский царь ему даст армию и он вернется, завоюет Дагестан. Но он не понимал, что, покинув Шамиля, он предал свою родину. Когда понял – было уже поздно. Русскому царю Хаджи-Мурат нужен был только как союзник против Шамиля, а не как освободитель народов Дагестана. Это трагедия Хаджи-Мурата. Великий Толстой его не осуждает. Великий Толстой и Шамиля боготворит, в какой-то мере романтизирует его образ. Дело Хаджи-Мурата было обречено. Он должен был погибнуть, и он погиб с достоинством. Запомни это, мальчик! Три дня тому назад мне поступило предложение из Берлина возглавить отдел внешней разведки по работе с мусульманскими странами. Это большая должность. Но я отказался, искренне сославшись на то, что я политик, политик открытого типа, в разведке никогда не работал. Какой из меня разведчик, если я...

Стены каменного дома в Бельско-Бяла не выдержали напора человеческих воспоминаний.

Ташкент. 23 февраля 1918 года.

Ночь. Двухэтажный особняк, где снимали квартиру Горины.

Мустафа и Гзовский в узбекской одежде вошли во двор. На первом этаже ярко светились два больших окна.

Посмотрев в окно, Мустафа пораженно остолбенел...

При четырех ярких керосиновых лампах Мария лечила старого узбека. Картина была жуткая. Из головного тела старика Мария алюминиевой ложкой выскребала мелких белых чернголовых червей.

Мустафа долго следил за работой Марии.

Она даже не жмурилась.

Выскребленных червей она аккуратно собирала в медный тазик.

Черви водились на шее, на спине, на животе, темных местах рук и ног.

(Этот эпизод должен быть довольно длинным. – А. Т.)

Мария, «освободив» старика от червей и не обращая внимания на стоны старика, со спиртом вымыла кровоточащие раны, замазала какой-то черной мазью, забинтовала раны.

Снаружи: Мустафа с удивлением покачал головой, сказал Гзовскому:

– Какое естественное человеколюбие, Казимир!

– Да, натура!.. – согласился поляк.

Мустафа произнес (уже в своем бельско-бялском доме):

– Звали его Ариф-ака. Маша забрала его с собой в Екатеринбург. Выходила. Потом он с Машей доплелся до Баку,

потом – до Тбилиси. Мы его прятали от советских милиционеров, потом – от турецких. Несколько раз он спал под нашей кроватью. Не могу понять, когда и как его советы смогли завербовать! Он оказался советским шпионом.

* * *

Стамбул. 1922 год. Начало июня. Поздно ночью.

По узкой улочке Мустафа возвращался в мечеть Джамиат, где он жил.

Из темноты кто-то вдруг кинулся на него. Свалил на землю. Мустафа, падая, успел вытащить карманный фонарик.

Над ним наносил нож наш «знакомый узбек».

– Что с тобой, Ариф-ака? Это же я!

Ариф-ака не растерялся.

– Я знаю, что ты кафир, добрые люди мне объяснили! – И изо всей силы ударил ножом.

Но, к счастью, Мустафа сумел увернуться и ударить Арифа фонариком по голове.

Ариф бежал в слепую ночь.

Голос Мустафы:

– Потом я узнал, что советы сами расстреляли его, так как он не сумел реализовать их задание.

Байд-Рахман внутренне сжался: «Неужели это намек?» – подумал он.

Но мгновенно сумел снять с лица «маску сомнения»...

* * *

Концлагерь Майданек. Польша. 19 декабря 1941 года.

Баракы. (Может, используем документальные кадры.)

Железные крученые проволоки-ежи.

Охрана. Автоматчики на вышках.

Немецкие овчарки.

Строй военнопленных мусульман (более трех тысяч человек).

Так же как в Освенциме, Мустафа подъехал на черном лимузине в сопровождении немецких офицеров.

Выступил. Слова почти те же.

Из строя военнопленных мусульман вышли человек семьсот, пожелавших служить Туркестанской республике.

Эти семьсот человек-добровольцев тут же, при Мустафе, были построены по четыре в ряд и под командой усатого грозного вида казаха в форме оберштурмбаннфюрера были уведены в сторону ближайшего барака.

Генерал-эсэсовец повел Мустафу в сторону комендатуры концлагеря, почему-то пешком.

Когда Мустафа с генералом подошли к зданию комендатуры, генерал-эсэсовец остановился, повернулся назад. И тут Мустафа стал свидетелем страшной картины. С вышек «заговорили» четыре пулемета. В течение пяти минут пулеметы скосили всех оставшихся мусульман, которые не записались добровольно в отряд Мустафы Чокаева.

Генерал явно не торопился.

Генерал явно задумал этот эпизод, чтобы Мустафа видел до конца.

Генерал явно торжествовал.

Мустафа застыл как камень.

Волна человеческих воспоминаний увела Мустафу в Петербург.

* * *

Санкт-Петербург. Осень 1916 года.

Алихан Букейханов и Мустафа поднимаются по торжественному лестничному пролету.

Остановились на площадке перед дверью с блестящей медной табличкой: «Профессор Радлов Василий Васильевич».

Алихан Букейханов сказал Мустафе:

– Если наш разговор затянется, кивком головы дай мне знать...

Радлов встретил Букейханова и Чокаева радостно.

– Я рад приветствовать вас, господа голубые турки! Представляться не надо, я вас обоих хорошо знаю. Слежу за вами давно. Мои ученики... – Радлов хихикнул. – Они тоже уже профессора. За вас рьяно ратовали. Это по их просьбе я вас пригласил!

– Мы тоже рады познакомиться с вами, Василий Васильевич! – начал было Букейханов, но его остановил Радлов упреждающим движением ладони.

– Нет, нет, господин Букейханов! – сказал Радлов. – Вы называйте меня Вильгельмом Вильгельмовичем, а не Василием Васильевичем. Это тупые русские чиновники дали мне такое имя. Я Вильгельм Вильгельмович. После того как Россия объявила войну Германии, я осознал себя стопроцентным немцем. Мы им подарили просвещение. Мы и французы. Они же пошли войной против нас, как в прошлом веке против французов. Я теперь немец!

Радлов рассадил «голубых турков» на мягкие кресла, сам тоже сел.

Служанка принесла поднос с чаем.

Между Алиханом Букейхановым и Вильгельмом Радловым состоялся диалог, который можно было бы назвать «кто в лес, кто по дрова».

Алихан Букейханов сказал:

– Уважаемый Вильгельм Вильгельмович, уже четвертый месяц в Казахстане продолжается кровопролитие. Погибли десятки тысяч ни в чем не повинных моих сородичей...

– Казахи – самый воинственный, самый высокоинтеллектуальный народ из турков, – перебил его восьмидесятивосьмилетний ученый.

Алихан Букейханов продолжал:

– Из западного фронта в казахские степи переброшена стопятидесятитысячная армия генерал-лейтенанта Лаврентьева. Представляете, Вильгельм Вильгельмович, профессиональная армия, которая вчера только воевала с такими же профессионалами, сегодня воюет с безоружным народом. Нетрудно догадаться, на чьей стороне будет так называемая победа!

На что Вильгельм Вильгельмович, глубоко задумавшись, ответил:

– Видимо, господин Букейханов, вы не знакомы с моей новой теорией. По моей новой теории, все так называемые малочисленные народы будут поглощены большими. На земле останутся только три-четыре больших народа. Самые многочисленные из турков ваши казахи и анатолийские турки не превышают по количеству десяти миллионов человек. Так что, как бы вам ни было больно слышать, я должен повторить свою теорию. Все малые народы исчезнут с лица земли. Вам надо свыкнуться с этой мыслью.

Букейханов встал, вежливо поклонился.

– Очень рад с вами познакомиться, Вильгельм Вильгельмович!

Потом, не теряя самообладания, с улыбкой обратился к Мустафе:

– Жүр! Кеттік! Тоқсандағы шалдан не сұрайсың?!

Поднимаясь с места, Радлов улыбнулся:

– Какой спрос с девяностолетнего выжившего из ума старика. Правильно, правильно, господин Букейханов. Только вы забыли, что я в совершенстве знаю ваш казахский язык!

– Честь имею! – низко поклонился Букейханов.
– Честь имею! – опустил голову Радлов.

* * *

Польша. 19 декабря 1941 года. 22 часа 50 минут. Город Люблин.

«Особняк Чокаева» на окраине города.

Мустафа подъехал на черном лимузине. С ним Байд-Рахман, Крюгер, стенографистка Хельга.

В передней разделись.

Крюгер и Хельга остались в передней...

* * *

Польша. 19 декабря 1941 года. 23 часа 50 минут. Город Люблин.

«Особняк Чокаева».

В гостиной разыгрался такой драматический эпизод.

Байд-Рахман сидел на диване.

Мустафа за столом что-то писал по-немецки.

Дописал.

Перечитал написанное.

Отложил бумагу в сторону, на край стола.

Дальше пойдет диалог между Мустафой и Байд-Рахманом. Я пропускаю такие слова, как сел, встал, крикнул, задумался, выдержал долгую паузу, в гневе, хитро улыбаясь и т. д. Если режиссер окажется туповатым (что явление нередкое!), я готов дописать «пропущенное».

Мустафа: – Кстати, сегодня утром мне приснился наш дед Торгай-датха. Он был весь в белом. Помню, он и в жизни ходил весь в белом. У него была роскошная черная борода... Так вот, наш дед Торгай как-то неестественно близко приблизился ко мне и, уставившись пристально,

сказал: «Внук мой Мустафа! Неужели ты не замечаешь, что за пазухой пригрел опасную змею гадюку?»

Байд-Рахман (его внутренний голос): «Мне конец! Значит, дядя догадался!..»

Мустафа: – Правильно. У тебя выдержка хорошая, умеешь вовремя снять маску, молодец!

Байд-Рахман: – Я вас не понял, дядя?!

Мустафа: – Правильно. Ты хороший профессионал.

Байд-Рахман: – Дядя!..

Мустафа: – Крюгер мне принес справку. В Харьковской Высшей разведшколе преподавали выдающиеся ученые. Особенно профессор психологии Немчинский. Я его знал еще по университету...

Байд-Рахман: – Дядя!..

Мустафа: – Неужели ты думал, что обвел вокруг пальца своего дядю и немцев? Правда, ты выдал немцам солидный список преподавателей. Но это не козырной ход. Немецкая разведка в этом деле работает безупречно. Фактически ты выдал список уже мертвых людей. Харьковская школа разгромлена, и тебе разрешили выдать их. Уцелевших, благополучно переехавших в Ташкент, ты не выдал. Вполне может быть, что твое начальство скрыло список от тебя же. В этом твоей вины нет.

Байд-Рахман: – Дядя!.. Ради памяти нашего великого деда!..

Мустафа: – Кстати, я цитирую тебя. Являясь внуком такого человека, как Торгай-датха, я не мог не сохранить в душе священную веру в аллаха. Я не сомневаюсь, ты верил. Но ты еще больше веришь своему великому вождю.

Байд-Рахман: – Дядя!.. Почему вы так думаете?

Мустафа: – Сегодня я шесть часов допрашивал этого Борибая из Костаная, помнишь, он утром плюнул мне в лицо, за эти шесть часов я понял механизм, придуманный

и хорошо налаженный большевиками *механизм оболванивания* людей. Я все думал, почему народы, недовольные политикой Сталина, не отвергнут его, не убьют, не уничтожат его? Теперь понял: **они оба** придумали мощнейшую пропагандистскую машину. Вся страна превращена в пропагандистскую машину, в своеобразный комбайн по выработке людских стандартов, или, можно сказать, стандартных людей! **Они оба** свергнули с небесного пьедестала Создателя Бога, Аллаха, сами сели на его место, по крайней мере так воображали, и постоянной обработкой человеческого мозга свою страну превратили в страну деревянных кукол! **Они оба** – и этот, и тот – троцкисты! **Оба** троцкисты! Когда я допрашивал Борибая из Костаная, каждый раз, когда я упоминал имя Сталина, он кидался на меня и кричал: «Ты не имеешь права произносить его имя. Имя величайшего вождя всех народов». Сперва я думал, что он, опасаясь, что стенографистка может оказаться шпионкой Кремля, нарочито играет роль преданного большевика, но потом убедился – это его истинная вера.

Байд-Рахман: – Дядя!.. Он же другой!.. Я же другой!..

Мустафа: – И ему кажется, что он другой, особый, оригинальный, своеобразный. И ты думаешь так же, что ты – особый, оригинальный, своеобразный. Но вы оба куклы деревянные.

Байд-Рахман: – Я вас не понял, дядя! Почему вы говорите **они оба**? Неужели вы имеете в виду Владимира Ильича Ленина?

Мустафа: – Владимир Ильич был мягче, человечнее. Он даже пошел на создание новой экономической политики. Это была его уступка человечности, но когда дело касается политики, имя человека – ничего не значит. И твое имя «Байд-Рахман», и его имя «Борибай» в данном случае ничего не значат. Когда я сказал Борибаю, что я хорошо знал

Ленина, он долго хохотал. В его хохоте я угадал мысль, «как может такая тварь, как Мустафа Чокаев, быть знакомым с самим Создателем, с самим богом, каким является Ленин?!». Или когда я сказал, что я был в нормальных отношениях со Сталиным, что он на страницах газет полемизировал со мной, что он потом стал считать меня личным врагом своим, он чуть не лишился рассудка, он, показывая пальцем на меня, саркастически произносил: «Ты?! Личный враг Сталина, да кто ты такой, чтобы стать личным врагом величайшего вождя всех народов?!» Причем эти слова о Сталине он произносил так, будто он имеет в виду самого Создателя, Аллаха. И ты, Байд-Рахман... Если даже ты не предашь свою страну... Останешься верным ей... Ничего не значит, вы оба служите одной системе... **Они оба** служат одной системе.

Байд-Рахман: – Я вас не понял, дядя.

Мустафа: – Если останешься в живых... Когда-нибудь вспомнишь мои слова: **они оба... Они оба...** Вряд ли когда-нибудь поймешь! Кстати, ты окончательно отказываешься от поездки в Стамбул?

Байд-Рахман: – Отказываюсь!

Мустафа: – Может быть, ты и прав. После пятого декабря, когда немцы отступили от Москвы, некоторые... Да! Дело не в этом. Тогда я тебя сегодня же отправлю в украинские леса под Винницей, где подобрали тебя мои люди. Но перед тем я на тебя возложу одно, можно сказать, божественное поручение. На, читай! Громко читай!

Байд-Рахман: – «Господину рейхсминистру Риббентропу. Имею честь обратиться к Вам с окончательным ответом на ваше предложение от 19 декабря 1941 года. За три месяца поездки по лагерям военнопленных я был удивлен тем, что представители такой великой цивилизованной нации, как немцы, давшей миру таких гигантов мысли,

как Гете, Гегель, Фейербах, таких величайших композиторов, как Бетховен, Бах, Гайдн, нация величайшей культуры позволяет себе с такой жестокостью обращаться с военнопленными, вина которых только в том, что они вынуждены были взять в руки оружие и, выполняя волю своих повелителей, оказались на фронтах сражений. Став свидетелем такого негуманного обращения, я уже не могу положительно ответить на ваше предложение возглавить Туркестанский легион. Я осознаю все последствия моего решения. С уважением, Мустафа Чокаев». Дядя! Но вы же поступаете...

Мустафа: – Да! Риббентроп мне предложил возглавить Туркестанский легион.

Байд-Рахман: – Но вы же...

Мустафа: – Да! Сейчас я распишусь... Этим самым я подписываю самому себе смертный приговор!!! Я написал самому себе смертный приговор!!! Мое место с удовольствием займет кто-нибудь из моих заместителей. Даже в таком деле нет недостатка в политических карьеристах. Да ладно, это я тебе так... Может, я не тебе это говорю, а сам себе.

Мустафа, видимо, нажал на какую-то кнопку. Вошел немецкий ефрейтор.

Мустафа: – Пригласите ко мне ефрейтора по кличке «поэт». Он должен ждать меня вот по этому адресу...

Мустафа передал маленький клочок бумаги ефрейтору. Ефрейтор вышел.

Мустафа: – Пока ефрейтор приведет ефрейтора, я тебя прошу, вот мой маузер, застрели меня. Я тебя очень прошу. Мой человек, которого я назвал «поэтом», доставит тебя к украинским партизанам, а там доберешься до своего Кремля, вернее до Лубянки...

Байд-Рахман: – Дядя!..

Мустафа: – Не будь трусом. В отличие от тебя я остался настоящим мусульманином. Покончить с собой я не могу. Ты знаешь: ислам запрещает это. На мой маузер! Ну, бери в руки! Трус!

Байд-Рахман: – Ну, дядя, не бейте меня.

Мустафа: – Ну, разозлись, выстрели в меня! Трус! Подонок! Выродок! Тухлое яйцо! Выродок из потомков Торгая-датхи! Большевистский выкормыш! Тупица с куриными мозгами! На, выстрели! Ефрейтор-«поэт» все равно выведет тебя в лес. На, выстрели. Стенографистка Хельга поможет. Ты не бойся! Ну, выстрели же! Мразь! Трус!

Байд-Рахман: – Не могу, дядя! Не могу, не потому, что я трус... А... Я тоже казах...

Мустафа: – Да, кстати, когда ты попадешь к своим, они уже тебе не поверят, они все равно тебя расстреляют. Я знаю, что такое для большевиков невыполнение задания. Так что давай...

Байд-Рахман: – Не бейте меня так... Больно, дядя!

Мустафа: – Мразь! Я никогда на человека не поднимал руку. Ты первый и последний!

Байд-Рахман: – Не пинайте меня в лицо! Я не могу выполнить ваш приказ, хочу остаться человеком.

Мустафа: – Ты уже не человек, ты давно не человек. Я очень сожалею, что в первый же день не отдал тебя Крюгеру.

Вошел ефрейтор, названный «поэтом». (Мы его узнали. Он «нашел» в лесах «умирающего» военнопленного Байд-Рахмана.)

Мустафа: – Убери этот труп!

23 декабря 1941 года.

По ухоженной бетонной дороге мчится черный лимузин. В машине – Мустафа.

Здесь будут дописаны четыре эпизода: первое – встреча Мустафы с Лениным; второе – встреча Мустафы со Сталиным; третье – встреча Мустафы с маршалом Пильсудским; четвертое – встреча Мустафы с Гитлером.

* * *

Франция. Город Трокадеро. 1922 год. Лето. Этнографический музей.

Молодые, счастливые Мустафа и Мария идут по залам музея. Экскурсанты – представители разных национальностей: немцы, японцы, испанцы, итальянцы.

Долгий проход по залам. Жилища, одеяния китайцев.

Жилища, одеяния японцев.

Жилища, одеяния ретороманцев.

Жилища, одеяния сарацинов юга Франции. Одежда, очень похожая на казахскую.

Жилища, одеяния, домашняя утварь, музыкальные инструменты британцев, кельтов, франков.

И вдруг: очень богатая казахская юрта. Чучело беркута, чучело гончего пса-тазы, охотник-казах на коне, рукодельные ковры – текемет, тускииз.

На самом почетном месте, на тускиизе – домбра.

Увидев домбру, первой ахнула Мария.

Потом Мустафа.

Мустафа и Мария долго стоят у казахского павильона.

Мустафа нагнулся и прочитал: юрта киргиза.

Он воскликнул:

– Какая юрта киргиза! Смотри, Мария, они написали, что это юрта киргиза, это же юрта казаха!

Волна человеческого сознания нарушила стены этнографического музея.

* * *

Берлин. Рейхстаг. 23 декабря 1941 года. 23 часа 23 минуты.

Кабинет Гитлера.

Гитлер и Мустафа.

Гитлер: – Я решил построить новую столицу Германии в моей родной Баварии. Подойди, вот посмотри ближе, какой это будет город.

Гитлер показал макет будущего города Мустафе. (Надо найти эскизы новой германской столицы.)

Гитлер: – Когда я построю этот город, я приглашу твоих киргизов, и вы пройдете по улицам этого города на конях. (Эта цитата на самом деле принадлежит Гитлеру, но нам неизвестно, что на это ответил Мустафа, поэтому мы прерываем этот эпизод на этом месте. – А. Т.)

* * *

Франция. Город Трокадеро. 1922 год. Лето. Этнографический музей.

Мустафа и Мария стоят у казахского павильона.

– Не киргизы, а казахи, – неизвестно кому огрызнулся Мустафа. Потом он умоляюще посмотрел на Марию. – Уговори, пожалуйста, работников музея... Ты же знаешь, я стеснительный. У тебя это хорошо получается. Уговори, пусть они позволят поддержать домбру. Поддержать...

Мария Горина пригласила женщину – работника музея. Она сказала:

– Господин Мустафа Чокаев, экс-президент Туркестанской республики, очень вас просит разрешить ему поддержать в руках национальный инструмент домбру.

Женщина-экскурсовод побежала куда-то.

Стены этнографического музея не выдержали напора человеческого сознания...

Присырдарьинская степь. 1937 год. Лето.

Красноармеец Василий (тот самый преданный аткосчи Оспан-батыра), маленький, юркий, щедушный, в форме старшего сержанта внутренних войск НКВД, с винтовкой наготове, по пыльной дороге конвоирует Оспан-батыра, огромного, прямого, гордого, но с завязанными назад руками, со стальными цепями на ногах.

Удручающе расцветал саксаул.

Оспан-батыр остановился.

– Дай, сынок, помолиться. Потом, прошу, расстреляй меня сам. Не дай этим псам издеваться надо мной.

– Молиться разрешу, отец, – сказал Василий. – Но расстрелять не могу. Другое дело, если бы вы побежали...

Василий развязал Оспану руки.

Оспан долго молился. Потом собрал жайнамаз, повернулся в сторону Василия.

– Балам, сынок, только казахам не рассказывай, что я перед смертью побежал. Своим начальникам можешь доложить, как тебе положено, но казахам не рассказывай!.. Это моя последняя просьба!

И Оспан, такой огромный, такой прямой, звеня стальными цепями, смешно побежал.

Оспан долго бежал.

Пропустив беглеца метров на сто пятьдесят, Василий четко, без колебаний, **выполнил «свой долг».**

Варшава. Ранняя весна 1939 года.

Мустафа сказал маршалу Пильсудскому:

(Тут же находился генерал Гзовский.)

– Не понимаю, господин маршал, никак не понимаю, какая такая сила довела людей до такого состояния, ко-

гда усыновленный Василий, добрейший человек, исполнительный, преданнейший служака, мог поднять руки на своего хозяина, которого всегда называл отцом? Какая чудовищная сила!..

– Да, – говорил маршал Пильсудский. – **Эта чудовищная сила с запада и с востока начала душить мою Польшу...**

Черный лимузин въезжает в Берлин. В машине – Мустафа.

Франция. Город Трокадеро. Лето 1922 года. Этнографический музей. У павильона «Киргизская юрта» Мустафа и Мария.

Подожла женщина-экскурсовод, сказала:

– Вам разрешено.

– Спасибо! – Мустафа с большим трепетом взял в руки домбру, погладил и негромко заиграл кюй Курмангазы «Кишкентай».

Каким-то странным образом Мустафа от кюя «Кишкентай» перешел к кюю Казанкапа «Кокиль».

Этого, конечно, зритель не заметил, но мы заметили.

Зритель, конечно, не заметил, как жизнь Мустафы Шокая так плавно перешла в смерть.

Но мы знали, что **смерть Мустафы** так же незаметно перешла в его жизнь.

Конец фильма.

МЯТЕЖ

Киносценарий

По роману Д. А. Фурманова

Михаил Бусин, здоровенный детина с метровыми усищами, радовался, глаза его масляно блестели. Он, как коротенькую дубину, держал за ноги трехмесячного сынишку и восторгался.

– Ох и подлец ты, Сережа, подлец! Ох и подлец! – говорил /рычал/ он. – Вот возьму я тебя сейчас и башкой об стену! Что от тебя останется? Мокрое место останется, вот что!

И он «размахивал» этой «коротенькой» дубиной.

Младенцу, конечно, приятны эти «полеты» и он, довольный, улыбался, когда его голова оказывалась поднятой, таращил глаза, когда его голова оказывалась опущенной.

Жена Михаила Бусина – Наталья, молодая худенькая женщина с веснушками и густой тенью под большими голубыми глазами, стояла у печи ни жива, ни мертва, не зная, радоваться или вскрикнуть от ужаса. Чуть было появившаяся улыбка на ее лице тут же сменялась страхом за сынишку.

– Ох подлец, подлец ты, Сережка Бусин! – исступленно рычал молодой отец и так размахивал пухленьким телом младенца, что казалось, вот-вот он ударит об стену. – Что от тебя останется? Мокрое место останется, вот что! Возьму сейчас – да башкой об дувал, башкой об печку, а?!

Глаза Бусина.

Глаза Натальи.

Глаза младенца.

Бусин вмиг стал серьезным, отдал Сережку жене.

Наталья невольно облегченно вздохнула.

Заискивающе робко сказала:

– Да, ишь ты, сказывали, военные будто люди наехали, комиссары, и весь народ на площадь загнали. Сказывали, будто мужика приближать хотят, землю отымать, надыть, жалают... одним оттянуть, а другом отдать...

– Полно, жинка! – закричал Бусин, как будто перед ним стояла не жена, а тот, кто собирался отнять их землю. – Нету такого закону, чтобы отнимали землю у мужика, у красноармейца!

– А ешо сказывали, – робко продолжала Наталья, – будто вас всех на Фергану, с басмачом биться отправляют...

– Нет! – снова закричал Бусин на жену, как будто она, жена его, посылает его на Фергану. – Не пойдем! Хватит! Навоевались! Дай мужику мирно пожить!

Наталья испуганно съежилась.

Бусин снял с головы красноармейский шлем, нахлобучил на голову сынишки /сынишка исчез в шлеме/, еще раз крикнул:

– Нет!

Вышел из хаты.

На улице /большого села/ ждали Бусина четверо красноармейцев на конях.

Бусин сел на своего коня и, пробурчав под нос: «Нет!», поскакал.

Товарищи молча поскакали тоже.

Бешено скачут кони.

Идут титры.

Скачут кони.

Идут титры.

Наступает резкая тишина, как будто забыли озвучить этот эпизод фильма.

Городской театр. Набит до отказа.

Президиум: Фурманов, Жандосов, Шагабудинов, Белов, Штекер. Позади, у стены, прислонены знамена, и на них могучий крик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

«Да здравствуют победные полки Красной Армии!»

«Да здравствует Красный Интернационал!»

Делегаты:

Чернополая шляпа,

увесистая шапка,

крестьянский картуз,

малахай,

чалма,

теплые шубы,

зипуны,

цветные ватные халаты.

По рядам говор:

по-казахски,

по-уйгурски,

по-русски,

по-дунгански,

по-украински,

по-татарски.

Снова отключается звук.

На трибуне кто-то жарко выступает. Его заменяет другой.

Выступает третий.

Выступает какая-то женщина.

Зал хохочет, аплодирует.

Поднимается Жандосов, объявляет перерыв.

Часть делегатов остается в фойе театра.

Большинство делегатов выходят во двор и, выстроившись в несколько рядов, начинают молиться.

В президиуме.

Фурманов подходит к Жандосову и, улыбаясь, говорит:

– Ну, здравствуй, Ураз.

Жандосов, улыбаясь, поднимается навстречу. Подает Фурманову руку.

– Здравствуй, Дмитрий.

– Мы даже не успели с тобой поздороваться. Мне очень приятно, что здесь, как говорить, «в глуши», встречаю своего друга по гимназии.

– Помнишь Саратов?

– Слушай, мы с тобой, кажется, не дрались.

– Не помню...

Оба хохочут. Обнимаются.

По фойе идет Фурманов, внимательно вглядывается в каждое лицо делегата.

И вдруг жаркий шепот – Фурманов думает так же быстро и страстно, как говорит: «Что думает этот? А что думает тот?.. Незнакомые замкнутые лица... восторг... жаль, что не знаю их языка, надо научиться обязательно. Теперь моя судьба навсегда связана с этими людьми. Сделать из каждого человека, не только просто человека, а советского человека, труженика, интернационалиста, преданного коммуниста...»

Фурманов выходит во двор. Видит молящихся делегатов. Снова страстно думает: «Да, да! Мы знаем одно: здесь, по Семиречью, главная сила не столько татары, дунгане,

таранчи, сколько казахи. По казахским кишлакам вся советская главная сила. Там, в них, – будущее советского Семиречья. И мы знаем еще, что по кишлакам мало у власти бедноты, больше баи, тузы, богатеи, знатные господа казахские...»

Фурманов смотрит на упитанных дородных делегатов в богатых халатах, исступленно молящихся, вглядывается в лица холеные.

«Что думает этот? Он наверняка бай или манап. Дай ему в руки советскую власть... задушит... а может, он предан... надо, надо из каждого из них сделать человека...»

* * *

У городского театра. Ночь. Делегаты разъезжаются, расходятся. О чем-то говорят, спорят, размахивают кулаками. Последними из театра выходят: Фурманов, Жандосов, Шагабудинов и Белов.

К ним подходит Масарский. Он говорит Фурманову:

– Товарищ Фурманов, уже полночь, устали, я подготовил коней, может, съездим к старику фон Шелю...

– Было бы неплохо, как ты думаешь, Жандосов?

– Да, немножко надо развеяться...

По мощеной улице Верного цокают кованые копыта лошадей. От случайных отсветов огней то тут, то там заблестят упругие крупы коней.

– А ну, поскакали! – кричит Фурманов и сам первый пускается вскачь.

Сытые кони несутся в сторону гор, перегоня друг друга.

Комиссары гикают как озорные дети.

Жандосов немного отстал. Он, улыбаясь, кричит своим товарищам:

– Товарищи комиссары, нельзя же так!..

* * *

К большой хмуро чернеющей в темноте скале прилипла маленькая белая изба старика фон Шеля.

Комиссары подъехали к избе. Молча спешились.

Масарский стучит в окно.

Внутри избы зажгли лампу.

Раздается старчески хриплый голос.

– Кто там?

– Это мы, – отвечает Масарский.

– А-а-а... комиссарушки... сейчас, сейчас...

Открывается дверь.

Комиссары в избе.

Фон Шель – высокий сухощавый седой старик интеллигентного вида.

В его избе одна печь, длинноватый струганый стол, с четырех сторон которого струганые белые лавки. Одна стена избы с пола до потолка закрыта книгами.

– Ну, фон, – шутливо обратился к старику Фурманов, – ты посчитал, через сколько лет победит революция на всем земном шаре?

– Посчитал, посчитал, – серьезно ответил фон Шель, откуда-то достал исписанные тетради, открыл какую-то страницу и прочитал:

– Красная революция победит на земном шаре к 1950 году...

Комиссары от души захохотали.

Старик обиделся.

– Вы смеетесь, – сказал фон Шель, – я говорю правду.

Комиссары продолжали смеяться.

– Смейтесь, смейтесь... – говорил старик, – а время над вами посмеется еще.

– Зачем так долго, зачем так долго ждать человечеству полной победы коммунизма? – сказал Жандосов. – Мы

уже года через четыре-пять добьем всех буржуев во всех частях земного шара.

– Да, товарищи, – сказал Фурманов, – я, как идиот, забыл поздравить делегатов с победой пролетариата иранского города Решта...

Шагабудинов – детина косая сажень, с высоченной грудью, с длинными здоровенными руками, весь тугой и мускулистый. Одет в защитное. Круглая голова крепко посажена на багровой жилистой шее. Черноволос, чернобров, черноус, бреет густую бороду. Годов ему около тридцати.

Блестя страстными глазами, он сказал:

– Ну что ж, Дмитрий Андреевич, и так до полуночи сидели в зале, переполненном табачным дымом. И здесь вы сейчас живо накоптите... я предлагаю выйти на воздух.

– Да, да, конечно... – сказал Фурманов.

* * *

Тихо в горах. Вековые ели взметнулись к звездам. Низкое июньское черно-голубое небо мигает миллиардами огней.

Комиссары лежат на поляне.

Ночную тишину подчеркивает однообразный гул горной речки,

– Как ты думаешь, Ураз, – тихо спрашивает Фурманов, – прав старик фон Шель?

– Я уверен, – отвечает Жандосов, – старик слишком затянул. Не может пролетариат так долго терпеть...

Комиссары снова замолчали.

Снова в горах зазвучала жуткая тишь.

Вековые ели рвутся куда-то вверх.

Недовольно бурчит речка.

Миллиардами угольков мигает низкое южное небо.

Вдруг бешеный топот копыт.

Масарский вскочил.

– Что-то неладно... – шепнул он.

Внизу, к избе фон Шеля прискакал всадник.

Нетерпеливо начал стучать в окно.

Комиссары повскакивали.

– Что-то неладно... – повторил Масарский.

Комиссары побежали вниз.

К ним навстречу бежал молодой парень Касым Куше-леков.

– Товарищ комиссар, – обратился он к Шагабудинову, – в городе мятеж...

Комиссары не стали ничего спрашивать.

Они, мигом вскочив на коней, помчались в сторону города.

Коня несутся, обгоняя друг друга.

* * *

Бледное лицо Фурманова.

Бледное лицо Жандосова.

Гневно блестят глаза Шагабудинова.

Белов спокоен.

Они входят в казарму. Первым вошел Белов.

Дремавший дежурный вскочил с места.

– В чем дело? – обратился к дежурному Белов.

– Шумлют!.. – сказал дежурный, кивнув головой во-внутрь казармы.

Красноармейцы – кто на нарах, сидя, лежа, стоя – горячо спорили.

Увидев Белова, они на минутку замолкли.

Но никто не встал с места, лежащие оставались лежать.

Комиссары подошли к середине.

Некоторые солдаты издевательски протянули голые, грязные ноги.

– Убери! – крикнул на одного Белов.
Это подействовало на красноармейцев. Все лежащие на нарах привстали.
– Ну что? – спросил, ни к кому не обращаясь, Белов.
– Уговаривать явились... речи говорить... – хихикнул кто-то.
– Господа начальники... коммунисты.
– Красноречие слушать будем...
– С-с-сволочь... – зашипел кто-то.
– Кто это шипит? – спокойно сказал Белов. – А ну выходи, трус!
Все умолкли.
– Я, Белов, командир вашей дивизии, ясно вам говорил и говорю, вам выступать с завтрашнего дня на Фергану. Таков приказ Реввоенсовета Туркестанской республики.
– Не пойдем! – загудели солдаты.
Кто-то ясно сказал:
– Отпускай по домам, а то сами уйдем!
Кто-то снова зашипел:
– Понаехали тут всякие центровики, фурманы-шагабуды, киргизы разные и жиды.
– Приближают трудового крестьянина...
– Отобрали землю, хаты, скот...
– Час мести близок...
– Кто? – закричал Белов. – Вы красноармейцы, хотите мстить советской власти, своей власти, за что? За то, что она вам дала свободу, равенство? За то, что она вам дала хлеб, землю?
– Распускай особый отдел!
– Отпускай нас по домам!
– Закрой ЧКа!
– Дай полную свободу!
– Товарищи! – крикнул Жандосов. – Это же полная анархия!

– Не анархия, а свобода! – крикнул кто-то из солдат.
– Разоружай казахский полк, – крикнул кто-то из темного угла, – вы хотите, чтобы они перерезали всех нас... за шестнадцатый год!
– Кто это говорит? А ну выходи сюда! – крикнул Белов.
Все умолкли.
Белов обратился к одному из красноармейцев:
– Вот ты скажи, ты доверяешь своему товарищу? – и он показал на молодого казаха, сидевшего рядом.
Красноармеец, кривляясь, встал, почесал затылок, потом спросил:
– Асанов, что ли?
– Да, ему ты доверяешь? – повторил свой вопрос Белов.
– Конечно, доверяю, мы с ним с детства дружим.
– Так почему же вы требуете разоружения казахского полка?
Все молчали.
– Товарищи! – Жандосов хотел выступить перед солдатами.
– Не надо, здесь сейчас не место, – прервал его Фурманов. – Пойдемте.
Комиссары вышли из казармы.

По улицам Верного бегут красноармейцы.
– Хлопцы, вы из какого?
– Мы из 27-го Джаркентского,
– Мы из 25-го.
– Мы из 1-го.
– Вы куда?
– На крепость. Вооружаться будем.
– Велено всем собраться там.
– Кто велел?

– А кто его знает, велено и все.

...Городская крепость. С разных сторон к воротам стекаются красноармейцы.

Много и гражданских. Большинство пешие, но и конных немало.

В крепости вокруг офицера Карабутенко столпилась группа людей. Среди них Бусин и Чеусов.

Карабутенко сказал:

– Начинайте.

Группа подошла к складу, кто-то открыл тяжелые двери, Бусин своим сильным голосом крикнул:

– Красноармейцам подходить сюда.

У склада раздают оружие.

* * *

В штабе дивизии.

Фурманов, Жандосов, Шагабудинов, Белов.

– Товарищи! – сказал Фурманов. – В области создается чрезвычайное положение. Нам надо посоветоваться, как выйти из этой ситуации. Из всех казарм все батальоны перешли в крепость. У нас сил мало.

В штаб прибежал адъютант Шагабудинова – Агабаев.

– Товарищ военный комиссар, второй батальон тоже перешел на сторону мятежников.

– Так, так, так... – Фурманов стучал карандашом по столу.

Все замолчали.

– Ты вот что, Агабаев, – сказал Фурманов, – ты скачи сейчас немедленно... где-то за Илийском приближается к городу 26-й полк, передашь командиру полка – только секретно с глазу на глаз – пусть он остановит полк и как можно дольше задержит его там.

– Есть! – Агабаев вышел.

– Понимаете, – сказал Фурманов, – у нас нет другого выхода, как задержать полк там. Настроение у них тоже неважное. В крепости в данное время больше пяти тысяч разъяренных людей. К ним еще прибавь три тысячи. Они мигом растопчут нас. Прибавьте к тому же шесть тысяч пленных белогвардейцев. Цифра солидная. А у нас сейчас, – Фурманов задумался, начал карандашом писать на бумаге, – команда трибунала – 60 человек, команда особого отдела – 75 человек. Рота интернационалистов – 100 человек, партийная школа – 40 человек, комроты штаба дивизии – 60 человек, остатки караульного батальона – 54 человека, городская партийная организация – 20 человек.

– Этого очень мало, – сказал Жандосов.

– Я пойду в крепость, я их командир, они послушаются меня, – сказал Белов.

– Нет, все это не выход. 400 человек против 10 тысяч ничего не сделают, – сказал Шагабудинов.

Прибежал дежурный, доложил:

– Караульный батальон и рота интернационалистов направляются к крепости.

– Вот сволочи! – сказал Белов.

– У меня есть такое предложение, давайте обсудим, – сказал Шагабудинов...

* * *

Шагабудинов и Белов с двумя адъютантами прискакали к воротам крепости.

У ворот их остановил караул.

– Я военный комиссар области – Шагабудинов.

– Я командир дивизии – Белов.

Отрапортовались.

Их пропустили.

Крепость кишела народом.

Люди, кони, брички, много женщин.

Люди бегут, сидят, ходят, лежат под шалашами, под бричками в тени домов.

– Вы к кому? – обратился один из красноармейцев к Шагабудинову.

– Мы к вам. Где у вас начальство находится?

– В этой дивизии командир – я. Не может быть кроме меня другого начальства, – громко сказал Белов.

– Братцы, – крикнул один из красноармейцев, – тут к нам пожаловало начальство!

Группа людей окружила Шагабудинова и Белова.

Окружение росло.

– Товарищи, – крикнул Шагабудинов. Но ему не дали говорить. Кто-то крикнул:

– Нечего с ними цацкаться, арестовать их.

Группа людей обезоружила Шагабудинова, Белова и их адъютантов.

– Вы не имеете права арестовывать меня, – кричал Белов.

Неожиданно для всех Шагабудинов закричал:

– Товарищи! Я с вами...

– Сволочь, – сказал Белов.

Шагабудинов захохотал:

– Этого командира ведите в подвал, до моего особого распоряжения никуда не выпускать.

Белов в подвале через маленькое окно видит:

В крепости происходит митинг.

На бричку поднялся Карабутенко. Он жарко и горячо что-то говорил.

Потом на бричку поднялся Шагабудинов. Двигая могучими плечами, размахивая длинными руками, он что-то говорил, но мало.

Затем поднялся Михаил Бусин.

Потом говорил какой-то человек в чалме – видимо, мулла.

Потом говорила женщина,

Вся крепость шумела. За что-то голосовала.

Чайхана на базарной площади. У чайханы знакомый нам Касым Кушелеков, в бедной одежде, раздувал самовар.

Толстый чайханщик упрекал его в медлительности.

В чайхане много народу.

Перед чайханой на пне сидит старый одноглазый узбек. Он с чрезвычайно гордым видом читал по-русски газету:

– «Сего двенадцатого июня в шесть часов вечера организован из представителей красноармейских частей верненского гарнизона Временный Областной Военно-революционный Совет в составе следующего порядка: председателя Вр. Обл. Военсовета товарища Чеусова, его товарища – Обл. военного комиссара тов. Шагабудинова, членов тт. Кривенко, Прасолова, Войчича, каковому совету впредь переходит вся полнота власти в области. Параграф второй, – продолжал читать старик-узбек. – Всем советским учреждениям предлагается тринадцатого сего числа к двенадцати часам удалить со всех ответственных постов всех назначенных на таковые, офицеров, служивших у Анненкова, об исполнении немедленно донести. Подлинный подписали Председатель Реввоенсовета Чеусов и его товарищ – Шагабудинов».

* * *

В крепости, словно в тюремной камере, за решетчатыми окнами в глухой полутемной комнате ночью заседали: Чеусов, Шагабудинов, Войчич, Кривенко, Прасолов.

Щукин вел протокол.

Чеусов сказал:

– Нам надо решить...

Войчич сказал:

– Чего тут решать, у нас сила. Около десяти тысяч штыков. Надо немедленно ударить. Надо разгромить Ревком, штаб дивизии, особый отдел, ЧКа и трибунал и расстрелять всех сволочей. Немедленно!

Шагабудинов сказал:

– Это правильно. Но мне кажется, что нам надо подождать, пока подойдет к городу 26-й полк и 4-й кавалерийский полк.

Войчич сказал:

– А чего там ждать? У них нет никакой силы.

Шагабудинов сказал:

– Мои люди перехватили телеграмму, которую Фурманов и Жандосов послали в Ташкент. Вот текст: «Простим разрешить атаковать крепость». Так что у них сила есть. И, видимо, немалая. Еще мои люди донесли, что из Ташкента двинулся бронированный дивизион. Фрунзе и Куйбышев им обещали сегодня или завтра прислать аэроплан. Вот давайте теперь советоваться.

Чеусов сказал:

– Да, товарищи, нам серьезно нужно подумать, пойти нам на кровопролитие или нет.

Шагабудинов сказал:

– Нам надо подождать до завтра и не идти пока на столкновение с ними. Все же центр признает их, а не нас. Если завтра аэроплан и бронированный дивизион не прибу-

дут, я их сам всех арестую и своими руками расстреляю. А пока нам не стоит идти на столкновение с ними. Надо выпустить Белова.

* * *

Ночь. Из Талгара в Верный идут несколько бричек, запряженных волами.

Караван этот сопровождает взвод конных красноармейцев.

...Ночь. Человек сто тоже красноармейцев во главе с Карабутенко и Бусиным напали на караван.

...Идет караван. Двое тихо говорят:

– Вчера я был у фон Шталя...

– Потешный старик...

– Потешный не потешный, он говорит, что коммунизм победит во всем земном шаре к 1950 году...

– К 1950-му? Ой как долго! Мне кажется, что такого года вовсе не будет.

– А я верю будет... Заживем...

– Мои старики пишут, что им Ревком выделил землю...

– У нас земля своя была. Ревком дал скот. Заживем...

...Последние буквы слова «заживем» красноармейцу не суждено было договорить – из-за угла выскочили какие-то люди, где-то вспыхнул огонек, и красноармеец тут же с выпученными глазами медленно, как будто очень устал и хочет отдохнуть, свалился с коня.

Нападающие молча начали резню.

Кто-то ойкнул.

Кто-то хотел сказать: «Мы свои».

Кто-то сказал: «За что?»

Кто-то сказал: «Братцы!»

Двое на конях хотели убежать.

Карабутенко и Бусин не торопясь прицелились и выстрелили. И оба красноармейца упали. Один из них душевраздирающим голосом крикнул: «Мама!»

Карабутенко подъехал к красноармейцу, который, хватаясь за живот, корчился на земле.

Красноармеец сказал:

– Сволочи...

Карабутенко ударил его саблей в голову.

– Сколько бочек? – спросил Бусин.

– Шестьдесят, – ответил из темноты кто-то.

– Хватит братве на два дня, – сказал Карабутенко.

– Открой одну и дай по чарке, – сказал Михаил Бусин.

Потом они ехали в темноте.

Карабутенко и Бусин чуть отстали от каравана и пьяно говорили:

– Организовать-то все это организовали мы. А кто сидит во главе Совета? Старый царский офицер Чеусов и киргиз Шагабудинов.

– Не киргиз он, а казах.

– Все один черт, бусурман.

– А этот Вуйчич? А этот Щукин? А этот Прасолов? Откуда они взялись?

– А-а-а, их всех надо разогнать. Народ – толпа, не знают, кого во главе посадить...

– Надо разогнать всю эту шпану...

* * *

В штабе дивизии.

Фурманов, Жандосов, Масарский.

Жандосов говорил:

– У нас есть пословица: «Когда волк берет за горло добычу, собака за ноги...» У нас в городе такая кутерьма, а комиссар по национальному вопросу шлет телеграмму

за телеграммой, грозитя восстанием. 50 тысяч беженцев-казахов скопились на границе. Требуют немедленно возвратить им отобранные кулаками земли.

– Да-а... – Фурманов хватается за голову, – понимаю их положение. Четыре года на чужбине... пришли представители Советской власти и говорят: Возвращайтесь на родину, мы вам дадим земли, мы вам дадим скот. Голодные, холодные, полуживые, соскучившиеся по родине, они с радостью откликаются на зов... А тут такая, действительно, кутерьма... Нам сейчас невозможно даже заикнуться об этом вопросе... что делать, что делать? – Фурманов задумался, надо запросить Ташкент.

– А что они могут решить?

– Тогда запросить Москву.

Жандосов молчал.

Оба молчат.

– Где же женщины? Что творится в городе? Немедленно надо послать наших женщин, пусть разузнают. Может быть, только мы с тобой остались. Может, в городе другая власть существует?

В штаб дивизии входит худоцавая интеллигентного вида женщина Штекер.

Во дворе штаба выстроились человек двадцать партийцы – городская партийная организация.

– Товарищ уполномоченный Туркфронта, товарищ председатель Облревкома, я пришла доложить вам, что городская партийная организация решила присоединиться к восставшим.

Фурманов соскочил с места яростно закричал:

– Что? Что вы говорите, повторите! Какая это партийная организация, если она решает присоединиться к восставшим?! За это всех вас надо выгнать из партии, расстрелять.

Но тут Фурманов заметил, что Жандосов улыбается.

– Они со мной советовались, – сказал Жандосов.

– Как, и ты на их стороне?

– Да, – сказал Жандосов, – ты пойми правильно, Фурманов. С кем они здесь будут работать, кого они будут агитировать, сами себя, что ли? Так все они коммунисты. Пусть все идут в крепость. Их место в данный момент как раз там.

– Ну и ну... – Фурманов сел, задумался. – Последняя опора уходит. Ну что ж, может быть вы и правы.

Входит Белов, сообщает:

– Караульный батальон и отряд интернационалистов я проводил туда... – улыбнулся. – Там они нужнее, чем здесь...

Штекер вышла.

Фурманов, Жандосов, Белов смотрят друг на друга.

Фурманов улыбнулся:

– Ну что ж, остались мы втроем... или они, или мы... а главное, без ненужной человеческой жертвы...

* * *

Белоусовские номера /гостиница/.

Жена Фурманова, молодая красивая женщина Ная, устало шла по коридору.

Из какого-то номера вышла тетя Катя, стареющая женщина с желчным лицом.

– А-а-а, Наинька, где же это вы с мужем пропадаете, уже четвертую ночь не ночуете?

– Я на телеграфе, а Дима в штабе дивизии.

– Да, да, знаю-знаю. Ой, что творится в городе... страсть какая!

Ная вошла в номер. Пустота. Страшно. В номере кроме двух железных кроватей и книг есть только один чемодан.

Ная покопалась в чемодане, достала несколько платьев, завернула их в головной алый платок, вышла в коридор.

– Тетя Катя? – окликнула она.

– Что, миленькая? – откуда-то вышла тетя Катя.

– Тетя Катя, – сказала Ная, – вот возьмите мои платья, они мне не нужны.

– Ой, миленькая...

– Возьмите, возьмите, тетя Катя, память от нас...

– Ой, миленькая, что с тобой? Неужто прощаешься?..

У Наи на глазах показались слезы, в горле комок застрял.

– Нет, нет, не прощаюсь, просто так... Ташкент нам не может оказать никакой помощи. На наши запросы все отвечают: «Найдите выход сами...» – Ная заплакала. Вытерла слезы. – Ой, что я болтаю... я так устала... – с подозрением посмотрела на тетю Катю, – я так сболтнула. На самом деле Ташкент нам выслал подмогу. А по казахским аулам собираются джигиты...

Тетя Катя тоже с подозрением посмотрела на Наю.

– А за платья спасибо...я их не возьму.

Желчное лицо тети Кати вздернулось, и она совершенно неожиданно, нервно начала кричать:

– Ты всегда так меня оскорбляешь, я что вам служанка? При господах оскорбляли, дарили старое, и вы оскорбляете. Не доверяете. А о Ташкенте говоришь чушь... – И совсем неожиданно сказала: – И твой муж, и ты корчите из себя святых. Нет, нет, не было и не будет святых! – Тетя Катя заплакала и скрылась в своей каморке.

* * *

Вечер.

Общий план нескольких окраинных улиц города.

Там и тут конные и пешие группы солдат.

Пьяные, орут, поют, громко ругаются.
На какой-то улице солдаты дерутся с гражданскими парнями.

В крепости тоже пьянка.

Тоже драка.

Тоже ругань, крики, пьяные песни.

Визжат где-то женщины.

Плачут дети.

В маленькой комнате совещаются руководители восстания: Чеусов, Шагабудинов, Вуйчич, Кривенко, Прасолов и Щукин.

– Затянули... – говорит Вуйчич.

– Революционеры мы или нет? – спрашивал Шагабудинов.

– Конечно, революционеры, – отвечал Чеусов.

– За Советскую власть мы или нет? – спрашивал Шагабудинов,

– Да, конечно, за Советскую власть, – отвечал Вуйчич, – но только за Советскую власть без ревтрибунала, без особого отдела, без милиции, без продрозверстки и без киргизов.

В комнату ворвались пьяные Карабутенко и Бусин. За ними группа подвыпивших солдат.

– Вот они, предатели, совещаются еще! – сказал Карабутенко.

– Мы три месяца готовили это восстание. Труд наш, а слава ваша. Нет, не выйдет. Новый революционный совет постановил: свергнуть вас, разогнать к черту, а этого большевистского шпиона расстрелять!

Бусин прикладом ударил Шагабудинова по голове. Но Шагабудинов не упал, он соскочил с места и, как все здоровые, сильные люди, медленно обернулся к Бусину.

– Ты что, Миша? Обалдел, что ли? – спокойно пробасил он.

И это спасло его от следующего удара.

Пьяный Бусин улыбнулся.

– Извини, пожалуйста, я знаю, ты наш...

– Но арестовать его все равно придется, – сказал Карабутенко, – до окончательного выяснения. Это он все тянет.

Солдаты обезоружили Чеусова, Шагабудинова, Прасолова, Кривенко.

* * *

Верненский базар как в мирные дни. Как-будто в городе ничего не происходит.

Узбеки, уйгуры, дунгане, конные казахи. Мужики, продающие скот, фрукты и т. д.

В стороне на пне устроился знакомый нам одноглазый старик-узбек и, удивляя окруживших его безграмотных людей своим знанием грамоты, читал газету:

«Приказ № 3. Временного Военно-революционного Боевого Совета Семиреченской области. 1920 г. 16 июня, в 10 часов вечера. Параграф один. Товарищ Карабутенко назначается председателем Временного Военно-революционного боевого Совета Семиреченской области и командующим войсками. Его товарищем назначается Бусин. Этим товарищам приступить к своим прямым обязанностям, об исполнении донести. Параграф два. Товарищ Вуйчич назначается политическим военным комиссаром Семиреченской области, которому предлагается приступить к своим прямым обязанностям, об исполнении донести. Параграф три. Секретарем Совета оставить товарища Щукина, так как другого грамотного человека не имеется?»

* * *

В штаб дивизии прискакали Агабаев и молодой офицер, бывший адъютант Шагабудинова – Зеленко.

– Товарищ уполномоченный Туркфронта, беда, – сказал Зеленко, – товарища Шагабудинова арестовали, хотят расстрелять. Надо немедленно спасти. Нам здесь долго оставаться нельзя, нас послали на разведку...

– Передайте товарищу Шагабудинову, – сказал Фурманов, что партия считает нецелесообразным нахождение товарища Шагабудинова в крепости.

* * *

Ночь. К крепости молча подъехало человек восемь всадников. Копыта коней обмотаны толстыми тряпками.

Всадники остановились у стены крепости.

Один из них тихо свистнул.

Откуда-то донесся ответный свист.

Всадники кинули аркан через стену крепостного вала.

И потянули.

Показался Шагабудинов.

Он с вала прыгнул в седло.

Всадники тихо отъехали.

Но тут до них донесся крик:

– Убег, убег!

– Надо снять тряпки с копыт, – сказал кто-то из джигитов. Но они не успели размотать тряпки.

Из ворот крепости вынеслись человек двадцать конных мятежников.

Побег закончился для многих трагично.

Джигиты не могут ускакать. – Копыта, обмотанные тряпками...

Мятежники настигают группу Шагабудинова.

Джигиты вынуждены отстреливаться.

Несколько мятежников упало, остальные все же настигли джигитов и

начали рубить джигитов.

Конь Шагабудинова подскользнулся и упал в овраг.

...Утро.

В овраге.

Мертвый конь.

Потерявший сознание Шагабудинов в стороне.

Шагабудинов поднял голову.

С яра на него смотрели двое конопатых пацанов.

Шагабудинов приподнялся, сел.

Мальчики куда-то убежали.

Шагабудинов попытался встать, но упал.

Шагабудинов все же встал.

Шагабудинов поднимается по оврагу.

Шагабудинов вышел из оврага.

Но тут его ждала группа бородатых вооруженных мужиков.

– Ну что, комиссар, попался! – сказал один из них.

* * *

В штабе дивизии.

Фурманов, Жандосов, Белов, Ная.

Белов говорит:

– Наши люди перехватили записку председателя ЧКа, где он просит разрешения у мятежников арестовать всех нас...

– Каков подлец, а?! – воскликнул Жандосов. – Целый год вместе работали, а не знали, что за человек!

– Сейчас нас арестовать, конечно, не трудно, – сказал Белов.

– Все же надо найти выход. Я уверен, я как коммунист уверен, что многие из мятежников оказались обманутыми врагами Советской власти...

– Выход один, – сказал Жандосов, – нам надо покинуть город; Пойти в четвертый кавалерийский интернациональный полк. Объяснит: товарищам на месте обстановку. И город брать вторично... – Жандосов хитро улыбнулся каким-то своим мыслям, потом сказал: – Так делали все ханы и правители, когда теряли власть над народом...

– Ты что, Жандосов?! – упрекнул Фурманов. – Нашел время шутить.

– Это не шутка, это единственный выход, – сказал Белов. Фурманов подошел к телефону, поднял трубку.

– Соедините меня с крепостью.

– Что ты делаешь? – испугалась Ная.

Фурманов тем временем уже говорит:

– Алло, кто у аппарата? Товарищ Карабутенко? С вами говорит уполномоченный Туркестанского фронта товарищ Фурманов. Я, как представитель центральной власти, требую: собрать всех, кто находится в крепости, созвать митинг, допустить нас к народу.

Фурманов немного послушал, потом сказал Жандосову и Белову:

– Понимаете, какое чудо, они согласны!

Фурманов повесил трубку и радостно заключил:

– Понимаете, какая удача!

– Чему тут радоваться, Дима? – со слезами на глазах спросила Ная.

В штабе дивизии.

Фурманов, Жандосов, Белов, Ная.

Все молчат. Долго молчат.

Входит дежурный солдат, докладывает:

– К вам просится какой-то парень, говорит, из Ташкента.

– Пусть входит, – не поднимая головы отвечает Фурманов.

Входит Гани Муратбаев.

– Товарищ уполномоченный Туркфронта, меня к вам командировал Ревком Туркестана...

– Подмога... – недовольно сказал Фурманов, – ну что ж, один человек и то сила.

По улице Верного едут Фурманов и Муратбаев.

– Ты говоришь, что пролетариат города Решта окончательно победил своих буржуев, да? – спрашивал Фурманов.

– Да, – отвечал Муратбаев.

– Ты, говоришь, Советскую власть они установили? – спрашивал Фурманов.

– Да, Советскую власть! – отвечал Муратбаев.

– Прямо-таки Советскую власть? – восклицал Фурманов. – Надо же...

В крепости.

Грандиозный пикник.

Крепость бурлила, кипела.

Тысячи людей, тысячи коней, сотни бричек.

И один старый грузовик.

Вооруженная толпа.

Ругань, крики.

– Надо их давить!

– Что мешкают?!
 – Одним ударом покончить!
 – Ишь ты, герой какой!
 – Мы что, революционеров будем бить?!
 – Говорят, сам Фрунзе приедет!
 – Он из наших, казак.
 – Здесь мы еле добились казачье, а там в Ташкенте командует казак.

– Надо все же разом покончить со всеми комиссарами!
 – Что ты болтаешь, ты подумал, что скажет товарищ Ленин, когда узнает об этом...

– Я не против Ленина, я против комиссаров!
 – Шибко грамотный ты.
 – Молчи, интеллигенция.
 – Идут, идут!..

Толпа придвинулась к телеге.

В окружении «начальства» крепости к телеге подходи-ли Фурманов и Муратбаев.

К Муратбаеву воровато подошел Касым Кушелеков и по-казахски прошептал:

– Здесь есть 60 джигитов, вооруженных гранатами... в случае чего мы бросаем в толпу гранаты, а вы бегите к восточному валу, там вас ждут конные джигиты...

Кушелеков куда-то исчез.

Муратбаев Фурманову что-то шепнул.

Фурманов посмотрел по сторонам.

Карабутенко поднялся на телегу.

Товарищи, красноармейцы и сочувствующие нам партийцы! – сказал он. – К нам пожаловали комиссары. Они хотят речь держать. Так послушаем их или нет?

– Послушаем, – загудели первые ряды. Это были в основном партшколовцы, городская партийная организация, и интернационалисты.

– Есть предложение избрать председателем собрания всем вам известного Михаила Бусина, – сказал Карабутенко.

Толпа одобрительно загудела.

– Раз так, – сказал Михаил Бусин, поднимаясь на телегу, – вы будете слушаться меня. Не будете слушаться меня, я тут же откажусь.

Толпа согласно гудела.

– Слово держит товарищ уполномоченный Туркестанского фронта – Фурманов.

Фурманов поднялся на телегу.

Окинул взором взволнованную рябь голов, прошелся по ближним лицам...

... Чужие...

... Злые...

... Зловещие...

... Ехидные...

... Замкнутые...

... Дружелюбные...

... Сочувствующие...

... Таинственные...

... Просто глупые...

Теперь идет длинная сцена, когда, яростно жестикулируя, говорит Фурманов. Говорит долго и убежденно.

А толпа слушает.

А толпа волнуется.

А толпа ревет.

А толпа гневается.

А толпа движется.

А толпа между собой ругается.

А толпа готова вспыхнуть.

Кто-то поднимает винтовку.

Кто-то орет.

Кто-то одобрительно кивает головой.

Кто-то одобрительно хохочет.

А Фурманов все говорит.

А Фурманов чувствует, что овладеет толпой.

А Фурманов чувствует, что потерял власть над толпой.

А Фурманов чувствует, что снова овладел толпой...

В этом эпизоде не слышен шум толпы, а только над всеми, как чайка над морем, то снижаясь, то поднимаясь, плывет жаркий и упорный шепот Фурманова:

«Как ее взять в руки, мятежную толпу? Как из этого официального выступления построить агитационную речь, которая нам сослужила бы службу?

Прежде всего – перед лицом мятежного собрания надо выйти как сильному: и думать, мол, не думайте, что к вам сюда пришли несчастные и одинокие, покинутые, кругом побитые, беспомощные представители жалкой власти. О нет! К вам пришли делегаты от высшей власти области, у которой за спиной – сила, которая вовсе не дрогнула... она вам открыто заявит свою волю, непоколебимую волю справедливого слова. Это первое.

А второе – не выпускать ни на одно мгновение из-под пытливого взора всю толпу, разом ее наблюдая со всех сторон и во всех проявлениях: говорить – говори, но и слушай чутко разные выкрики, возгласы, одобрения или недовольства, моментально учти, отражают ли они мнения большинства или только беспомощные попытки одиночек. Если большинство – ту же натягивай вожжи; если одиночки – парализуй их вначале, sprysni ядовитой желчью, выключи им глаза, вырви язык, обезвредь, ослепи, обезглавь, разберись в этом вмиг и, поняв новое состояние толпы, живо равняйся по этому ее состоянию – то ли грозовоющему, то ли опавшему, смягченному, теряющему – чем дальше, тем больше – первоначальную свою остроту.

А как только учтешь, поймешь – будь в действии гибок, как пантера, чуток, как мышь.

Если нарастает, вот она, близится гроза, чуешь ты ее жаркое, близкое дыхание, – зажми крепко сердце, жалом мысли прокладывай путь – не по широкой дороге битвы, а окольными чуть приметными тропками мелких схваток, ловких поворотов, неожиданных скачков, глубоких, острых повреждений, иди – как над ревущими волнами ходят по зыбкому, дрожащему мостику, остерегайся, озирайся, стремись видеть враз кругом: пусть видит голова, пусть видит сердце, весь организм пусть видит и понимает, потому что кратки эти переходные мгновения и в краткости – смертельно опасны. Кто их не понимает, кто в них не владыка – тот гибнет неизбежно. Когда же минуешь страшную полосу, когда чуть задумаются бешеные волны нарастающего гнева толпы, задумаются, приостановятся и глухо гудящей, тяжелой зыбью попятятся назад, – смело уходи с потаенных защитных троп, выходи на широкую, на большую дорогу. Но – ни гу-гу, чтоб никто не приметил ни в голосе твоём, ни в слове, ни по лицу твоему взволнованному, – как по тайным тропкам мину-ту назад скрывался ты от грозно ревевшей, близкой катастрофы. Кроме тебя одного, этого никто не должен видеть и знать. Разомкнулись тучи, миновала черная беда, нет больше опасности мгновенного взрыва, толпа постепенно остывает, нехотя и медленно отступает сама под напором твоих убеждающих, крепнущих слов. Не прозевай этого кризисного, чуткого момента, не упusti. Все ту же, все ту же навинчивай на крепкую ладонь эту тонкую невидимую узду, на которую взял уверенно обезволенную, намагниченную толпу. Возьми ее, плененную тобой, возьми и веди, куда надо. Веди и будь лицом к толпе, и смотри, смотри по-прежнему пристально и неотрывно ей прямо

в мутные глаза. Не на миг не отрывайся от охмелелых, свинцовых глаз толпы, читай по ним, понимай по ним, как ворочается нутро у ней, у толпы, что там уже совершилось, ушло невозвратно, что теперь совершается в глубине и что совершиться должно через минуты. Просмотришь – будет беда...»

Уже выступает Муратбаев /его голоса также не слышно/, но по-прежнему звучит жаркий шепот Фурманова:

«Твой верный, твердый шаг должен командой отдаваться в сердце намагниченной толпы, твое нужное острое слово должно просверлить толстую кору мозгов и сделать там свою работу. Так надо разом: будь в этих грозных испытаниях и непоколебимо крепок подобно граниту, и гибок, и мягок, и тих, как котенок. Это запомни – во-вторых.

В-третьих, вот что: знай, чем живет толпа, самые насущные знай у ней интересы. И - о них говори. Всегда надо понимать того, с кем имеешь дело. И горе будет тебе, если, выйдя перед лицом мятежной, в страстях взволнованной толпы, ты на пламенные протесты станешь говорить о чужом, для них ненужном, не о главном, не о том, что взволновало. Говори о чем хочешь, обо всем, что считаешь важным, но так построй свои мысли, чтобы связаны были они с интересами толпы, чтобы внедрялись они в то насущное, чем клокочет она, бушует. Ты не на празднике, ты на поле брани, и будь, как воин, вооружен до зубов. Знай хорошо противника. Знай у толпы не одни застарелые нужды, – нет, узнай и то, чем жила она, толпа, за минуты до страстного взрыва, и пойми ее неумолчный рокот, вылови четкие коренные звуки, в них вслушайся, вдумайся, на них сосредоточься. Мало того, чтобы зорким взором толпе смотреть в хмельные глаза и видеть, как играют они, отражают в игре своей внутреннюю бурю. Надо еще пони-

мать, от чего разыгралась она, какие силы вызвали ее на волю, какие силы заставят утихнуть. И какой бы ты ни был мастер – никогда не возмешь на узду толпу чужими ей делами, интересами, нуждами.

Потом, в-четвертых...»

Снова говорит сам Фурманов, но по-прежнему звучит его жаркий шепот над толпой:

«Глянь на лица, всем в глаза, пойми непременно и то, как передать, как сказать этой толпе слова свои и мысли, – чтоб дошли они к ней, проникли в сердцевину, как в мозг кинжал. В каждую толпу только те вонзай слова, которых она ждет, которые поймет, которые единственны, незаменимы. Других не надо. Другие для другого времени и места, для другой толпы.

А вот тебе пятый совет, вовсе неожиданный:

Польсти. Здесь это надо!

Не забывай того, что волнуется перед тобой не рабочая масса, которой можно и надо прямо в глаза сказать серьезную, суровую правду, – там ее поймут. А эту сразу правдой суровой не возмешь. Тысячи километров от центра, тысячи километров от рабочего центра, отравленные колониальной политикой, межнациональной враждой, одурманенные религией – они правду сразу не поймут.

Ты скажешь эту правду, скажешь всю, но не сразу – потом. Скажешь тогда, когда их мысли и сердца будут обмаслены медом лести, когда гладко сможет войти к ним правда – жесткая, сухая, колючая. Они ее смогут принять только незаметно для себя, как больной – лекарства в пилюлях. Для такого конца, для своей цели примени и это средство: нужную дозу лести. И оно пойдет на пользу, искупится, окупится. Само по себе ни одно средство не хорошо, не плохо, оно оценивается только по достигнутым результатам.

Не слюнявь, иди к цели. Ты скажи мятежникам такое, что они любят слушать, от чего тают их сердца, от чего опадает их гнев, расплзается, ширится доверчивость, пропадает подозрительность, настороженность, недоверие к тебе и – главное – твоему делу. А тогда – бери голыми руками. Знаешь – как следователь: он сначала вопросами пятого порядка отвлечет и усыпит твою бдительность и недоверчивость, а потом, когда распояшешься и обмякнешь – сам скажешь начистоту, если сам ты не кремневый. А какая же толпа – кремневая. Буйство – это не сила, буйство – только разгул страстей.

В-последних, так сказать, на разлуку только два слова: когда не помогают никакие меры и средства, все испытано, все отведено и все безуспешно, сойди с трибуны, с бочки, с ящика, все равно с чего, сойди так же смело, как вошел сюда. Если быть концу – значит, надо его взять таким, как лучше нельзя. Погибая под кулаками и прикладами, помирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза.

Умереть по-собачьи, с визгом, трепетом и мольбами – вредно.

Умирай хорошо. Наберись сил, все выверни из нутра своего, все мобилизуй у себя – и в мозгах, и в сердце, не жалей, что много растратишь энергии, – это ведь твоя последняя мобилизация! Умри хорошо...»

Фурманов закончил свою речь.

Вся крепость затихла.

Долгая тишина.

Вдруг на телегу вскочил Вуйчич:

– Товарищи... срочно прекратить митинг... показался казахский дивизион, вооруженный пулеметами, пушками! И еще идут на крепость броневики...

Толпа ахнула.

Зазвенела, загудела.

Она вдруг забесилась, заметалась в разные стороны...

– Не может быть этого, – сказал Фурманов, обращаясь к Карабутенко.

– Пройдемте в штаб, – сказал Карабутенко. – Подождем. Фурманов и Муратбаев переглянулись.

Фурманов глазами сказал: что поделаешь.

Фурманов, Муратбаев, Карабутенко и Бусин вошли в помещение.

Тут же прибежал Вуйчич.

– Товарищи, извините... ошибка оказалась, тревога-то ложная вышла... никого нет. Только зря напугали...

И криво, нахально ухмыльнулся.

– Это провокация! Вы испугались, того что народ нас понял.

– Может быть... – еще больше ухмыльнулся Вуйчич. – А между прочим, есть постановление арестовать вас.

– Это что ж, товарищ Карабутенко, значит, и ваш военсовет согласен на наш арест?

Карабутенко замялся.

– Ладно, довольно болтать, идите без разговоров! – крикнул Вуйчич. – Сдавай оружие.

– А у нас его нет, – сказал Муратбаев.

Арестованных Фурманова и Муратбаева сквозь удивленную толпу ведут к каземату.

В штаб дивизии прибежал человек. Там у телеграфного аппарата стояли Жандосов и Белов.

Ная читала им телеграмму:

– «Отдайте приказ по всем частям области о неподчинении их распоряжениям самозванного мятежного со-

вета. Обязательным остается приказание выбраться из Верного и создать военно-гражданский центр в другом пункте области по вашему выбору. Командующий фронтом. Фрунзе».

Человек, прибежавший в штаб дивизии, подождал, пока Ная дочитает телеграмму, потом сообщил поочередно, посматривая то на Жандосова, то на Белова:

– Особый отдел и Ревтрибунал разгромлены. Мятежные части направились к штабу дивизии, а еще – Фурманов арестован!

Ная соскочила с места.

Человек ушел.

Ная заплакала.

– Вам это не к лицу, товарищ, Фурманов! – сказал Жандосов.

– Да, да... – Ная вытерла слезы. – Надо что-то придумать.

Белов подошел к телефонному аппарату, поднял трубку:

– Алло, алло, соедините с крепостью... крепость? Кто у аппарата?... Товарищ Карабутенко? Говорит командующий четвертой дивизии – Белов. Нами из Ташкента от командующего Туркфронтом товарища Фрунзе получена телеграмма, подтверждающая незаконность вашей власти. Командующий приказывает: немедленно сдать оружие и войти в подчинение законной Советской власти Семиречья. Подлинность телеграммы могу подтвердить. На размышления даю час времени.

Белов кладет трубку.

– Но все же нам надо выбраться из города, – говорит Жандосов.

...Жандосов вышел на крыльцо штаба дивизии.

Тут он увидел, как связанного Шагабудинова вез какой-то убогий, бородатый старик.

Шагабудинов посмотрел на Жандосова. Жандосов посмотрел на Шагабудинова.

– Эй, вы, куда? – окликнул старика Жандосов.

Старик остановился у крыльца.

Сошел с брички, подошел к Жандосову.

– Ишь ты, мужички нашего села поймав ихнего красного комиссара. Засудили отвезти начальству крепости, чтобы там он богу душу отдал. Так постановили... А кто будет здесь высшее начальство?

– Как раз вы сюда и подъехали, – подмигнув Шагабудинову, сказал Жандосов. – Я есть председатель областного революционного комитета. Вот удостоверение.

Старик повертел в руках удостоверение, потом сказал:

– Ну, вот хорошо, я вам передаю его.

Подошел Масарский.

Жандосов подмигнул Масарскому и сказал громко, приказывающим тоном:

– Немедленно увести этого пленного и до вечера расстрелять.

– Царство ему небесное! – пробормотал старик, перекрестился и, сев на свою бричку, уехал.

Жандосов, Шагабудинов и Масарский горячо обнимались.

Человек, только что прибежавший в штаб дивизии и сообщивший об аресте, тут же прибежал в крепость к Карабутенко, шепотом рассказал:

– Они получили телеграмму от Фрунзе. Вашу власть не признают. За неподчинение грозятся расстрелом...

* * *

Ночь.

Скачет Михаил Бусин.

Михаил Бусин подскакал к дому.

Стучит в окно.

Зажегся свет.

– Кто там?

– Это я!

– Ой, Мишенька!...

...Михаил Бусин, как «коротенькую дубинку» держал в руках трехмесячного сынишку и рычал:

– Ох и подлец же ты, Сережа Бусин, подлец! Вот как прижму к груди, да так прижму... как ударю тебя башкой об дувал!.. Что от тебя останется? Мокрое место останется, вот что!

Жена стояла ни жива, ни мертва, она знает, что муж может это сделать.

Бусин помахал этой «коротенькой дубинкой», потом неожиданно застонал:

– Ох, жинка, муторно мне, муторно! Ох, ох...

* * *

Ная, одетая крестьянкой, шла по ночной улице.

Где-то бренчала балалайка.

Кто-то играл на гармошке.

Во дворе какого-то дома сидели гости – большинство старики.

У какого-то дома Ная услышала брань – ругались муж и жена.

– Groш цена твоей ласке! – доносился голос молодой женщины.

– Все тебе нипочем! – говорил муж. – Я тебе купил шубу, я тебе купил все, что нужно женщине. А сколько платьев, сапог, серьги, перстни, что тебе еще нужно?!

– Пропади ты со своими подарками.

У какого-то дома на лавочке обнималась молодая пара. Кто-то в ночи работал во дворе – пилил.

– «Что за люди, судьба Советской власти в Семиречье висит на волоске, а они хоть бы хны... ведь все это из-за них, ведь все это за их будущее, за их счастье, за счастье их детей... а они хоть бы хны. Мой муж в плену. Его, может быть, уже расстреляли, сегодня ночью, может быть, и меня расстреляют, и Жандосова, и Белова... А им хоть бы что... Задушит контра, как младенца, бандиты Советскую власть, а им хоть бы что... когда же, люди, проснетесь? Когда миллионы людей, как один умный человек, будете едино думать о своем будущем, устраивать разумно свое настоящее?! Люди, люди...»

* * *

Ная вернулась в штаб дивизии поздней ночью.

Сообщила Жандосову, Белову, Шагабудинову и Масарскому:

– Они решили сегодня в шесть утра взять всех нас...

* * *

В маленькой подземной каморке – Фурманов и Муратбаев.

Маленькое окно с толстыми решетками.

Муратбаев спокоен, что-то под нос поет.

Фурманов исступленно что-то пишет.

Оба задремали.

В каморке мертвая тишь. Чернел, сгущался полумрак.

Фурманов проснулся, придвинулся к окошку, снял сапоги, потянулся, примостился и по привычке вытащив клочок бумаги, вкривь и вкось начал записывать свои мысли. Вероятно, он не видел строк, просто наугад.

«Умереть хорошо...»

За дверью, в коридоре, какая-то возня...

...У штаба мятежников Вуйчич шепотом советовался с группой людей. Вуйчич говорил:

– Карабутенко тоже нерешительный трус! Пока сила в наших руках, надо комиссаров расстрелять. На этом конец Советской власти в Семиречье. Власть будет наша, свободная... От имени солдат нам надо вынести решение...

...Вуйчич и группа вооруженных солдат подходят к каземату.

У входа стоят Касым Кушелеков и совсем юный солдат Иван Борзенко.

– Здесь Фурманов? – спросил Вуйчич.

– Тут.

– По решению временного Реввоенсовета Фурманова приказано передать нам.

– Кому это вам? – спросил Кушелеков.

Вуйчич вскипел:

– Мне.

– Не велено... – спокойно ответил Иван Борзенко. – Этот каземат охраняют курсанты школы комсостава. Мы подчиняемся только своему начальнику.

– Я член Реввоенсовета! – крикнул Вуйчич.

– Не велено... – спокойно отпарировал Иван Борзенко.

– Мы вас арестуем!

Пришедшие с Вуйчичем солдаты окружили Кушелекова и Борзенко.

Вуйчич открыл дверь каморки.

Кушелекову удалось вырваться и он куда-то побежал.

В каморке.

Фурманов слышит чей-то голос.

– Здесь Фурманов?

Фурманов и Муратбаев насторожились.

– У Фурманова сильнее забилося сердце. Задергалась нижняя губа судорогой, как электрическим током дернуло ноги и руки, взгляд застыл и впился в дверь...

«Неужели? Неужели меня убьют? Неужели я не увижу своими глазами полную победу мировой революции? Нет, не может быть!»

– Фурманов выходи! – снова слышался зычный голос.

– Куда?

– Выходи.

– Я босой.

– Все равно, выходи босой...

«Уводят расстрелять!»

– Прощай, Гани. Останешься жив, радуйся и за меня!

– Ну что вы. Это на допрос вас ведут... – успокаивал Муратбаев.

Фурманов сжал руку Муратбаева.

– Прощай!..

«Умереть надо хорошо... Надо умереть не трусом... но как не хочется! О-о-о! Как не хочется умирать!..»

– Выходи!

– Не пойду, – вдруг неожиданно говорит Фурманов, – пусть придет сам Карабутенко, иначе не пойду...

...У входа в каземат.

Человек сто курсантов и городская партийная организация во главе с Масарским и Штекер подходят к каземату.

– Караулить каземат поручено мне! – говорит Масарский Вуйчичу. – Прошу не наводить смуту...

Курсанты окружают каземат.

Вуйчич и его группа, бранясь, уходят.

...В каморке Фурманов и Муратбаев смотрят друг на друга.

Фурманов обулся, встал, подошел к Муратбаеву и, сильно обнял его.

– Значит, нам еще жить...

– Вам надо бежать, когда нас вводили сюда, я заметил, оба часовые наши люди. Один даже шепнул мне: «Не беспокойтесь...»

– Хорошо бы бежать, но как?

– Уговорим часовых.

Уже ночь.

Муратбаев подходит к двери, тихо стучит.

– Что вам? – раздается голос одного из часовых.

– Товарищ, открой на минутку.

Загремел замок.

Иван Борзенко вошел в камеру.

– Товарищ Фурманов, – быстро зашептал он, – я вас знаю, вы были комиссаром у товарища Чапаева... они что-то снова затевают... я предлагаю переодеться и бежать, мы поменяемся с вами формой...

Фурманов даже не задумываясь начал снимать кожанку.

...Крепость. Ночью.

Крики, шум. Костры.

В солдатской форме идет Фурманов.

Фурманов подошел к воротам.

– Кто там?

– Я.

– Куда?

– Мне разрешили... к своей жинке сходить...

– А-а-а, иди, иди, бедолага...

...Фурманов идет по улице Верного и быстрым шепотом думает:

«Я еще нужен революции, я еще нужен... а если расстреляют того солдатика?.. Жертва, революция без жертв не бывает. Я нужен революции... а может, он нужнее? Революция делается, чтобы сделать счастливым каждого человека... каждого, каждого человека. А я бежал, оставив его там... Оставив Муратбаева... Нет, нет, мне надо вернуться... умереть надо красиво...»

Фурманов остановился. Повернулся. Направился в сторону крепости.

...Из маленького окна в отсвете ночных костров Муратбаев видел, как несколько человек повели молоденького солдата Борзенко к крепостной стене, как, выстроившись, прицелились, как раздался выстрел...

Как упал молодой солдат сперва на колени, потом лицом в землю, как мусульманин в молитве.

Муратбаев крепко сжал решетку руками и зарыдал...

...В крепость вошел Фурманов.

Подошел к каземату.

Здесь его ждала группа людей. Среди них – Масарский.

– Вот вы где разгуливаете! – воскликнул Масарский. – У меня есть приказ о вашем освобождении. Зря пытались бежать.

– Ты откуда здесь?

– Меня арестовали и сделали начальником курсантов.

Остальное потом расскажу.

Из каземата вывели и Муратбаева.

Теперь Муратбаев крепко сжал руки Фурманова.

В штабе дивизии.

Фурманов, Шагабудинов, Белов, Муратбаев и Ная у телеграфного аппарата.

Зазвенел телефон.

Трубку поднял Фурманов.

– Алло, слушает Фурманов.

В трубке ясно слышен голос:

– Алло, говорит Масарский, я получил приказ снова арестовать вас. Я послал людей. Приказываю быть на месте.

– Хорошо, – сказал Фурманов и положил трубку.

Фурманов обратился к товарищам:

– Звонил Масарский. Он получил приказ арестовать нас. И он от своего имени приказывает быть здесь. Это условный знак, значит, нам надо немедленно бежать.

– Где Жандосов?

– Он уже выехал навстречу четвертому полку. /Белов/

– Нам мелкими группами в два-три человека надо перебраться в Карасу, где стоит четвертый полк. /Фурманов/.

– Товарищ Фурманов, товарищ Ная и я – одна группа. Для нас приготовлены кони. Товарища Белова, товарища Муратбаева поведет мой человек Агабаев. Им тоже приготовлены кони. Выехать разумнее под утро. Ночью опасно. Приготовлены дома, где мы должны пробыть до утра. Люди надежные. /Шагабудинов/

* * *

Фурманов, Ная и Шагабудинов осторожно пробираются по темной улице. Через каждые пять-десять шагов останавливаются и чуток вслушиваются.

Где-то залаяла собака, они юркнули в сторону.

Потом, постояв, – дальше.

Где-то им навстречу попался пьяный солдат, шел и пел:

– «Мы наш, мы новый мир построим...»

Фурманов, Ная и Шагабудинов переждали, пока тот уйдет далеко.

Потом – дальше.

Сзади послышался топот копыт.

Мимо промчались два красноармейца.

Наконец Шагабудинов привел Фурманова и Наю к воротам солидного особняка.

– Стойте здесь, – шепнул, сам подошел к окну и тихо постучал.

– Бул ким?

– Мен.

Скрипнула калитка.

– Входите.

Фурманов и Нал вошли во двор.

Шагабудинов остался за воротами.

Фурманов вернулся, спросил:

– Что не заходишь?

– Я здесь буду стоять...

– Ты что? Зачем здесь стоять?

Шагабудинов замялся.

– Да так...

– Давай-давай заходи, будем вместе.

– Нет, – сказал Шагабудинов. – Мне не положено, это дом моей невесты. Я здесь постою... покараулю...

– Ну ты, комиссар...

– Не шумите, идите. Отдохните, хозяин вас разбудит. Лошади во дворе.

* * *

Богатая гостиная.

Хозяин и хозяйка средних лет опрятно одетые татары.

– Проходите дорогие гости...

Круглый низкий стол заставлен национальными блюдами.

На подносе дышит паром самовар.

– Рассаживайтесь...

На полу стеганные бархатом узкие длинные одеяла, подушки.

– Ой, спасибо, нам бы отдохнуть, утром дорога предстоит...

– Вся жизнь – дорога, торопиться некуда. /Хозяин/

Из гостиной вышла стройная красивая девушка в белом.. Фурманов мигнул Нае.

Ная не поняла, вопросительно посмотрела на мужа.

Девушка поздоровалась с гостями, красиво наклонив голову, прошла в другую комнату.

Фурманов шепнул жене.

– Это невеста нашего Шагабудинова...

– Что ты говоришь? Какая красавица! Кстати, почему он не с нами?

Фурманов улыбнулся.

– Ему, оказывается, нельзя в дом невесты... Пока не женился...

– Чудак.

* * *

Большая овчарка гналась за Наей.

Ная бежит что есть сил.

С нею рядом бежит какая-то незнакомая женщина.

Вот-вот овчарка настигнет их.

Страх.

Ная споткнулась, упала.

Овчарка остановилась, удивленно смотрит. Глаза у собаки жуткие, красные, чем-то напоминают человеческие глаза.

Ная снова встала и побежала...

Вдали виден какой-то старый заброшенный домик.

Ная и незнакомая женщина вошли в дом.

Но у этого дома нет ни дверей, ни окон.

В руках у Наи оказалась веревка. Ная быстро сделала петлю. Овчарка прыгнула в окно.

Ная набросила на шею овчарки петлю, ловким движением зацепила веревку за крюк и тянет-тянет веревку...

Овчарка захрипела...

Овчарка превратилась в человека...

Ная все тянет и тянет веревку...

Человек снова превратился в овчарку. Хрипит.

Ная вскрикнула и проснулась. Прижалась к груди мужа.

Фурманов проснулся.

– Что с тобой, Наинька?

Ная плачет, уткнувшись носом в грудь мужа.

– Ой, как ужасно, ой, как жестоко!

* * *

Раннее утро.

На добрых сытых конях уже за городом едут Фурманов, Шагабудинов и Ная.

Им встретился конный разъезд.

– Эй, кто вы?

– Свои.

Они едут дальше.

* * *

В горах звенит труба.

Кони вытянули шеи, насторожились.

Из палаток выбежали красноармейцы.

Красноармейцы чистят коней – это лагерь четвертого интернационального кавалерийского полка.

Командир полка Жиленко командует:

– По коням!

Рядом с командиром Фурманов, Жандосов, Белов, Шагабудинов, Муратбаев, Ная.

Фурманов говорит:

– Товарищи, как вам уже известно, в Верном, подавшись подлой агитации смертных врагов Советской власти – кулаков, баев и мулл, бойцы Семиреченской дивизии забунтовали. Спасти революцию Семиречья наш с вами священный долг. Товарищи красноармейцы, мы обращаемся к вам...

...Звучит труба.

Командир полка кричит:

– Бойцы, четвертого интернационального кавалерийского полка, вы-с-сту-пай!

Красиво задвигался полк.

Шли торжественно со знаменами.

...Шагабудинов, как все горячие люди, особенно преобразился на коне. Он гарцевал впереди всех на красивом, черной масти, аргамаке. Он подъехал к Фурманову.

– Товарищ уполномоченный Туркфронта, разрешите мне одной ротой ворваться в город. До вашего прихода обезоружить всех мятежников... Во избежание кровопролития.

– Это ребячество, – сказал Белов.

– Нет, пусть едет, – сказал Фурманов.

С отрядом в шестьдесят человек интернационалистов Шагабудинов с гиком помчался в сторону города.

– На Верный... на Верный...

– Мы дадим им, сволочам! – кричали красноармейцы, русские, казахи, мадьяры, туркмены, чехи.

– Советский, советский! – кричали они, сверкая угольками раскосых глаз.

...С тем же гиканьем, в бешеном скаку отряд Шагабудинова ворвался в крепость.

Мятежники задвигались, растерялись.

– От имени Ревкома Семиреченской области приказываю всем – сдать оружие! – сильным голосом скомандовал Шагабудинов.

Штекер и Масарский подмигнули Шагабудинову.

Они первыми бросили свои наганы на землю.

За ними – члены городской партийной организации.

За ними – партшколольцы.

За ними – караульный батальон.

За ними – рота интернационалистов.

За ними начали бросать оружие в кучу все остальные.

Из штаба выбежал Карабутенко.

Стоя на высоком крыльце, Карабутенко понял все. Он медленно вынул из кобуры наган, медленно прицелился и вот-вот собирался нажать курок, но раздался с другой стороны выстрел.

Это красноармеец Кушелеков метким выстрелом убил Карабутенку наповал.

Группа солдат вела связанного Вуйчича.

Эта группа явно собиралась расстрелять Вуйчича.

Шагабудинов это заметил и сказал красноармейцам:

– Вуйчича и других руководителей мятежа передать в особый отдел.

* * *

Утро. Батальоны Семиреченской дивизии четкими рядами выступали по ташкентской аллее.

Их провожали стройные ряды молодых белых тополей.

Во главе дивизии ее командир – Белов.

* * *

Михаил Бусин, здоровенный детина с метровыми усами, радовался, глаза его масляно блестели.

Он, как коротенькую дубину, держал за ноги трехмесячного сынишку и озлобленно рычал.

– Ох и подлец ты Сережа, подлец! Люблю же я тебя! Да вот возьму я тебя, да вот ударю башкой об дувал, да останется от тебя мокрое место!

Наталья смотрит на них ни жива, ни мертва.

Снаружи раздался топот копыт.

Бусин насторожился.

Передал сынишку жене.

Нахлобучил свой красноармейский шлем сынишке на голову. И выпрыгнул в окно.

...К дому Бусина подъезжали Шагабудинов и Масарский с несколькими красноармейцами.

Стой, Бусин, вернись! – крикнул Масарский.

– Здоровенный Бусин неуклюже бежал по своему огороду.

– Стой, Бусин, вернись, говорю, стрелять буду! – крикнул еще раз Масарский.

Здоровенный Бусин неуклюже бежал по своему огороду.

– Стой, стрелять буду! – третий раз крикнул Масарский и выстрелил.

Бусин присел на колени, потом опрокинулся навзничь. Шагабудинов отвернулся и еле сдерживал слезы.

– Жалко... – сказал он, как-никак четыре дня работали вместе.

Из хаты выбежала Наталья и, держа в левой руке сынишку, с криком и воем, спотыкаясь, побежала туда, где лежало уже мертвое тело мужа.

* * *

– ...Бусин, стой, вернись! – раздавался женский голос.

Бежал маленький, пухленький мальчуган.

Он остановился и обернулся.

Его окликала воспитательница в белом халате.

Детский сад.

Играют дети.

У ворот стоит мужчина – подполковник в форме летчика.

Воспитательница говорила пухленькому мальчугану:

– Твой папа приехал за тобой.

– Папа!

Мальчуган кинулся к воротам, где стоял отец.

Отец обнял сына.

– Когда ты приехал? Ты далеко был? Ты мне привез пистолет? – спрашивал сын.

Отец улыбался.

– Поехали домой, мама ждет...

– А возьмем с собой Булата? Он наш сосед, – говорит мальчуган.

– Какого еще Булата? – спрашивает отец.

– Ну, я же говорил тебе, Булата Жандосова, моего друга...

– Ну хорошо, зови.

– Булат, поехали с нами!

Подбегает Булат.

Подполковник улыбается, нагнувшись, протягивает руку Булату:

– Ну что ж, будем знакомы, – подполковник Сергей Бусин!

– А я – Булат Жандосов.

– Ну хорошо. Садитесь в машину. Я вас покатаю. И сам посмотрю на город, какой он стал, родной...

И они едут
по улице Фурманова,
по улице Жандосова,
по улице Шагабудинова,
по улице Муратбаева...

ОН РЯДОМ С ТОБОЙ

Киносценарий

Сперва здесь был настоящий рай.

С восходом солнца звучит горн.

Из белых палаток выбегают дети, строятся, дрожат от утренней прохлады. Толкаются.

Звеньевые рапортуют командирам отрядов.

Командиры отрядов рапортуют старшей пионервожатой.

Старшая пионервожатая рапортует командиру пионерского лагеря.

Командир пионерского лагеря – физрук – рапортует начальнику пионерского лагеря.

Звучит горн. Поднимается флаг.

Начальник пионерского лагеря бросает призыв.

– Всегда готовы! – отвечают дети.

Потом – утренняя гимнастика.

Жаркое красное солнце опускается в синее прохладное море.

– Дети, в воду! – командует физрук.

Дети, визжа от удовольствия, кидаются в воду.

...На мягком песке дети, как рыбешки, лежат в ряд.

– А ну, дети, поднимем левую ногу и правую руку... о-пус-каем, теперь поднимем правую ногу и левую руку... о-пус-каем... так... так... плаваем... плаваем! – говорит пионервожатая.

Дети, как рыбешки, выброшенные волной на берег, барахтаются на песке и расширенными от усилия глазами смотрят на «командира».

А «командир» – такая нежная молодая женщина, что кажется, вот-вот она хрустнет и рассыпится.

Или вот-вот она заплачет, не выдержит постороннего взгляда.

Она себя всегда держит так, как будто на нее кто-то со стороны пристально смотрит.

А кто-то со стороны смотрел. Это был молодой человек лет двадцати двух. (Описывать его нет надобности, какой актер подберется.) Это Мирас.

– Ах, лентяй, слабый, безвольный лентяй! – это Мирас ругает себя. Потом, стиснув зубы, прищутив глаза, смотрит он на вершину ближайшей горы и, собравшись с духом, пускается в бег.

Добежит до вершины, потом бегом возвращается вниз, к своей палатке.

– Ну ты молодец! Норму выполнил, молодец! – это Мирас хвалит себя.

Потом он уходит далеко от лагеря и с высоких берегов бросается в воду. Учится плавать.

Под навесом дети завтракают.

– Кому еще повторное? – спрашивает дежурный.

– Мне!

– Ах, Никитин, Никитин, – говорит дежурный. – Третий раз просишь.

– Пусть, давай миску! – говорит тетя Катя.

Потом девочки играют в какую-то свою игру, мальчики – в футбол.

С девочками всегда Зура.

– Ну что это такое!

– Ну, Лейли, куда ты, не твоя ведь очередь!

– Потихе, пожалуйста! – говорит она и каждый раз краснеет, как будто кто-то пристально смотрит на нее.

А кто-то пристально смотрит на нее. Это Кашаубай (Кашка), красавец с красивыми усиками. Ему не дашь больше сорока.

На поле дети. Играют в футбол. В каждой команде по двадцать четыре игрока.

Главный судья – Кашаубай. Бегает. Свистит. Ругает. Кричит. Грозит:

– Я тебя выгоню.

А сам все смотрит туда, где девочки играют в свою игру. Яркоголубое в белую полоску платье Зуры обжигает глаза.

– Руслан, извинись сейчас же! – Кашаубай подбегает к шустрому большеглазому мальчику.

У Кашаубая глаза зоркие, они видят «притягивая», приближая: и вот сейчас Кашаубай видит...

Под навесом дежурные ребята чистят картошку. Им что-то «от печи» говорит тетя Катя.

К тете Кате подходит завхоз Иван Иванович.

Потом к ним подходит Мирас в белой безрукавке, черных брюках.

Потом подходит медсестра Таня в красном.

– Руслан, ко мне!

– Я вас слушаю!

– Будешь судьей. Я сейчас, – говорит Кашаубай. И направляется под навес.

– А-а, Кашеке, это вы! – Мирас отрывает глаза от какой-то бумаги, которую хотел подписать, и протягивает ее Кашаубаю – вон, посмотрите. Калькуляция на завтра.

Кашаубай зорко смотрит в бумагу, потом, чуть задумавшись, говорит:

– Сахару маловато.

– Хорошо, добавим, – говорит Иван Иванович.

– Мирас Уржанович, – Кашаубай берет Мираса под ручку и мягко добавляет: – Я хотел с вами поговорить... наедине...

А говорит он наедине так же мягко вежливо, четко.

– Мирас Уржанович! – говорит он. – Вы – человек молодой. Только что окончили институт. Педагогического опыта, как говорится, у вас маловато. Поэтому я считаю своим долгом сказать вам... вот уже третий день, как вы здесь... У нас есть коллектив воспитателей. Хороший коллектив. Дружный. Я вам должен сказать, что главным недостатком вашей предшественницы Явлонской как раз было то, что она пренебрегала мнением коллектива. С нами не считалась. Но вы, конечно, этого не делаете. Вы человек воспитанный. Выпускник советского вуза. Я вам, как старший, советую: соберите коллектив и поговорите, как говорится, по душам. Поговорите.

И Мирас поговорил. Он сперва постоял у палатки, где собрались его подчиненные, в нерешительности закрыв глаза, выругал себя: «Нерешительный хилый интеллик! – сказал он сам себе. – Ну!» – и вошел.

Вошел. Сел. И начал.

– Товарищи! – начал он. – Нам с вами доверен очень ответственный участок. Воспитание подрастающего поколения – не из легких дел. Как сказал великий английский педагог, дети – это чистое табло, то есть чистая доска, вписать в которую хорошие слова жизни – мы с вами

обязаны. Обязаны мы с вами еще быть для них примером отличного поведения. И мне пришла мысль: ведь наш пионерский лагерь – это маленький живой действующий макет будущего. Ведь мы, взрослые, рядом с детьми как лакмусовая бумага, опущенная в кислоту, мы здесь вот и проявляемся...

Заметив, с какими расширенными глазами и искаженным от удивления видом смотрят на него подчиненные, молодой начальник запнулся. Тут же выругал себя: «Трус!» и, собравшись с духом, продолжал:

– А я хотел вам сказать...

– Считаю своей обязанностью сказать вам, что вы молодец! – говорил Кашаубай Мирасу, когда они остались одни в палатке. – Вы всех убили! Убили наповал. Как вас слушали! Как вас слушали!

В обед дети обедают. Потом снова играют. Мальчики в футбол, девочки во что-то свое.

Потом все вместе купаются, и им Зура говорит:

– Дети, медленно спускаемся в воду. Потом осторожно ложимся на животик и... Так, так, потом поднимаем правую руку и левую ногу, потом – левую руку и правую ногу... плаваем, плаваем...

А после купания полагается мертвый час.

Мертвый час полагается всем, но не старику Досану.

Досан – единственный «сосед лагеря», в метрах двухстах от лагеря белеет его юрта. Как раз в мертвый час он подъезжает к юрте Мираса и, как все старики, кричит:

– Эй, балам, выходи!

Мирас испуганно выбегает из палатки, хочет сказать старику, что нельзя здесь шуметь, но старик не ждет от него ответа.

– Пошли, – почти приказывает он и сам едет к своей юрте. Потом они долго и молча будут пить кумыс. А ста-

рушка Досана Разия украдкой будет поглядывать на Мираса и незаметно вздыхать.

Когда вечером под бой барабана поднимается стяг, старик Досан подъезжает на площадь и молча наблюдает за торжеством.

Когда баянист заиграет
«Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой!»

и дети зашагают по кругу, старик Досан всхлипнет и, потирая скупые слезы тыльной стороной правой руки, удивленному Мирасу скажет:

– Ты ничего не знаешь, Мирас-жан!

И уедет к себе.

Мирасу становится жалко его.

Вечером Мирас, стоя на вершине ближайшей к лагерю горы, горько сетует на свою судьбу: «Нет, нет! – думает он. – Уеду, уеду отсюда, убегу! Мне говорили, что жизнь полна борьбы. Мне говорили, что здесь очень ответственный участок, сложный участок. А где же те, с кем я должен бороться? Где? Кто? Не с кем. Разве с Кашаубаем? Разве со стариком Досаном? Разве с Зурой? За что? Ведь все они на своем месте.

О Аллах! Аллаха нет; о Создатель, создателя нет. Ну должен же я просить кого-то...

О тот, кого я должен просить, пошли мне врага, врага сильного, лютого, иначе я здесь захирею, опущусь. Ведь не для того я согласился стать начальником лагеря, чтобы отращивать себе бакенбарды и живот!

Так он умолял того, кто должен был внять его голосу.

Но тот, кто должен был помочь Мирасу, не помогал. Лагерь все продолжал жить своей обычной жизнью.

Восходило солнце.

Лагерь просыпался.

Поднимался флаг.

Дети завтракали.

Купались.

Играли.

Ходили в поход.

Возвращались с букетами цветов, разными травами для разных гербариев.

С букетом самых невозможных цветов возвращался Кашаубай из похода и дарил его медсестре Тане. Таня в красном ждала его у медпалатки.

Зура возвращалась из похода почему-то заплаканная, и тщательно скрывала это.

Мирас весь день слонялся по лагерю, не зная, куда деть себя, разговаривал со стариком Досаном, с тетей Катей, подписывал калькуляцию, читал или шутил с рябым голопузым Никитой Никитиным, который всегда вертелся около тети Кати.

– Кто здесь самый главный шеф-повар? – спрашивал Мирас нарочито серьезно.

– Я! – соскакивал с места Никита Никитин.

– Вы сегодня наелись, товарищ шеф-повар? – спрашивал Мирас.

– Так точно! – отвечал Никита Никитин.

– Слава богу! – говорил Мирас. И обнимал Никиту.

Никита очень любит ласку, видимо, сирота, остается очень доволен.

Или Мирас робко подходил к Зуре, когда она, наладив игру девочек, сидела в тени деревьев и читала.

Подходил и робко начинал:

– Просвещаемся?

– Да...

– Сегодня уже взялись за Толстого! С Достоевским, значит, покончили?

– Как вы можете так говорить о писателях!

– А что? Я их, писателей, в Алма-Ате не раз встречал. К нам на встречу приходили. А один, пьяньский такой, однажды в нашей комнате переночевал. Наутро, уходя, обещал всем нам купить по костюму.

– Ну и купил?

– Нет, конечно. Встретил как-то на улице. Поздоровался. А он даже не узнал.

– Ну это, видимо, не писатель...

И Зура задумывается. Забывает, что рядом стоит ее начальник. Для нее в этот миг не существовал никто. Поняв это, Мирас тихонько «смывался».

...Иногда воспитатели и вожатые (а их, кроме называемых и описываемых мною, в лагере еще немало. Просто останавливаться на них и говорить о них нет драматургической необходимости. А режиссер их не забудет, конечно) выходили на полянку. И под баян танцевали.

Как-то Мирас пригласил танцевать Зуру. У него было очень игривое настроение. И он взял левую руку девушки, раскрыл ладонь и сказал:

– Хотите, я вам погадаю?

– Я в такое не верю, – очень серьезно ответила Зура.

– Но все же...

– Как хотите...

Рука девушки безразлично лежала на ладони парня.

Они кружились. Но Мирас как-то ухитрился «гадать».

Они кружились, и Мирас говорил:

– О-хо! Всевышний мне шепчет в ухо... Что у тебя, как говорится, парень... Так... Он служит в армии. И ты недавно получила от него письмо. Всевышний шепчет мне в ухо... Да... Он пишет: «Особо уважаемая, дороже, чем золото, тяжелее, чем свинец, наша любимая невеста Зура! Мы надеемся, что, благодаря вашему здоровью, проводите дни благополучно в солнечном Казахстане, служа своей Родине. Желающий Вам быть таковой служащий Родине в рядах Советской Армии, старший сержант Гумер!..»

– Его не Гумер зовут!

– Но остальное – правда?

– А как вы могли прочитать его письмо?

– Никак. Я никакого письма не читал. Клянусь. Но не забывайте, что у меня теснейшая и интимнейшая связь с Всевышним!

– Как вам не надоедает шутить всегда?

Так проходили дни. За это время случилось только три ЧП.

Однажды Кашаубай привел к Мирасу ученика Эдика Кригера и сказал:

– Мирас Уржанович, вчера в палате № 3 у одного ученика пропал перочинный нож, у другого – три рубля денег. А сегодня мы их обнаружили в тайнике. Есть ребята, которые слышали, как Кригер хотел организовать побег.

– Куда? – удивился Мирас.

– А кто их знает? – вздохнул Кашаубай.

Потом перед строем долго стыдили Эдика Кригера.

Однажды на вечернюю линейку курдянка Мустафьева Гуля, девочка лет тринадцати, с морщинистым лицом, худая и рослая, вышла в разноцветном многополном длинном национальном платье с разными блестящими безделушками на груди.

Кашаубай уже дал команду:

– Дружина, смирно! Равнение на флаг!

Уже дробь барабана возвестила о начале торжества, как Кашаубай увидел девочку не в форме. Он растерялся, застыл в недоумении, какой-то миг до него не доходил смысл увиденного, потом он изменился в лице и яростно скомандовал:

– Отставить!

В лице его застыл испуг.

– Мустафьева! – закричал он. – Два шага вперед марш!

Мустафьева шагнула вперед.

– Это еще что такое? – Кашаубай надвинулся на девочку.

Девочка молчала.

– А ну сейчас же марш в палатку! Сейчас де переоденься в форму! – сказал Кашаубай.

Девочка пошла в палатку, но не вернулась.

Кашаубай сам побежал и, стоя у палатки, долго махал руками, энергично о чем-то настаивая, потом вернулся совершенно убитый, сказал:

– Ну что поделаешь с ней? Заупрямилась и все. Бить – нельзя. Силой заставить – нельзя.

– Пусть она ходит себе на здоровье в своей национальной одежде, – добродушно сказал Мирас.

– Нет, что вы! – как-то быстро ответил Кашаубай. – Нельзя, Мирас Уржанович. Я вас очень уважаю, на это выше вашей и моей компетенции.

– Ну, бог с ним, начинайте... – растерянно пробормотал начальник лагеря. Ему стало неудобно перед подчиненными, которые следили за его диалогом с физруком.

Расстроенный Кашаубай неожиданно скомандовал:

– Ра-зой-дись! – и в сердцах добавил: – Нет, так работать невозможно!

И дети, и взрослые разошлись. На опустевшей площади остались старик Досан, Мирас и Кашаубай.

Кашаубай напряженно думал. Наверное, думал о том, как он мог допустить такую горячность. Он виновато посмотрел на молодого начальника. И Мирасу стало неудобно, он отвел глаза.

Досан заметил неловкость положения, он посмотрел на небо. Над озером плыли взъерошенные черные тучи.

Рывком подул холодный ветер.

Алое знамя затрепетало.

– Будет сильный дождь... – сказал Досан. – Надо бы снять флаг. Может ветром сорвать...

Кашаубай улыбнулся, но уже в голосе прозвучала злость.

– Ты, старик, не выставляй здесь свою политслепоту! Это не твое дело – снимут флаг или нет.

Досан серьезно растерялся, Он что-то пробормотал, что-то вроде:

– Да, конечно. Это ваше дело.

– Я тебе, старик, давно говорил – уезжай ты отсюда! – неожиданно крикнул Кашаубай. – В лагере – дети. А ты со своими лошадьми.

Тут уж Досан взял верх.

– Балам, – сказал он, – ты не кричи на меня. Я тебе говорил и скажу: никуда я не уеду. А лошади, если хочешь знать, гораздо чище некоторых людей! Знай это.

И он спокойно направился к своей юрте.

Оба молчали, обоим было неловко.

Хлынул дождь. Кашаубай посмотрел на Мираса. Тот стоит спокойно, как будто ничего не случилось.

– Разрешите загнать детей в палатки, – сказал Кашаубай.

– Идите.

* * *

Льет дождь.

Кашаубай загнал детей в палатки.

– Сидите тихо! – говорил он, входя в каждую палатку. –

Не баловаться. Может молния упасть.

Дети, сидя на койках, притихли.

Кашаубай вошел в медпалатку. Там сидела Таня.

– Тебе не холодно, Танюша?

– Нет. А тебе, Кашка?

– Мне что...

– А где же Мирас Уржанович?

А Мирас Уржанович стоял под проливным дождем. Один на площади.

Таня, увидев, охнула.

– Что же это он?

– Молодой... – сказал Кашаубай.

Мирас медленно пошел в сторону лагеря.

Подошел к одной из палат. Заглянул в нее. И нарочито веселым голосом, нарочито громко, нарочито цветастым слогом прокричал:

– Где же тут Никита Никитин, великий шеф-повар двадцатого века?

Никита Никитиц сидел, съезжившись, на кровати. У него загорелись глаза:

– Это я, Никита Никитин!

– Никита Никитин, ты трус? – спросил Мирас.

– Нет, я герой! – сказал Никитин.

– Так что же ты испугался дождя? Выходи под дождь!

– Это я могу! – сказал Никитин и выбежал из палатки, встал рядом с Мирасом под ливень.

У ребят загорелись глаза.

– А ну выходи все! – закричал Мирас.

– Ур-р-а-а-а!

Дети, визжа, шумя от удовольствия, стали под ливень. Вышли и девочки.

Кашаубай и Таня удивились. Посмотрели друг на друга вопросительно: «Что это значит?»

Вдруг Мирас побежал к берегу озера. И дети с воем последовали за ним.

Мирас как был, в одежде, бросился в воду.

Дети тоже.

– Молодой, вот и бесится! – заключила Таня.

– Молодой да молодой, – сказал Кашаубай, – но дети могут и простудиться...

«Да, дети могут простудиться», – думал Мирас. В палате темно. Один он лежит. А может быть, не так. Ничего не видно. Темно. Слышны его раздумья: «Зачем я это сделал? Кому хотел что доказать?»

А небо гудело. Клокотало.

А ветер взбесился.

А дождь урывками барабанил по палатке.

«Зачем это я сделал? – думал Мирас. – Кому что я хотел доказать? Ведь я сам говорил, что наш пионерский лагерь – маленький макет большого будущего. А что сам я делаю? Беспомощный, Бездеятельный. Обыкновенный и недостойный начальничек.

Мне говорили, что здесь очень ответственный участок. Я ждал борьбы. А где она? С кем я должен бороться? С Кашаубаем? За что? Он свою обязанность выполняет. С Зурой? За что? С Таней? За что? С Иваном Ивановичем? За что? Нет! Нет! Я уеду отсюда. Завтра же уеду. Кашаубай есть, он может заменить меня. Он лагерные дела знает лучше, чем я. А я уеду. Завтра же. Жить зря и отрачивать пузо не по мне!»

Дождь уже перестал. Выл ветер. Сильней и сильней.

В горах гремит. Озеро стонет.

Палатки жалобно стонут под ветром.
Кажется, задремал.
Раздался резкий пискливый крик и шум пискливых голосов.

Мирас вскочил с постели, выбежал наружу.
Соседнюю палатку, оказывается, ветром повалило.
Мирас кинулся, еще не зная, что предпринять.
Из поваленной палатки вышла Зура. В белом.
– Ой, это ты, Мирас?
– Что такое?
– Веревка лопнула, видимо...
Мирас нашел концы веревки. Завязал.
Они вдвоем потянули веревку. Соприкоснулись. Девичье плечо сохраняло теплоту.

Веревка снова порвалась. Оба упали.
Оба поднялись, посмотрели друг на друга. Засмеялись.
Снова завязали веревку. Снова потянули. Подняли поваленный угол палатки.

Крепки привязали веревку к колышку.
– Вот ветер! – сказал Мирас, выгнувшись.
– Ничего. Это даже интересно! – сказала Зура.
– Ладно. Успокойте детей.

Мирас направился к своей палатке. Входя в нее, он на секунду обернулся.

Зура стояла на том месте, где стояла.
Ветер трепыхал ее белое платье и распущенные волосы.

Зеленая густая трава шуршит. Видимо, ползет змея.
А чей-то голос говорит:
– Отец и скромность, отец и скромность.
«Какая еще скромность? – спрашивает голос Мираса. – Веди по траве ползет змея».

В кадр с двух сторон входят руки Мираса.

Эти руки раздвигают траву.

Разбухшая после дождя земля забугрилась и затрескалась.

Из земли, как первые всходы растения, снятые кино, быстро-быстро поднялся черноголовый белый червь и вертикально, точно по команде «смирно», пошел.

Мирас стонал. Он лежал в своей «начальнической» просторной палатке. Было утро.

У его ног стоял Кашаубай и понимающе улыбался.

– Ничего, ничего, – сказал он, – проспали, бывает, такое с каждым может случиться. Мы же люди. – Затем, доверительно снизив голос, добавил: – У меня для вас приятная новость: приезжает ваш отец!

– Куда? Откуда? Какой отец? – удивился Мирас.

Кашаубай снова улыбнулся.

– Обыкновенный отец. Сколько же у человека бывает? Один, конечно! Ну ладно. Быстренько оденьтесь и приходите на площадь. А я все там привел в боевую готовность!

...Прозрачная капля стекала...

Прозрачная капля стекала по чему-то медному.

Этим медным оказался загорелый лоб и кончик носа мальчишки.

Дети стояли на площади.

Утреннее солнце беспощадно било им в глаза.

Из-под гор по дороге спускался «Газик».

Кашаубай озабоченно посматривал в сторону «начальнической» палатки.

Здесь же, на площади, «взрослые» – воспитатели, вожатые и техперсонал. Все застыли в ожидании.

Кашаубай озабоченно посмотрел в сторону «начпалатки». Начальника не видно.

«Газик» уже подкатил. Остановился.

Из машины вышел солидный человек.

– Смирно! – раздалась команда Кашаубая. – Товарищ заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся!

– Хорошо, отставить. Здравствуйте, дети! – сказал заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся.

Дети отозвались, как научил их Кашаубай.

– Разойдись! – смеясь, просто скомандовал заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся. Потом он по рукам, как говорится, персонально стал здороваться с каждым «взрослым».

Из «начпалатки» вышел Мирас. В белой безрукавке, черном студенческом клеше.

Направился «сюда».

– Вот идет ваш сын! – торжественно объявил Кашаубай.

– Какой сын! Чей цын? – удивился заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся.

– Ваш сын! Обыкновенный сын! – торжествуя улыбался Кашаубай.

Подошел Мирас. Представился.

– Начальник пионерского лагеря Кулдубаев.

– Кулдубаев? – переспросил заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся.

– Кулдубаев.

– Так мы с вами однофамильцы. Будем знакомы. – Он назвал свой официальный титул. И снова подал Мирасу руку.

У Кашаубая «где-то там» произошел «переворот». Но этого никто (кроме кинообъектива) не заметил.

– Вы поняли, как я с вами пошутил! – сказал он и самодовольно, насколько это было возможно в присутствии начальства, засмеялся.

Тут Мирас увидел Зуру. «Боже! – воскликнул он в душе. – Как я раньше не замечал!»

В метрах трех от него стояла она. Самое поразительное в ней было – ее открытое лицо, она вся светилась.

– Здравствуй, Зура!

– Здравствуй.

И во взгляде свет, который ясно выражал духовную близость.

Здравствуй! – почему-то еще раз сказал Мирас.

Дети расходились.

Никита Никитин прибежал и кинулся на шею Мирасу.

– А-а, Никитка, ночью замерз? – спросил Мирас.

– Замерз! – ответил мальчик.

– Значит, ты слабак?

– Ты сам слабак!

– Никитка, разве можно со старшими говорить так?!

(Это Зура.)

– Ничего, мы с ним ровесники! – засмеялся Мирас.

Эти «отвлечения» в присутствии заместителя председателя Совета депутатов трудящихся Кашаубаю показались, видимо, неуместными. Он нахмурился и, с видом «только я понимаю и выведу вас из этого неудобного положения», сказал:

– Добро пожаловать, Рэке! Давайте мы вам покажем вверенное, так сказать, нам хозяйство!

– Хорошо, давайте.

Заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся двинулся с места.

А Кашаубай чуть отстал, сказал Зура:

– Ты что здесь? Как будто тебя поставили на витрину. Красоту твою потом оценят. А сейчас давай к детям...

Зура как-то сразу потускнела.

Кашаубай догнал начальство.

...Заместитель председателя районного Совета депутатов трудящихся оказался человек добрый и веселый. Садясь в машину, говорил:

– Молодцы, молодцы! У вас все хорошо. Нормально. А если чего не хватит, немедленно сообщите нам. Где Кашаубай Туганов – там порядок. Это мы знаем. А-а... Мой однофамилец. Вы человек молодой, держитесь Туганова. Советуйтесь. Ну, желаю Вам всего хорошего!

* * *

По горной тропинке бежала девочка. В длинном ярко-красном курдском платье. Это Мустафьева Гуля.

Внизу дети играли в футбол.

В медпалатке Ганя и Кашаубай угощали молодого начальника арбузом.

– Мы это вам честно выложили, зная, что вы человек образованный и поймете нас, хотя бы сможете уважать наше чувство, – закончила Таня что-то, о чем, видимо, уже давно говорила.

– Да, конечно, конечно! – торопливо ответил Мирас. – Я только могу восхищаться этим. То есть вами. Что вы...

– Только Таня забыла вам сказать о существенной стороне этого дела, – сказал Кашаубай. – Дело в том, что мы об этом поставили в известность и ее мужа, и мою жену. Официально подали заявление о нашем решении...

В это время в палатку вбежал Никита Никитин.

На лице его сочетались великий испуг и отчаяние.

– Бежала! – сказал он.

– Кто?

– Кто?

– Она!

– Кто?

– Мустафьева? – догадался Кашаубай.

– Да, она!

Кашаубай, как говорят, пулей вылетел из палаты.

Мирас растерянно последовал за ним.

– Где? – крикнул Кашаубай.

– Там! По левой тропинке! – зашумели дети. Они уже знали о бегстве, они уже не играли в футбол. Они ждали, что будет.

– Поймать ее! Вот паршивка! – буркнул Кашаубай и побежал.

Мальчишки гурьбой последовали за ним.

Мирас растерянно последовал за ними. Пооежал.

Какая-то дикая сила прорвалась. Мальчишки – их узнать сейчас трудно. Как изменились они. Как изменился каждый. Мирас постепенно перегнал всех мальчиков.

Посмотрел назад – ему стало страшно. Бежали мальчишки.

Молча. Пыхтя. Такое чувство, как будто за глухой стеной кого-то бьют. Кого-то, кто молча сносит побои.

Пыхтят. Тяжело дышат. Только топот. Топот ног. Как топот копыт.

Перед Мирасом теперь бежал только Кашаубай. Обычно солидный представительный Кашаубай сейчас совсем другое существо.

Поравнявшись, Мирас еще больше удивился – лицо Кашаубая стало плоским. Глаз нет. Это воин Аттилы в атаке. Испугавшись, Мирас чуть отстал.

Впереди за поворотом показалась девочка. Она бежала как-то странно. Путаясь в длинном платье. Ее тонкое длинное тело неуверенно качалось, вот-вот упадет.

Первым настиг ее какой-то мальчик, неожиданно вырвавшийся вперед. Он настиг, схватился за талию девочки обеими руками. Девочка отчаянно ударила его. Маль-

чик упал. Но тут же встав, догнал еще и, бормоча что-то злое, зацепился за ноги девочки.

Оба упали. Тут прибежал Кашаубай.

Тут прибежали дети.

Ее окружили.

Ее повели.

Мирас как стоял в стороне, так и остался стоять.

Потом он растерянно поплелся в лагерь.

...Когда он подошел к «начпалатке», там гремел бой. Там были Кашаубай, Бура (и другие воспитатели), активисты из пионеров.

– Ну скажи, куда ты хотела бежать? (Кашаубай, конечно.)

– ...

– Ну что, тебе здесь плохо?

– ...

– Ну что, тебя здесь плохо кормят?

– ...

– Вот тебе море, вот горы... сыта, одета. С утра до вечера игры, мероприятия. Ну что еще не хватает?

– ...

– Ну что молчишь? Или у тебя дома лучше, чем здесь?

– Куда там!

– Знаем, как они живут, курды... Как цыгане...

– Вы что, товарищ, Туганов?! – вскрикнула Зура.

– А что?! – еще сильнее, точно соревнуясь, кто кого перекричит, привстал Кашаубай.

Наконец вмешался Мирас.

– Дети, освободите палатку! – сказал он. Дети ушли. Остались только трое и Мустафьева.

– Вы, Зура, не заступайтесь. Девочка эта из вашей группы. Вам и отвечать, – уже спокойно сказал Кашаубай. – Этот случай красноречиво говорит о том, что у вас

не ведется никакой политико-воспитательной работы... И я думаю, что мы, учитывая вашу молодость, на первый раз ограничиваемся выговором. В случае повторения такого рода безобразия в вашей группе... мы вынуждены будем...

– Вот что, – перебил его Мирас, – Мустафьеву завтра же надо отвезти домой. А сейчас иди в свою палатку. Зура, вы тоже идите. Вы свободны.

– Нет, Мирас Уржанович, – подчеркнуто вежливо, но весомо сказал Кашаубай, – Мустафьеву никуда не отпустим. Это будет удар по нашей чести. И наконец, это называется волюнтаризм. Вы знаете, что у нас покончено с волюнтаризмом.

Мирас тоже вежливо, с некоторой ехидцей процедил:

– Вы, товарищ Туганов, иногда забываете, кто здесь начальник! А на счет...

– Слава богу, слава богу! – неестественно захохотал Кашаубай. – Наконец-то! Я хотел вызвать вас к жизни. А то ходит тут ни рыба, ни мясо! – Потом как-то резко, без всякого перехода, добавил: – Мирас Уржанович, сегодня день рождения тети Кати, она, вы знаете сами, так сказать, люмпен, нам с вами надо как-то ее уважить. Устроим вечер. Там, в медпалатке, они нас ждут. Идемте. Иногда погулять не мешает. И не осуждается.

В медпалатке торжественно. Стол. Шампанское и всякое такое. Чинно уселись все взрослые лагеря. Почти все взрослые лагеря.

– Ну что же Зура не идет? – говорила тетя Катя. У нее крупные черты лица и большой добрый рот.

Мирас сидел на самом почетном месте.

– Я сейчас сбегаю, – сказал он.

– Что вы, мы сами! – говорили подчиненные.

Но Мирас вышел. Он искал ее на берегу. Не нашел. Он искал ее у подножия горы. Не нашел. Возвращался. Вдруг он испуганно остановился. При лунном свете он ясно различил человека, ползающего на четвереньках.

Это была Зура.

Она на четвереньках подходила к каждому кусту и что-то там искала. Волосы рассыпались. Черная юбка и т. д.

Она не подозревала, что здесь Мирас. Продолжала что-то искать. Кажется, нашла. Сорвала какой-то цветок.

Встала. Тут только она увидела его. Тихо вскрикнула.

– Мама! Ой, это ты!

– Я. Тебя там ждут...

– У тебя счастливое будущее. Как раз я нашла цветок счастья и первым увидела тебя. На вот.

Она «устроила» цветок на груди парня. Потом, помолчав, сказала:

– Идите сами, я не хочу.

– Что вы! Пойдемте. Ждут.

– Нет, не хочу видеть этого вашего Йеху!

– Кого?

– Йеху. Этого Кашку!

Парень захохотал.

– Что вы с ним не поделили? Приехали сюда на какие-нибудь два месяца... Можно же мирно пожить и разъехаться.

Девушка успехнулась.

– Сколько вам лет?

– Мне? – парень не ожидал такого вопроса. – Мне... двадцать третий.

– А мне двадцать. Но я взрослее, чем вы. Не знаю, как вас назначили начальником. Кашка говорил, что у вас там отец.

Девушка звонко засмеялась.

– Здорово обманулся Кашка ваш! Он думал, что Кулдубаев ваш отец. Как мне его было жалко тогда.

Потом резко закончила, уже другим, строгим тоном:

– Ну, пойдемте. Я только на пять минут. Испорчу настроение этому Йеху и уйду.

...После первого госта, после назначения, как обычно, тамады вечера (все это режиссеру не нужно, пропускается), когда уже люди заметно повеселели, Зура, как ученица, подняла руку.

– Что вам? – спросил Кашаубай (тамада).

– Можно мне прочитать? (Она сейчас играет в «ученицу».)

– Что?

– Одну вещь... Мы еще напиться успеем. Можно, пока не опьянели, а?

– Дайте ей, дайте ей, – зашумели тетя Катя и другие.

– Ну хорошо. Декламируйте! – добродушно согласился тамада.

И Зура встала. Взволнованно начала:

– На земле спорят Красный и Черный.

Неутолимая жажда власти над людьми – вот сила Черного. Жестокий, жадный, злой, он распростер над миром свои тяжелые крылья и окутал всю землю холодными тенями страха перед ним. Он хочет, чтобы все люди служили только ему, и поработав мир железом, золотом и ложью, он даже бога призывает только за тем, чтобы бог утвердил его черную власть над людьми.

Сила Красного – его горячее желание видеть жизнь свободной, разумной, красивой. Его мысль всегда горит трепетно и неустанно, освещая тьму жизни яркими огнями красоты, грозным сиянием правды, тихим светом любви. Он говорит:

– Все для всех. Все равны, в сердце каждого скрыт целый мир красоты, и нельзя исказить человека, превращая его в тупое орудие бессмысленной силы. Никто не должен подчиняться, никто не должен подчинять, власть ради власти преступна. Между Черным и Красным суетливо и робко мечется однообразный маленький Серый. Он любит только жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь уютную и ради этой любви треплет свою душу, как голодная уличная женщина дряблое тело свое. Он готов рабски служить всякой силе, только бы она охраняла его сытость и покой. Он очень живуч, ибо обладает всеми талантами паразита. Ему все равно, кто дает ему есть, животное или человек, идиот или гений.

Если в борьбе за власть победит Черный – Серый осторожно подстрекает Красного:

– Смотри, как растет Реакция!

Если побеждает рыцарь свободы и правды – Серый доносит Черному:

– Смотри, развивается Анархия!

Его идол всегда один: «порядок для меня!» – хотя бы ценой духовной смерти всей страны.

Эта маленькая двоедушная гадина всегда занимает середину между крайностями; расплываясь в середине, два основных цвета жизни смешиваются в один тусклый, грязный, скучный...

Серый задерживает смерть отжившего, затрудняет рост живого, он-то и есть вечный враг всего, что ярко и смело...

Все делали вид, что поняли. Все захлопали. Первым выразил восхищение Кашаубай:

– Здорово, вот это да! – говорил он.

Мирас смотрел на девушку и не узнавал ее. Это была совсем другая Зура.

У нее, оказывается, большие смелые глаза. Смелые и гордые У нее, оказывается, прямые, смелые черты лица. Смелые и гордые. У нее, оказывается, шей... оказывается, у нее... Все успокоились, сели. А Мирас забыл, что неприлично так долго смотреть на девушку.

– Вы, оказывается, большой поэт! – сказал Кашаубай Зура. – А теперь, товарищи, приступим к нашему основному делу. Между прочим, я вам должен сказать...

– ...Между прочим, я вам должен сказать...

Было темно, еле угадывался берег, и то потому, что сильно стекало озеро. Слабо доносился дребезжащий звук баяна. Играли какой-то вальс.

Они шли рядом. Две черные фигуры. Характерный твердый (железный) голос Кашаубая:

– Должен сказать вам... что вы человек молодой и должны быть осторожными. Вы вот вижу, не совсем поверили тому, что я сказал. Ну, хорошо, вот в данном случае куда она, думаете, делась? Куда исчезла?

– Не знаю... Может, где-то слушает озеро...

Кашаубай захихикал.

– Вы еще слишком молодой, Мирас Уржанович... Вот повернитесь направо... Всмотритесь... Во-о-н, видите, белое..

Мирас на озере далеко увидел что-то белое.

– Это она, Зура, – сказал Кашаубай.

– Как? Она??? В такую ночь и волны?

– Не удивляйтесь, Мирас Уржанович! Она каждый вечер уплывает и возвращается только утром... На том берегу стройбат. Солдаты... До утра она у них бывает...

– Что ей там делать?

Кашаубай тихо захихикал.

– У нее ведь жених в Белоруссии служит!!!

Кашаубай снова захихикал. Потом сказал:

– Вы слишком молоды, Мирас Уржанович! Вот наблюдайте, в пять часов утра она вернется. Усталая... Так что в тихом озере черти водятся. Народ, народ мудрейший, он зря не скажет (халық айтса, қалып айтпайды).

– Вы меня убили, Кашеке! – сказал Мирас. – Если это так, я завтра же обещаю сделать то, что вы сказали...

Потом они вернулись в лагерь (этого может на экране и не быть), потом Мирас танцевал с Таней.

Таня, такая пышная, все жаловалась:

– Ах, Мирас Уржанович! – говорила она. – Кроме вас никто не понимает наше положение. Мы с Кашкой так мучаемся, так мучаемся... Никто не понимает, никто не уважает нашу любовь. Любовь – ведь это высшее, красивейшее чувство! Ведь жизнь на ней, только на ней держится. Ах, Мирас Уржанович!

...Мирас Уржанович до утра не спал. Под утро чуть было задремал, но разбудило злое ворчание верблюдицы.

Мирас поспешно приподнял полог палатки и увидел Зуру. Она на лодке приближалась к берегу.

– Вот как! – пробормотал Мирас.

Девушка вышла на берег. Привязала лодку. Направилась в лагерь, вошла в соседнюю с Мирасом палатку. Мирас ясно заметил, что она вернулась бледная, усталая. Еле волочила ноги.

– Вот как! – еще раз пробормотал парень.

Снова заворчала верблюдица.

Парень быстро оделся и вышел наружу.

Удивленно остановился: исчезла юрта старика Досана.

Вдали лежали два навьюченных верблюда. Там же рядом готовые в путь стояли старик и старушка. Они кого-то или чего-то, видимо, ждали.

Увидев Мираса, Досан быстро направился к нему.

– Ас-салам-алейкум!

– Алейкум-салам!

У старика красные от бессонницы глаза.

– Сынок, – сказал он, виновато глядя на Мираса, – мы уезжаем, балам. Хотя твой Кашаубай каждый день нас гнал – мы не уезжаем из-за тебя. У нас был единственный сын – Охаб. Ты очень напоминаешь его. У нас даже не осталась его фотография. Может, и не был похож на тебя... Но... старуха выжила из ума. И вот мы жили здесь. Теперь уезжаем, балам. Когда их увозили на фронт, они пели эту песню «Вставай, страна...» Мы тогда его видели в последний раз...

Старик сдержал себя, не заплакал.

– Ну, прощай, балам, тень сыном не будет (елес ул болмас)... Я так сказал старушке... – Он закончил совсем неожиданно, уже другим голосом: – Балам, будь осторожен. Этот твой Кашаубай что-то затевает, по глазам вижу. Ты молодой, будь осторожен...

Все злобно ворчала верблюдица.

...Маленький караван из двух верблюдов долго звенел бубенчиками и долго, как бумажный кораблик на волне, раскачивался в утреннем мареве, потом вдруг исчез.

...Мираса не узнать.

В «начпалатке» все взрослые лагеря в сборе.

Молчат. Недоуменно посматривают на начальника, друг на друга, ища ответа... «В чем дело? Что с нашим начальником?»

Хмурый, взволнованный Мирас встал с места. И начал читать: «Приказ № 2. По пионерскому лагерю «Бель-ата».

Ввиду того что в работе пионерской дружины имени Маншук Маметовой политико-воспитательная работа по-

ставлена крайне неудовлетворительно, вследствие чего в последнее время наблюдаются отдельные факты грубого нарушения правил поведения отдельными воспитанниками, п р и к а з ы в а ю:

1. Отстранить старшую пионервожатую т. Ахметову Зуру от занимаемой должности.

2. Временно возложить обязанности старшего пионервожатого на физрука т. Кудайбердиева Кашаубая.

3. Учитывая молодость и опытность т. Ахметовой З., оставить ее в лагере в качестве зав. продуктовым складом. Заведующему хозяйственной частью т. Коваленко И. И. – передать все материальные и продуктовые ценности в ведение тов. Ахметовой З.

– Вот, товарищи, вопросы есть?

Все молчали. Молчала и Зура.

– Если вопросов нет, все свободны, – сказал Мирас.

Все молча разошлись. Ушла и Зура.

В палатке остались Мирас и Кашаубай.

– Вот видите, ей даже нечего сказать в свое оправдание. Она, наверное, знает, что у нас уйма доказательств, поэтому даже не спросила причины отстранения.

* * *

Мирас в тени деревьев, лежа переписывая чью-то статью в колонке стенной газеты «За отличный отдых». Ему помогали дети.

Подошел Кашаубай. Посмотрел в газету. Одобрил:

– Хорошо. Хорошо, – сказал он покровительственным тоном. – Ну-ка, дети, отсюда марш! Нам с Мирасом Уржановичем надо поговорить.

Дети врассыпную побежали – они привыкли слушаться команды Кашаубая.

Кашаубай, улыбаясь в усы, сказал:

– Мирас Уржанович, Таня (в это слово он вложил большой смысл) и я вас просим сегодня быть нашим гостем.

– Что вы! – удивился Мирас. – Какой гость?

– Таня получила от мужа письмо, он согласен на развод. У нас сегодня вроде бы помолвка.

...И тут же звон бакалов. (В медпалатке.)

– Мирас Уржанович! Мы знаем, что вы человек непьющий. Но мы очень просим вас! – говорил Кашаубай.

– Мирас Ур-жа-а-нович! А? – просила Таня. – Она сегодня такая нарядная.

Мирас уступил просьбам, выпил.

И тут же вошел парнишка-баянист.

– Мирас Уржанович, – сказал он испуганно, – к нам в лагерь нагрянула какая-то комиссия. Они просили, чтобы вы немедленно пришли!

Мир (палатка, Кашаубай, Таня, баянист) уже заметно качался. Мирас встал с места, вышел из палатки.

Мир (озеро, горы, деревья, палатка, дети) сильнее качался. Навстречу Мирасу шла группа людей: две женщины и мужчина. Одна из женщин – точно выпавшая с обложки журнала «Крокодил», такие обычно выметают всякий общественный хлам: пьяниц, чинуш и т. д. и т. п. Крупная, грубоватая на внешность, решительная, с засученными рукавами, она уверенно приблизилась к Мирасу и в упор, требовательно спросила:

– Вы начальник лагеря?

– Да, я.

– Вас, значит, Мирас Уржанович зовут?

– Да, – Мирас некстати улыбнулся. – А вас, наверное, Капитолина Парфентьевна?

– Нет, ошиблись, – сказала женщина, – Капитолина Яковлевна. А эти – Эмма Кригер и Садвокас Маденов – члены быткомиссии при рабочкоме совхоза «Жана-Жол».

– Чем я вам могу служить? – игриво спросил Мирас. Его за локоть подтолкнул Кашаубай.

– Сейчас мы скажем, чем вы нам можете служить! – сказала Капитолина Яковлевна и вошла в медпалатку.

Она оттуда вышла быстро.

– Так и есть, – сказала она своим товарищам, – пьянствовали.

Мирас вскипел, побледнел:

– В чем дело?!

– Сейчас покажем. Пойдемте! – Капитолина Яковлевна, за ней члены ее комиссии направились в сторону открытой столовой.

Кашаубай и Мирас переглянулись.

– Не сопротивляйтесь, Мирас Уржанович! Молчите – лучше будет. Обойдется, – сказал Кашаубай. – Это такая женщина. Ей в рабочкоме верят.

Под навесом горько плакала тетя Катя.

– Боже мой, боже мой! – говорила она подошедшему Мирасу. – Что же это такое делается, Мирас Уржанович? Сколько лет работаю поваром – никогда такого позора не видывала! Что же это такое, что за напасть?!

Под навесом стояли бледная Зура и Иван Иванович.

Он глядел в землю.

– В чем дело? – обратился Мирас к Капитолине Яковлевне.

– Вот в чем дело! – злобно посмотрела женщина и подняла белое полотенце с подноса, который стоял на краю длинного стола. – Вот!

На подносе разрезанные пополам лежали две буханки серого хлеба и в них кишели черноголовые белые черви.

Белые черви.

Мирас застонал.

Кашаубай остался спокойным.

Тетя Катя все плакала.

Зура тупо молчала.

Мир сильно закачался.

– Что за напасть! Боже! – кричала тетя Катя.

– Вот, милые, мы составили акт. Подпишитесь, – сказала Капитолина Яковлевна.

Первым подписался Кашаубай.

– Так ведь это чистая случайность! – чуть не плача, крикнул Мирас.

– Хороша случайность, – буркнул Садвокас.

– Мы не уверены, что это случайность. Может, вы каждый день детей так кормите!

– Ну как можно так говорить?!

– Все подписывайтесь, все!

– Подпишитесь, Мирас Уржанович, лучше будет, – сказал Кашаубай.

Мирас подписался.

Тетя Катя все редела.

* * *

– Что за напасть?! – теперь уже говорил Мирас.

– Мы пропали, – говорил Кашаубай.

Они сидели на берегу поздно ночью и тихо шептались.

– Я же вам говорил, что она нас подведет. Вот теперь. Ах, молодежь, молодежь нынешняя. Я, конечно, имею в виду тех... кроме вас. Это она виновата, запустить дело так... Теперь весь район, вся область будет шуметь. Боже мой, боже мой, что мы наделали! Теперь мы года на два будем притчей во языцах, как говорят русские. Нам надо срочно искать выход. И я думаю, что выход есть.

– Какой же, Кашеке?

Кашаубай выдержал паузу, потом сказал:

– Завтра вы уезжайте в район. Придумайте дело какое-нибудь. И доверьтесь мне. Пока вы вернетесь, я все улажу.

* * *

К вечеру из «начпалатки» слышится неопределенный шум. Взволнованные голоса. Спорят, что ли? Доносится женский плач. Из «начпалатки» выходит Зура. Спокойная. Будто ничего не случилось.

Она спокойно направилась к озеру. Подошла, спокойно постояла, глядя в синюю даль.

Ночь. В палатке спят дети. На одной кровати спит Зура. Спокойная и во сне. Вдруг из высокой зеленой травы подняла голову большая черная блестящая змея в очках (не очкастая, а в очках).

А перед змеей лежит Зура. Ей страшно. Хочет отодвинуться, но не может. Стонет.

А змея мирно смотрит.

Вдруг ее, Зуру, ведут куда-то. Большая-большая река. Плотины электростанции. Чей-то громкий голос раздается, как на митинге. Может быть, это проходит митинг.

– Прошу вас почтить память погибших в процессе строительства... – говорит невидимый человек.

И по реке проплывают белые завязанные бантики девочек.

– Наташи Ковалей! – говорит человек.

– Нины Бойтенко! – говорит человек.

Зуре жалко девочек. Она плачет. Врач Таня за руку ведет Зуру. Они заходят в какой-то глухой двор. Типично узбекский двор. Во дворе яблони.

– Видишь, яблони! – говорит Таня.

– Аморально, аморально! – кричит Кашаубай. Но его не видно. – Нас подвел, ты нас подвел! Ты, ты, ты, ты, ты! – раздается эхо.

Зура смотрит вверх. И там голубое небо. Много-много ворон. Кружат.

– Посмотри, какие яблони, я ведь говорил тебе о происхождении казахов! – говорит Таня.

Зура смотрит на себя. И теперь только видит, что она в ночной рубашке. У Тани появился ящичек с мединструментами.

– Я должен (а не должна) проверить тебя! – сказала она. – Нагнись.

Раздался отчаянный птичий крик. Из гнезда вырвался воробей, и птица застряла. Ее кто-то за ноги поймал. Воробей все же вырывался и упал на землю. На него прыгнула кошка, моментально разорвала на куски. Пищат птенчики.

Зура нагнулась, чтобы ударить кошку. Но Таня не пускает:

– Я должен (а не должна) проверить тебя! – говорит она. Она такая большая и безобразная.

Как Зура раньше не замечала этого?

А потом ей долго снилось, как днем ее обсуждали. Говорящие лица. Рот Кашаубая. Рот Тани. Слезы на щеках тети Кати. Говорящий завхоз. Слезы на щеках и ресницах парнишки-баяниста. Слезы на щеках тети Кати.

Она вскрикнула и проснулась.

Сидела на койке. На вид спокойная. Потом она вышла из палатки.

Ночь лунная. Светлый мир. Она пошла по горной тропинке. Спокойная.

* * *

Ночью возвратился в лагерь Мирас. Подъезжая к лагерю, он попросил шофера грузовика остановиться. И вышел из кабины. Прислушался. И тут услышал слабый женский стон.

Он начал искать.

Он нашел в овраге женщину, скрючившуюся. Это была Зура. Она умирала.

Мирас и шофер побежали в лагерь.

Прибежали люди.

Таня сразу сказала:

– Отравилась.

Ее начали откачивать.

Увидев Зуру, тетя Катя, плача, набросилась с кулаками на Кашаубая.

– Живодеры, я вам говорила! Довели! Бессовестные! Довели! – кричала она.

Кашаубай сперва растерялся. Потом оттолкнул ее.

– Идите, тетя Катя, с ума сошли, что ли?

– Живодер, живодер! – кричала тетя Катя.

* * *

Узнав, в чем дело (чего не будет на экране), на следующее утро Мирас позвал Кашаубая в густые заросли. Тут он, остановившись, сказал:

– Ну, Кашеке, я не могу успокоиться, не набив вам морду!

Кашаубай улыбнулся:

– Во-первых, – сказал он, – еще не известно, кто из нас выйдет победителем, если мы подеремся. Во-вторых, я не стану с вами драться. Я не дурак. Физическая сила – оружие только слабых. Морально слабых людей. Когда чувствуют свою слабость, мужчины пускаются в драку.

* * *

А я еще уверен в себе. Если вы ударите – я об этом поставлю в известность кого надо. И вы, начинающий педагог, надежда папы и мамы, вы испортите всю свою будущую жизнь. Мало того, вы просидите годика два-три в тюрьме.

* * *

Я не буду описывать, как там качалась лодка на волне, с какой стороны каждый раз освещал их свет луны, какие они делали долгие паузы и каким голосом и интонацией говорили они каждое слово.

Они на лодке – Мирас и Зура. И вот какие слова они говорили:

– И все равно, мне как-то до сих пор не верится, что он мог бы из-за вашего и моего места пойти на такую подлость. Ведь оставалось до конца сезона всего пятнадцать дней.

– И мне не верится. Но тут миллион причин. Не только наши места им нужны были. Мне самой тоже не верится как-то. Также, видимо, они не могут поверить, что человек может быть честным, бескорыстным.

– Теперь я понимаю, почему вы называли его Йеху.

– Они, видимо, животным подсознанием чувствовали, что нас не должно быть там, где они. Я им ничего не сделала. Он сперва приставал ко мне. Потом снюхались с Таней. Бессовестно начал по ночам приходить в нашу палатку. Я ушла в другую. Они и этого не могли простить мне.

– Он на самом деле Йеху.

– Ну вот, вернемся в школу – еще натерпимся. Я не могу простить себе, что оказалась такой слабой... В тот день так оголилась моя душа, что я даже не могла себе дать отчет в своих действиях. Как они на меня напали.

Кем только не называли. Как только не оскорбляли. У них очень тонкий расчет.

– Он на самом деле Йеху.

– Не только. Мы знаем очень много о них и молчим. Они боятся нас и первыми нападают. Инстинкт самосохранения. Муж Тани отказал в разводе. Жена Кашаубая тоже. Они боялись за себя и напали на нас. Мы знаем многое о них и молчим. Мы «благородные». В этом нашем благородстве их сила. Они знают, что мы до них не опустимся.

– Старик Досан, уезжая, предупреждал меня, что он что-то готовит. Я не понял.

– Вы еще многое не понимаете.

– Да, спасибо вам. Он на самом деле Йеху.

– «Эта маленькая двоедушная гадина всегда занимает середину между крайностями, мешая им своей корыстной суетой развиться до конца, до абсурда, до идеала. Расплываясь в середине, он бездарно смешивает два основных цвета жизни в один тусклый, грязный, скучный...

Серый задерживает смерть отжившего, затрудняет рост живого, он-то и есть вечный враг всего, что ярко и смело...»

– Да... Я тогда, в день рождения тети Кати, когда вы читали это, вас не понимал... О, как трудно! Я думаю, что Чингиз-Хану легче было бороться со своими врагами – он их знал и убивал. Это слишком просто.

– Вы еще наивный человек, Мирас...

Утром они приплыли к берегу.

Вышли на песчаный берег.

Лагеря на берегу не было.

Как пустые глазки зияли белые места палаток.

Они посмотрели друг на друга.

– Вот видите, воспользовавшись тем, что мы уплыли на лодке, он распорядился уехать. А мы с вами и забыли, что сегодня последний день.

– Значит, готовится новое дело.

Они долго стояли, смотря на опустевшую площадь. Потом – на волны озера.

А на том берегу ясно виднелись чистые бело-голубые гряды великих гор.

Әкім ТАРАЗИ

ШЫҒАРМАЛАРЫ

X

Тұлпардың ізі

Эссе және кинодраматургия

Редакторлары *Шолпан Оразбаева, Оксана Ниязова*
Көркемдеуші редакторы *Жеңіс Қазанқаров*
Техникалық редакторы *Әльмира Заманбек*
Беттеген *Ақмарал Кадикенова*

Басуға 20.11.19 қол қойылды.
Пішімі 60x90^{1/16}. Қағазы офсеттік. Офсеттік басылыс.
Шартты баспа табағы 30,00.
Тапсырыс №0244. Таралымы 5000 дана.

«Фолиант» баспасы
010000, Нұр-Сұлтан қаласы, Ш. Айманов к., 13

«Регис-СТ Полиграф» баспаханасында басылды
010000, Нұр-Сұлтан қаласы, Ш. Айманов к., 13